

И.Т. КРУГЛИКОВА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БОСПОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1975

В работе собраны материалы о сельскохозяйственном производстве Боспора. Рассмотрены данные о развитии земледелия, садоводства, птицеводства. Охарактеризованы различные типы сельскохозяйственных поселений. Большое внимание уделено проблеме изменения сельскохозяйственной хоры, анализу аграрных отношений, торговле и культуре сельского населения Боспора.

Ответственный редактор

Д. Б. ШЕЛОВ

Ирина Тимофеевна Кругликова

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БОСПОРА

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР*

*Редактор издательства Н. И. Сергеевская. Художник Н. А. Седелъников
Художественный редактор В. Н. Тихунов. Технический редактор В. Д. Прилепская
Корректоры Р. С. Алимova, Л. В. Письман, А. А. Смогилева*

*Сдано в набор 4/IV 1975 г. Подписано к печати 17/IX 1975 г.
Формат 70×90¹/₈. Бумага № 1. Усл. печ. л. 21,93. Уч.-изд. л. 23.
Тираж 1450. Т-10585. Тип. зак. 2000. Цена 1 р. 60 к.*

*Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*

К $\frac{10602-277}{042(02)-75}$ 121-75

© Издательство «Наука», 1975 г.

В античном обществе сельское хозяйство было основой экономики. В нем было занято подавляющее большинство населения. К. Маркс писал: «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»¹. Поскольку характерной чертой античных городов была их тесная связь с окружающей сельскохозяйственной территорией, изучение сельскохозяйственного производства античных государств особенно необходимо. Исследование эволюции сельскохозяйственного производства в течение почти тысячелетней истории античного общества позволяет вскрыть основы исторического развития общества, выявить изменения, происходившие в социально-экономических отношениях и проследить процесс трансформации материальной культуры. Иначе говоря, без изучения сельского хозяйства нельзя восстановить истинный процесс исторического развития античного общества.

Поэтому одной из важнейших задач археологов, занимающихся исследованиями античных государств Северного Причерноморья, является изучение сельскохозяйственных территорий этих государств, выяснение характера земледелия и землепользования, выделение различных типов сельских поселений, восстановление их истории и быта их населения.

Настоящая работа представляет первую попытку восстановить историю сельского хозяйства Боспорского государства и прежде всего его сельской территории, или хоры, где жила основная масса сельского населения, трудом которого создавалось основное богатство Боспора — хлеб и другие сельскохозяйственные продукты.

У греческих авторов слово ἡ χώρα имело различный смысл. У Гомера в «Илиаде» и «Одиссее» термин хора имеет значение «место», «страна», «земля». Авторы более позднего времени, в том числе Ксенофонт, Фукидид, Ликург и другие, называли хорой сельскую территорию, противопоставляя ее городу (*Xen. Mem.*, 3, 6, 11 и 13; *Xen. Hiero.*, 4, 7; *Lycurg.*, 1; *Thucyd.*, 2, 5), иногда — сельскую местность, поле, сельское поместье или деревню (*Xen. Sugg.*, 8, 4, 28; 8, 6, 4; *Xen. Hiero.*, 10, 5). Существует еще понятие хоры города, или полиса, как обозначение принадлежащей городу сельской округи. Во всех случаях, как мы видим, это понятие связано с сельской территорией или ее частью.

От этого же корня происходит слово χωριον. Так у древних авторов и в надписях иногда именуются небольшие поселения и вновь основанные городки², а позднее — частные и императорские земельные владения (*Thucyd.*, 1, 100 и 106; *Dio Cass.*, LI, 2, 1)³. Е. С. Голубцова

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 470.

² Подробнее см.: И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 64—67.

³ И. С. Свенцицкая, 1973, стр. 39 и сл.

считает, что в Малой Азии хорион был формой организации городской хоры, т. е. одной из ее частей, иногда хорион отождествляется с усадьбой⁴.

Основное наше внимание привлекли вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства на территории хоры Боспора, поскольку материал, касающийся развития земледелия и виноградарства в боспорских городах, уже получил освещение в нашей литературе⁵.

В работе подводятся итоги многолетних археологических разведок и раскопок сельских поселений Боспора, проводившихся сотрудниками Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции, а затем Анапско-Керченской экспедицией во главе с автором с 1950 по 1972 гг.

Благодаря этим работам на территории азиатской и главным образом европейской части Боспора было обнаружено около 800 памятников (поселений, усадеб, некрополей и укреплений), относящихся к периоду от бронзового века до средневековья⁶. Из них 276 поселений и усадеб античного времени открыто на Керченском полуострове и около 20 — в окрестностях Анапы.

Некоторые из античных поселений подверглись более или менее длительным систематическим исследованиям⁷, на ряде памятников проведены небольшие раскопки разведочного характера⁸, на остальных собран подъемный материал. Изучая материалы наших раскопок и сопоставляя их с материалами других экспедиций, исследовавших города и поселки Боспора, мы смогли выявить типы сельских поселений, установить роль различных отраслей сельского хозяйства в экономической жизни Боспорского государства. Удалось проследить основные линии развития сельскохозяйственной хоры европейской части Боспора и внести некоторую ясность в вопрос о непосредственных производителях сельскохозяйственных продуктов на Боспоре и об их социальной принадлежности в различные исторические периоды.

Количество письменных источников и эпиграфических данных, которые могут быть использованы исследователями, изучающими историю земледелия на Боспоре, очень невелико. Это свидетельство Страбона о плодородии равнины, лежащей между Пантикапеем и Феодосией, о том, что эта земля богата хлебом и имеет деревни (*Strabo*, VII, 4,4), а также о том, что боспорский царь Левкон послал однажды из Феодосии в Афины 2100 тыс. медимнов хлеба (*Strabo*, VII, 4,6). Об огромном количестве хле-

⁴ Е. С. Голубцова, 1972, стр. 28 и 72.

⁵ В. Д. Блаватский, 1953а; В. Ф. Гайдукевич, 1958б; V. F. Gaidukevič, 1971; Н. И. Сокольский, 1970.

⁶ Наибольшее число новых археологических памятников открыто постоянным сотрудником экспедиции ныне покойным В. В. Веселовым, который был общественным инспектором охраны памятников и неутомимым разведчиком.

⁷ Поселения Семеновка, Андреевка Южная, Андреевка Северная, Героевка, Сазоновка, Марьевка I, Марьевка II, Марфовка I, Марфовка II, Ново-Отрадное, Золотое Восточное I, Светлячки (Холм А), Чурубашское, Южно-Чурубашское.

⁸ Поселения Либкнехтовка, Афанасьевка, Мысовое, Сокольское, Октябрьское I, Октябрьское II, Слюсаревое, Айвазовское, Золотое, Золотой Рожок, Костырино, Оговьки, Челябинцево, Ново-Николаевка, Тасуново II, Золотое Восточное II, в бухте у Золотого Восточного I, Рыбное — в европейской части Боспора; Натухаевская и Благовещенская — в азиатской.

ба, который производит понтийская земля, и о том, что при Левконе с Боспора в Афины вывозили 400 тыс. медимнов хлеба ежегодно, сообщает Демосфен в знаменитой речи против Лептина (*Demosth. Adv. Lept.*, 32). Он называет при этом Левкона хозяином (κύριος) боспорского хлеба (там же, 31). Имеется у него и другое интересное сообщение об отправке из Пантикапея в Феодосию 80 сосудов (στάμνοι) косского вина какому-то земледельцу (ἀνθρώπῳ τινὶ γεωργῶν) или землевладельцу⁹ для его полевых работников (τοῖς ἐργάταις τοῖς περὶ γεωργίαν) (там же, 32).

У Диодора сохранилось свидетельство о наделении Евмелом земель 1 тыс. каллатийцев (*Diod. Sys.*, XXII), для чего была размежевана или разбита на клеры область Псоя¹⁰, а у Полиена — о том, как Левкон во время войны с гераклеотами поручил власть над селами специальным лицам — эпимелетам (ἀρχὰς καὶ ἐπιμελείας ἐνεχεῖριζε καμῶν) (*Polyaen. Strateg.*, VI, 9, 3). Исократ в «Трапезитской речи» называет имя некоего Сопея, богатого человека, начальствующего над большой областью и имеющего попечение о всех владениях Сатира (*Isocr.*, XVIII, 3). Отдельные замечания древних авторов, касающиеся вывоза сельскохозяйственных продуктов с Понта (*Herod.*, VII, 147; *Thucyd.*, III, 2, 2; *Strabo*, VIII, 4, 6; *Polyb.*, IV, 38, 4—5), также могут быть распространены на Боспор.

Кое-какие данные можно извлечь из надписей. Для выяснения вопроса о социальной принадлежности различных категорий сельского населения особенно важна фанаторийская надпись 151 г. н. э. о передаче храму земли вместе с прикрепленными к ней целатами¹¹. В надписи Аспурга из Горгииппи упоминаются отдельные сельскохозяйственные культуры¹², возделывавшиеся, вероятно, в окрестностях Горгииппи.

Надписи, найденные в Митилене¹³, на Родосе¹⁴, свидетельствуют о размахе хлебной торговли Боспора. В одной из аттических надписей 286 г. до н. э. говорится об отправке в Афины боспорским царем Спартоком 15 тыс. медимнов хлеба¹⁵.

Кое-какой материал о покупательных возможностях жителей сельских поселений Боспора, о роли торговли в их хозяйствах и о центрах, откуда привозили вино и оливковое масло в тот или иной период, дает керамическая эпиграфика, так как количество клейменной тары, употребившейся в быту сельских жителей, было довольно большим. О развитии денежных отношений в деревне можно судить по монетам, находимым при раскопках. Кое-что о сельскохозяйственных культурах Боспора можно извлечь из монетной типологии. Этим в основном ограничиваются сведения, которые можно почерпнуть из письменных источников и нумизматики, по истории сельского хозяйства Боспора.

Археологические источники значительно богаче и разнообразнее. Так, например, найденные при раскопках сельскохозяйственные орудия, следы ирригационных сооружений, каменные стены подпорных террас, а также

⁹ В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 108, примеч. 4.

¹⁰ В. В. Латышев, 1909, стр. 171—173.

¹¹ IOSPE, II, № 353 = КЕН, 976.

¹² Т. В. Блаватская, 1965а, стр. 198 сл.; Она же, 1965б, стр. 32.

¹³ IG, XII, 2, 3; Б. Н. Граков, 1939, стр. 262, № 32.

¹⁴ IG, XII, 1, 11; Б. Н. Граков, 1939, стр. 287, № 59.

¹⁵ IG, II, 311; II₂, 653; Б. Н. Граков, 1939, стр. 241, № 4.

зерна сельскохозяйственных культур и их сорняковых примесей позволяют судить о технике земледелия на Боспоре, о различных способах обработки земли и о системе полеводства. Остатки злаков дали возможность специалистам установить набор сельскохозяйственных культур в городах и поселениях Боспора. Выявление размеров усадеб и границ земледельческих участков в различные исторические периоды позволило сделать выводы о концентрации земельных владений. Изучение исторической топографии сельских поселений пролило свет на события внутренней истории, о которых молчат письменные источники, и на социальные изменения, происходившие в среде сельского населения Боспора. Находки костей домашних и диких животных, раскопки помещений для скота, кормушек, изучение устройства хлевов позволили определить характер скотоводства на Боспоре, установить роль животноводства и охоты в хозяйствах земледельцев.

Однако, если раскопки боспорских городов и курганных некрополей имеют длительную историю и начало их восходит еще к концу XVIII и к XIX в., то сельские поселения Боспора сравнительно недавно привлекли внимание исследователей. В настоящее время ясно, что Боспорское царство, в состав которого входили плодородные земли Керченского и Таманского полуостровов, не может рассматриваться просто как союз полисов. Природа его была иной, и изучение одних городов не дает возможности правильно понять его историю и особенности. Несмотря на развитие в боспорских городах различных ремесел, торговли и промыслов, сельское хозяйство играло ведущую роль в экономике Боспорского царства в целом.

К сожалению, письменные источники почти не дают нам сведений об организации сельскохозяйственного производства Боспора.

Свидетельство Полиена об эзимелетах (*Polyaen. Strateg.*, VI, 9, 3) и характеристика Демосфеном Левкона как хозяина боспорского хлеба (*Demosth. Adv. Lept.*, 31)¹⁶ означали, вероятно, что Левкон являлся верховным собственником основной массы земель, с которых и поступал хлеб, вывозимый из Боспора в Средиземноморье. По-видимому, в эпоху расцвета Боспорского царства, в IV в. до н. э., его сельскохозяйственная территория в основном делилась на две части: хору городов, земли которых к этому времени уже были поделены на участки — клеры, принадлежавшие гражданам городов, и хору Боспорского государства в целом. Последняя включала обширные земельные пространства, присоединенные Спартокидами на азиатской и европейской сторонах Боспора, население которых издавна занималось земледелием. Боспорские цари стали, вероятно, верховными собственниками этих земель и именно с них получали основную массу хлеба для вывоза. По-видимому, в хору Боспора входили земли, являвшиеся личной собственностью царя (*χώρα βασιλική*), как это было в эллинистической Малой Азии¹⁷, а также земли, принадлежавшие боспорской аристократии и храмам. Правда, о храмовом землевладении известно только из надписи 151 г. н. э., но нам пред-

¹⁶ С. А. Жебелев, 1953а, стр. 136, примеч. 2; В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 46, примеч. 3.

¹⁷ Е. С. Голубцова, 1972, стр. 170.

ставляется, что надпись эта отражает положение, существовавшее и в значительно более ранний период. Согласно надписи боспорский царь Римиталк увеличил до прежних размеров уменьшившиеся с течением времени земли, посвященные богине в Фланнеях, а также и число обрабатывавших их пелатов¹⁸.

Проблема изучения сельской территории античных государств со всей остротой стоит перед археологами-античниками всех стран. В последние годы проявляется большой интерес к вопросам организации сельской территории в греческих городах Средиземноморья и Причерноморья. Об этом свидетельствуют статьи, помещенные в сборнике «Проблемы земли в Древней Греции», опубликованном под редакцией М. И. Финлея¹⁹, отдельные статьи и монографии²⁰. Следует отметить, что в течение долгого времени внимание зарубежных археологов привлекали главным образом сельские виллы богатых рабовладельцев римской эпохи. Но сейчас в Италии раскопано уже большое число сельскохозяйственных усадеб и вилл различного времени²¹. Сопоставление данных археологических раскопок с богатыми материалами, сохранившимися в сочинениях римских агрономов и в других письменных источниках, позволило историкам воссоздать довольно ясную картину организации земледельческого хозяйства италийских рабовладельцев²².

Много сельских вилл было изучено на территории римских провинций Паннонии и Дакии. Э. Томас, собравшей все материалы старых и новых раскопок, удалось выявить различные типы вилл: от маленьких сельских домиков, принадлежавших римским ветеранам, до больших рабовладельческих усадеб с ремесленными мастерскими и различными службами²³. Э. Томас дала исчерпывающую характеристику быта и хозяйства сельских вилл римской Паннонии. Не ограничиваясь раскопками рабовладельческих усадеб, венгерские археологи последние годы успешно исследуют поселения эровисков²⁴ — местного сельского населения провинции. Сельские поселения в окрестностях греческих городов Западного Причерноморья копают румынские археологи²⁵, правда еще в небольших масштабах. Особое внимание они уделяют изучению сельских поселений даков. Раскопки отдельных античных вилл и поселений проводились на территории Болгарии, Греции, Франции, Британии и других стран²⁶. Очень интересные работы по выявлению земельных паделов и усадеб в окрестностях греческих городов Южной Италии проводит Д. Адамстеа-

¹⁸ IOSPE, II, № 353 = КВН, 976.

¹⁹ *Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Recueil de travaux publié sous la direction de M. I. Finley.* Paris, 1973.

²⁰ *M. Clavel*, 1970; *E. B. Thomas*, 1964; *D. Adamesteanu*, 1973, стр. 53.

²¹ Публикации раскопок см.: *Notizie degli Scavi di Antichità.* Rome, 1895, et suiv., *R. Carrington*, 1931, стр. 110; *Он же*, 1934; *D. Adamesteanu*, 1973, стр. 53.

²² *М. Е. Сергеевко*, 1955, стр. 131 сл.; *Она же*, 1958; *В. И. Кузицин*, 1956; *Он же*, 1958а, стр. 24 сл.; *Он же*, 1958б, стр. 127—140; *Он же*, 1962, стр. 27; *Он же*, 1966; *Он же*, 1973а, стр. 35; *Он же*, 1973б, стр. 79; *Он же*, 1973в. В этих работах имеются ссылки на иностранную литературу по данному вопросу.

²³ *E. B. Thomas*, 1964.

²⁴ Раскопки Т. Надь в Альбертфальваре, Е. Бониш на горе Геллерт и др.

²⁵ *D. Popescu*, 1959, стр. 592, № 37.

²⁶ *M. Rostovtzeff*, 1926, стр. 205 сл.; *Он же*, 1958, стр. 96 сл.; *J. Pečirka*, 1973, стр. 113 сл.

цу, применяя аэрофотосъемку²⁷. Однако еще нет ни одной обобщающей работы, где бы специально рассматривалась история античных сельских поселений, был выявлен удельный вес различных типов этих поселений в развитии сельского хозяйства и характеризовались особенности организации сельскохозяйственного производства.

Имеются интересные работы, посвященные изучению сельскохозяйственных территорий отдельных районов. Так, в монографии Г. Чаленко «Античные деревни Северной Сирии»²⁸ дана довольно полная характеристика деревень, вилл, монастырских хозяйств одного из районов римской провинции Сирии. Автор взял для изучения малонаселенный в настоящее время район, где на поверхности сохранились руины античных вилл и деревень, позволившие почти без раскопок, используя аэрофотосъемку и архитектурные обмеры, восстановить планировку поселений и отдельных построек и дать характеристику каждого из этих поселений. Он применил новый метод комплексного исследования микрорайона, изучая и сопоставляя данные археологии, этнографии, эпиграфики и архитектурных обмеров. Г. Чаленко пришел к интересным выводам об экономическом развитии этого района в античную эпоху — о наличии монокультуры — оливок, о мелких и крупных земельных владениях и т. д. Однако эта работа не дает полного представления о развитии сельского хозяйства на территории района. В ней нет характеристики быта, орудий труда, индивидуального хозяйства. Многие выводы являются лишь предположениями, основанными на сравнении с современными деревнями: данные археологии использованы недостаточно.

Монография М. Клавель посвящена истории города Безье и его сельскохозяйственной территории в античное время²⁹. Автор использует данные письменных и археологических источников и восстанавливает картину жизни одного из городов Нарбонской Галлии — Бетеры, упоминаемой Страбоном, Плинием, Птолемеем и другими, тесно связывая ее с историей примыкавших к ней земель. Очень интересны наблюдения об изменениях в системе землепользования, которые хорошо прослеживаются с помощью аэрофотосъемки.

Можно, таким образом, отметить некоторый сдвиг в изучении сельскохозяйственной территории античных государств, но сделано еще недостаточно. Особенно плохо обстоит дело с исследованием античной деревни доримской эпохи. Мало изучена в археологическом отношении хора греческих полисов. Впрочем нельзя не отметить, что отсутствие широких систематических раскопок хоры античных государств на территории Балканского полуострова и Малой Азии в значительной мере компенсируется огромным эпиграфическим материалом, позволяющим выявить различные типы деревень и поставить вопрос о судьбах сельского населения этих территорий в античную эпоху³⁰.

²⁷ D. Adamesteanu, 1967, стр. 3 сл.; *Он же*, 1973, стр. 49.

²⁸ G. Tchalenko, 1953. См. также: С. А. Кауфман, 1960, стр. 170 сл.

²⁹ M. Clavel, 1970.

³⁰ История крестьянства Малой Азии в античную эпоху посвящен ряд монографий и статей. См.: Е. С. Голубцова, 1962; *Она же*, 1972; А. Г. Перизанян, 1959; И. С. Свенцицкая, 1960; *Она же*, 1971б; *Она же*, 1973; и др.

Большое количество сведений о сельском хозяйстве Греции и Рима, имеющихся в сочинениях античных авторов, позволило создать ряд обобщающих работ по истории античного землевладения. Среди них большой интерес представляет книга А. Жарде³¹, где подробно рассматриваются виды сельскохозяйственных растений, культивируемых в Греции, способы обработки почвы, применение удобрений, размеры урожая отдельных злаков, севооборот, дается характеристика различных сельскохозяйственных районов Греции.

Специально характеристике античной пшеницы посвящена книга Н. Ясни³². В фундаментальной работе Р. Биллара³³ большое внимание уделено вопросам, связанным с выращиванием хлебных злаков и с виноградарством. Но в обеих этих работах нет характеристики социального положения непосредственного производителя материальных благ, не ставится вопрос об организации сельскохозяйственной территории.

У. Карстедт³⁴ пытался проследить судьбу городской сельскохозяйственной территории и деревень в императорскую эпоху. Он отметил процесс поглощения мелких городов и деревень императорскими поместьями и появления вилл и деревень, населенных колонатами. Но он необоснованно перенес в античность такие категории, как буржуазия и капитал.

Большой археологический материал использован в работе Ж. Папасогли, посвященной истории римского земледелия³⁵. В ряде исследований разбираются вопросы, связанные с реконструкцией античных сельскохозяйственных орудий³⁶.

Русская дореволюционная наука активно занималась аграрной историей Греции и Рима³⁷. Эти традиции успешно продолжают советские антиковеды, расширяя проблему на все Средиземноморье и углубляя ее в сторону изучения социальных отношений в сельскохозяйственном производстве³⁸. История сельского хозяйства и сельскохозяйственных территорий Северного Причерноморья начала разрабатываться лишь в советское время, когда был накоплен археологический материал, являющийся основным источником по этой проблеме.

Первую историю земледелия античных государств Северного Причерноморья написал В. Д. Блаватский³⁹. Он широко использовал все доступные к тому времени виды источников: свидетельства древних авторов, археологические материалы, надписи и монеты, данные топографической съемки и исследований клеров Гераклеяского полуострова, археологические разведки сельской территории Ольвии. Материалы по исследованию сельской территории Боспора тогда были еще очень ограничены.

³¹ A. Jardé, 1925.

³² N. Jasny, 1944.

³³ R. Billard, 1928.

³⁴ U. Kahrstedt, 1954.

³⁵ G. Papasogli, 1942.

³⁶ A. Gow, 1914, стр. 249; R. Aitken, 1956, стр. 97; K. D. White, 1967.

³⁷ В. И. Синайский, 1908; Б. Л. Богаевский, 1915; Он же, 1916. См. также: О. Б. Александровская, 1951.

³⁸ К. К. Зельин, 1960; Н. Н. Пукис, 1969; Е. С. Голубцова, 1962; Она же, 1972; И. С. Свенцицкая, 1971а; указанные выше работы В. И. Кузицина и др.

³⁹ В. Д. Блаватский, 1953а.

Долгое время основным достижением в изучении сельской территории античных государств Северного Причерноморья являлось исследование клеров Херсонеса Таврического V—I вв. до н. э., проводившееся Н. М. Печенкиным, Л. Д. Моисеевым, И. Н. Бороздиным, А. С. Башкировым, К. Э. Гриневичем, В. П. Лисиным, С. Ф. Стржелецким.

Благодаря особо благоприятным условиям на поверхности Гераклейского полуострова сохранились остатки каменных стен, ограждавших земельные участки — клеры жителей Херсонеса. Это позволило выяснить систему планировки сельскохозяйственной территории Херсонеса, выявить отдельные клеры, их усадьбы, размежевку участков внутри клеров. Археологические работы на Гераклейском полуострове показали, как выглядела ближайшая к городу часть хоры греческих полисов⁴⁰.

В течение последнего десятилетия успешно развивается исследование сельских усадеб и клеров на территории Западного Крыма⁴¹. Проведенные там раскопки и разведки сельских поселений (Беляус, Тарпанчи, бухта Ветренная, Панское I) позволили А. Н. Щеглову установить наличие клеров и единой системы размежевания земель по всей территории Херсонесского государства, выявить планы сельскохозяйственных усадеб и выделить типы сельских поселений Западного Крыма.

Несколько хуже обстоит дело с исследованием сельской территории Ольвии⁴² и Боспора. Несмотря на то, что разведки археологических памятников азиатской части Боспора проводились неоднократно и еще в XIX в. была составлена археологическая топография Таманского полуострова⁴³, которая затем дополнялась⁴⁴, а маршруты исследований все расширялись, охватывая области расселения синдов, меотов и других местных племен⁴⁵, сельская территория азиатской части Боспорского царства остается еще малоизученной. Даже в Синдике, сельские поселения которой специально изучались Синдской⁴⁶, Таманской⁴⁷ и другими⁴⁸ экспедициями, ни одно из них не было раскопано полностью,

⁴⁰ С. Ф. Стржелецкий, 1951, стр. 85; *Он же*, 1957, стр. 37; *Он же*, 1958а, стр. 154; *Он же*, 1961.

⁴¹ А. Н. Щеглов, В. М. Маликов, 1963, стр. 36 сл.; А. Н. Щеглов, 1965; *Он же*, 1971.

⁴² Ф. М. Штительман, 1956, стр. 255; *Она же*, 1958, стр. 131; А. В. Бураков, 1970.

⁴³ К. К. Герц, 1898, стр. 35 сл.

⁴⁴ С. Ф. Войцеховский, 1929, стр. 4 сл.; А. А. Нессен, А. А. Миллер, 1932, стр. 58 сл.

⁴⁵ В. А. Городцов, 1935, стр. 71 сл.; М. В. Покровский, Н. В. Анфимов, 1937, стр. 265 сл.; Н. В. Анфимов, 1941, стр. 258; *Он же*, 1950, стр. 85 сл.; *Он же*, 1951а, стр. 205 сл.; *Он же*, 1951б, стр. 241 сл.; Д. Б. Шелов, 1951, стр. 228 сл.; В. П. Шилов, 1955, стр. 299 сл.; М. М. Кубланов, 1959, стр. 203 сл.; Н. А. Онайко, 1970, стр. 73; *Она же*, 1973, стр. 94.

⁴⁶ В. Д. Блаватский, 1951а, стр. 67 сл.; *Он же*, 1952, стр. 71; *Он же*, 1953б, стр. 149 сл.; *Он же*, 1955б, стр. 88 сл.; *Он же*, 1957, стр. 118 сл.; *Он же*, 1959а, стр. 41 сл.; *Он же*, 1959б, стр. 42; Н. А. Онайко, 1959, стр. 51 сл.; Д. Б. Шелов, 1953, стр. 88 сл.; *Он же*, 1955, стр. 96 сл.

⁴⁷ Н. И. Сокольский, 1959, стр. 49 сл.; *Он же*, 1963а, стр. 179 сл.; *Он же*, 1965, стр. 24 сл.; *Он же*, 1966а, стр. 126 сл.; *Он же*, 1967а, стр. 108 сл.; *Он же*, 1967б, стр. 79 сл.; В. С. Долгоруков, 1967, стр. 116 сл.; Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина, 1968, стр. 87 сл.; В. С. Долгоруков, Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина, Р. А. Стручалина, 1971, стр. 118 сл.; Э. Я. Николаева, 1973, стр. 97.

⁴⁸ Ю. С. Крушкол, 1968, стр. 213; *Она же*, 1971; Е. М. Алексеева, В. Н. Карасев, Т. М. Смирнова, 1974, стр. 92.

не было даже сделано попытки выделить различные их типы и выявить историю сельской территории богатых азиатских городов Боспора. Исследователи либо ограничивались датировкой и характеристикой только одного раскапываемого ими поселения, либо ставили перед собой задачу выяснения системы обороны островов, этнической принадлежности населения и степени его эллинизации.

Несколько лучше обстоит дело с изучением хоры европейской части Боспора. Работавшие там экспедиции ставили перед собой задачу создания археологической карты Керченского полуострова, проводя сплошную разведку микрорайонов⁴⁹. Раскапывались сельские усадьбы и города — центры сельскохозяйственной территории⁵⁰, некрополи сельских поселений⁵¹. Специальное изучение сельских поселений глубинной части Керченского полуострова начал в 1953 г. Восточно-Крымский отряд Причерноморской экспедиции Института археологии АН СССР. Его исследования охватили почти весь Керченский полуостров и район Феодосии. Материалы, полученные в результате раскопок и разведок, позволили в общих чертах воссоздать историю сельскохозяйственных поселений Боспора от бронзового века до позднеантичного времени⁵². Они существенно дополнили все другие виды источников по истории сельского хозяйства Боспора и дали нам возможность сделать попытку создания первой истории сельского хозяйства Боспорского государства.

Мы хорошо отдаем себе отчет в том, что недостаточность письменных источников не позволяет решить ряд вопросов, касающихся социальной истории сельского населения, роли и характера сельской общины, форм зависимости сельского населения, размеров и характера вносимых им платежей. В некоторых случаях наши выводы основываются на привлечении широких аналогий и свидетельств письменных источников, относящихся к античным государствам Средиземноморья. И все же накопленных археологических материалов достаточно, чтобы попытаться в какой-то мере дать характеристику развития сельского хозяйства Боспора.

Поскольку главные археологические материалы для освещения этой проблемы добыты нами при раскопках на территории европейской части Боспора, а материалы азиатской части мы привлекаем только по публикациям, основные выводы работы базируются преимущественно на фактических данных, полученных при исследовании сельских поселений европейского Боспора.

⁴⁹ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов, 1955, стр. 96 сл.; В. В. Веселов, 1959, стр. 227; В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 187 сл.; С. А. Семенов, В. Э. Кунин, 1962, стр. 257 сл.; А. М. Лесков, В. Г. Збенович, 1962, стр. 263 сл.; А. М. Лесков, Я. И. Болдин, 1967, стр. 41 сл.; А. М. Лесков, 1968, стр. 3.

⁵⁰ В. Ф. Гайдукевич, 1950, стр. 174 сл.; *Он же*, 1952а, стр. 10; *Он же*, 1958а, стр. 9; Б. Г. Петерс, 1966, стр. 124 сл.; Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова, 1967, стр. 222 сл.; *Они же*, 1968, стр. 222 сл.; *Они же*, 1969, стр. 306 сл.; *Они же*, 1970, стр. 268; *Они же*, 1971, стр. 260.

⁵¹ Е. В. Черненко, Э. В. Яковенко, 1968, стр. 7 сл.; В. Н. Корпусова, 1968, стр. 16 сл.; *Она же*, 1971, стр. 86; *Она же*, 1973, стр. 74.

⁵² См. ниже (стр. 282) работы И. Т. Кругликовой за 1956—1970 гг., а также: И. Т. Кругликова, М. А. Романовская, 1971, стр. 252 сл.; Т. М. Арсеньева, 1962, стр. 66; Т. М. Смирнова, 1967, стр. 140 сл.

Природные условия и европейской и азиатской частей Боспорского царства в целом были вполне пригодны для земледелия и скотоводства.

Азиатская часть Боспорского государства после расширения его земельных владений при Спартокидах включала Таманский полуостров и земли, простиравшиеся до современного Новороссийска, а также район нижнего и среднего течения Кубани.

Европейская часть Боспора в этот же период занимала весь Керченский полуостров, т. е. территорию площадью около 3000 кв. км, а после присоединения Феодосии включала и земли, расположенные к западу от узкого Ак-Манайского перешейка, соединяющего Керченский полуостров с Крымским. Позднее, в I в. до н. э., владения Боспора, возможно, простирались до Перекопского вала, который иногда отождествляют с валом Асандра, упоминаемым Страбоном (*Strabo*, VII, 4, 6)¹. В Восточном Приазовье эти владения доходили до Танаиса в нижнем течении Дона².

Греки, переселившиеся на морское побережье Крымского и Таманского полуостровов (последний представлял в древности группу островов), нашли здесь природную среду, очень близкую той, что окружала их на родине³. Впрочем природные условия Керченского полуострова не были однородными. В геоморфологическом и гидрологическом отношении полуостров делится на два района — северо-восточный и юго-западный. Границей между ними служит Парпачский хребет, который тянется с запада на восток до с. Марфовка, а затем круто поворачивает на юг, заканчиваясь горой Опук⁴. Согласно Р. А. Филенко, граница между двумя районами проходит восточнее Узунларского озера и далее

¹ Р. В. Шмидт, 1941, стр. 268 сл.; Н. П. Соколовский, 1957, стр. 49 сл.; И. И. Бабков, 1957, стр. 291.

² Д. В. Шелов, 1970, стр. 202.

³ Существует мнение, что фауна Крыма является обломком балкано-малоазийской фауны, а крымские растения имеют балканское происхождение (А. Семенов, 1899, стр. 5). Сходство растительности Крыма и Греции объяснялось и по-другому: или существованием единого Понтического материка, соединявшего Крым с Малой Азией, что сейчас отвергается геологией (Ю. Н. Прокудин, 1952, стр. 7); или тем, что средиземноморские растения занесены в Крым греками, что также отвергается современной наукой (С. С. Станков, 1940).

⁴ И. Н. Котова, 1961, стр. 65.

к северо-востоку, затем она тянется несколько южнее ж. д. станции Семь Колодезей⁵.

Северо-Восточный район, таким образом, включает почти всю восточную часть Керченского полуострова, которая отгорожена от западной так называемым Узунларским валом, и значительную часть северной территории полуострова, прилегающей к побережью Азовского моря. Именно на этих землях обнаружено подавляющее большинство сельских поселений. По берегам Керченского пролива и на прилегающих к нему побережьях Черного и Азовского морей находились почти все известные нам греческие города Боспора. Приходится констатировать, что пока не на всей территории юго-восточного района проведены детальные разведки. Однако в той части, где это было сделано, — в его северной части, или в центральных районах Керченского полуострова, — насыщенность территории остатками античных поселений, по-видимому, была сравнительно небольшой. В V—III вв. до н. э. там преобладали деревни скифского населения. Населенные пункты первых веков н. э. встречаются очень редко.

Хотя Страбон говорит, что за Феодосией начинаются плодородные земли (*Strabo*, VII, 4, 4), качество этих земель в восточной и западной частях Керченского полуострова было неодинаковым.

Юго-западный район имеет равнинный рельеф, лишь в некоторых местах слегка холмистый, со слабо развитой балочной сетью и временными озерами континентального происхождения (коли). В центре юго-западного района находится современное с. Широкое. Западная граница Керченского гидрологического района проходит по прямой линии от Феодосии на север через Владиславовку. В юго-западном районе наблюдается в настоящее время пониженное количество осадков. Грунтовые воды здесь формируются плохо, так как поверхностные глинистые слои водонепроницаемы.

В северо-восточном районе, наоборот, выпадает повышенное количество осадков; вода, стекающая по балкам, собирается в искусственные пруды (ставки). Северо-восточный район характеризуется расчлененным рельефом. Множество выступающих на поверхность скалистых зубчатых вершинок верхнесарматского известняка образует гряды, тянущиеся в различных направлениях, но главным образом с юго-востока на северо-запад. В северо-восточной части полуострова встречаются грязевые сопки, особенно в районе хут. Бондаренкова и с. Андреевка.

Эти два района различаются также и своими почвами. На юго-западе преобладают каштановые солонцеватые почвы тяжелого механического состава в комплексе с солончаками⁶. Эта часть Керченского полуострова представляет собой абразивную равнину, сложенную майкопскими засоленными морскими глинами. Почвенно-растительный покров ее очень сходен с почвами средней полосы Присивашья. Здесь также преобладают солонцеватые и сильносолонцеватые темно-каштановые почвы с пятнами

⁵ Р. А. Филенко, 1955, стр. 195—211.

⁶ И. Н. Котова, 1961, стр. 67.

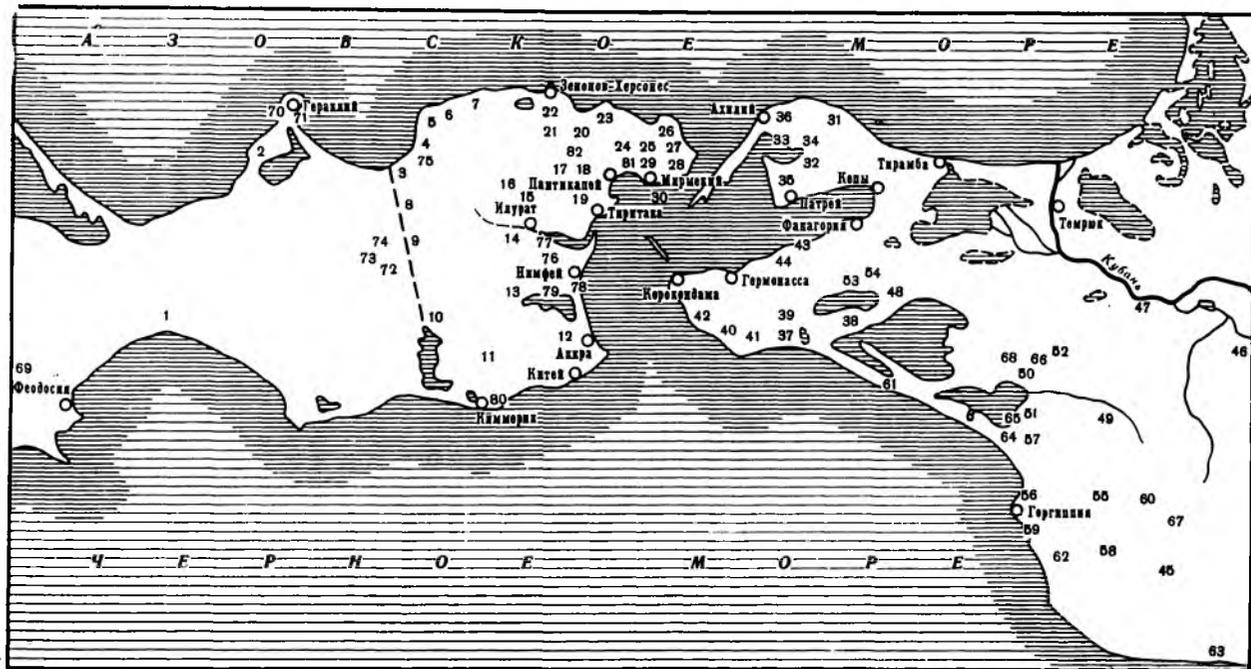

Рис. 1. Боспор Киммерийский

Европейская часть:

1 — Фронтовое,	17 — Андреевка,
2 — Семеновка,	18 — Куль-Оба,
3 — Ново-Отрадное,	19 — Восход,
4 — Золотое,	20 — Войново,
5 — Золотое II,	21 — Туркмен,
6 — Золотое-Восточное,	22 — Кезы,
7 — Куль-тепе,	23 — Бондаренково,
8 — Державино,	24 — Темир-гора,
9 — Ново-Николаевка,	25 — Варзюка Западная,
10 — Тамарино,	26 — Оссовины,
11 — Марьевка,	27 — Варзюка,
12 — Костырино,	28 — Маяк,
13 — Огоньки II,	29 — Капканы,
14 — Михайловка,	30 — Сивягино,
15 — Тасуново,	31 — Кучугуры,
16 — Либневтовка,	32 — Красноармейское,
	33 — Батарейка I,

34 — Батарейка II,	50 — Суворово-Черкесское,	65 — Витязево,
35 — Каменная Батарейка,	51 — Капустин,	66 — Уташ,
36 — Ильичево,	52 — Юровка,	67 — Ленинский Путь,
37 — Бугазское,	53 — Близницы,	68 — совхоз им. В. И. Лейкина,
38 — Яхново,	54 — Водопроводное,	69 — Айвазовское,
39 — Западно-Дукурское,	55 — хутор «Рассвет»,	70 — Мысовое,
40 — Западно-Зеленское,	56 — Джемете,	71 — Афанасьевна,
41 — Северо-Зеленское,	57 — Красный Курган,	72 — Марфовка,
42 — Пятиколодезное,	58 — Гай-Надзор,	73 — Савоновка,
43 — «Двенадцатый километр»,	59 — Анапа Южная,	74 — Слосарево,
44 — «Десятый километр»,	60 — Патухаевская,	75 — Золотой Рожок,
45 — Раевское,	61 — станция Благовещенская,	76 — Ужвий Чурубаш,
46 — Батарейный,	62 — Су-Псех,	77 — Чурубаш
47 — Андреевское,	63 — Широкая балка,	
48 — Вышестеблиевское,	64 — хутор Благовещенский,	
49 — Гастогаевское,		

степных солонцов и лугово-каштановых почв по микрозападинам. Солонцеватость и засоленность почв возрастает по направлению к морю⁷.

На северо-востоке полуострова почвы черноземные, темно-каштановые, различной степени солонцеватости. В северной части района, на побережье Казантийского залива, — слабозадрерованные супесчаные почвы.

М. С. Шалый и П. К. Козлов, занимавшиеся вопросами геоботаники Крыма, выделяют те же два геоботанических района Керченского полуострова. Юго-западную часть они относят к району комплексных степей, а северо-восточную — к району ковыльных и разнотравно-ковыльных степей⁸. И. Н. Котова отмечает, что в юго-западном районе преобладают галафитные луга и остепненные пустыни⁹. Н. Н. Дзэнс-Литовская, характеризующая растительность степного Крыма, выделяет в юго-западной части Керченского полуострова ромашниково-злаково-полынную полупустыню, которая сейчас большей частью освоена под сельскохозяйственные культуры, а всю северо-восточную часть полуострова относит к району каменистых разнотравно-дерновинно-злаковых степей¹⁰. Кроме того, в северо-восточном районе выделяется кустарниковая растительность низких гор. Современные пустынные степи Керченского полуострова в районе станций Семь Колодезей и Зеленый Яр, сел Марьевка, Марфовка и др. — сравнительно недавнего происхождения. Они появились в результате длительного воздействия антропогенного фактора¹¹. Вторичный характер имеет и саванноидная растительность в районе Марьевки между горой Опук и Киз-Аульским мысом. Она является следствием длительного выпаса или распашки земель¹². В античное время оба эти района были довольно густо заселены, что свидетельствует о большом количестве водных ресурсов и, возможно, о наличии лесов.

На Керченском полуострове в настоящее время постоянной речной сети нет. Имеются лишь весенние водотоки, которые пересыхают летом. В колодцах вода большей частью солоноватая. Пресные источники есть только на берегу Азовского моря и у горы Опук. Имеются материковые и морские соленые озера. Материковые небольшие озера у с. Марфовка и др. содержат много растворенных солей. Морские озера больших размеров — Узунларское, Акташское, Тобечикское, Чокракское, Чурубашское, Элькенское — расположены вдоль побережья моря.

Исследователи XIX в. Н. Н. Соколов и И. В. Мушкетов видели причину возникновения соленых озер Крыма в затоплении речных долин морем. Однако, как выяснено было позже, часть озер имеет морское лагунное происхождение¹³. Современный исследователь берегов Черного моря В. П. Зенкевич считает, что Чокракское соленое озеро — это ингрессионная бухта, отделенная от моря сплошной пересыпью, и что вооб-

⁷ Н. Н. Дзэнс-Литовская, 1956, стр. 44.

⁸ М. С. Шалый, П. К. Козлов, 1939, стр. 367, 373.

⁹ И. Н. Котова, 1961, стр. 69.

¹⁰ Н. Н. Дзэнс-Литовская, 1950, стр. 139, 188 сл.

¹¹ И. Н. Котова, 1961, стр. 96.

¹² Там же, стр. 106.

¹³ В. П. Зенкевич, 1958а, стр. 97.

ще все морские соленые озера Керченского полуострова образовались из лиманов¹⁴, только пересыпь Чурубашского озера имеет особое строение — ранее там была коса. В. П. Зенкевич не указывает время образования пересыпей, превративших лиманы в озера. По-видимому, это происходило в различное время для различных озер.

Археологические исследования позволяют сделать на этот счет кое-какие предположения. Нам известно, что греки любили основывать свои поселения на выступающих в море мысах и на мысах у входа в заливы. По-видимому, так был расположен и древний Киммерик. Он лежал у входа в залив. Позднее залив оказался перегороженным песчаной косой, которая и превратила его в Элькенское озеро. Раскопки Киммерика показали, что город существовал уже в V в. до н. э., а его гавань, по-видимому, находилась на берегу залива¹⁵. Поэтому мы вправе предположить, что песчаная коса, отделяющая Элькенское озеро от моря, появилась уже в послеполитическое время.

Примерно так же было и с Чурубашским озером. Если посмотреть на карты Керченского полуострова, составленные в XVIII в., то можно увидеть, что между берегом Черного моря и Чурубашским озером отмечены три небольших озерца и песчаная отмель. Нимфей же был расположен между морем и одним из озер, у основания выступающей к северу песчаной косы. Если предположить, что коса, так же как и песчаный массив между озерами, были нанесены в позднеантичный период, то окажется, что город Нимфей тоже лежал в устье большого морского залива, существовавшего в период возникновения античных поселений на берегу Керченского пролива, т. е. в VI в. до н. э. На северном и южном берегах Чурубашского озера уже в V в. до н. э. существовали другие небольшие поселения, которые возникли, вероятно, когда Чурубашское озеро было еще морским заливом.

В противоположность Элькенскому и Чурубашскому озерам, которые в античное время, по-видимому, еще были заливами, Чокракское озеро на Азовском море, Акташское вблизи мыса Казантип и Узунларское на юге Керченского полуострова, вероятно, оказались отрезанными от моря еще в доантичный период. Ни на их берегах, ни в местах предполагаемого устья лимана нет следов городов или сколько-нибудь значительных античных поселений.

Что касается Тобечикского озера, то на его берегах имеется несколько античных поселений, возникших в V в. до н. э., в том числе укрепленное поселение на выступающем мысе на южном берегу озера к северо-западу от с. Костырино¹⁶, неукрепленное селище на мысе, отделяющем Тобечикское озеро от моря¹⁷, поселение Огоньки на северном берегу озера¹⁸ и еще ряд неукрепленных поселений на юго-западном и северо-западном берегах озера. Поскольку крупных поселений в предпо-

¹⁴ В. П. Зенкевич, 1958а, стр. 175 и 194.

¹⁵ И. Б. Зеев, 1949, стр. 98 и 100.

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 213 (пункт 4). Раскопки этого поселения проводились Восточно-Крымским отрядом Причерноморской экспедиции ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой в 1956 г.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 213 (пункт 5).

¹⁸ В 1956 г. здесь проводил раскопки Восточно-Крымский отряд; позднее вела рас-

лагаемом устье залива не найдено, сейчас трудно утверждать, что в античное время здесь был залив и песчаной перемычки между озером и морем не существовало. Однако можно предположить, что роль портового города здесь выполняло поселение на мысе у с. Костырино, где было наиболее удобное место для устройства гавани. Таким образом, археологические памятники не дают пока возможности судить с уверенностью о времени превращения морского залива в Тобечикское озеро (на карте XVIII в. оно названо Чонгулекским).

В. П. Зенкевич считает, что мыс Казантип первоначально был островом. В настоящее время он соединен с сушей двойной косой. Длина обеих кос (перейм) по оси около 10 км¹⁹. Археологические исследования на мысе Казантип и на переходах, соединяющих его с Керченским полуостровом, показывают, что песчаные перемычки возникли не одновременно. Восточная переи́ма не имеет ни одного античного поселения, тогда как на западной переи́ме и на самом мысе Казантип зарегистрировано множество археологических памятников: каменные ящики V—III вв. до н. э., поселения IV—III вв. до н. э. и III в. до н. э.—III в. н. э. (поселение у с. Семеновка). Западная переи́ма в античное время несомненно уже существовала, тогда как восточная, вероятно, только намечалась. Она уже отделила Акташское озеро от моря, и залива в античное время здесь уже не было. Но эта восточная песчаная переи́ма была, по-видимому, еще слишком узкой и непригодной для поселения.

В. П. Зенкевич отмечает, что берег открытого моря на Керченском полуострове сильно абразирован²⁰, так как его, так же как и берега Таманского полуострова, образуют преимущественно малоустойчивые породы²¹. В настоящее время значительная часть некоторых античных поселений уже поглощена морем, например город Китей, поселение к югу от с. Героевка и др. Только на юге Керченского пролива мысы Такыл и Панагия образованы скалами сарматских известняков и поэтому почти не абразируются²². Остальные же берега юго-восточной части Керченского полуострова с античного периода до настоящего времени сильно изменили свои очертания.

Климат Керченского полуострова континентальный, полусухой, сходный с климатом степного Крыма. В южной части полуострова климат приближается к морскому²³. В настоящее время самая холодная температура для района Керчи —22,4°, самая теплая +37,5°. Господствующими ветрами являются северо-восточные.

Существуют различные точки зрения на климат Крыма в античное время. А. И. Дзенс-Литовский, изучая геологический возраст донных солевых отложений озер, пришел к интересным выводам о том, что около 2 тыс. лет тому назад, т. е. приблизительно во II—I вв. до н. э., когда в крымских озерах образовалась корневая соль, стоял исключи-

копки экспедиция Государственного Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина под руководством Д. С. Кирилина.

¹⁹ В. П. Зенкевич, 1958а, стр. 176.

²⁰ Там же, стр. 192; *Он же*, 1958б, стр. 91.

²¹ Там же, стр. 143.

²² Там же, 1958б, стр. 193.

²³ И. Н. Котова, 1961, стр. 65.

тельно сухой и жаркий климат, и этот засушливый период продолжался около двух столетий²⁴. Он сделал такой вывод, сопоставляя солевые и плывые отложения на дне озер Крыма. Оказалось, что на дне Сакского и ряда других озер под толщей иловых отложений толщиной 2—2,5 м лежит слой донной корневой поваренной соли. Следовательно, в жизни озера был период, когда соль оседала на дно. Но с увлажнением климата самосадочный цикл прекратился, так как уровень озера повысился и концентрация соли уменьшилась. С этого времени началось интенсивное накопление черных илов над пластом донной соли. Иловые отложения похоронили пласт соли и предохранили его от растворения. Насчитано 2 тыс. пар годовых слоев ила, так что на накопление всего слоя ила понадобилось около 2 тыс. лет. Судя по Сакскому озеру, период, в течение которого происходило выпадение химических осадков, образующих корневую соль, длился 150—175 лет. Тот же срок накапливали соль и другие исследованные озера Крыма.

Существует и другая точка зрения на происхождение и хронологию иловых отложений Сакского озера²⁵, но расчеты А. И. Дзенс-Литовского очень хорошо сочетаются с некоторыми фактами истории Боспора. По подсчетам А. И. Дзенс-Литовского получается, что около 240 г. до н. э. в Крыму начался период сухой и жаркой погоды, который длился до I в. до н. э. Именно во второй половине III в. до н. э. отмечаются серьезные изменения в состоянии сельскохозяйственной территории Боспора — прекращение жизни на многих неукрепленных поселениях, расположенных во внутренней части Керченского полуострова, перемещение поселений к берегам моря²⁶. Новый расцвет Боспорского царства и появление новых поселений приходится на I в. до н. э.—I в. н. э. И в других районах Северного Причерноморья также в III—II вв. до н. э. прекращают существование многие сельские поселения.

Однако есть и другие точки зрения на то, каков был климат Крыма в античное время. А. А. Борисов²⁷, например, считает, что на протяжении 2—2,5 тыс. лет климат Крыма существенно не изменился. За этот период отмечались колебания климата продолжительностью в несколько десятилетий, характеризовавшиеся потеплениями или похолоданиями, сухостью или увлажнением. Наиболее значительными отклонения от средней нормы были, по-видимому, в эпоху Геродота, когда наблюдалось похолодание, и позднее, в начале нашей эры, когда происходило потепление²⁸. Геродот рассказывает, что в Скифии и на побережье Черного моря стоят нестерпимые холода, что зима там продолжается восемь месяцев, море и пролив замерзают (*Herod.*, IV, 28). Он отмечает отсутствие грязи при дождях, что указывает на низкие температуры почвы и на редкие дожди зимой. О холодном климате у скифов говорит и Гиппократ (*Нипростр.*, 26).

²⁴ А. И. Дзенс-Литовский, 1936, стр. 142 сл. Выводы А. И. Дзенс-Литовского принимает Г. М. Левковская. См.: Г. М. Левковская, 1970, стр. 102.

²⁵ В. Б. Шостакович, 1935, стр. 262—272.

²⁶ И. Т. Кругликова, 1963а, стр. 74.

²⁷ А. А. Борисов, 1956, стр. 532 сл.

²⁸ Там же, стр. 540.

О климате II—I вв. до н. э. можно судить по словам Страбона, который, как и Геродот, сообщает о замерзании Керченского пролива зимой, когда медные сосуды с водой лопаются (*Strabo*, II, 1, 16; VII, 3, 18), и о сильной жаре летом, т. е. о резко континентальном климате. Иначе оценивает климат Скифии Клавдий Элиан, живший во II в. н. э. Он отмечает, что в Скифии водятся пчелы, ничуть не страдающие от холода. При этом он прибавляет: «Если я говорю несогласно с Геродотом, то пусть он не прогневается на меня» (*Cl. Aelian. De natura anim.*, II, 53). Таким образом, во II в. н. э., по-видимому, зимы были более мягкими²⁹, чем во времена, о которых писали Геродот и Страбон. В сообщении Страбона о сильной жаре летом мы можем усматривать отголоски недошедших до нас описаний засушливых лет на Боспоре, которые соответствовали времени усиленного солеотложения в озерах в III—II вв. до н. э.

Анализ пыльцы из ила Сакского озера показывает, что вплоть до первых веков н. э. в его ближайшем окружении росли дуб, вяз, бук, граб, пыльца которых встречается только в пределах ареалов этих древесных пород. Кроме того, в илах найдена пыльца сосны, которая могла быть принесена ветром с более далекого расстояния, а также пыльца каштана, лещины, ольхи и травянистых растений. Эта пыльца свидетельствует о том, что в районе Сакского озера была лесостепь³⁰. Сейчас же там степной район. Изменение ландшафта в этой части Крыма позволяет допустить, что и на Керченском полуострове растительность в античное время была богаче. Однако образцы почвы из культурных слоев IV—III вв. до н. э. на поселениях у сел Марфовка и Сазоновка в центральной части Керченского полуострова, по определению Г. Н. Лисициной, содержали пыльцу сосны и ели (Марфовка), сосны, березы и орешника (Сазоновка). Вместе с тем во всех образцах присутствовала пыльца типично степных растений: полыни, лебедовых, папоротников, зеленых мхов, разнотравья. Это позволяет говорить, что в античное время, так же как и сейчас, эти районы были степными. Степи Керченского полуострова лишены древесной растительности, чернозема там нет. Это солонцеватые полынные степи, а вдоль моря — солончаки. В. Агеенко утверждает, что леса там и не было: если бы он когда-то был, то почвенный горизонт должен был быть гороховатым, а этого нет³¹. Античные письменные свидетельства и археологические раскопки, однако, опровергают это мнение. По-видимому, лесные массивы в античный период имелись и в европейской и в азиатской частях Боспорского государства. Этот вопрос подробно разобран Н. И. Сокольским³², который опирается на свидетельство Теофраста о том, что около Пантикапея много смоковниц, раскидистого гранатника, груш и яблонь, а также дуб, вяз, ясень и т. п. (*Theophr.*, IV, 53; *Plinii NH*, XVI, 137). Он также использует данные, полученные Г. Н. Лисициной при определении остатков углей и древесины античного времени.

²⁹ Там же, стр. 535.

³⁰ Там же, стр. 535 сл.

³¹ В. Агеенко, 1890, стр. 70—75.

³² Н. И. Сокольский, 1971, стр. 21—23.

Дополнительно к приведенному Н. И. Сокольским материалу следует сказать, что о наличии лесов свидетельствуют также довольно частые находки костей лесных животных в городах и поселениях Боспора, остатки деревьев лесных пород и наличие пылицы этих деревьев в отложенных античного времени. Следует, однако, заметить, что образцы грунта на анализ пылицы брались только с поселений IV—III вв. до н. э. у сел Сазоновка и Марфовка.

Анализы угля из остатков погибшего в пожаре дома на поселении I в. до н. э.—I в. н. э. у с. Либкнехтовка³³ показали, что деревянные части дома были сделаны из тополя³⁴. На поселении у с. Семеновка, погибшем в III в. н. э., найдены обуглившиеся небольшие изделия из тополя и других лиственных пород, остатки перекрытий из березы, а также множество кусков обуглившихся поделок и строительных деталей из дуба, сосны, тополя, кипариса, можжевельника, вяза, ильма (табл. 1).

Таблица 1

Определение пород дерева по находкам обугленных деревянных поделок на сельских поселениях Боспора и по пыльцевому анализу

Порода деревьев	Марфовка (IV—III вв. до н. э.)	Сазоновка (IV—III вв. до н. э.)	Либкнехтов- ка (I—II вв. н. э.)	Семеновка (I—III вв. н. э.)											в слое			
				помещения														
				4	18	31	32	38	42	47	53	55	76	80				
Береза		+		+														
Ильм, вяз						+	+	+										+
Дуб				+	+		+	+				+						+
Кипарис											+							
Лиственные без уточнения							+											+
Можжевельник				+	+		+											
Сосна	+	+					+	+	+		+			+		+	+	+
Тополь, осина			+				+		+				+					
Ель	+																	
Орешник		+																

Все эти угли найдены в завалах обрушившихся, погибших в пожаре помещений, вне печей, которые были заполнены преимущественно золой, по видимому от соломы и кизяков. На поселении у с. Михайловка найдены угли от сгоревших поделок из сосны, тополя, вяза, ясеня, дуба, ивы³⁵. Деревянные гробы из могильника у с. Золотое были сделаны из березы, береста, тополя, сосны, ясеня и можжевельника. В этом могильнике, кро-

³³ Т. М. Смирнова, 1967, стр. 140 сл.

³⁴ Определение Г. Н. Лисициной.

³⁵ Н. И. Сокольский, 1971, стр. 24.

ме того, найдены различные поделки из дуба, березы, тополя, вяза, ивы, можжевельника и самшита³⁵. Анализы угля с поселений азиатского Боспора (Батарейка I и II, Ильичевка) обнаружили довольно близкий состав древесных пород — дуб, сосна, вяз, тополь, береза, ель, ясень, клен, каракас, бук. Вряд ли такое большое количество и столь разнообразные породы дерева привозились издалека. Вероятно, за небольшим исключением, древесина добывалась где-то поблизости. Многообразие пород и употребление лиственных деревьев подтверждают предположение Н. И. Сокольского о том, что на территории обеих частей Боспорского царства в античное время были какие-то лесные районы. Однако лесные массивы должны были постепенно исчезать в результате деятельности человека. К тому же, лесов на Керченском полуострове было немного. Неслучайно там на поселениях античного времени были очень распространены бытовые сооружения из камня: лестницы, пороги, столики, лари, кормушки и даже собачья конура (в Семеновке). Строительный лес, по-видимому, высоко ценился.

³⁵ Определение Г. Н. Лисицкой. Из раскопок В. Н. Корпусовой в 1967, 1970—1971 гг.

Хора городов, царские земли и расположенные на них поселения

Деревни и усадьбы VI—V вв. до н. э.

С основанием на берегах Боспора Киммерийского греческих колоний начинается важный этап в истории земледельческого населения Восточного Крыма.

Расселение греков по берегам и островам Средиземноморского бассейна и основание ими колоний на берегах Черного моря было вызвано различными экономическими, социальными и политическими причинами. Вопрос о причинах греческой колонизации неоднократно привлекал внимание исследователей¹. Одни старались объяснить ее торговыми интересами греков², другие видели основную причину в желании греков получить новые земли для обработки³. Дальнейшие исследования показали, что вопрос этот более сложен, что причины вывода колоний в различные исторические периоды были неодинаковы и что сами эллинские колонии не были однородными⁴. Поэтому причины вывода колоний для разных периодов и разных районов должны изучаться специально. Однако нет никакого сомнения в том, что появление греческих поселений на берегах Черного моря было частью длительного процесса «великой колонизации», охватившего весь Средиземноморский бассейн.

Наиболее ранние греческие города в Северном Причерноморье основаны в VI в. до н. э., хотя отдельные находки и позволяют говорить о торговых связях с Грецией еще в VII в. до н. э.⁵

Вопрос о том, были ли первые греческие поселения на берегах Черного моря торговыми факториями⁶, «рыболовными станциями»⁷ или поселками земледельцев⁸, в которых жили, кроме того, торговцы и ремесленники, не может считаться окончательно решенными. Раскопки на ост-

¹ Историография этого вопроса подробно рассмотрена В. П. Яйленко (*В. П. Яйленко*, 1972, стр. 1 сл.).

² *E. Meyer*, 1893, стр. 443; *E. Ziebarth*, 1929, стр. 7.

³ *K. I. Beloch*, 1912, стр. 229 сл.; *P. Guiraud*, 1893, стр. 78 сл.; *G. Glotz*, 1920, стр. 120 сл.; *J. Hasebroeck*, 1931, стр. 109 сл.

⁴ *G. Vallet*, 1958, стр. 204 сл.; *J. Berard*, 1960; *E. Will*, 1954, стр. 413 сл. и др.

⁵ *Э. Р. Штерн*, 1900, стр. 6 сл.; *С. А. Жебелев*, 1953б, стр. 48—50; *Т. Н. Книпович*, 1935, стр. 107; *А. А. Иессен*, 1947, стр. 57 сл.

⁶ *С. А. Жебелев*, 1953б, стр. 52; *А. А. Иессен*, 1947, стр. 54; *В. Д. Блаватский*, 1953в, стр. 15.

⁷ *М. И. Ростовцев*, 1918, стр. 36, 77, 78.

⁸ *С. А. Жебелев*, 1953б, стр. 52, примеч. 2.

рове Березань, где обнаружены остатки наиболее раннего из греческих поселений Северного Причерноморья, дали основание В. В. Лапину⁹ оспаривать принятую в нашей литературе оценку Березанского поселения как торговой фактории¹⁰. В. В. Лапин считает, что экономика Березанского поселения была основана на сельском хозяйстве и ремесле. Торговля же, хотя и была развита, не определяла характера поселения¹¹. Рассматривая картину колонизации Северного Причерноморья, В. В. Лапин приходит к выводу об отсутствии эмпориального предколониального периода¹² и склоняется, таким образом, к мнению Газебрэка, рассматривавшего все греческие колонии как исключительно земледельческие.

Я. В. Доманский, специально изучавший вопрос о характере греческой колонизации Северного Причерноморья¹³, подвергает резкой критике утверждения А. А. Иессена и других ученых о том, что «колонизация явилась выражением двустороннего исторического процесса», что «она была обусловлена всем предшествующим развитием как самих греков, в первую очередь ионийцев, так и местного населения наших степей»¹⁴. Я. В. Доманский приходит к выводу, что не торговые интересы заставляли греков выводить колонии, и доказывает, что причерноморские греческие города возникали как производственные центры, в которых было развито и ремесло и земледелие. Он правильно отделяет вопрос об эмпориях от вопроса об основании колоний. Отмечая большую роль сельского хозяйства в античных центрах Северного Причерноморья, Я. В. Доманский не привел, однако, никаких доказательств, кроме распространения в городах Боспора и в Ольвии культа Деметры, наличия в азиатской части Боспора города, называвшегося «Кепы», т. е. «Сады», а также существования клеров на Гераклеийском полуострове¹⁵.

Нельзя не обратить внимания на то, что о большой роли земледелия в жизни граждан греческих полисов метрополии в период, близкий ко времени оснований колоний, говорят античные писатели. По сообщению Фукидида, «когда в Аттике оказалось недостаточно земли, афиняне отправили колонии» (*Thucyd.*, I, 2, 6). Он писал также, что земледельцы продолжали жить на своих полях и после того, как легендарный афинский царь Тесей объединил вокруг Афин отдельные селения посредством синойкизма. Правда, Фукидид тут же подчеркивает (II, 14, 16), что такой образ жизни характерен для афинян больше, чем для других эллинов. Однако он же рассказывает об амфипольцах, живших по всей местности вне городских укреплений (VI, 103, 5). Известно, что в VI в. до н. э. Писистрат поощрял расселение земледельцев по всей стране и снабжал обедневших афинских граждан деньгами, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием (*Aristot. Ath.*, 16, 2—3). Количество земледельцев, постоянно живших в своих сельских усадьбах, было так велико, что когда во время

⁹ В. В. Лапин, 1963а, стр. 31—38; Он же, 1963б, стр. 7—9; Он же, 1966, стр. 86 сл.

¹⁰ В. В. Лагышев, 1887, стр. 11 сл.

¹¹ В. В. Лапин, 1963а, стр. 38; Он же, 1966, стр. 142 сл.

¹² Там же, 1963б, стр. 6.

¹³ Я. В. Доманский, 1965, стр. 116 сл.

¹⁴ А. А. Иессен, 1947, стр. 89.

¹⁵ Я. В. Доманский, 1965, стр. 133—135.

Пелопоннесской войны Перикл приказал переселить в город женщин и детей, Афины не смогли вместить всех собравшихся, хотя были заселены пустыри, святилища, крепостные башни, пространство между длинными стенами и даже большая часть Пирея (*Thucyd.*, II, 14, 7). От Фукидида мы знаем, что греки-этолийцы жили в селениях, не защищенных стенами и отстоявших на большом расстоянии одно от другого (*Thucyd.*, III, 94). Геродот описывает хору Милета, поля которого начинались сразу за городской стеной (*Herod.*, V, 92), а на них находились сельские усадьбы земледельцев, селвшихся вне укреплений (*Herod.*, I, 17). Участие земледельцев в общественной жизни Афин подтверждается комедиями Аристофана, где часто фигурируют афиняне, связанные с сельским хозяйством. При этом некоторые земледельцы, упоминаемые в комедиях, по-видимому, имели свои дома на территории города, а другие приходили в город из хуторов и деревень, расположенных на городской земле (*Aristoph. Pax*, 550, 559; *Acharn.*, 33, 267). О таких деревнях упоминает и Страбон (*Strabo*, XIII, 1, 49; 1, 51; 4, 17 и др.).

Античный город был центром сельскохозяйственной территории — хоры. В нем были сосредоточены основные святилища, органы административного управления, суд. Под укрытие оборонительных стен города во время войн уходили семьи земледельцев. Город и его сельская территория представляли единое целое. Сельские хозяева, будучи гражданами города, приходили туда на празднества и для исполнения своих гражданских обязанностей. Многие землевладельцы кроме усадеб на своих землях имели дома в городе и проводили там значительную часть времени. Наличие земледельцев среди первых греческих колонистов Сицилии подтверждается находкой там железных сельскохозяйственных орудий первой половины VI в. до н. э. среди votивных приношений Деметре и Коре. Их закопали в землю еще до того, как были сооружены постоянные святилища этим богиням. Находки железных лемехов, серпов, мотыг в Бетлеме и Вассаладжи¹⁶ показывают, что греческие переселенцы привезли с собой на места новых поселений сельскохозяйственные орудия, которыми они пользовались на родине.

Мы еще не можем отчетливо представить себе, каковы были первые поселения греков на берегах Боспора Киммерийского. Бесспорно, главным занятием их обитателей было земледелие. Это были прежде всего поселки земледельцев, хотя нельзя преуменьшать и роли ремесла и торговли в экономике вновь основанных греками поселений¹⁷. Еще Гесиод в VIII в. до н. э. советовал греческим земледельцам в свободное от полевых работ время пытаться счастья в заморской торговле (*Hesiod*, 630, 664). Благодаря торговой предприимчивости греков, а совсем не потому, что среди населения греческих городов преобладали торговцы, изделия их ремесленников получили такое широкое распространение среди населения Причерноморья и Средиземноморья.

Количеством среди переселенцев на новые земли также безусловно преобладали не купцы и ремесленники, а земледельцы. Не случайно побли-

¹⁶ P. Orlandini, 1965.

¹⁷ С. А. Жебелев, 1953а, стр. 124; В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 46; Он же, 1953в, стр. 18, 31; К. М. Колобова, 1951, стр. 160.

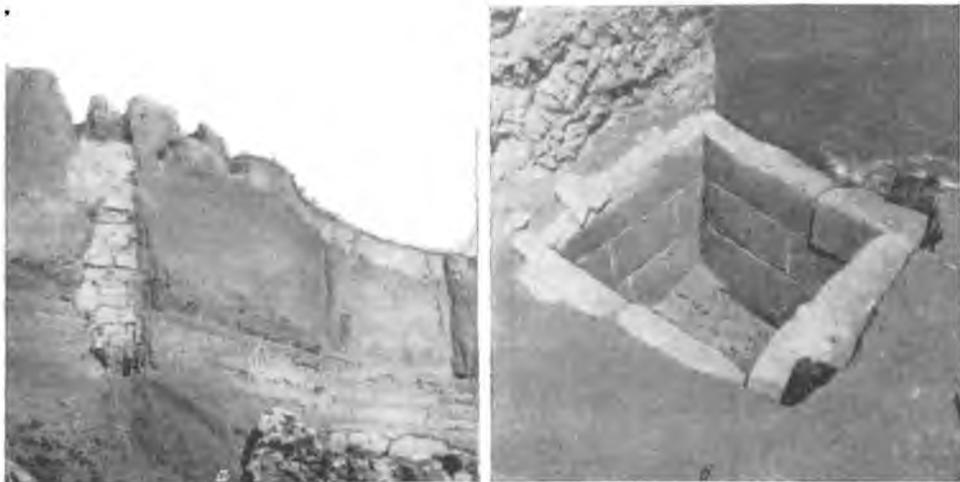

Рис. 2. Поселение у с. Героевка

а — кладка цистерны в обрыве берега; б — расчистка цистерны

зости от крупных городов обнаружены сельские поселения, возникшие вероятно, одновременно с городами. Так, в 5 км к югу от Нимфея одновременно с ним возникло поселение у с. Героевка, существовавшее до II в. до н. э. При его раскопках обнаружен слой VI в. до н. э. Здесь найдены архаические терракотовые фигурки богини, обломки ионийской посуды и амфор. Глубокий колодезь из хорошо обработанных квадров (рис. 2, б), зерновые ямы — все это говорит о принадлежности поселения греческим переселенцам. Хотя на поселении и не найдено сельскохозяйственных орудий, в сельскохозяйственном профиле его экономики вряд ли можно сомневаться. Это прежде всего следует из топографии поселения. В отличие от соседнего Нимфея, оно не имело гавани и было расположено на ровном месте, на высоком обрывистом берегу на высоте 15 м над уровнем моря (рис. 2, а). Вряд ли можно предполагать, что жители этого поселка были купцами или ремесленниками. Не было никакого основания устраивать два торговых или ремесленных центра на таком близком расстоянии. Возникновение же сельскохозяйственного поселка на ровном поле поблизости от укрепленного города вполне закономерно.

Аналогичная картина наблюдается на другом раннем поселении, находившемся в 3 км от древнего Киммерика, на восточном склоне горы Опук¹⁸. Оно также существовало с VI в. до н. э. и было расположено высоко над морем, в некотором отдалении от его берега, в месте, где нет удобных гаваней. В одном из помещений найден железный серп с деревянной рукояткой¹⁹, подтверждающий сельскохозяйственный характер этого по-

¹⁸ П. Т. Кругликова, 1958б, стр. 238.

¹⁹ Там же, стр. 244, рис. 19.

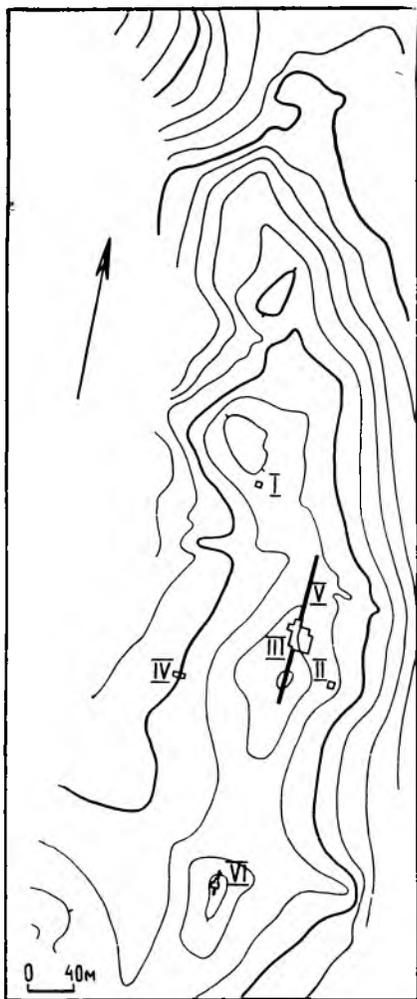

Рис. 3. Топографический план поселения Южно-Чурубашское

I—VI — раскопы

считают поселениями греков. Об этом свидетельствуют греческие терракоты, преобладание греческих бытовых вещей. В Героевке, кроме того, характерен очень характерный прием зловоей субструкции под фундаментами каменных стен зданий, известный по раскопкам в Ольвии и Истрии, и открыт типично античный колодец.

²⁰ Раскопки И. Т. Кругликовой в 1963—1964 гг. не опубликованы.

²¹ И. Т. Кругликова, 19586, стр. 235, рис. 11.

селения. Среди находок имелись архаические терракоты, ионийская керамика и амфоры VI—V вв. до н. э.

Еще одно поселение, возникшее на рубеже VI и V вв. до н. э., открыто вдали от моря, к югу от Чурубашского озера, на расстоянии около 6 км к северо-западу от Нимфея (рис. 3)²⁰. Оно расположено на высоком ровном плато. Весь район, примыкавший к поселению, сохранил следы межей в виде земляных валов и каменных стен. Скопления обломков остродонных амфор, выявляющиеся в виде пятен на свежевспаханных полях, составляют предпологать, что здесь с конца VI по III в. до н. э. находились отдельные сельские усадьбы. Здесь открыты две каменные постройки, одна из которых по планировке напоминает длинный дом восточного киммерикского поселения²¹. Возможно, что владельцы однотипных домов на этих поселениях принадлежали к одному и тому же социальному слою.

На Таманском полуострове открыты поселения, возникновение которых относится к VI—V вв. до н. э. (Бугазское, Западно-Цукурское, Верхне-Карабетово, Лысая Гора, Костенки, Западно- и Северо-Зеленское, Пятиколодезное). К сожалению, сейчас нельзя уверенно сказать, какие из этих поселений в азиатской части Боспора надо связывать с местными племенами, а какие — с греками-колонистами. Что же касается упомянутых выше поселений в европейской части Боспора, то их следует

Возникновение земледельческих поселков рядом с греческими городами наблюдается и в Западном Причерноморье. Так, рядом с архаической Истрией находилось еще одно поселение с совершенно идентичными греческими вещами²². Но в дальнейшем Истрия развилась в процветающий город, была обнесена оборонительными стенами, а поселение захирело и прекратило свое существование.

Приведенные примеры поселений, относящихся к раннему периоду истории Боспора, показывают, что среди первых греческих поселенцев Боспора, были земледельцы. Таким образом, колонисты, направлявшиеся в область Боспора Киммерийского, по социальному составу, по-видимому, не отличались от тех, кто, переселившись в Сицилию, посвятил богам — покровителям земледелия сельскохозяйственные орудия.

Тесная связь античного города с земледельческой округой наиболее отчетливо прослеживается в Херсонесе. В этой части Крымского полуострова сохранились следы античного размежевания полей. Топографические планы, снятые в XVIII—XIX вв., зафиксировали еще видимые тогда на поверхности стены античных земельных участков — клеров. Археологические раскопки обнаружили, что клеры на Маячном полуострове существовали, возможно, уже на рубеже V и IV вв. до н. э.²³ Следовательно, древнейшее размежевание земли в хоре Херсонеса относилось еще к периоду жизни первого поколения колонистов — основателей города²⁴. Ранние клеры имели, по-видимому, небольшие размеры (около 4—4,5 га)²⁵. Видимо, они принадлежали мелким землевладельцам, о чем свидетельствуют также скромные размеры и бедность их усадеб. Мы можем предпологать, таким образом, что и среди первых переселенцев в Херсонесе было значительное число греков, заинтересованных в получении земли. Возможность заниматься земледелием — один из стимулов, привлекавших греческих колонистов и в Херсонес, и на Боспор, и в Сицилию.

С помощью аэрофотосъемки на юге Италии также удалось открыть следы античного размежевания полей. Сеть параллельных дорог, разделявших участки, обнаружена вблизи древнегреческих городов — Метапонта и Гераклеи²⁶. Из Гераклеи происходят две бронзовые таблички конца IV в. до н. э., сохранившие интересные данные о выделении земельных участков и о передаче в аренду земель, принадлежавших святилищам²⁷. Судя по тому, что размечали участки и составляли документы некие *οἰκιστῆς*, выбранные из числа жителей Гераклеи, эти участки находились на сельской территории города — хоре.

По-видимому, поселения VI в. до н. э., основанные греческими переселенцами и расположенные на территориях, позднее вошедших в Боспорское государство, также находились на землях, относившихся к хорам

²² E. Condurachi, S. Dimitriu, C. Radu, 1961, стр. 249 сл.

²³ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 41.

²⁴ Основание Херсонеса относят к 422—421 гг. до н. э. (см.: А. Н. Тюменев, 1938, стр. 257).

²⁵ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 41.

²⁶ G. Schmidt, R. Chevallier, 1959, стр. 23 сл.

²⁷ Там же, стр. 37, примеч. 39.

городов-полисов. Эти города были культовыми и административными центрами. Жители сельских поселений и усадеб являлись гражданами этих полисов. Они принимали участие в народных собраниях и в городском самоуправлении.

Вопрос о размерах сельскохозяйственных территорий (или хоры) боспорских городов в ранний период их существования остается одним из наименее ясных. Аристотель указывал, что хора должна соответствовать оптимальным размерам полиса, что она должна быть «легко обозримой» и снабжать население всем необходимым (*Aristot. Pol.*, VII, 5, 1—2). Судя по клерам на Маячном полуострове, первые переселенцы получали сравнительно небольшие участки, которые вместе с общественными землями, выгонами и лесными угодьями составляли древнейшую хору города. Общие размеры хоры определялись, вероятно, как количеством граждан города, так и его географическим положением.

Мы можем лишь предполагать, что в VI—V вв. до н. э. хора Нимфея простиралась не менее чем на 7 км к югу вдоль берега моря. На север и восток его хора не распространялась, так как с этих сторон близко проходил водный рубеж — Чурубашский залив и море, а на западе хора, возможно, доходила до Тобечикского озера (или залива). Бесспорно, сельское поселение у Героевки, лежавшее в 7 км от Нимфея, находилось в пределах его хоры. На запад хора Нимфея простиралась, возможно, вдоль берега Чурубашского залива примерно на 10 км, до большой балки, на краю которой располагалось поселение Южно-Чурубашское. Цепочка нимфейских курганов наверное находилась в пределах хоры Нимфея.

Что представляла собой хора Пантикапея в VI в. до н. э., мы не знаем, но для V в. до н. э. можно предполагать, что к западу она простиралась не менее чем на 10 км и что поселение Андреевка Южная находилось в границах хоры, так же как и группа усадеб V—IV вв. до н. э. у с. Октябрьское. К северу от Пантикапея граница его хоры проходила где-то западнее Мирмекня, а южная граница пантикапейских владений вряд ли была отдалена от города больше, чем на 7—10 км, так как там должна была начинаться уже сельская территория Тиритаки. Таким образом, вероятно, в V—IV вв. до н. э. хора Пантикапея простиралась примерно на 7—10 км к северу, западу и югу от города.

В VI в. до н. э. хоры отдельных греческих городов, основанных на берегах Боспора Киммерийского, по-видимому, были сравнительно небольшими. Во всяком случае сельских поселений VI в. до н. э., удаленных от города больше, чем на 7 км, мы не знаем. В V в. до н. э., с увеличением численности городского населения, увеличиваются и размеры обрабатываемой сельскохозяйственной территории. Растет число сельских поселений, которые иногда удалены от ближайшего города более чем на 10 км (например, Андреевка Южная).

Объединение боспорских городов в единое государство под властью Археанактидов не могло не отразиться на положении сельского населения. Создание единой границы и укрепление обороноспособности должно было способствовать увеличению числа сельских поселений. Но самые серьезные изменения размеров и статуса сельскохозяйственной террито-

рии происходят в конце V и первой половине IV в. до н. э., когда в Боспорском государстве укрепилась династия Спартокидов. Уже родоначальник этой династии Спарток I ведет войну с Феодосией, желая силой присоединить к Боспору этот богатый город, который к тому же владел плодородной равниной (*Strabo*, VII, 4, 4). Прекращение Нимфеем самостоятельной чеканки монет на рубеже V и IV вв. до н. э. заставило Д. Б. Шелова предположить, что присоединение Нимфея к Боспорскому государству произошло еще при Сатире I, может быть даже до его первого похода на Феодосию²⁸. Но М. М. Худяк считал, что Нимфеем подвергся разрушению лишь в конце первой половины IV в. до н. э., т. е. при Левконе I, и после этого был включен в состав Боспорского государства²⁹.

Интересные материалы дают раскопки поселения у с. Героевка, находившегося, как мы видели, в хоре Нимфея. Возникнув одновременно с Нимфеем или вскоре после основания города, это поселение, по-видимому, пережило какие-то потрясения в V в. до н. э., когда погибло помещение с печью. Возможно даже, что поселение было оставлено жителями и какое-то время находилось в запустении. Но в конце V в. до н. э. или на рубеже V и IV вв. до н. э. жизнь на поселении оживилась. Были построены новые дома, выложены новые каменные вымостки, выкопаны зерновые ямы. Можно предполагать, что после присоединения Нимфея к Боспорскому царству жизнь на его сельскохозяйственной территории вновь расцвела. Но уже в середине IV в. до н. э., когда после походов Левкона I (389—349 гг. до н. э.) к Боспорскому царству оказались присоединенными обширные территории до Феодосии на Керченском полуострове и земли синдов и местов в азиатской части Боспора, в хоре Боспора произошли большие изменения. Начался новый период в истории сельского хозяйства, в организации сельскохозяйственной территории.

О состоянии сельского хозяйства Боспора в период с VI по начало IV в. до н. э. мы можем судить только по материалам, полученным в результате археологических раскопок. Из поселений, существовавших в VI—V вв. до н. э., раскопкам подверглись четыре: Холм А у Киммерика, у с. Героевка, Южно-Чурубашское и Андреевка Южная. Первые три были основаны греками. Этническая принадлежность первых поселенцев античного поселения у с. Андреевка не совсем ясна. Но возможно, здесь было поселение осевших на землю скифов. При раскопках получен большой вещевой материал, позволяющий представить планировку поселков, дома их обитателей, восстановить картину быта жителей, их социальную принадлежность и занятия.

Древнейшее из поселений вблизи Киммерика названо Холм А. Оно располагалось на восточном склоне горы Опук. В древности этот склон представлял собой более ровную поверхность, рельеф его сильно изменился в результате землетрясений и действия воды. Часть поверхности размыта, образовались тальвеги и овраги; часть склона осела и даже рухнула в море. Вероятно, под воздействием этого абразивного процесса значитель-

²⁸ Д. Б. Шелов, 1956, стр. 35.

²⁹ М. М. Худяк, 1962, стр. 6, 31.

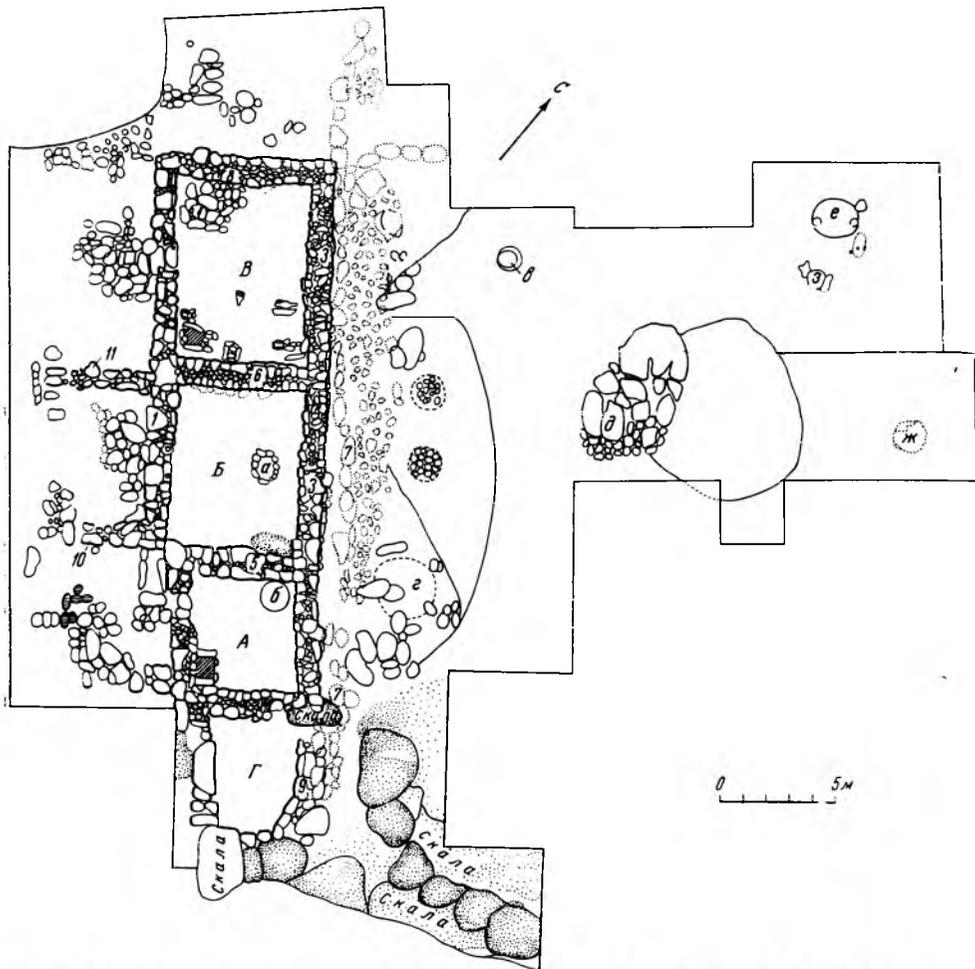

Рис. 4. План дома VI—IV вв. до н. э. на поселении у с. Светлячки (Холм А)

А, Б, В, Г — помещения; а — яма 1; б — яма 2; е — зольная яма; з — зола; д — развал камней; е — яма; ж — яма, валоженная камнями; з — камни

ная часть поселения VI—V вв. до н. э. обрушалась в море, и только меньшая его часть уцелела в обрыве берега благодаря естественному выходу скалы, частично удержавшему плато от размыва и обрушения. Поселение находилось примерно в 100 м от моря, на высоте около 100 м над уровнем моря, на расстоянии около 1 км от источника с прекрасной питьевой водой. Здесь в VI в. до н. э. на месте полуземлянок бронзового века возникли дома с каменными стенами³⁰. Один из таких домов сохранился

³⁰ И. Т. Кругликова, 1952б, стр. 58 сл.

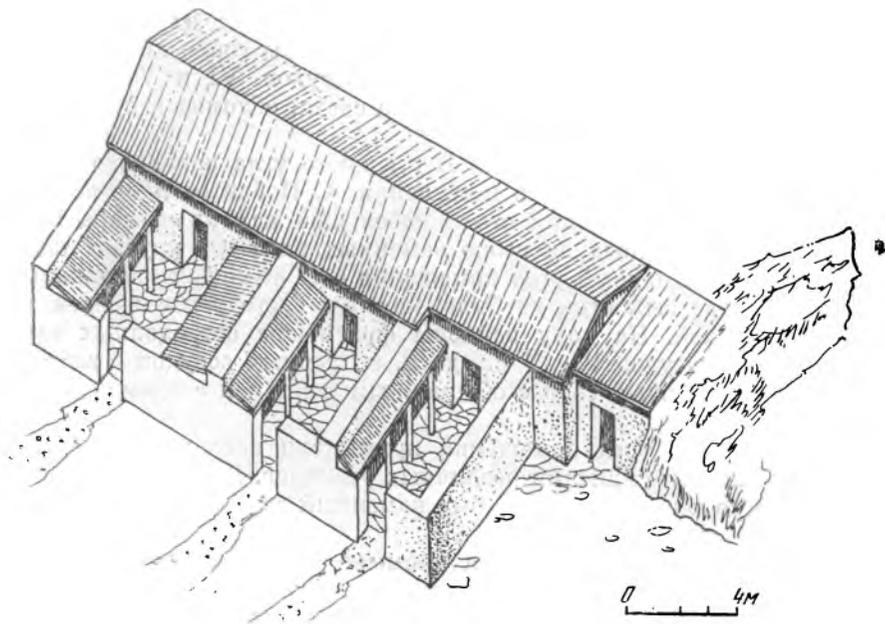

Рис. 5. Реконструкция (примерная) дома на поселении у с. Светлячки (Холм А)

полностью. Планировка его своеобразна. Отдельные изолированные помещения были пристроены к общей глухой стене, защищавшей поселение с северо-востока от сильных и холодных ветров (рис. 4). Перед каждым из помещений имелся открытый дворик, вымощенный каменными плитами. Хорошо сохранились три смежных помещения размерами 11,8, 21,4 и 25,5 кв. м; в юго-западных стенах были дверные проемы (рис. 5). Все стены помещений двухпанцирные с бутом посередине.

В южном углу помещения А находился очаг, образованный двумя параллельными стоящими на ребре каменными плитами, между которыми был слой обожженной глины³¹. Рядом с ним в полу была небольшая ямка с золой и обломками посуды. Среди них найдены обломки хиосских пухлогорлых амфор VI в. до н. э., часть лепного закопченного горшка с орнаментом по краю в виде вдавленных пальцем углублений обычного для скифской керамики типа³², нижняя часть тонкостенного кувшина на кольцевом поддоне, изготовленного на гончарном круге.

В северном углу помещения находилась зерновая яма неправильной, приближающейся к грушевидной формы с диаметром устья 1 м, диаметром дна 1,7 м. Глубина ямы 1,37—1,50 м. Яма частично вырублена в скале, стенки ее обмазаны слоем глины. В яме найдены фрагменты пухлогорлой хиосской амфоры, лепных сосудов, полихромной терракотовой

³¹ Там же, стр. 238, рис. 13.

³² Б. И. Граков, 1954, стр. 69, рис. 101; стр. 73, табл. IV, 4.

статуэтки, створки мидий, клешни крабов, кости козы и барана, часть железного ножа. В другой зерновой яме найдены горло хиосской амфоры V в. до н. э., фрагменты чернолаковых сосудов VI и V вв. до н. э., лепных горшков, кости мелкого рогатого скота, обломок глиняной жаровни, створки мидий и устриц.

В северо-западном помещении В у южного угла находился очаг, аналогичный очагу, открытому в помещении А. Поблизости от него у юго-восточной стены помещения стоял небольшой каменный ларь или кормушка из поставленных на ребро каменных плит и с круглой каменной плитой на дне. Западный угол помещения был вымощен каменными плитами, а там, где вымостки не было, пол был густо усыпан белой известняковой крошкой. На полу найдены фрагменты остродонных амфор и чернолаковых сосудов VI—V вв. до н. э., лепных сосудов с вдавленным орнаментом, железный серп с обломанным концом и следами деревянной рукояти³³.

К каждому из трех помещений примыкали небольшие дворики, частично вымощенные плитами различных размеров. В северном углу двора, примыкавшего к помещению А, был каменный ларь из больших плит, поставленных на ребро.

К помещению А с юго-запада примыкало помещение Г, может быть хозяйственного назначения. Сохранилось лишь основание его юго-западной стены из очень больших необработанных камней, напоминающих кладку ограды дворика, расположенного перед помещением Б. С юга эта стена примыкала к выходу скалы.

Все стены здания сложены из необработанных камней, умело подобранных по форме и лежащих на плоской, наиболее устойчивой стороне. Камни внешних панцирей стен крупнее, чем внутренних. Судя по количеству камней, засыпавших помещения, стены были целиком каменными и только перекрытия — деревянными. Крыша, по-видимому, была соломенной или глинобитной, о чем свидетельствует большое количество золы, углей и кусочков обожженной глины в заполнении помещений. Стены здания стояли прямо на земле без фундамента. В VI в. до н. э. пол здания был углублен на 0,4 м. Таким образом, жилище можно рассматривать как переходную форму от полуземлянки к наземному дому. Такие углубленные в землю дома нередки в Северном Причерноморье. Их распространение оправдывалось климатом, а происхождение объяснялось тем, что местное население в догреческий период жило в основном в землянках и полуземлянках. Об углублении пола помещений в первом периоде существования дома свидетельствует и уровень вымостки дворика, который соответствует уровню основания стен. Под плитами двориков керамики греческих типов почти нет. Попадают лишь отдельные мелкие черепки амфор наряду с большим количеством обломков лепных сосудов.

В начале V в. до н. э. помещения перестраивались. Был повышен уровень пола, сделаны новые очаги, вырыты специальные ямы для хранения зерна. В северо-западном помещении появилась каменная вымостка, занимавшая весь его западный угол.

³³ И. Т. Кругликова, 1958б, стр. 244, рис. 19.

Рис. 6. Комплекс помещений (Холм А)

Раскопанный в 1950 г. комплекс помещений представляет собой один из немногих памятников раннебоспорской архитектуры. Очень необычна планировка здания — постройки из нескольких несообщающихся между собой комнат, имеющих со стороны входов особые дворики. Своеобразна и кладка стен из необработанных камней (рис. 6).

Полной аналогии этому дому на территории Греции найти не удается³⁴. Изолированные помещения, вытянутые в один ряд и пристроенные к одной стене, известны в древней Греции — и на территории Малой Азии, и на островах. Подобный дом во Врулии на острове Родос относится к VII в. до н. э.³⁵ Но там весь характер постройки совсем иной, и одиночные помещения встречаются редко, чаще перед основным помещением имеется еще одно небольшое (как бы преддверие). Но главное отличие киммерикского архаического дома заключается в способах кладки. Стены были сложены из камней довольно крупных размеров, следов сырцовых кладок нет. Таким образом, жилой комплекс в Киммерике пред-

³⁴ *D. M. Robinson*, 1940, стр. 249.

³⁵ *K. Kinch*, 1914, стр. 117—124.

Рис. 7. Мисочки VI в. до н. э. (Холм А)

ставляет собой явление оригинальное, и особенности его связаны, может быть, с традициями местного населения.

Разведки, проведенные в радиусе 100—150 м от этого здания, обнаружили остатки отдельных пятен культурного слоя и, возможно, следы очень сильно разрушенных древних построек. На юго-восток от него на расстоянии около 140 м были открыты две ямы VI—V вв. до н. э. и участок каменной вымостки того же типа, что и в двориках перед помещениями. На вымостке лежало горло раздавленной амфоры V в. до н. э., а в небольшом углублении около вымостки были найдены две раздавленные глиняные миски с концентрическими кругами краски внутри (рис. 7)³⁶, терракотовая статуэтка сидящей богини (рис. 8), маленькое зеркало из светлого сплава, около 60 бусин из белой, желтой и голубой стеклянной пасты, из голубой пасты с синими глазками и черным ободком. Здесь же были найдены маленький кусочек коралла, овальная пластинка из черной пасты с вдавленными линиями и кусок бляхи с выпуклым орнаментом.

Все эти находки свидетельствуют о том, что дом не был одиноким и поселение продолжалось в сторону моря. Отдельные вещи и фрагменты керамики, найденные в ямах и около них, аналогичны находкам из раскопанного здания. По-видимому, жилища, к которым относились ямы и вымостка, обрушились в море. На средней небольшой террасе, на расстоянии около 25 м от раскопа, были обнаружены остатки сильно разрушенных стен какой-то постройки и культурный слой VI—V вв. до н. э. Но все эти остатки отделяются друг от друга пространством, где никаких признаков культурного слоя нет. Впрочем, в данном районе наблюдается очень сильная деформация поверхности земли, сползание больших ее массивов в сторону моря, образование террас, сопровождающееся об-

³⁶ Подобные миски из Истрии см.: *F. Lambrino*, 1938, стр. 146—147.

нажением глубинных пород, после того как покрывающий их почвенный слой перемещается на нижнюю террасу. Поэтому установить планировку поселения затруднительно. В свете раскопок последних лет представляется возможным предположить, что описанный выше дом был частью одной большой постройки типа дома VI—V вв. до н. э., исследуемого Н. А. Онайко вблизи Геленджикской бухты³⁷, площадью около 3000 кв. м, где ряды изолированных помещений концентрировались, по-видимому, вдоль четырехугольника стен, располагаясь по периметру внутреннего двора. Такая планировка была, вероятно, и у античной сельской усадьбы IV—III вв. до н. э., открытой на побережье Бугского лимана³⁸. Вместе с тем нельзя отвергнуть полностью и предположение, что поселение могло состоять из небольших изолированных домов, представлявших собой группу вытянутых в один ряд помещений, перед которыми находились дворики. В каждом из таких домов могла жить группа родственных семей, например родители со взрослыми детьми, имевшими свои семьи. При этом у каждой семьи было свое помещение и свой дворик перед ним. Они совместно обрабатывали участок земли, и их хозяйство в какой-то мере тоже было общим.

Раскопки на восточном склоне горы Опук показывают, что там было довольно большое поселение, обитатели которого широко пользовались в быту посудой греческих типов и другими вещами, привезенными из Греции и, возможно, попавшими в Киммерик через Пантикапей или Феодосию.

Среди заполнявших раскопанные помещения предметов преобладала битая посуда, преимущественно фрагменты остродонных амфор, чаще всего хиосских и фасосских. Встречались амфоры неизвестных центров. Одна из них, найденная около лежанки в северо-западном помещении, имела на горле и на плечах нанесенный красной краской узор, напоминающий гирлянды. На втором месте стоят лепные сосуды, лишённые орнамента и предназначенные для приготовления пищи на огне. Большая часть их имела форму плоскодонных горшков, реже встречались лепные миски. Поверхность горшков часто заглажена пучком травы или соломы. Стенки их сильно закопчены, многие сохранили на внутренней стороне стенок следы нагара. Употреблялись и лепные сосуды более тщательной выдел-

Рис. 8. Терракоговая статуэтка V в. до н. э. (Холм А)

³⁷ Н. А. Онайко, 1974, стр. 121.

³⁸ В. В. Рубан, 1974, стр. 335.

Рис. 9. Обломки лепных горшков (Холм А)

ки, украшенные различными орнаментами. Наиболее распространен орнамент из вдавленных пальцем углублений, идущих по самому краю венчика, или нанесенный ногтем. Иногда сосуды имели налепной валик, прикрепленный чуть ниже края сосуда на его шейке. Валики большей частью гладкие, иногда на них нанесен орнамент из вдавленных пальцем или ногтем углублений или из зацепов (рис. 9). Сосуды такого типа известны на других памятниках VII—VI вв. до н. э. Найдены и сосуды с тоненьким налепным валиком, заостряющимся кверху. Они встречены в нижнем, догреческом слое и в слое VI в. до н. э. Один из найденных фрагментов с валиком в виде пояса и отходящих от него под углом линий имел, кроме того, налепы в виде лепешек. Почти полную аналогию такому орнаменту дает керамика из Щебетовки.

Кроме лепной, достаточно примитивной посуды, жители поселения широко употребляли в хозяйстве посуду, сделанную на гончарном круге. Среди этой группы керамики имелись сосуды с выступающим внутрь ободком для поддержания крышки, типа так называемых кастрюль. У них большой диаметр устья, тонкие стенки и крутые плечики, что характерно для раннего типа боспорских «кастрюль». Встречались сероглиняные и красноглиняные миски на кольцевом поддоне с отогнутым и с загибающимся внутрь краем, фрагменты небольших лутериев и простых кувшинов с тонкими стенками на кольцевом поддоне.

Наряду с простой керамикой в помещениях было найдено много обломков чернолаковой и расписной посуды. К наиболее ранней группе

относятся фрагменты ионийского аска, открытого светильника и других сосудов VI в. до н. э. с темными полосами лака. К другой группе греческих привозных сосудов относятся расписные чернофигурные килики V в. до н. э. Большое количество фрагментов принадлежало чернолаковым сосудам V и частично IV вв. до н. э.: киликам, кратерам, светильникам и др. Один обломок принадлежал, вероятно, лекане и имел две пурпурные полосы. Найденны также фрагменты краснофигурного лекифа V в. до н. э. с частью фигуры человека и орнаментальным поясом.

В помещениях были обнаружены пять пряслиц, два куса железного плака, обломанные железные ножи, железные и бронзовые гвозди, две бронзовые сережки из проволоки и бронзовый перстень со щитком, на котором вырезан узор в виде солярного знака.

Основными занятиями жителей поселения были земледелие, о котором свидетельствует найденный в помещении В обломок серпа³⁹, и скотоводство, судя по большому количеству найденных в ямах и на полу помещений костей домашних животных, а также гончарное и ткацкое ремесла, о чем говорят находки местных лепных сосудов и пряслиц. Было развито рыболовство — в одном из помещений обнаружены кусок каменного грузила и кости рыб. Широко практиковалось собирание мидий.

О религиозных представлениях обитателей поселка говорит находка терракотовых статуэток богинь⁴⁰. Наиболее ранняя из них — сидящая фигурка VI в. до н. э. — близка по типу терракотам из Ольвии и Тиритаки⁴¹. Вторая статуэтка также изображает сидящую на троне богиню. Она близка греческим терракотам V в. до н. э. и напоминает фигурку из Катании. От третьей статуэтки уцелел лишь край женской одежды с остатками краски. Все три статуэтки свидетельствуют о поклонении жителей поселения женскому божеству.

В IV в. до н. э. поселение в районе восточного склона горы Опук перестало существовать. Может быть, оно погибло от землетрясения, но, возможно, оно было покинуто в связи с изменением политической обстановки. В первой половине IV в. до н. э. происходила война Боспора с Феодосией, закончившаяся присоединением Феодосии к Боспорскому государству. Может быть, Киммерик был завоеван боспорскими царями в то же время и вошел в состав Боспорского царства. Не исключено, что именно с этим событием и связано перенесение центра поселения на западный склон горы Опук, сопровождавшееся, вероятно, ростом города и его округи.

Второе поселение, существовавшее в VI—V вв. до н. э., находилось в 5 км к югу от Нимфея, в 2,6 км от южной окраины современного с. Героевка⁴². Поселение было расположено на берегу Черного моря, на

³⁹ Форму серпа можно восстановить. Подобные серпы были известны в Греции в VI в. до н. э. (*Hesperia*, VII, 1938, 2, стр. 210, рис. 44 — AM-213).

⁴⁰ *И. Т. Кругликова*, 1970в, табл. 27, 1, 2 и 4.

⁴¹ *Е. И. Леви*, 1970, табл. 27, 1 и 2; *В. Ф. Гайдукевич*, 1952а, стр. 79, рис. 95. Аналогии см.: *Е. Paul*, 1962, табл. 22, 74.

⁴² Раскопки проводились Восточно-Крымским отрядом в 1956, 1957 и 1963 гг. См.: *И. Т. Кругликова*, 1960, стр. 70. За три года раскопок на шести раскопах была вскрыта площадь около 650 кв. м, при этом один из раскопов имел площадь 350 кв. м.

высоком ровном плато, сильно подмываемом морем, в самой возвышенной части берегового обрыва, который к югу от Героевки постепенно повышается, а затем к Тобечикскому озеру вновь понижается. Берег здесь примерно на 15 м выше современного уровня моря. Со стороны моря в обрыве берега видны ямы, заполненные золистым грунтом и обломками керамики, кое-где обнаруживаются камни кладок и вымосток. Раскопки показали, что восточная часть поселения уже обрушилась в море, но каковы размеры утраченной части, установить трудно. Протяженность поселения с севера на юг не менее 1 км, тогда как с востока на запад культурный слой сохранился лишь на узкой полосе шириной менее 100 м (рис. 10).

Надо сказать, что культурный слой с ямами, каменными кладками и скоплениями керамики тянется не непрерывно. Он концентрируется на отдельных участках в виде пятен различной протяженности. Можно предполагать, что эти пятна соответствуют местам, где стояли сельские усадьбы с их хозяйственными дворами и зерновыми ямами. Примерная протяженность этих участков с севера на юг 55, 27, 30, 25 и 50 м. Между усадьбами, по-видимому, находились огороды и сады. Им соответствуют участки, почти не имеющие культурного слоя. Их протяженность 74, 75, 38 и 137 м. Нам неизвестна ширина этих участков, поэтому нельзя установить их размеры.

Отсутствие следов каких-либо оборонительных сооружений и расположение построек на значительном расстоянии одна от другой заставляют видеть в этом поселении античную деревню, которая была расположена, вероятно, на землях хоры Нимфея.

Самый ранний культурный слой, соответствующий времени возникновения поселения, датируется здесь VI—V вв. до н. э. К нему относятся каменная вымостка, четыре зольные ямы, остатки печи и, вероятно, цистерна для сбора воды, сложенная из крупных известняковых блоков. Яма 1, открытая в 1956 г., имела колоколовидную форму, глубину 1,3 м и диаметр дна 1,4 м. Горловина ямы диаметром 0,5 м была обложена плоскими известняковыми камнями. Яма была заполнена золистым грунтом с обломками хиосских амфор, чернолаковых и лепных сосудов. Остальные три ямы имели цилиндрическую форму, диаметр 0,95—1 м, глубину от 0,9 до 1,15 м. Одна из них (яма 4) была заполнена золистым грунтом, в котором найдены два горла хиосских амфор V в. до н. э., обломки чернолаковых сосудов, железный меч-акинак с сердцевидным перекрестьем (рис. 11) и два железных ножа. В другой яме (7) найдены обломок открытого ионийского светильника VI в. до н. э. и железный гвоздь. Третья яма (8) была заполнена рыхлым коричневым грунтом с обломками чернолакового сосуда и пухлогорлых хиосских амфор VI—V вв. до н. э.

От глинобитной печи конца VI — начала V в. до н. э. уцелели две глиняные лепешки толщиной 3 см с загнутыми вверх краями, которые опирались на центральный глиняный столбик. К печи примыкала наполненная золой яма.

На дне небольшой балки, спускавшейся с запада на восток в сторону моря, находилась цистерна. Вода, стекая по балке, собиралась в эту

**Рис. 10. Поселение
у с. Героевка**

- 1—4, 6—9 — ямы;
 5 — камень и яма;
 10 — каменная
 кладка;
 11, 12 — землянки;
 13 — свалка кера-
 мики;
 14 — шурфы;
 15 — блиндажи;
 16 — окопы;
 I—V — раскопы

0 25 м

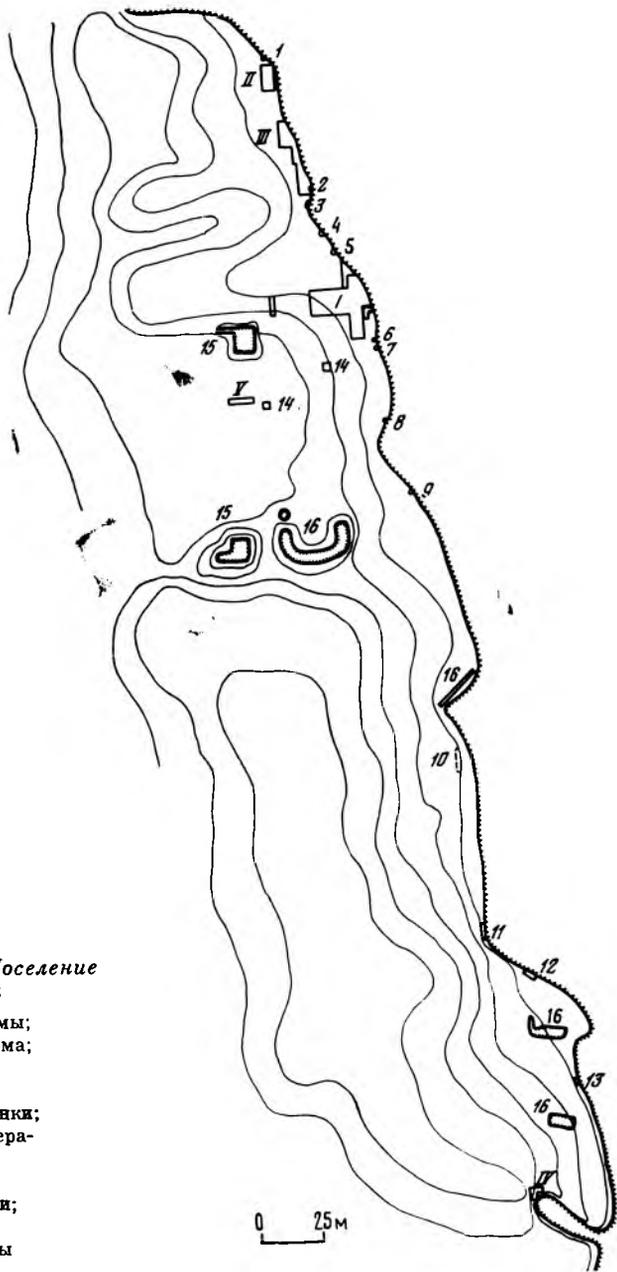

Рис. 11. Железный меч-акинак V в. до н. э. (Героевка)

цистерну. Цистерна была прямоугольной (1,6×1,8 м), со стенками, тщательно выложенными из известняковых блоков (65×25×28 см; 38×25×28 см; 42×20×27 см и др.). Книзу цистерна слегка расширялась. Блоки, составлявшие ее стенки, имели прекрасно обработанную внутреннюю поверхность. Внешние торцовые стороны квадратов обработаны неодинаково, углы их скошены (вероятно, для удобства укладки блоков). Вдоль внутреннего юго-западного угла цистерны и на всех расширенных угловых блоках южной и западной ее стенок сделаны небольшие, регулярно размещенные углубления для установки деревянных или металлических брусков, по которым можно было бы спускаться внутрь цистерны для ее чистки или ремонта.

Обвал берега обнажил 27 рядов каменной кладки цистерны общей высотой 8 м. Цистерна, построенная, вероятно, в конце VI или начале V в. до н. э., продолжала функционировать до III в. до н. э., когда ее засыпали мусором.

Дома VI в. до н. э., которые соответствовали бы времени основания поселения, нам открыть не удалось. По-видимому, они были глинобитными и полностью разрушены. Раскопки доказали, что древнейшее поселение представляло собой группу обособленно стоявших жилищ, окруженных приусадебными участками. Это подтверждает мнение Е. И. Леви и А. Н. Карасева, что в архаический период в Северном Причерноморье отдельные дома строились на некотором расстоянии один от другого⁴³, что жилой дом располагался на одной из сторон прямоугольного двора, отгороженного сырцовой стеной, а хозяйственные постройки и помещения для скота строились отдельно от дома во дворе⁴⁴. Вполне возможно, что такой же была и усадьба на Героевском поселении.

В слое VI—V вв. до н. э. встречены обломки хитоских пухлогорлых и сероглиняных амфор, обломки чернолаковых, аттических чернофигурных и краснофигурных сосудов, куски лепных грубоглиняных и лощеных сосудов, часть открытого ионийского светильника, обломки лутериев, ионийский амфориск с полосами лака по плечикам и тулову⁴⁵, край ионийской чаши с полосами лака.

⁴³ А. Н. Карасев, 1948, стр. 25 сл.

⁴⁴ Е. И. Леви, А. Н. Карасев, 1955, стр. 217.

⁴⁵ Обломки таких амфорисков найдены при раскопках архаического дома в Тиритане.

Вещи, относящиеся к VI—V вв. до н. э., были найдены и в слоях более позднего времени, куда они попали при земляных работах, потревоживших нижний культурный слой. Так, к VI в. до н. э. следует отнести обломки терракотовых статуэток богини (рис. 12)⁴⁶, обломки расписных ионийских киликов. Обилие расписной керамики отличает поселение у Героевки от всех остальных сельских поселений и свидетельствует о том, что быт жителей этого поселка мало чем отличался от быта горожан.

По-видимому, расцвет поселения относится к концу V—IV в. до н. э. В это время появляются дома с каменными стенами. К сожалению, ни один дом полностью не сохранился. Уцелели только части стен от двух домов, расположенных в восточной и западной частях раскопа I. Восточный дом находился в 6 м к югу от цистерны, а западный дом — примерно в 5 м к западу от него. Восточный дом, по-видимому, частично уже обрушился в море. Удалось проследить, что его камешные стены стояли на слоевой субструкции, состоявшей из чередующихся прослоек глины и золы. Субструкции подобного типа известны нам из раскопок милетских колоний — Ольвии⁴⁷ и Истрии⁴⁸. В Ольвии они характерны для эллинистического периода. Там слоевые субструкции из чередующихся тонких прослоек чистого лёсса и золы земли, плотно утрамбованные в специально вырытых котлованах, заменяли каменные фундаменты⁴⁹. Слоевые субструкции тяжелых каменных построек общественного назначения были очень мощными. Глубина вырытой для них канавы достигала 3,5 м.

На Боспоре слоевые субструкции впервые обнаружены в Героевке. Там мощность субструкции была небольшой, иногда значительно меньше 1 м. По-видимому, постройки, для которых эти субструкции возводились, также не были фундаментальными.

Восточный дом, который сейчас находится на самом берегу моря, был возведен в конце V или в начале IV в. до н. э. вблизи цистерны. Он сохранился лишь частично. Его северная стена стояла на слое золы, а под примыкавшей к ней с юга стеной 1 — смежной стеной двух помещений — была субструкция из трех слоев глины, перемежавшихся тремя слоями золы. Уцелело лишь одно восточное помещение, площадь которого была не менее 12 кв. м. От западного помещения сохранилась часть вымостки в северо-восточном углу. Уровень ее плит соответствует уровню черепяной вымостки внутри смежного восточного помещения. На плитах вымостки лежала раздавленная гераклеийская амфора. Насколько далеко к западу тянулось это помещение, сказать нельзя. Его западная часть пол-

Рис. 12. Нижняя часть терракотовой статуэтки VI в. до н. э. (Героевка)

⁴⁶ И. Т. Кругликова, 1970г., стр. 103, табл. 46, 1—4.

⁴⁷ ОАК за 1907 г., стр. 30; А. Н. Карасев, 1955, стр. 193; Он же, 1964, стр. 117, рис. 71.

⁴⁸ S. Dimitriu, 1966, стр. 34, рис. 9.

⁴⁹ А. Н. Карасев, 1964, стр. 193.

ностью разрушена. К северо-восточному углу помещения примыкал водосток из двух рядов поставленных на ребро камней. Он тянулся в сторону цистерны и, возможно, отводил в нее воду, падавшую с крыши восточного дома.

По-видимому, дом этот имел вытянутую форму, и помещения были смежными, примыкавшими к одной общей северной стене, как и в описанном выше доме на восточном склоне горы Опук (Холм А). Аналогичный дом был открыт и на поселении Южно-Чурубашское, которое, так же как и Героевское, находилось на территории хоры Нимфея. Такого же типа архаический дом вытянутой формы, имевший три смежных помещения, пристроенных к одной северной стене, был открыт в Тиритаке⁵⁰. Этот дом второй половины VI в. до н. э. близок домам, обнаруженным на острове Березань⁵¹. На территории Греции такие дома открыты во Врулии⁵² и в Милете⁵³.

К югу от дома находился, по-видимому, хозяйственный дворик с большими зерновыми ямами (6 и 8), которые в IV в. до н. э. были засыпаны золой с небольшим количеством черепков.

Восточный дом был, вероятно, жилым и использовался довольно долгое время. В IV в. до н. э. пол внутри его восточного помещения был вымощен черепками, лежащими в слое морского берегового песка с мелкими ракушками.

Вторая постройка, воздвигнутая в V в. до н. э. и погибшая в IV в. до н. э., находилась примерно в 5 м к западу от первого дома. Ее южная стена (4) перекрывала яму (5) грушевидной формы, глубина которой 1,23 м, диаметры дна 1,33 м и горла 0,5 м.

Между ямой и стеной были найдены обломки чернолаковых сосудов V в. до н. э., что позволяет отнести к этому времени сооружение западной постройки. Под камнями основания стены лежит слой глины и ниже — слой золы. На глину положены крупные камни, а на них на глиняном растворе — более мелкие. В основании западной стены (6), так же как и стены (4), лежат более крупные камни, на которые на глиняном растворе положены шесть рядов плоских мелких камней. На плоских камнях лежала стена из сырцовых кирпичей, сохранившаяся в высоту на 0,2—0,25 м. Кирпичи толщиной 0,07 м сделаны из чистой желтоватой глины. Между кирпичами была прослойка темной глины толщиной 0,01—0,015 м.

Трудно сказать, каковы были план и размеры западного дома. Судя по тому, что к востоку от стены 6 сохранились кусок каменной вымостки и зольная яма 3, можно предположить, что здесь находился хозяйственный дворик. От вымостки уцелели восемь плит, под которыми лежал слой глины, аналогичный слою, подстилающему стену 4. На плитах вымостки найден кусок терочника от зернотерки овальной формы из очень твердого камня-конгломерата темно-фиолетового цвета. Над частью

⁵⁰ В. Ф. Гайдужевич, 19526, стр. 74 сл.; Е. И. Леви, А. Н. Карасев, 1955, стр. 217, рис. 1.

⁵¹ О. А. Аргамонова, 1940, стр. 49—54.

⁵² К. Kinch, 1914, стр. 117—124.

⁵³ С. Weickert, 1929, стр. 167.

Рис. 13. Край солена (Героевка)

хозяйственного дворика, возможно, был устроен навес. Об этом говорят остатки глинобитной прямоугольной печи, примыкавшей с востока к стене 6. Найдены обломки амфор, в том числе венец сероглиняной лесбосской амфоры, чернолаковых сосудов со штампованным узором в виде пальмет и ов, краснофигурного скифоса второй четверти V в. до н. э. с изображением совы⁵⁴. Яма была засыпана в IV в. до н. э.

Слой V—IV вв. до н. э. более других насыщен привозными вещами, свидетельствующими о процветании поселения. В нем были найдены обломок мраморного акротерия, фрагмент аттического краснофигурного лекифа второй половины V в. до н. э. с изображением мужской фигуры, стоящей перед алтарем. К этому времени относится и обломок архитектурной терракоты — край солена, украшенного пальметами (рис. 13).

В IV в. до н. э. в жизни поселения происходят какие-то перемены. В это время перестал существовать западный дом, во дворе которого находилась яма 3. По-видимому, в IV в. до н. э. перестала функционировать цистерна. Не исключено, что разрушения IV в. до н. э. следует связывать с военными действиями Сатира I во время его похода против Феодосии. Впрочем, может быть, изменения на поселении были вызваны переменами во всем укладе жизни хоры Боспорского царства. Эти перемены могли произойти не сразу после включения территории в состав Боспора, а постепенно, в течение длительного времени, в связи с изменением в характере землевладения. Несмотря на какие-то потрясения и перемены, жизнь на поселении все же полностью не прекратилась.

⁵⁴ S. Dimitriu, P. Alexandrescu, 1965, табл. 33, 3, 4.

Поселение Южно-Чурубашское находилось в пределах хоры Нимфея, в 6 км к северо-западу от него. Еще в середине XIX в. к югу от Чурубашского озера на поверхности земли можно было видеть следы каменных оград и остатки древних построек, которые были нанесены на карту землемером Рябовым в 1852 г.⁵⁵ В 1938 г., обнаружив в архиве Института истории материальной культуры план окрестностей Чурубашского озера, снятый Рябовым, В. Ф. Гайдукевич обследовал территорию, расположенную в 5,5 км к северо-западу от Нимфея, у юго-западной оконечности Чурубашского озера. Между дорогой, которая вела от с. Приозерное в с. Челябинцево, на северном склоне долины в 1938 г. можно было еще увидеть остатки стен, разделявших склон на ряд участков. Стены были сложены из плит «дикарного» камня, поставленных на ребро двумя параллельными рядами с забутовкой между ними. На мысе, выступавшем между двумя разветвлениями долины в ее юго-западном конце, были видны следы каменных построек.

В. Ф. Гайдукевич полагал, что здесь были остатки небольшого поселения (κώμη), которому принадлежали земельные участки, разделенные межевыми стенками на северном склоне долины. Эти участки, хорошо защищенные от ветров и обращенные к югу, могли быть использованы под виноградники⁵⁶. К середине XX в. на поверхности уже не было видно кладок, но при проведении здесь земляных работ в 1960 г. обнаружены камни стен и зольник. В 1963 и 1964 гг. Восточно-Крымский отряд провел здесь раскопки⁵⁷.

На плато между разветвлениями долины были заложены шесть раскопов различной величины, разбросанных на площади 350×150 м (рис. 3). На центральном раскопе (III) площадью 428 кв. м обнаружены остатки нескольких домов, относившихся к периоду от самого конца VI до III в. до н. э. (рис. 14).

От домов конца VI—V в. до н. э. сохранились лишь отдельные обрывки стен, планы домов не восстанавливаются. Ясно только, что дома были каменными, наземными. Стены их сложены на глине из необработанных камней различных размеров и формы. К этому времени относятся обломки расписных чернофигурных сосудов, в том числе чернофигурного кратера, кусок стенки колхидского пифоса, обломки пухлогорлых хиосских и сероглиняных лесбосских амфор⁵⁸.

По-видимому, V в. до н. э. датируется яма глубиной 0,75 м и диаметром 1,5—1,8 м, находившаяся под стеной дома 2. Она была заполнена землей и битой керамикой. Преобладали обломки амфор, в том числе хиосских пухлогорлых, фасосских и гераклейских. Встречены обломки амфор с полосами, выполненными черной и красной краской, а также единичные обломки лепных горшков. На одной из ручек фасосской амфоры имелось прямоугольное клеймо конца V — начала IV в. до н. э. с изображением

⁵⁵ См.: В. Ф. Гайдукевич, 1940, стр. 317.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ В раскопках принимали участие И. Т. Кругликова (начальник экспедиции), И. П. Приходько, Б. Г. Петерс, В. В. Веселов, В. А. Могильников и Т. М. Смирнова — научные сотрудники.

⁵⁸ И. Б. Зеест, 1960, стр. 72, табл. II, 7; III, 10 и 11.

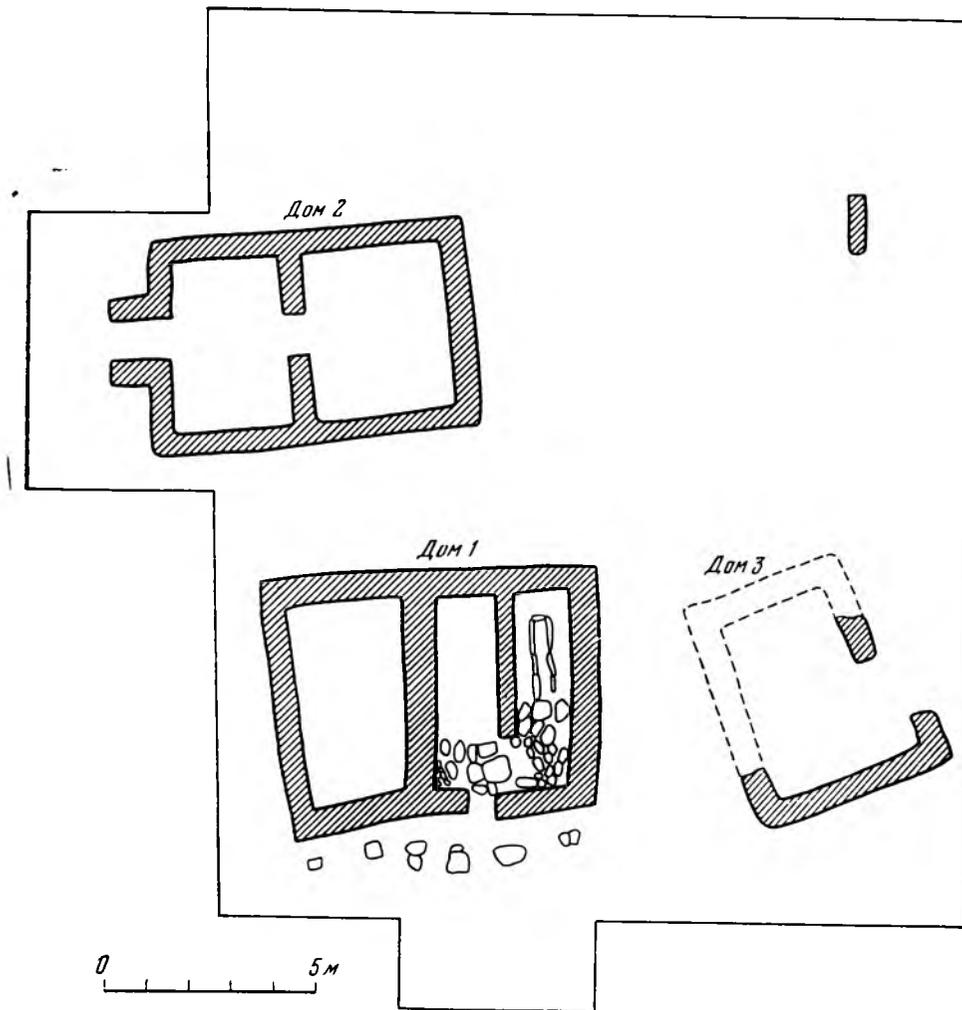

Рис. 14. Поселение Южно-Чурубашское. Остатки домов на раскопе III

в центре зайца⁵⁹. На двух горлах гераклейских амфор также частично сохранились энглифические клейма. Одно из клейм содержало имена магистрата Скифа (Σκίφα) и фабриканта Агафа. Имена оттиснуты двумя разными штемпелями, приложенными под углом один к другому⁶⁰.

⁵⁹ Ю. Г. Виноградов датирует его концом V — началом IV в. до н. э. Аналогичное клеймо имеется в Эрмитаже (Е. М. Придик, 1917, стр. 53, № 389 и табл. IV, 15).

⁶⁰ По классификации И. Б. Брашинского это клеймо с 'ελι должно бы относиться к последней трети IV в. до н. э. Однако весь остальной материал из ямы застав-

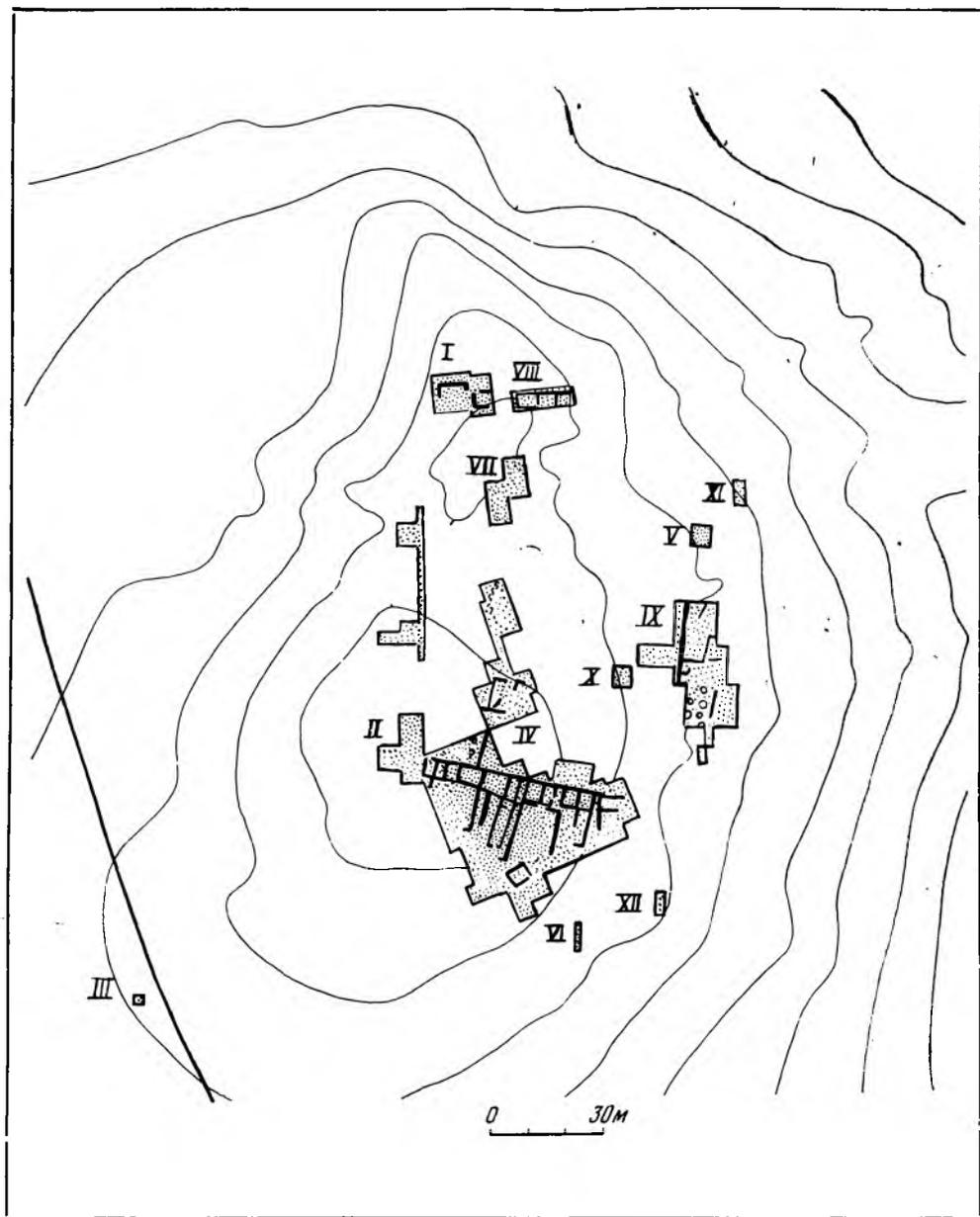

Рис. 15. Поселение Андреевка Южная. Топографическая съемка
I—XII — раскопы

Это поселение, по-видимому, первоначально было небольшим и небогатым. Может быть, здесь стояли лишь отдельные домики на значительном расстоянии один от другого. При перестройках домов в IV в. до н. э. использовали камни от старых кладок, из-за чего так плохо сохранились древние постройки. Это позволяет предполагать непрерывность жизни на поселении с конца VI по III в. до н. э.

Иной была история сельского поселения Андреевка Южная, обнаруженного в 11 км к западу от Керчи и в 4 км к югу от пос. Багерovo⁶¹. Поселение располагалось на небольшом холме в долине, обрамленной скалистыми грядами (рис. 15). Холм был обитаем уже в эпоху бронзы. От того времени сохранились обломки лепных сосудов, поверхность которых покрыта гребенчатым и шнуровым орнаментом, сосудов с валиками на плечиках (рис. 16, 1), а также кремневый наконечник копья (рис. 16, 2) и обломки кремневых орудий.

Непосредственно над слоем эпохи бронзы лежал слой VI в. до н. э. с обломками хиосских пухлогорлых амфор⁶², амфор с полыми донцами VI в. до н. э., ионийских амфор с полосами, нанесенными красной краской, а также с обломками лепных сосудов, часть которых имела лощеную поверхность. По-видимому, в VI в. до н. э. здесь возникло новое сельское поселение. Первоначально оно располагалось на восточном и южном склонах холма. Именно там были обнаружены при раскопках слои конца VI—начала V в. до н. э. Остатки поселения, относящиеся к этому времени, очень незначительны. О его существовании говорят остатки каменных стен под полами усадьбы, построенной в IV в. до н. э., завалы сырцовых стен от обрушившихся в пожаре помещений, лежащие под постройками IV в. до н. э., и зерновые ямы. О том, что на поселении жили уже во второй половине или в конце VI в. до н. э., свидетельствуют обломки амфор с полыми донцами⁶³, хиосских пухлогорлых⁶⁴, ионийских с полосами лака, сероглиняных и др. Значительно больше находок относится к V в.

Рис. 16. Находки из нижнего слоя поселения Андреевка Южная

- 1 — обломок лепного горшка;
2 — кремневый наконечник копья

ляет датировать его временем не позднее начала IV в. до н. э., когда яма, по-видимому, была засыпана мусором.

⁶¹ И. Т. Кругликова, 1968б, стр. 206 сл. Раскопки поселения проводились экспедицией ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой с 1964 по 1968 г. и в 1970 г.

⁶² И. Б. Зеест, 1960, табл. I, 4.

⁶³ Там же, табл. II, 4.

⁶⁴ Там же, табл. III, 10 и 11а.

до н. э. Среди них обломки амфор со стаканообразными ножками⁶⁵, амфор типа Солоха I⁶⁶, хиосских⁶⁷ и с рюмковидными ножками⁶⁸.

Каким было это поселение в конце VI и в V в. до н. э., сказать с уверенностью нельзя. Судя по незначительным остаткам строений и мало-мощному культурному слою, поселение в то время состояло из небольшого количества изолированных домов. У нас пока нет возможности уверенно ответить на вопрос о том, кто основал это античное поселение и кем были его первые обитатели. Ими могли быть жители Пантикапея — ближайшего античного города — или какого-нибудь другого из боспорских городов. Однако не исключено, что на месте оставивших поселок киммерийцев обосновались скифы. Они могли быть из числа скифов-кочевников, часть которых в это время начала оседать на землю и заниматься земледелием. Небольшая площадь вскрытых раскопками слоев VI—V вв. до н. э. не позволила отметить какие-либо типично скифские черты в образе жизни первых обитателей поселка. Однако обращает на себя внимание тот факт, что обломки лепных горшков с орнаментом в виде вдавлен и без него найдены в нижнем культурном слое (рис. 17).

Удалось расчистить часть дома (раскоп IX, дом 4), относившегося к концу VI — началу V в. до н. э. Этот дом был углублен в землю. На его глинобитном полу прослеживается пятно сажи. Над полом лежал завал обгорелого сырца в виде рыхлого комковатого слоя красноватого цвета толщиной около 0,40 м. В горелом слое были найдены донце и край хиосской пухлогорлой амфоры, обломки амфор серой глины и амфор с полым дном, стенки амфор с красными полосами типа ионийских и края лепных сосудов.

Сразу под полом помещения выступает материковая скала. Она лежит на глубине 1,39 м от современной поверхности, местами — до 2,1 м, неровно, косыми пластами, образуя выступы. Углубления между выступами скалы были засыпаны щебенкой, под которой найдены обломки черволакового и лепного сосудов.

Стены углубленного в землю жилища были в нижней части каменными. От кладки его южной стены (11) сохранились три больших камня, стоявших на ребре. Щели между ними были заложены мелкими бутвыми камнями. Общая длина каменного основания стены с запада на восток 2,2 м. Затем камни слегка заворачивают к северу, а пятно горелого слоя, покрывавшего пол жилища, заканчивается. По-видимому, южная стена служила одновременно облицовкой земляной стены полуземлянки и основанием для сырцовых наземных стен жилища. Куски обожженной глины, которые заполняли помещение, вероятно, были остатками глинобитных стен, возвышавшихся над дневной поверхностью и лежавших частично на верхних ребрах плит, частично на поверхности земли. Глинобитные стены обрушились внутрь помещения, но куски обожженных в пожаре стен оказались и вне границ жилища. Пятна обожженной глины

⁶⁵ И. Б. Зеев, 1960, табл. III, 96.

⁶⁶ Там же, табл. XV, 326.

⁶⁷ Там же, табл. IV, 12.

⁶⁸ Там же, табл. XII, 25а.

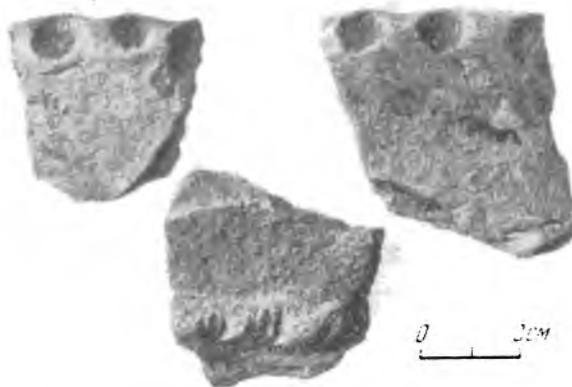

Рис. 17. Обломки лепных горшков (Андреевка Южная)

и золы лежали на дневной поверхности, которая соответствовала периоду разрушения дома. Размеры и план жилища VI—V вв. до н. э. установить не удалось. Можно лишь утверждать, что дом этот принадлежал земледельцу, хранившему зерно в больших зерновых ямах.

Были открыты три ямы, относившиеся ко времени существования дома. Первая из них находилась примерно в 2 м к юго-западу от дома. Она сильно разрушена и имеет сейчас неправильные очертания. Еще одна яма диаметром 2,3 м расположена в 2 м к юго-западу от первой. Она была частично вырублена в предскальном известняковом щебенчатом грунте, частично высечена в скале до глубины 0,7 м. В яме найдены фасосская амфора, обломок бусины в виде человеческого лица из цветной египетской пасты, терракотовая статуэтка Кибелы с львенком на коленях и много битой посуды, в том числе обломки фасосских и гераклейских амфор, амфор с колпачковыми и рюмковидными ножками, сероглиняных круговых и грубоглиняных лепных сосудов. Третья из ям VI—V вв. до н. э. была расположена в 5,5 м к югу от предыдущей. Эта яма глубиной 1 м и диаметром 1,8 м имела цилиндрическую форму и была вырыта частично в слое коричневого суглинка, частично в каменистом предскальном материковом грунте. В яме найдены обломки амфор с колпачковой ножкой V в. до н. э., фасосской, ионийской с красной полосой, лепных горшков, чернолаковых и сероглиняных круговых сосудов, а также часть каменного топора.

К V в. до н. э., но к несколько более позднему времени, чем жилище 4 с тремя зерновыми ямами, относится дом 3 с двориками, остатки которого обнаружены на восточном склоне холма (раскоп IX). В строительстве дома можно проследить два периода. Дом 3 имел два глинобитных пола и частично сохранившиеся наземные каменные стены. Стены были двухпанцирными с бутом посередине. Нижний, более ранний пол дома лежал непосредственно на выступах материковой скалы. Он был глинобитным.

В покрывавшем его горелом слое найдены терракотовая головка от протомы Коры, небольшой одноручный сосудик, обломки амфор — гераклейских, фасосских, боспорских — и плоское дно лепного сосуда.

По-видимому, концу V в. до н. э. принадлежат верхний пол помещения и смежный с ним дворик, вымощенный плоскими камнями. Этот пол был обмазан желтой глиной с примесью известняковой крошки. Толщина обмазки 0,05 м. Непосредственно на глиняной обмазке пола найдены обломки гераклейской амфоры с двустрочным энглифическим ретроградным клеймом Эварха при магистрате Ликоне IV в. до н. э. и ручки боспорских, фасосских и гераклейских амфор. При прокапывании пола в глиняной обмазке его найден край еще одной гераклейской амфоры с остатком клейма. По-видимому, этот дом функционировал до IV в. до н. э., когда над ним построили новый дом, больших размеров.

Поселение Андреевка Южная возникло, вероятно, как небольшой поселок в тот период, когда эта территория находилась еще вне хоры Боспорского государства. Включение этих земель в хору нового государства, возможно, произошло при Археанактидах. В результате нового статуса земель изменились и хозяева поселка, а с ними и его внешний вид. На смену углубленным в землю полуземлянкам пришли каменные дома. Вероятно, здесь возникла боспорская деревня, жизнь которой подчинялась общим законам социального развития Боспора. В IV в. до н. э. в облике деревни, основанной на мелкой земельной собственности, произошли серьезные изменения, которые связаны уже со следующим периодом в истории Боспора.

Итак, археологические раскопки проливают свет на древнейший период истории сельскохозяйственной территории Боспора. Здесь, как и в греческих городах Средиземноморья, земледелие и сельское хозяйство составляли главное занятие подавляющего большинства греческих переселенцев. Сельские поселения возникали почти одновременно с основанием городов, в их хоре, которая включала прилежавшие к городу земли в радиусе около 5—7 км. Существование регулярной разбивки хоры на клеры вблизи городов Боспора в VI—V вв. до н. э. можно только предполагать по аналогии с хорой Херсонеса. Археологические остатки клеров VI—V вв. до н. э. не обнаружены. Сельские поселения представляли собой деревни из изолированно стоявших домов, окруженных приусадебными участками. Расстояния между усадьбами были различны. Дома первых поселенцев были небольшими и небогатыми. Они сооружались из необработанных камней (Холм А), плитняка (Героевка) или сырцовых кирпичей на каменных цоколях (Андреевка Южная). Иногда применялись слоевые субструкции. В деревнях были общественные водоемы и общественные постройки-святые места. На землях, не входивших в хору городов, также существовали поселки местного земледельческого населения — скифов, меотов, синдов и др. Местные жители сохраняли свои приемы домостроительства, например дома-полуземлянки в Андреевке Южной. С расширением хоры Боспора местное население было частично вытеснено с этих земель.

Наибольшее количество открытых в Северном Причерноморье сельских поселений относится к IV—III вв. до н. э. Именно об этом периоде говорит большая часть письменных источников, сохранивших данные о размежевании полей, об устройстве сельскохозяйственной территории и об экспорте хлеба. Наиболее важными из них являются присяга граждан Херсонеса⁶⁹, надпись на постаменте статуи Агасикла⁷⁰, свидетельства Полиена о существовании управляющих селами на Боспоре (*Polyaen. Strateg.*, VI, 9,3), Диодора — о размежевании Евмелом земли и выделении 1 тыс. участков переселенцам из города Каллатии (*Diod. Syc.*, XX, 25), Демосфена и Страбона — о вывозе хлеба из Боспора в Афины (*Demosth. Adv. Lept.*, 32; *Strabo*, VII, 4, 6), декрет Митилены в честь Левкона⁷¹. Этот период был временем расцвета сельскохозяйственных поселений не только на Боспоре, но и в районе Ольвии⁷² и в Херсонесе. Земледелие играло тогда первостепенную роль в экономике античных государств Северного Причерноморья. Широко известна большая роль земледелия в экономике Боспора IV в. до н. э. При боспорском правителе Левконе I (389/8—349/8 гг. до н. э.) из Боспора в Афины ежегодно вывозилось 400 тыс. медимнов хлеба — эту цифру называет Демосфен в речи против Лептина (*Demosth. Adv. Lept.*, 32). Страбон же говорит, что Левкон однажды послал афинянам 2100 тыс. медимнов хлеба (*Strabo*, VII, 4, 6). Если согласиться с расчетами А. Жарде и принять, что в Аттике в 329 г. до н. э. получили урожай в 402 512 медимнов зерна, из которых пшеницы было только 32 112 медимнов⁷³, то цифры боспорского экспорта зерна в Аттику покажутся грандиозными. Даже если учесть свидетельство Теофраста о легковесности понтийской озимой пшеницы (*Theophr.*, VIII, 4, 5) и принять цифры Плиния, который, классифицируя зерновые по весу и считая зерно из Галлии и Херсонеса самым легковесным, определяет его вес в 74 кг на гектолитр, то 2100 тыс. медимнов, или 1 103 130 гектолитров, боспорского зерна должны были весить около 81 631 тонны. Уже эти цифры показывают, что боспорские цари располагали огромным количеством зернового хлеба. А ведь Левкон с сыновьями вывозили пшеницу, кроме Афин, и в другие места, например в Митилену, о чем свидетельствует надпись, найденная на митиленском акрополе⁷⁴. Еще в начале III в. до н. э. боспорский царь Спарток мог отправить афинянам в виде подарка 15 тыс. медимнов хлеба, т. е. около 5831 тонны.

Все это говорит о том, что в IV—III вв. до н. э. сельская территория боспорского царства была достаточно обширной. Нам известно, что в титуле боспорского царя Левкона I, которого Демосфен называет хозяином *ἀρχος*) боспорского хлеба (*Demosth. Adv. Lept.*, 31), значилось «архонт

⁶⁹ IOSPE, I₂, № 401.

⁷⁰ IOSPE, I₂, № 418.

⁷¹ Б. Н. Граков, 1939, стр. 262, № 32; С. А. Жебелев, 1953а, стр. 133, примеч. 2.

⁷² В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 53; Ф. М. Штительман, 1956, стр. 225 и сл.; Она же, 1958, стр. 131 сл.

⁷³ А. Жарде, 1925, стр. 48.

⁷⁴ Б. Н. Граков, 1939, стр. 262, № 3.

Боспора и Феодосии, царь синдов, горетов, дандариев, псессов»⁷⁵, что борьбу за присоединение Феодосии начал еще Сатир I, умерший при осаде Феодосии (*Ulpian. Schol. ap. Demosth.*, XX) в 389/8 г. до н. э. Демосфен в речи против Лептина, произнесенной в 355/4 гг. до н. э., говорит, что Левкон устроил новый торговый порт Феодосию, через который разрешил афинским купцам вывозить хлеб без уплаты пошлины (*Demosth. Adv. Lept.*, 33). Таким образом, при Левконе I, т. е. в первой половине IV в. до н. э., сельская территория европейской части Боспорского царства включала весь Керченский полуостров вплоть до Феодосии. Кроме этих земель, во владения Боспора входили земли на азиатском берегу Керченского пролива. По-видимому, Синдикой боспорский царь распорядился уже в конце V или в начале IV в. до н. э.⁷⁶, а ко времени Перисада I (349/8—310/9 гг. до н. э.) владения Боспора простигались примерно до современного Новороссийска. В одной из надписей указано, что Перисад был «правителем всей земли, какая лежит между крайними пределами тавров и границами Кавказской земли»⁷⁷.

На таком большом пространстве существовали различные формы землевладения и различные типы сельских поселений. Сохранились старые земледельческие поселения аборигенных племен на общинных и племенных землях, возникли новые поселения на царской и городской землях, часть вновь захваченных земель была роздана боспорской знати, что, вероятно, способствовало возникновению новых рабовладельческих усадеб. Вряд ли сохранили прежние размеры и хоры боспорских городов.

Известно, что в конце IV — начале III в. до н. э. произошло новое размежевание земель херсонеситами на Гераклейском полуострове⁷⁸. При этом было выделено 450—470 средних и мелких земельных участков⁷⁹ дополнительно к уже возделывавшимся на Маячном полуострове. Мы видим, таким образом, что с ростом городского населения Херсонеса увеличивается и количество земельных участков, принадлежавших его гражданам. Тот же процесс в IV в. до н. э. наблюдается и на Боспоре. Если в ранний период существования здесь греческих городов обрабатываемая часть земли их хоры находилась не дальше 3—6 км от города, то в IV—III вв. до н. э. число сельских поселений и изолированных вилл неизмеримо возросло. Они располагались на значительно большей территории и были удалены иногда на 8—10 км от ближайшего города.

Аэрофотосъемка обнаружила на Керченском полуострове отдельные участки, сохранившие следы давно распланированных полей. Следы размежевания можно считать земляные валы в районе Чурубашского озера, вблизи сел Марьевка, Героевка, Михайловка, Красный Кут. Однако они еще требуют детального дополнительного исследования. Наличие огороженных земельных участков, включавших поля и виноградники, на землях пантикапейской хоры в IV—III вв. до н. э. подтверждается раскопками. Один из таких участков прямоугольной формы, огороженный ка-

⁷⁵ IOSPE, II, № 6 и 343; ИАК, 63, 1917, стр. 109, № 1 = КБН, № 6, 6а, 1414.

⁷⁶ В. А. Устинова, 1966, стр. 128 сл.

⁷⁷ IOSPE, II, № 9 = КБН, № 113.

⁷⁸ С. Ф. Стрелецкий, 1961, стр. 52.

⁷⁹ Там же, стр. 53.

Рис. 18. Поселение у с. Октябрьское. Ограда участка

менными стенками, открыт вблизи с. Октябрьское, в 10 км к западу от Пантикапея⁸⁰. Следы каменных стен, выступающие на поверхности почвы (рис. 18), позволяют предполагать, что в этом районе были и другие подобные участки, возможно клеры граждан Пантикапея (рис. 19).

Раскопки, проведенные на одном из таких клеров, установили, что кладки из бутовых камней и скопления черепиц, хорошо видимые на поверхности, остались от сельской усадьбы — небольшого дома с каменными стенами и черепичной крышей — центра земельного участка. Дом стоял на небольшом холме, позволявшем лучше обозревать участок и следить за людьми, которые его обрабатывали, — рабами или наемными рабочими. Земельный участок был небольшим — в IV—III вв. до н. э. размеры его не превышали 4,5—5 га, что соответствует величине клера рядового херсонесита на Маячном полуострове. Участок этот был обнесен каменной стеной, сохранившейся в виде валообразной насыпи. Удалось установить, что на участке имелся виноградник, помещавшийся на южном склоне гряды.

⁸⁰ Поселение открыто в 1958 г. См.: С. А. Семенов, В. Э. Кунин, 1962, стр. 259, № 5; В. В. Веселов, 1962, стр. 353, № 32, рис. 55, 56. В 1962 г. здесь проводила раскопки экспедиция ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой.

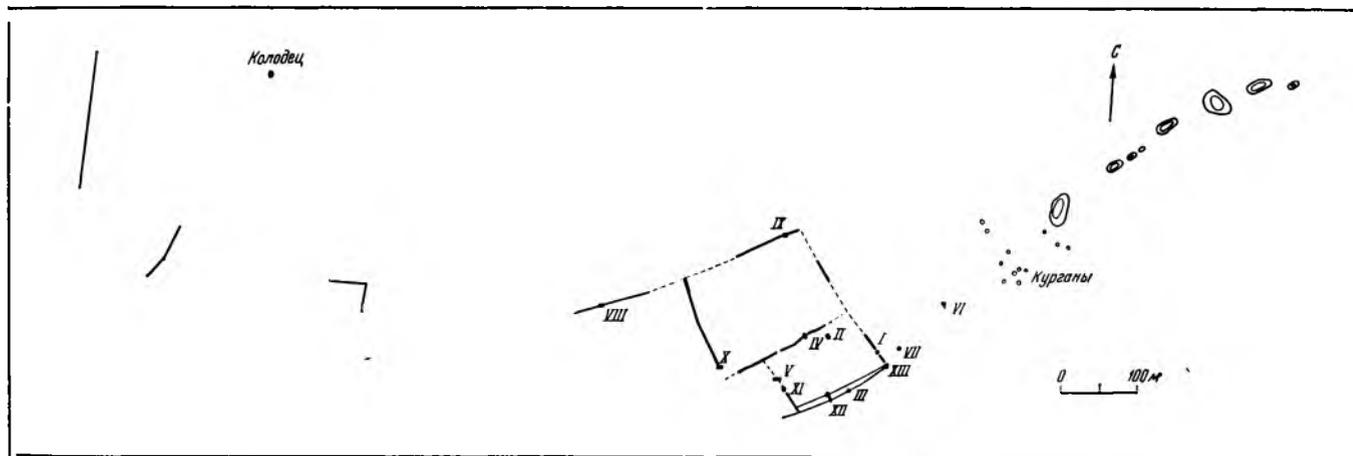

Рис. 19. План валов и стен поселения у с. Октябрьское
I—XIII — раскопы

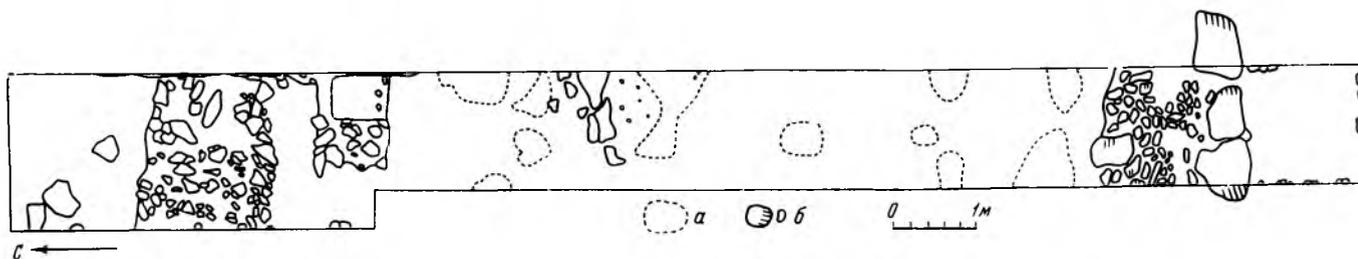

Рис. 20. Октябрьское. Раскоп на южном склоне
а — углубления, заполненные более мягким грунтом; б — камни

Были заложены 13 небольших раскопов в разных местах участка (рис. 19). Общая площадь всех раскопов составила 309,25 кв. м. Под валобразными земляными насыпями были обнаружены каменные двухпанцирные стены из крупных необработанных камней известняка с бутом посредине, ограждавшие клер с четырех сторон; толщина стен 1—1,45 м.

Интересные материалы дал раскоп, разбитый на южном склоне плато (рис. 20). Он перерезал южную ограду участка, находившуюся на довольно крутом склоне, и земляной вал, расположенный у начала склона на расстоянии 10,5 м от стены и параллельный ей. Южная ограда на этом крутом склоне выполняла частично еще и функции подпорной стены. Камни ее южного панциря были особенно крупными. Северная стена, также двухпанцирная, отделяла участок южного склона, где культивировался виноград, от участка пахотного поля, лежавшего на верхнем плато, и предохраняла от сползания и смыва земли пахотного поля.

При зачистке материкового слоя между южной стеной, ограждавшей участок, и северной подпорной стеной на глубине 0,5 м выявились круглые пятна более мягкого грунта, заполнявшего, вероятно, ямки от кустов винограда. Диаметр ямок от 0,3 до 0,45 м. Однако закономерность в расположении пятен на раскопанном участке уловить не удалось, что, возможно, объясняется повторными посадками с изменением расстояний между кустами.

Наличие специального, предназначенного под виноградник участка, на южном склоне гряды, защищенном от северных ветров и открытом солнцу, вполне согласуется с тем, что мы знаем о херсонесских клерах. Закономерно также отделение виноградника от хлебного поля каменной стеной, которая одновременно выполняла роль подпорной стены, удерживающей почвенный слой, межи и конденсатора влаги.

Дом владельца усадьбы находился, вероятно, на вершине небольшого скалистого холма, где наблюдалось наибольшее скопление керамики, черепицы и где еще в 1958 г. были видны каменные кладки стен⁸¹, а к 1962 г. сохранились отчетливые следы подтески скалы для кладки фундамента (раскоп V).

Дом в IV—III вв. до н. э. стоял около западной стены участка, толщина которой здесь достигала 1—1,1 м. К западу от стены, по-видимому, был полевой участок — может быть, хлебное поле; на нем нет ни следов щебенки, ни выходов скалы. Дом имел черепичную крышу, от которой сохранилось много битой черепицы главным образом боспорского производства, в том числе с клеймами IV в. до н. э. Астидама, Медока и Тимоста⁸². Найдены также синопские черепицы, на одной из них клеймо астинома Хариксенида и фабриканта Посейдония⁸³.

Среди керамики, найденной при раскопках усадьбы, имелись обломки хносских, фасосских, гераклеиских, синопских и косских амфор. На некоторых сохранились клейма IV—III вв. до н. э. Встречены только два обломка чернолаковых киликов IV в. до н. э., обломки круговых кувши-

⁸¹ С. А. Семенов, В. Э. Кунин, 1962, стр. 259.

⁸² В. В. Веселов, 1962, стр. 353, № 32, рис. 55 и 56.

⁸³ Наблюдение С. А. Семенова и В. Э. Кунина, что среди синопских черепиц были только солены, а среди боспорских — калиптеры (см.: С. А. Семенов, В. Э. Кунин, 1962, стр. 259), не подтвердилось.

нов, больших мисок, кастрюль и тонкостенных сосудов. Отсутствие обломков родосских амфор⁸⁴ и рельефных чаш показывает, что дом погиб, вероятно, еще до конца III в. до н. э.

Эта небольшая усадьба IV—III вв. до н. э. могла принадлежать рядовому гражданину Пантикапея. Виноградник, небольшие размеры жилых построек, наличие поблизости от участков групп курганов, в одном из которых была найдена протома Деметры, говорят о том, что в усадьбе проживал сам хозяин. Возможно, он сам с семьей с помощью домашних рабов обрабатывал землю. Возведение каменных оград вокруг участка, сооружение подпорных стен, вырубка в скалистом грунте ямок для виноградных кустов, конечно, было трудным делом, но посильным для семьи землевладельца с небольшим количеством рабов. Может быть, это был клер, выделенный одному из граждан Пантикапея при переделе хоры полиса при Сатире I или Левконе I, но не исключено также, что этот участок находился уже вне хоры города, на вновь захваченных царских землях — *χωρά βασιλική*.

Археологические разведки показали, что с расширением боспорских владений при Левконе I резко меняется характер сельскохозяйственной территории Боспора. Именно в IV в. до н. э. Керченский полуостров покрывается сетью небольших неукрепленных поселений, расположенных главным образом на ровных или слегка возвышенных местах. Планы таких поселений устанавливаются довольно легко. Это серия (от 7 до 20) небольших изолированных домов, расположенных на расстоянии 30—50 м и более один от другого. Стены домов сложены из мелких камней на глине. Сохраняются обычно лишь камни оснований стен, которые в большинстве случаев были более крупными. Иногда около дома имелись вымощенный дворик и небольшая хозяйственная постройка. В IV в. до н. э. на поселениях, существовавших в VI—V вв. до н. э., либо совсем прекращается жизнь (Холм А), либо разрушаются (возможно, частично) старые постройки и возводятся новые каменные дома (Героевка, Андреевка Южная, Южно-Чурубашское).

Среди сельских поселений, возникших в IV в. до н. э., были небольшие рабовладельческие усадьбы и деревни, в которых жили как боспоряне — потомки греческих переселенцев, граждане боспорских городов, так и осевшие на землю скифы или представители других племен, которым боспорский царь выделил землю для обработки.

Восточно-Крымской экспедицией были проведены раскопки на поселениях IV—III вв. до н. э. у сел Сазоновка, Слюсаревка, Марьевка, Марфовка, Огоньки, Сокольское, Октябрьское, Тасуново, Андреевка и др., расположенных в глубинной части Керченского полуострова, а также у с. Айвазовское к северу от Феодосии. Кроме того, исследовались приморские поселения Мысовое, Золотой Рожок, Золотое Восточное, Костырино.

Особый интерес представляют раскопки у с. Марьевка, примерно в 8 км к северу от Киммерика. Здесь обнаружены остатки восьми эллинистических поселений, расположенных севернее, южнее и восточнее

⁸⁴ Родосское клеймо II в. до н. э. (№ 219) найдено вне границ ранней усадьбы и относится к периоду, когда усадьба уже пришла в запустение.

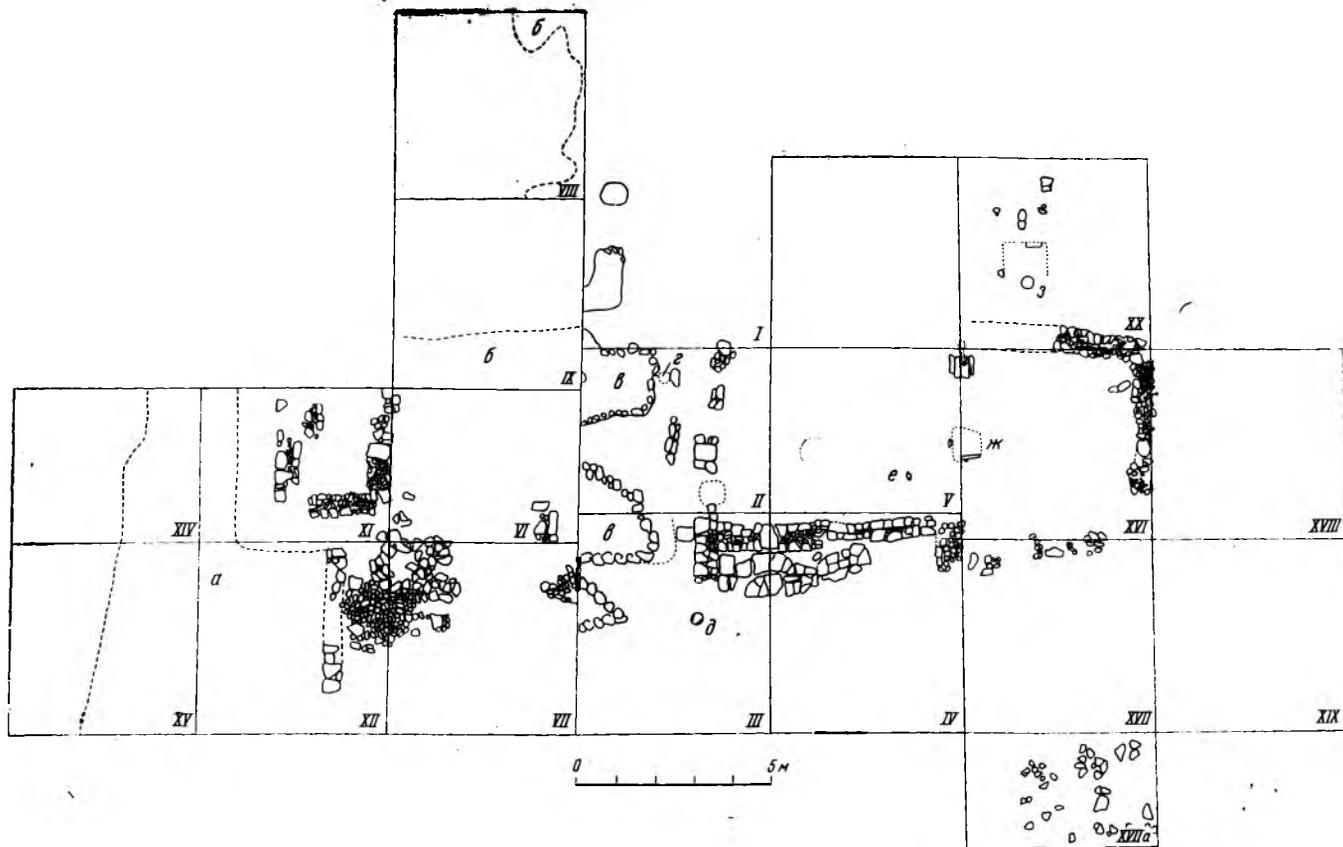

Рис. 21. Марьевка. План раскопа I

a — завал камней; б — завал мелких камней; в — развал камней; г — яма; д — дно амфоры; е — горло гераклейской амфоры; ж — очаг; з — амфора; I—XX — раскапываемые участки

Марьевки⁸⁵. Кроме того, здесь открыт некрополь с могилами, покрытыми огромными каменными плитами⁸⁶. Расчищена большая могила с несколькими костяками и керамикой эллинистического времени. Стенки могилы выложены мелкими камнями плитняка, что отличает ее от обычных скифских могил, открытых на Керченском полуострове Э. В. Яковенко и другими.

Раскопки проводились на одном из поселений в 600 м к северу от села, у дороги, ведущей в Марфовку. С востока от дороги тянется невысокая скалистая гряды. Поселение расположено по обе стороны гряды, на склонах и на поле у ее подножия. Площадь, занимаемая поселением, была не менее 10 га. Большая часть построек размещалась с западной стороны гряды. Остатки поселения на вспаханном поле тянутся здесь на 400 м при ширине около 200 м. В 400 м от поселения имеются два каменных колодца с хорошей питьевой водой. На западном склоне гряды заметны следы трех валов, или правильнее межей, тянущихся параллельно друг другу с востока на запад. Расстояние между ними — 125 и 250 шагов. «Валы» сильно расплылись, их примерная ширина сейчас достигает 6 м, высота около 40 см. К западу от дороги на поле в районе раскопа заметны следы еще двух «валов», тянущихся с запада на восток. Расстояние между этими «валами» 83 м. «Валы» эти близко напоминают «валы», обнаруженные у поселения Героевка, однако заложенные на них раскопы не дали возможности связать их с античным слоем.

С целью выявить планировку поселения впервые на Керченском полуострове здесь был применен метод геофизической разведки (в 1957 г.). Приборы констатировали наличие отдельных скоплений камней, являвшихся развалами античных построек, которые располагались на расстоянии около 30—40 м одна от другой. Таким образом, были подтверждены выводы, сделанные раньше при изучении культурного слоя на свежесспаханном поле у сел Марфовка⁸⁷ и Сокольское. На фоне рыхлого чернозема там хорошо выделялись светлые пятна распаханых зольников и развалы каменных кладок. Они располагались примерно на расстоянии 20—30 м одно от другого, что позволило видеть в них остатки античных деревьев, в которых дома стояли хаотично с интервалами в 30—40 м. Раскопки у с. Марьевка полностью это подтвердили.

Два раскопа общей площадью около 525 кв. м были заложены в местах наибольшего скопления камней и керамики на ровном поле к западу от скалистой гряды. Над материком, обнаруженным на глубине 0,6—0,7 м, хорошо выделились три грунтовых слоя, соответствующих трем периодам истории поселения: верхний образовался уже после гибели поселения; средний датируется концом III в. до н. э. и относится к последнему периоду жизни поселения и ко времени его гибели; нижний слой — V—IV вв. до н. э. — соответствует времени возникновения поселения,

⁸⁵ Разведки и раскопки проводились Восточно-Крымским отрядом в 1956, 1957, 1961 и 1962 гг. В работах участвовали в разные годы И. Т. Кругликова, В. В. Веселов, Р. Ф. Воронина, В. Э. Куниш.

⁸⁶ Могилы исследовали в 1960 г. директор Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина С. К. Гусаров и заместитель директора Л. И. Чуистова.

⁸⁷ И. Т. Кругликова, 1957а, стр. 229, рис. 13.

а нижний его горизонт связан с поселением еще доантичного времени. Было установлено, что в IV в. до н. э. античная деревня возникла на месте поселения эпохи бронзы; слой эпохи бронзы оказался полностью перекопанным.

К слою IV в. до н. э. из строительных остатков относятся отдельные обрывки каменных кладок и вымосток, хозяйственные ямы, остатки очага (рис. 21). Планы построек выявить не удастся, так как слои потревожены при пахоте и большая часть камней вывернута. От дома IV в. до н. э. сохранился только нижний слой кладки одной из стен из двух рядов плотно уложенных, довольно крупных продолговатых кусков известняка. В востоку от кладки лежат каменные плиты вымостки, частично выбранной. Неподалеку находилась яма (диаметр 2 м, глубина 1,5 м) с обломками гераклеийской амфоры и кусками железного шлака. Северо-восточнее был разрушенный очаг. К северу от него обнаружены остатки второй вымостки.

В пол помещения были врыты нижние части двух остродонных амфор. Внутри одной из них стоял маленький узкогорлый круговой сосудик боспорской глины (рис. 22). Здесь же была еще одна яма, заполненная золой и сажей. Над ней в конце IV или в начале III в. до н. э. была построена стена нового дома.

К IV в. до н. э. относится и обрывок второй стены, сложенной из тонких продолговатых камней небольших размеров на глине. В 150 м к юго-востоку от остатков этого дома обнаружен развал еще одной постройки. Расчищен глинобитный очаг, свидетельствующий о том, что здесь находился жилой дом. Таким образом, хотя планы помещений IV в. до н. э. мы не знаем, но можно утверждать, что поселение в это время существовало, что стены домов имели каменные основания, а верхние части стен жилищ, по-видимому, складывались из глины с большим количеством бутовых камней. Бедность инвентаря говорит о малом достатке обитателей этой деревни. Из импортных вещей встречались главным образом фрагменты гераклеийских амфор, амфор с колпачковыми ножками и редкие обломки чернолаковых сосудов.

В начале III в. до н. э. на обоих участках происходили перестройки. Была возведена длинная постройка, вытянутая с севера на юг, с двориком, вымощенным плоскими камнями, и с двумя помещениями. Над их земляными утрамбованными полами лежала прослойка золы, соответствующая, вероятно, времени гибели здания в конце III или в начале II в. до н. э. На вымостке дворика найдена ручка синопской амфоры с клеймом мастера Агафа при астиноме Кратистархе с эмблемой в виде

Рис. 22. Гончарный сосудик (Марьевка)

Рис. 23. Остатки жилища (Марьевка)

головой бородатого сатира вправо⁸⁸. Стены помещений были двухпанцирными толщиной 0,5—0,6 м, из крупных необработанных камней (известняк и песчаник). Верхние части стен сложены из глины с мелкими камнями (рис. 23).

Пол первого из помещений (площадь около 26 кв. м)⁸⁹ в восточной части вымощен мелким известняковым щебнем. В западной части находился глинобитный очаг, южная стенка которого сделана из поставленной на ребро каменной плиты. В северо-западном углу помещения стояла врытая в землю гераклейская амфора, а в углу к северу от нее — лепной сероглиняный горшок, аналогичный найденным на Каменском городище⁹⁰. Горшок и амфора были отгорожены с запада двумя стоявшими на ребре плитами известняка. К вымостке дворика с запада примыкала стена. От нее сохранился только один нижний ряд камней. Что ограничивала эта стена, нам неизвестно. Возможно, здесь находилось какое-нибудь хозяйственное помещение, границы которого раскопками не выявлены.

Второе помещение шириной 1,8 м в длину полностью не расчищено. В слое, соответствующем времени бытования помещений, найдены пре-

⁸⁸ IV хронологическая группа (Б. Н. Граков, 1929).

⁸⁹ Западная стена помещения выбрана, и границы могут быть установлены условно — по местоположению очага и каменного ларя в северо-западном углу.

⁹⁰ Б. Н. Граков, 1954, стр. 71, табл. III, 2.

имущественно обломки амфор — фасосских, гераклейских, боспорских, косских и синопских, один бронзовый трехгранный наконечник стрелы с короткой втулкой, характерный для IV—III вв. до н. э., некоторое количество лепных сосудов, главным образом горшки первого типа по классификации Б. Н. Гракова⁹¹. Лепные сосуды изготовлены из плохо промышленной глины с примесями мелко истолченных ракушек или извести, имеют заглаженную поверхность, слабо обожжены. В этом слое найдены одна лепная ручка-упор, характерная для скифских городищ Крыма IV—III вв. до н. э., а также несколько фрагментов лепного сосуда с отверстиями в дне⁹². Кроме того, найдены обломки чернолаковых сосудов. Интересна подставка из горла гераклейской амфоры, стоявшая среди золы. Край облома горла у начала плечиков тщательно затерты, так что получилось нечто вроде цилиндра.

К слою III в. до н. э. относятся и руины жилого дома на втором раскопе. Сохранились каменная вымостка, глинобитный очаг такого же типа, как на первом раскопе, и отрезок стены толщиной 0,4 м, сложенной из слегка обтесанных камней. На уровне земляного пола были зафиксированы следы пожара. В этом слое, кроме лепных горшков и амфор III в. до н. э., найдены часть железной фибулы с витой дужкой, бронзовая фибула латенского типа, каменный терочник и раздавленный боспорский кувшин. Среди находок верхнего слоя были железные гвозди и два обломка боспорских черепиц. Качество каменной кладки и эти находки позволяют предположить, что жилища на участке принадлежали более зажиточным владельцам. Возможно, что крыша этого или соседнего жилища была покрыта черепицей, тогда как дома на первом раскопе имели, вероятно, соломенные крыши.

Планировка поселка и его протяженность говорят о том, что здесь была деревня. Открытие догреческого слоя позволяет предположить наличие земледельческих традиций. Большое количество лепной и чернолощеной посуды, имеющей аналогии на скифских поселениях, а также плохое качество каменных кладок, негреческие строительные приемы заставляют думать, что в этой деревне жили осевшие на землю скифы, что оседание их началось еще до IV в. до н. э. В IV и III вв. до н. э. поселение переживало расцвет.

Поселение у с. Марфовка относится к тому же типу деревень, основанных осевшими на землю скифами. Оно открыто в глубинной части Керченского полуострова, в 3 км к западу от с. Марфовка. Оно расположено на южном склоне и у подножия скалистой гряды, которая тянется с запада на восток. На вспаханном поле были видны зольные пятна, развалы камней и обломки керамических сосудов, растянувшиеся примерно на 900 м с запада на восток и около 150 м с юга на север. На вершине скалистой гряды над поселением видна линия небольших курганов, которые тянутся вдоль хребта. На поселении сплошной площадью вскрыты два участка (250 и 212,5 кв. м.). Остальная площадь исследована

⁹¹ Б. Н. Граков, 1954, табл. IV, 3 (Б. Н. Граков датирует эту форму IV—III вв. до н. э.).

⁹² Там же, табл. V, 8.

Рис. 24. Изображение сельской усадьбы на мозаике из Северной Африки

шурфами с интервалами в 8 м между ними. В целом раскопана площадь 530 кв. м.

Было выяснено, что дома на этом поселении отстояли один от другого примерно на 30 м. Таким образом, это поселение, так же как и поселения Марьевка и Марфовка Восточная, состояло из серии домов, построенных из глины и необработанных камней различных размеров⁹³. Около построек находились дворики, вымощенные каменными плитами, иногда черепками. Между домами были пустые, ничем не застроенные участки, возможно приусадебная земля.

Под дерновым слоем вплоть до материка, находившегося на глубине от 0,5 до 0,9 м, лежал один слой — серый, золистый, содержащий обломки керамики конца IV, III и, может быть, начала II в. до н. э.

Среди находок много обломков амфор — гераклейских, родосских, синопских, боспорских, фасосских и др., лепных горшков, иногда с прищепами по краю, типа найденных на Каменском городище. Встречались глиняные и каменные пряслица, кости животных и незначительное количество чернолаковых и простых боспорских сосудов.

⁹³ И. Т. Кругликова, 1957а, стр. 224 сл.

Интересна находка створки мидии, свидетельствующая о торговых связях с приморскими поселениями. На первом раскопе были обнаружены остатки постройки из двух помещений: восточного (А) маленького ($2,1 \times 1,6$ м) и западного (Б) неправильной формы ($2,3 - 4,4 \times 2,6$ м) (рис. 25).

Пол помещения А был покрыт глиняной обмазкой. В северо-восточном углу на полу лежали раздавленный лепной горшок и зернотерка, а в северо-западном углу прослежены остатки очага. От стен помещения А сохранились лишь нижние ряды камней, свидетельствующие, что толщина стен была $0,6-0,7$ м. В основании стен лежали крупные камни, а выше стены состояли из более мелких камней, скрепленных глиной. По-видимому, глина была главной составной частью стен. Южная стена помещения Б перекрывает стену более ранней постройки IV в. до н. э., план которой не выявляется. С юга перед помещениями был вымощенный камнями дворик. В нем расчищены остатки глинобитной разрушенной печи.

К востоку от помещения А, возможно, когда-то было еще одно (третье) помещение. Там был обнаружен слой горелой земли с золой, перекрытый развалом камней. В 1 м к югу от него найден раздавленный лепной горшок, рядом была яма, заполненная беспорядочно сваленными необтесанными камнями. Развалы выпаханных камней и остатки деятельности людей видны в радиусе $7-9$ м вокруг постройки. Далее к востоку на протяжении 21 м нет ни строительных остатков, ни свалок. Вероятно, тут был сад или огород. Затем вновь появляются камни и развалы построек. Они обнаружены на втором раскопе.

Северная часть второго раскопа была занята завалом мелких камней. Южнее идет вымостка из каменных плит, переходящая в южном конце в черепяную. Участок черепяной вымостки занимает площадь $1,2 \times 1,2$ м. По-видимому, черепяная вымостка из ножек, стенок венчиков и ручек амфор, преимущественно синопских и гераклейских, чередующихся с мелкими камнями, относилась к первому строительному периоду IV в. до н. э. При ее ремонте во втором строительном периоде была сооружена новая каменная вымостка, от которой сохранилась большая плита.

Южнее вымостки уцелели часть нижнего ряда кладки стены и ровный горелый слой, вероятно покрывавший земляной пол помещения. Южнее, на расстоянии $4,5$ м от стены, параллельно ей, тянется завал камней, возможно от второй разрушенной стены, все крупные камни которой были выбраны. Судя по вымостке из крупных каменных плит, которая, видимо, подходила к помещению с юга и вела от двери дома к зольнику, обнаруженному в 11 м к юго-западу от развала стены, развалы камней действительно соответствуют стенам частично открытого помещения, ширина которого была около $5-6$ м.

Зольник, к которому подводила вымостка, имел форму холма высотой 1 м. Внутри зольника находился каменный круг диаметром $1,6-1,8$ м из очень крупных «дикарных» камней ($80 \times 80 \times 90$ см), поставленных на ребро (с западной и северной сторон) (рис. 26) и из камней средних размеров, положенных друга на друга (с восточной и южной сторон). Внутри круга был такой же золистый слой с обломками керамики, как и в расплывшемся зольном холме над ним. Преобладают обломки амфор,

Рис. 25. Остатки жилищ (Марфовка)

на втором месте стоит лепная керамика (рис. 27), среди которой доминировали обломки горшков с вдавленным пальчатым орнаментом по верхнему краю. Найден обломок стенки чернолощеного сосуда. На плечиках сосуда — резной орнамент в виде пояса, в который вписаны ромбики, пространство между ромбиками заштриховано процарапанными линиями (рис. 28). Обломок этот имеет аналогии в скифской керамике.

Основная масса материала, обнаруженного на обоих раскопах, относится к концу IV—III в. до н. э., но отдельные обломки родосских амфор, может быть, свидетельствуют о том, что поселение продолжало существовать в начале II в. до н. э. Об этом же говорит и наличие двух синопских клейм V хронологической группы (Б. Н. Гракова). Из 15 амфорных клейм, найденных на поселении, два гераклеийских относились к IV в. до н. э., а 12 синопских представляли I—III и V группы. Среди дру-

Рис. 26. Камни в основании зольника (Марфовка)

гих находок интересны каменный пест для растирания, маленький одноручный кувшинчик боспорской глины, каменное цилиндрическое пряслице с шестью боковыми отверстиями.

Поселение у Марфовки, кроме планировки, свидетельствующей о том, что это была деревня с маленькими домами, интересно еще ярко выраженным на нем культом домашнего очага. О нем говорит своеобразное каменное сооружение в виде круглой загородки, куда ссыпали золу⁹⁴. Позднее, когда это сооружение было заполнено золой, золу ссыпали поверх него и вокруг так, что постепенно образовался зольный холм. Сооружение специального ограждения для золы позволяет считать, что население придавало золе, выкидываемой из домашних очагов, особое значе-

⁹⁴ И. Т. Кругликова, 1957а, стр. 226.

Рис. 27. Лепной горшок (Марфовка)

Рис. 28. Находки из поселения у с. Марфовка

1 — боспорский кувшинчик; 2 — обломок лепного сосуда с резным орнаментом

ние. Этот зольник, а также лепные сосуды (рис. 29), аналогичные скифским горшкам Каменского городища⁹⁵, заставляют видеть в обитателях поселения осевших на землю и эллинизованных скифов. Вероятно, они были полусвободными и отдавали боспорскому царю часть урожая. Может быть, для управления такими селами царь назначал специальных должностных лиц, которых Полиен называет эпимелетами (*Polyaen. Strateg.*, VI, 9). Боспорские цари, заинтересованные в вывозе хлеба, всячески поощряли оседание на землю окрестных племен. Возможно, именно потому, что на поселении у с. Марфовка жили эллинизованные скифы, там,

⁹⁵ Б. Н. Граков, 1954, стр. 68 сл.

так же как и на поселении у с. Марьевка, на втором месте после амфор по численности стоят лепные сосуды и очень немного найдено обломков гончарных боспорских сосудов. Культурный слой на пустырях между жилыми комплексами был мало насыщен керамикой. Кроме обломков сосудов, чаще всего маловыразительных, находили расщепленные кости животных (кухонные отбросы).

Поселение Марфовка не было одиноким. Район современного села Марфовка был в IV—III вв. до н. э. густо заселен. Следы поселений обнаружены к востоку от Марфовки на берегах соленого озера. К югу от

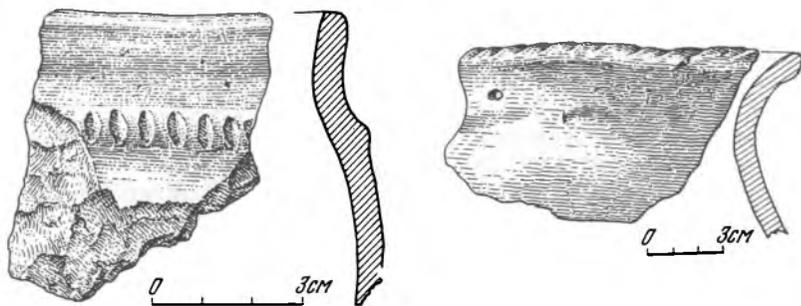

Рис. 29. Обломки лепных горшков (Марфовка)

озера частично подверглось раскопкам в 1955 г. поселение Марфовка Восточная. Западнее его, на южной окраине с. Марфовка, обнаружены остатки еще одного поселения IV—III вв. до н. э. Судя по подъемному материалу, находкам ручек синопских амфор с клеймами, гераклейских и других амфор IV—III вв. до н. э., все эти поселения существовали одновременно.

Поселение Слюсареве относится к этой же группе глубинных деревень. В 1953 г. разведки, проводившиеся на свежеспаханном поле в 1 км к западу от с. Слюсареве, на возвышенном берегу высохшей в настоящее время реки, вблизи источника питьевой воды обнаружили четыре пятна распаханного культурного слоя. Пятна эти диаметром по 15 м находились на расстоянии 20—25 м одно от другого. Среди камней попадались обломки лепных сосудов и амфор IV—III вв. до н. э. По-видимому, это поселение возникло в IV в. до н. э. над разрушенным поселком эпохи бронзы.

В 1954 г. раскоп площадью 60 кв. м⁹⁶, заложенный на краю поля, обнаружил остатки разрушенных каменных стен, сложенных из необработанных камней средней величины в один и два ряда на глине. Сохранились части двух зданий, стоявших на расстоянии 9 м одно от другого. Внутри первого дома была яма конусовидной формы глубиной 1,25 м и верхним диаметром 1,4 м.

⁹⁶ И. Т. Кругликова, 1955, стр. 89, рис. 8. В 1967 г. в 300 м к юго-западу от деревни на высоком каменистом холме были заложены два шурфа, которые выявили два культурных слоя — позднекатакомбный и раннесредневековый (см.: Э. В. Яковенко, 1968, стр. 12—15).

Поселение относится к типу античных деревень. Оно состояло из разрозненных изолированных домов. Попытка Э. В. Яковенко рассматривать круглые углубления, обнаруженные на скальных выступах юго-восточного и южного склонов холма, как остатки большого винодельческого комплекса⁹⁷ совершенно несостоятельна. Действительно, на скалистом склоне имеются 29 кругов, высеченных в скале и расположенных группами от двух до восьми в зависимости от ширины скалистой террасы. Эти круги диаметром 0,45—0,46 м представляют собой желобки шириной 0,05 м, углубленные иногда до 0,02 м по сравнению с центральной плоской частью и иногда больше, иногда меньше — относительно внешней поверхности скалы. Они не имеют сливов, а маленькая высота террас не позволяет предположить, что здесь были установлены сосуды, в которые могло собираться вино. Сравнение их с тарапанами, обнаруженными на клерах Херсонеса, неправильно, так как античные тарапаны всегда имели сливы. Учитывая, что на этом холме была старая каменоломня, можно думать, что и на этих террасах сохранились следы обработки камня. Только здесь выделывали барабаны колонн, обрубая их вокруг, а затем отпиливая ствол барабана. В результате и получались круглые выступы и желобки вокруг них. Осмотр этих кругов на месте заставляет отвергнуть предположение о винодельческом комплексе, который к тому же датирован III—II вв. до н. э. без всякого основания, только потому, что круглые тарапаны были известны в это время в Херсонесе⁹⁸. Если же отвергнуть это предположение, окажется, что в античное время холм был необитаем. Здесь был пустырь. Поселение в то время располагалось на ровном поле более чем в 0,5 км от холма. Поселение это, как и другие сельские поселения IV—III вв. до н. э., не имело укреплений, и жизнь на нем прекратилась на рубеже III и II вв. до н. э.

Раскопки поселения у с. Сазоновка⁹⁹ обнаружили остатки еще одного сельского поселения, возникшего, так же как Слюсареве и Марьевка, непосредственно на месте земледельческого поселения бронзового и раннего железного века.

Поселение это было расположено в центральной части Керченского полуострова на небольшом холме, на расстоянии около 0,5 км к северу от с. Сазоновка и в 2 км к югу от дер. Фонтан. Холм стоял на берегу речки, сейчас полностью высохшей. У подножия холма имеются два колодца, выложенных крупными камнями. Один из колодцев действует и сейчас. Около них находили фрагменты амфор и другой античной посуды.

Раскопы общей площадью 875 кв. м были заложены в седловине, защищенной с севера, юга и юго-запада повышающейся с этих сторон поверхностью холма.

К слою IV—III вв. до н. э. относятся вымостки, ямы, развал небольшого дома, стены которого были сложены из глины с мелким бутром и не имели фундаментов, а также остатки каменных стен других построек, планы которых не восстанавливаются. Внутри дома имелись очаг овальной формы и около него каменная зернотерка и округлый пест для рас-

⁹⁷ Э. В. Яковенко, 1968, стр. 13.

⁹⁸ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 116—119.

⁹⁹ И. Т. Кругликова, 1957а, стр. 221 и сл.

Рис. 30. Изображение сельской виллы на мозаике из Северной Африки

тирания зерна. План поселения выяснить не удалось. Вероятнее всего, на холме была очень небольшая деревня из нескольких домов, в которых жили осевшие на землю скифы. Поселение было небогатым. Среди находок в слое IV—III вв. до н. э. встречены единичные обломки терракотовых статуэток и чернолаковых сосудов, много обломков лепных сосудов — мисок и горшков, в том числе с чернолощенной поверхностью, иногда дополнительно украшенной резным орнаментом или налестами-выступами. Как и на других поселениях, преобладали обломки амфор — фасосских, гераклейских, синопских. Имелись ручки косских амфор и других, центры производства которых неизвестны. Обнаружено 17 английских клейм на горлах гераклейских амфор, 6 из которых относятся к рубежу V и IV вв. до н. э., и 8 синопских клейм I, II, III и VI хронологических групп Б. Н. Гракова, впрочем к VI группе принадлежит только одно клеймо.

Поселение Айвазовское также относится к числу глубинных сельских поселений¹⁰⁰. Оно находилось на границе боспорской и таврской земель, на плодородных почвах к северу от Феодосии.

По словам Страбона, Феодосия «была прежде границей владений боспорцев и тавров», а вся страна от Феодосии до Пантикапея богата хлебом и имеет деревни (*Strabo*, VI, 4, 4). Еще в XIX в. исследователи полагали, что на месте Старого Крыма, где неоднократно находили античные монеты, в том числе пантикапейские и родосские, было античное поселение¹⁰¹. Разведки, проведенные там в 1956 г., обнаружили к северу от Старого Крыма 13 античных поселений. Раскопки проводились на одном из них, на западной окраине с. Айвазовское. Четыре небольших раскопа общей площадью около 350 кв. м затронули лишь окраину древнего поселения, где не было домов, а только ямы и мусорные свалки. Было расчищено девять ям различной глубины (от 0,35 до 1,3 м) с плоскими доньями. Три из них имели грушевидную форму, три — конусовидную, три — цилиндрическую. В плане три ямы были овальной формы, остальные — круглой. Во всех ямах найдены обломки керамики IV—III вв. до н. э. По-видимому, все они были засыпаны в течение III и в начале II в. до н. э. Наиболее крупные из них — грушевидные и конусовидные — вероятно, служили зернохранилищами. Наиболее интересно открытие на поселении канала, являвшегося, видимо, частью ирригационной системы. Глубина канала 0,5 м, он частично прорезает слой предскальной щебенки, частично (на глубину 0,3 м) вырублен в скале. Ширина его по дну 0,35 м и в верхней части 1,1 м. Среди грунта, заполнявшего канал, встречено большое количество обломков амфор (синопских, гераклейских, боспорских) и лепных сосудов, из которых лишь один черепок имел залощенную поверхность. Обломки сосудов с резным орнаментом не найдены. Это позволяет предположить, что канал был вырыт и функционировал в IV—III вв. до н. э., а поселение, с которым связывается основная масса лощеной керамики с резным орнаментом (рис. 31), находилось северозападнее, где-то в районе хозяйственных ям, и относилось к более раннему времени.

Таврские поселения с хозяйственными ямами встречались в Крыму неоднократно. В Инкермане на раннетаврском поселении вскрыты овальные ямы с суживающимися кверху стенками¹⁰² и округлые, бочкообразной формы¹⁰³. На Симферопольском поселении были ямы цилиндрические и в форме усеченного конуса¹⁰⁴. На поселении у пещеры к востоку от Симферополя обнаружены круглые ямы диаметром от 0,5 до 0,8 м и глубиной до 0,35 м¹⁰⁵. Эти поселения обычно относились к VII—VI вв. до н. э. Поселение же у с. Айвазовское на основании находок греческой керамики следует датировать концом V—III в. до н. э. При этом к V в. до н. э. относился лишь один обломок горла пухлогорлой хиосской

¹⁰⁰ И. Т. Кругликова, 1959в, стр. 64 сл.

¹⁰¹ Ю. А. Кулаковский, 1899, стр. 11—12.

¹⁰² С. Ф. Стржелецкий, 1947, стр. 284.

¹⁰³ Х. И. Крис, 1955, стр. 41.

¹⁰⁴ О. Д. Дашевская, 1951, стр. 112 и 114.

¹⁰⁵ Г. А. Бонч-Осмоловский, 1923, л. 10.

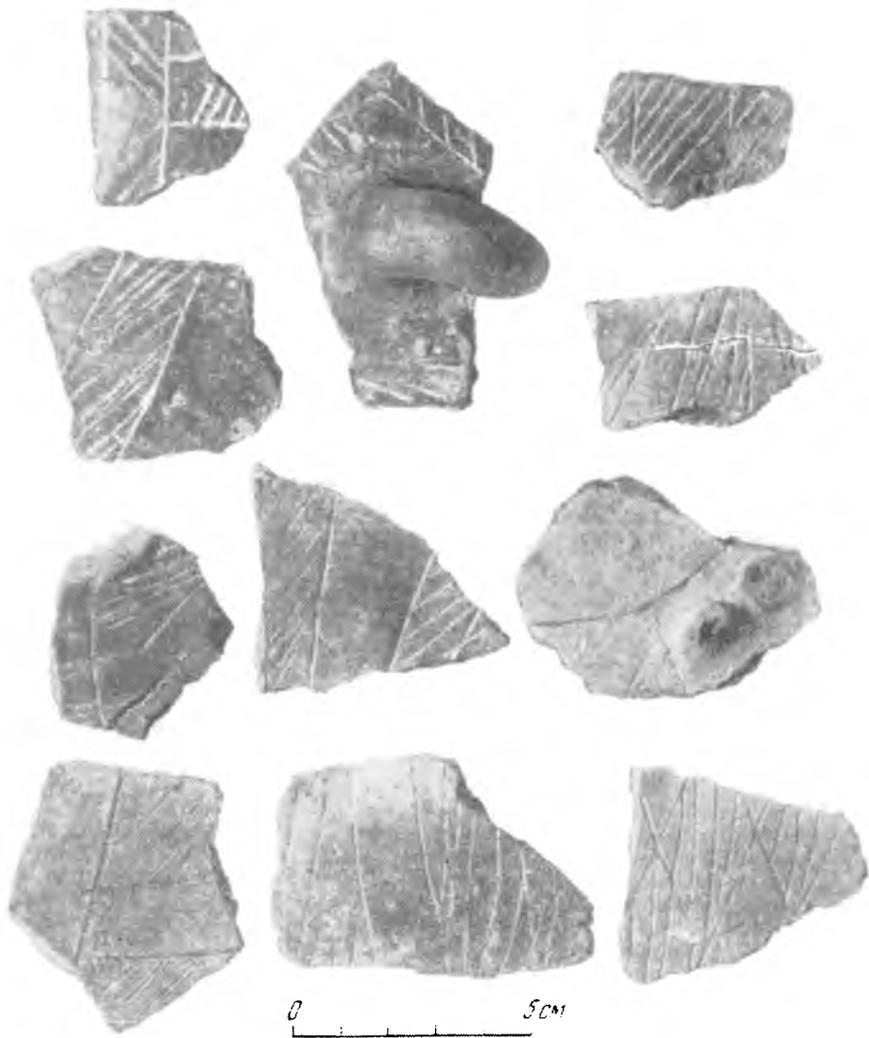

Рис. 31. Обломки сосудов с резным орнаментом из поселения у с. Айвазовское

амфоры, а к концу III — началу II в. до н. э. — одна ручка косской амфоры. Основная масса импортной керамики (фасосские, гераклейские, синопские амфоры) датируется IV—III вв. до н. э. К этому же времени относятся бронзовые наконечники стрел и перстень (рис. 32, 1, 3). Вместе с тем на поселении найдены отщеп кремня с ретушью и кремневый наконечник дротика. Эти находки заставляют считать время возникновения

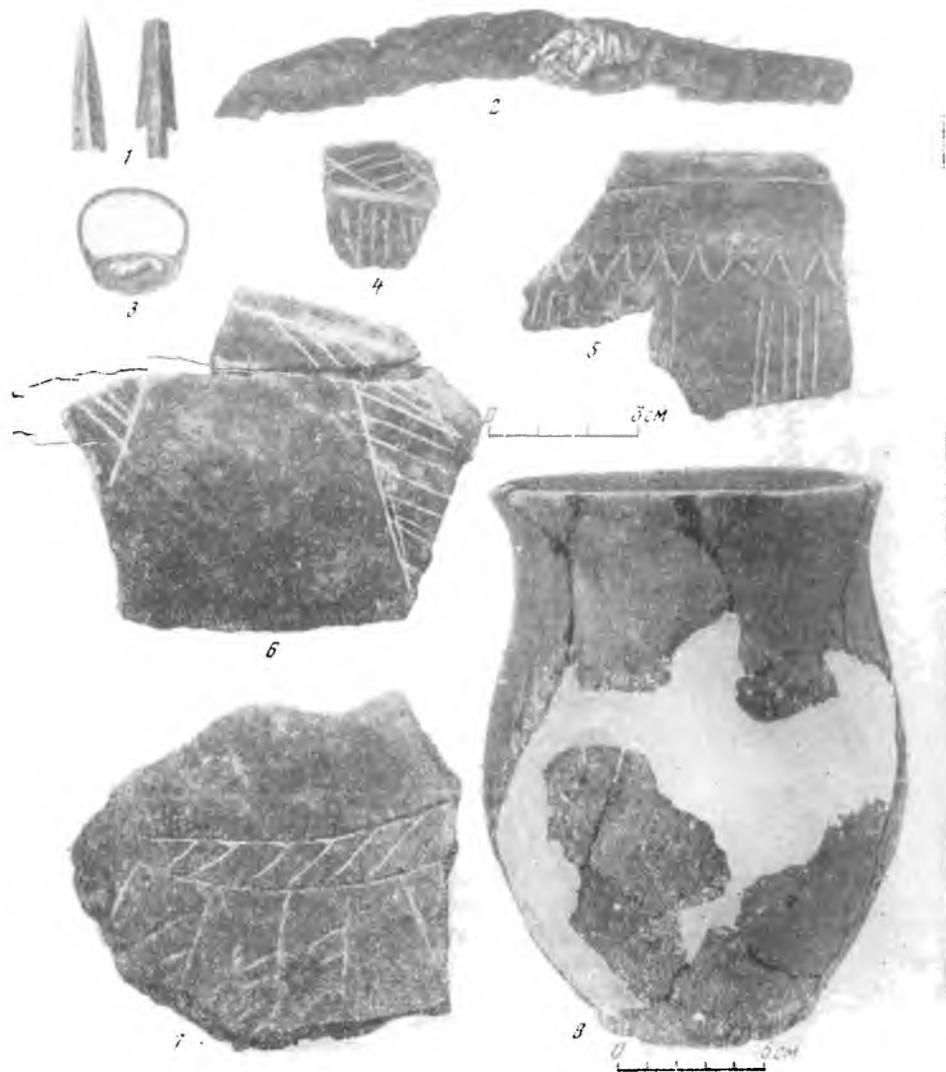

Рис. 32. Находки на поселении у с. Айвазовское

1 — бронзовые наконечники стрел; 2 — железный нож; 3 — бронзовый перстень; 4—7 — обломки лощеных сосудов с резным орнаментом; 8 — лепной горшок

поселения несколько более ранним. По-видимому, таврское поселение существовало и в период, предшествующий появлению греческого импорта.

Лощеная посуда с резным орнаментом, обнаруженная на поселении Айвазовское, находит прямые аналогии в керамике таврских поселений близ Инкермана¹⁰⁶, у с. Красногорского (б. Нейзац)¹⁰⁷, Симферопольского поселения¹⁰⁸, а также в керамике первой половины VI в. до н. э. из Нимфея¹⁰⁹ и из каменных ящиков Байдарской долины¹¹⁰. Среди фрагментов лощеных сосудов с резным орнаментом интересны обломки стенок с выступами различного рода в виде сосков и горизонтальных палепов. Один из обломков чернолощеного сосуда с резным орнаментом имел выступ в виде массивного загнутого крючка (рис. 33).

Сходны с соответствующим инвентарем каменных ящиков Байдарской долины и бронзовые браслеты¹¹¹, оселки из сланца¹¹², наконечники стрел¹¹³. Среди находок в слое было лишь несколько обломков простой посуды (кастрюль и кувшинов), сделанной на гончарном круге. Найдены также кусок зернотерки из зеленого конгломерата, железный нож, пряслице, пирамидальное грузило и бронзовые изделия — наконечники трехгранных втульчатых стрел IV в. до н. э. (рис. 32, 1), колечко с заходящими концами, два браслета, один из которых имел насечки и узор в виде змеиной головы, перстень со щитком (рис. 32, 3), близкий найденному в 1953 г. на поселении IV—III вв. до н. э. Золотой Рожок¹¹⁴. Обнаружено много костей домашних животных: лошади, крупного и мелкого рогатого скота.

Обращает на себя внимание тот факт, что импортные греческие и боспорские изделия на этом поселении не отличаются от тех, которые встречаются на поселениях Керченского полуострова, относимых нами к поселкам осевших на землю скифов. И это закономерно, так как сельское население, жившее в IV—III вв. до н. э. на территории Боспорского государства, было втянуто в торговлю с городами, меняло часть продуктов сельского хозяйства на ремесленные изделия, привозное вино и масло. Вместе с тем резкое отличие типов лепной посуды и обилие чернолощеной таврской керамики свидетельствуют об иной этнической принадлежности населения, жившего в поселке у с. Айвазовское. По-видимому, тавры, так же как и скифы, осели на землю в этом районе еще до того, как боспорские цари включили ее в состав Боспорского государства, вероятно в качестве *χωρά βασιλική*. Оказавшись на царской земле, обитатели этих поселений должны были либо уйти, как это было в Андреевке Южной, либо превратиться в данников боспорского царя.

¹⁰⁶ Х. И. Крис, 1955, стр. 39, рис. 9, 5, 11.

¹⁰⁷ Коллекция Эрмитажа, стоянка Нейзац, ямка III, пнв. 4248-36, 3; ямка IV, инв. 4248-80.

¹⁰⁸ О. Д. Дашевская, 1951, стр. 113, рис. 33, 2 и 4 (б, в, е).

¹⁰⁹ В. М. Скуднова, 1954, стр. 314, рис. 5; стр. 317, табл. 1, 2, 3, 5.

¹¹⁰ И. Н. Репников, 1909, стр. 149, рис. 29, 3.

¹¹¹ Там же, рис. 29, 7.

¹¹² Там же, стр. 147, рис. 28, 33.

¹¹³ Там же, рис. 28, 23—26.

¹¹⁴ И. Т. Кругликова, 1958а, стр. 226, рис. 5, 3.

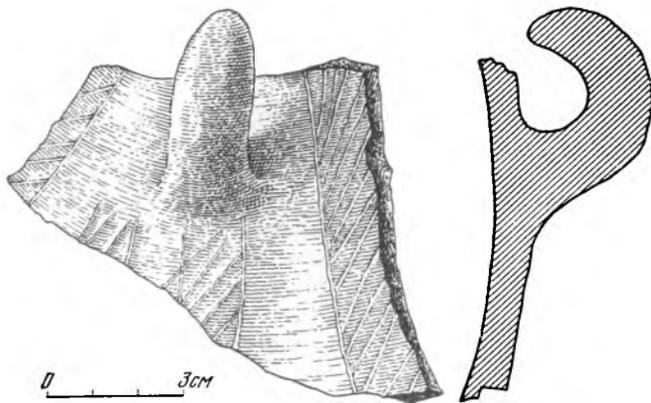

Рис. 33. Стенка чернолащеного сосуда (Айвазовское)

Поселение Мысовка расположено в юго-западной части полуострова Казантип¹¹⁵, у с. Мысовое (Ленинского района), на скалистом берегу Азовского моря. Оно существовало с конца V по II в. до н. э. Часть его ныне обрушилась в воду.

Что представляло собой поселение в первый период его существования, нам неизвестно. Может быть, это была небольшая деревня, состоявшая из нескольких домиков, типа деревни V в. до н. э. Андреевка Южная. Никаких строительных остатков этого времени пока не найдено. Судя по фрагментам сосудов, поселение было небогатым. Преобладали, как и на всех поселениях, обломки амфор, но довольно велик и процент фрагментов лепных сосудов, тогда как обломки чернолаковых сосудов единичны. О занятии жителей поселения земледелием свидетельствует находка обломка железного серпа.

По-видимому, в IV и в начале III в. до н. э. поселение сильно разрослось. Может быть, здесь, так же как и в Андреевке Южной, в это время на месте маленьких изолированных домиков возникла крупная усадьба. К слою IV—III вв. до н. э. относится наибольшее количество строительных остатков и зольных ям. Стены одного дома, существовавшего в IV—III вв. до н. э., были воздвигнуты на зольниках более раннего времени, т. е. усадьбы землевладельцев появились там, где ранее был пустырь или окраина поселка. В южной части поселка, почти на берегу моря, открыта каменная двухпанцирная стена длиной 19,7 м и толщиной 0,80 м. Может быть, это была одна из стен длинного дома типа открытых на Холме А у Киммерика. Там такой удлиненный дом состоял из нескольких помещений. Но в Мысовке разделительные стены помещений не прослеживаются. У концов длинной стены сохранились

¹¹⁵ Раскопки поселения проводил Восточно-Крымский отряд Причерноморской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. Начальник раскопа Б. Г. Петерс. См.: Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 4320.

сильно разрушенные отрезки перпендикулярных к ней стен, которые позволяют предполагать, что здесь был целый комплекс построек. В пользу этого предположения говорит открытие еще одной стены, почти в 10 м к северо-западу от длинной. Эта вторая стена имела иную ориентировку, что свидетельствует о наличии здесь двух изолированных построек IV—III вв. до н.э.

К слою IV—III вв. до н. э. относятся зольные пятна диаметром от 0,4 до 0,7 м — может быть, остатки очагов. В золе много створок мидий и костей животных. Среди находок в слое преобладали обломки амфор — гераклейских, синопских, пантикапейских, с колпачковыми ножками. Найдено и несколько обломков херсонесской амфоры, чернолакового киллика IV в. до н. э. со штампованным орнаментом. Интересны обломки лепных горшков, орнаментированных вдавливами по краю, вертикальными врезными линиями и наколами, сделанными тонкой палочкой.

Постройки прекратили свое существование в III в. до н. э. Но жизнь на поселении продолжалась. Может быть, количество зданий уменьшилось, и на месте нескольких малых домов в верхней части поселения была построена более крупная усадьба, как и в Андреевке Южной.

Строительные остатки следующего периода жизни поселения относятся ко второй половине III или к самому началу II в. до н. э. Открыт участок стены, техника кладки которой та же, что и более ранних. Она как бы ограждала участок с севера, а ее нижняя часть служила подпорной стеной. В слое III—II вв. до н. э. найдены ручки амфор с херсонесским клеймом астинома Нанона¹¹⁶ и синопским II в. до н. э.

В этом же слое, соответствующем времени гибели поселения, были найдены на небольшом участке (25 кв. м) около 100 округлых известняковых камней диаметром 0,05—0,08 м, вероятно приготовленных для метания при помощи пращей.

Слои античного времени позднее II в. до н. э. на поселении не обнаружены. Можно предположить, что в конце III или в начале II в. до н. э. население переместилось в новый поселок, находившийся в восточной части Казантипского мыса. Там же под прикрытием каменных стен возникло новое более крупное поселение.

Неукрепленное поселение IV—III вв. до н. э. Золотой Рожок раскапывалось в 1954 г. к западу от с. Золотое, в 1 км от берега Азовского моря. Поселение состояло, вероятно, из нескольких небольших домов, расположенных примерно в 30—50 м один от другого. Дома были сложены из камней и сырца. Ввиду того что культурный слой был очень неглубоким, постройки плохо сохранились. Крупные камни были вынуты, вероятно при пахоте участка, и свалены в вырытую здесь же яму; не препятствовавшие пахоте мелкие камни сохранились, но большей частью сдвинуты с первоначальных мест. Поэтому план жилой постройки установить не удалось, но место и примерные размеры ее легко выясняются по остаткам очага, глиняной обмазке пола и мусорным ямам, по фраг-

¹¹⁶ По классификации Р. Б. Ахмерова клеймо относится к третьей четверти III в. до н. э. (Р. Б. Ахмерова, 1949, стр. 107, № 17).

ментам раздавленной остродонной амфоры (вероятно, ранее врытой в пол помещения) и, наконец, по остаткам глинобитной стены. Раскоп площадью около 180 кв. м был заложен на поле. Уже на глубине 0,40—0,55 м показался материк. На нем лежал слой IV—III вв. до н. э., перепаханный в верхней части. В этом слое встречены остатки разрушенных стен постройки, куски очага, скопление створок мидий и керамики. Обнаружена зольная яма диаметром 0,7 м, к которой примыкала куча ракушек мидий. В юго-восточной части раскопа открыта мусорная свалка. В ней много битой керамики, створок мидий, кусков печины, золы, обожженной земли. В западной части раскопа сохранилась часть вымостки из мелких булыжников на площади около 7 кв. м. Часть такой же вымостки, но выложенной в виде узкой дорожки, сохранилась в северо-восточном углу раскопа. К средней части этой вымостки примыкала врытая в землю остродонная амфора, от которой на месте сохранился только низ. К северу от вымостки находилась яма, вырытая в материке на глубину 0,6 м (диаметр ее устья около 1,5 м, диаметр дна 1,7 м) и заполненная камнями.

В средней части раскопа найден разрушенный очаг — небольшое (до 10 см) углубление диаметром 70 см, обложенное мелкими камнями и обмазанное глиной. В глинобитном полу помещения была яма диаметром 0,2 м, заполненная ракушками мидий. Пятно обожженной земли имелось также в северо-восточной части раскопа, там же была раздавленная остродонная амфора. Через восточную половину раскопа с запада — юго-запада на восток — северо-восток тянулась глинобитная стена шириной 60 см. По-видимому, здесь встречены сильно разрушенные остатки дома, стены которого были частично глинобитными, частично сложенными из глины с камнями мелких и средних размеров. Дом этот существовал на рубеже IV и III вв. до н. э.

Среди находок преобладали обломки амфор. Найдены четыре гераклейских, два синопских и два фасосских клейма. В значительно меньшем количестве встречены обломки простой посуды (кувшинов, кастрюль, мисок и т. д.), лепных сосудов (горшков, мисок), чернолаковых сосудов, сетчатых лекифов, терракот, среди которых фигурки сидящей богини (рис. 34)¹¹⁷. Найдены поделки из кости, лоцило из ручки амфоры, бронзовый перстень со щитком, на котором вырезано изображение скачущей лошади. Рядом с постройкой находился вымощенный камнями дворик, от которого сохранилась только часть вымостки. С противоположной стороны дома была мусорная свалка с большим количеством золы и битой керамики. Не найдено ни одного обломка черепицы — по-видимому, крыши были соломенными или земляными.

Разведочные шурфы, заложенные на расстоянии 10 и 60 м к юго-западу от остатков постройки, обнаружили земляные ямы и каменные вымостки. Все промежуточные шурфы строительных остатков не содержали. Это позволяет предполагать, что была вторая постройка, где-то в 60—70 м к юго-западу от первой, и дает право отнести поселение к типу античных деревень.

¹¹⁷ И. Т. Кругликова, 1958а, стр. 226, рис. 5, 2.

Восточнее поселения Золотой Рожок, на побережье Азовского моря, между селами Золотое и Мысовое (Приморский р-н) сохранились следы еще нескольких поселений античного времени. Одному из них принадлежал могильник V—IV вв. до н. э., раскапывавшийся помещиком А. А. Дириным в конце XIX в. Он нашел там гробницы типа каменных ящиков¹¹⁸. Своеобразное устройство этих гробниц, сложенных из «дикарных» плит и накрытых такими же плитами, а кругом огороженных диким камнем, свидетельствует о наличии в этом районе негреческого населения, которое, судя по найденным в гробницах греческим изделиям, имело тесные торговые связи с городами Боспора.

В каждой из гробниц, как пишет А. А. Дири́н, были «полированные» сосуды, во многих — медные стрелы, в одной найдены куски маленького сосудика из так

Рис. 34. Часть статуэтки богини (Золотой Рожок)

называемой финикийской пасты¹¹⁹. Найденные в гробницах сосуды — чернолаковые IV в. до н. э. и расписной лекиф первой половины V в. до н. э.¹²⁰ — датируют могильник первой половиной V—IV в. до н. э. Примерно в 5 км к востоку от этого могильника на высоком ровном плато над берегом обнаружены остатки неукрепленного поселения. Многочисленные обломки синопских и гераклейских амфор, вымываемые из злистого грунта, позволяют отнести его к IV—III вв. до н. э.

Другие поселения, существовавшие в V—III вв. до н. э. на побережье Азовского моря, обнаружены разведками у сел Набережное (Ленинский р-н), Юркино, Осовины. Они, вероятно, были аналогичны поселению Золотой Рожок. Это античные деревни, состоявшие из отдельных изолированных усадеб. Так же, как и поселения у Сазоновки, Слюсарева, Марьевки и Марфовки, они, по-видимому, заустели на рубеже III и II вв. до н. э.

Как видим, на территории, удаленной от крупных боспорских городов, сельские поселения в IV—III вв. до н. э. в подавляющем большинстве были неукрепленными деревнями. Многие из них являлись к тому же поселениями негреческих племен, возникшими еще до того, как Боспорское

¹¹⁸ А. А. Дири́н, 1896, стр. 128.

¹¹⁹ Там же, стр. 129.

¹²⁰ Там же, стр. 129, табл. V, 1, 8; VI, 18.

государство вышло за рамки городов-полисов и присоединило к своим владениям обширную плодородную равнину вплоть до Феодосии. Наоборот, вблизи городов, в их хоре, наибольшее распространение получили не деревни, а отдельно стоявшие рабовладельческие усадьбы типа усадеб херсонесских клеров или открытых в Аттике, Малой Азии и других пунктах Средиземноморья¹²¹. Иногда это был дом владельца небольшого участка на вновь захваченных или вновь размежеванных землях, как в с. Октябрьское в конце V—IV вв. до н. э. Иногда усадьба ставилась на месте существовавшего ранее поселка, как в Андреевке Южной. В этом ясно проявляется процесс концентрации земельной собственности и вытеснения мелких землевладельцев более крупными, исчезновения деревень и появления на их месте рабовладельческих усадеб.

Выше уже отмечалось, что в Андреевке Южной на месте поселения VI—V вв. до н. э. с полуземлянками в конце V — начале IV в. до н. э. появилась деревня с наземными домами и зольниками. Остатки одного из таких домов исследованы в южной части холма. Над ними в IV в. до н. э. был сооружен еще один дом с сырцовыми стенами (дом III), а в конце IV в. н. э. его руины оказались в свою очередь перекрыты каменной вымосткой двора рабовладельческой усадьбы. Второй дом конца V — начала IV в. до н. э. находился в 30 м к северу от первого. Каменные основания его стен были включены позднее в фундамент усадьбы. В 60 м от него на восточном склоне холма находился еще один каменный дом, построенный в IV в. до н. э. над руинами полуземлянки VI—V вв. до н. э. На расстоянии около 100 м к северо-западу от него сохранились обрывки каменных стен дома IV в. до н. э., уцелевшие под одной из хозяйственных построек рабовладельческой усадьбы. Пустое незастроенное пространство между домами тянулось не менее чем на 30 м, а возможно, и больше. Вероятно, оно было занято огородом или садом.

С жилищами конца V — начала IV в. до н. э. связан мощный зольник в южной части холма. Он занимал площадь около 100 кв. м и образовался, вероятно, в результате регулярного выбрасывания золы из очагов в одну кучу, которую впоследствии, при нивелировке участка, рассыпали. Дом III, по-видимому, имел только одно помещение площадью 20,7 кв. м и небольшой дворик перед ним. В нижней части стены его были двухпанцирными из необработанных камней с бутом посредине, а в верхней части они были сложены из сырцовых кирпичей размерами 40×40×8 см. На глинобитном полу лежал мощный слой пожараща. Среди золы, саж, кусочков угля и кирпичей на полу найдены два маленьких красноглиняных кувшинчика (рис. 35, 5), в одном из которых лежали куски расплюснутой губчатой кости животного и маленькая свернутая спиралью змейка из серебряной проволоки с поднятой вверх золотой головкой (рис. 35, 2). Там же найдены гончарный горшочек (рис. 35, 4), краснофигурный килик с изображением комаста (рис. 36) и много обломков амфор — хиосских, фасосских, гераклеийских, боспорских, синопских, с так называемыми рюмковидными ножками. Встречены два обломка черепиц

¹²¹ J. Pečírka, 1973, стр. 122 сл.

Рис. 35. Находки из Андреевки Южной

1, 4, 5 — сосуды из помещения ЦД; 2 — серебряная змейка; 3 — верхняя часть бронзового черпака; 6, 8 — бусы; 7 — чернолаковый лексиф

Рис. 36. Краснофигурный килик. Андреевка Южная

и куски круговых и лепных сосудов. В углу помещения стояла круглая глинобитная печь.

Остальные дома V—IV вв. до н. э. сохранились хуже, но вряд ли они сильно отличались от этого. По-видимому, обитатели этих домов были потомками первых жителей античной деревни. Как мы видели, в IV в. до н. э. поселок увеличился в размерах, прибавились новые дома, они стали более фундаментальными и крупными. На смену сырцовым домам пришли каменные с черепичными крышами. Однако существенных изменений в быту населения не прослеживается. Земледелие и скотоводство продолжали оставаться основными занятиями населения. В остатках керамики, как и раньше, преобладают обломки амфор, среди которых доминируют гераклейские амфоры, в том числе с клеймами начала IV в. до н. э., содержащими одно имя. В значительно меньшем количестве встречаются обломки фасосских, синопских, боспорских амфор, так называемых амфор типа Солохи, амфор с рюмковидными и колпачковыми ножками. Среди кухонной посуды по-прежнему есть лепные горшки, иногда с вдавливами по краю, аналогичные горшкам с Каменского городища¹²². В качестве столовой посуды продолжали употребляться круговые сероглиняные сосуды, поверхность которых иногда окрашена в черный цвет. Встречены также обломки чернолаковых сосудов.

Раскопки показали, что наиболее серьезные перемены в жизни этой деревни происходят в конце IV в. до н. э. Отдельные дома, расположенные по склонам холма, разрушаются, и на их месте возникает большая сельскохозяйственная рабовладельческая усадьба с хозяйственными помещениями, оградой и двором, где находились очень большие зерновые ямы.

¹²² Б. Н. Граков, 1954, стр. 74, табл. III, 1, 2; IV, 1, 2а.

Рис. 37. Бронзовые монеты IV в. до н. э. (1, 2). Андреевка Южная (раскопки 1967 и 1970 гг.)

Рис. 38. Бронзовые монеты IV и начала III в. до н. э. (1—3). Андреевка Южная (раскопки 1966—1967 гг.)

Хозяин этой усадьбы уже вел свое хозяйство на денежной основе. Вероятно, он возил хлеб и другие продукты в Пантикапей и продавал их там за деньги, или к нему приезжали купцы, скупавшие хлеб. О денежном хозяйстве свидетельствуют находки шести монет (рис. 37; 38)¹²³. На товарный характер сельскохозяйственного производства этого поселения в более раннее время указывают найденные здесь остродонные амфоры VI и V вв. до н. э. из средиземноморских центров, финикийские бусы (рис. 35, 6 и 8), сероглиняная керамика и другие ремесленные изделия, которые попали на поселение в результате обмена излишка сельскохозяйственных продуктов на импортные товары и на изделия городских ремесленников. Но каким был этот обмен в VI и V вв. до н. э. — денежным или натуральным, — мы сказать не можем. Отсутствие монет скорее говорит в пользу натурального обмена, впрочем монеты этого времени редко находят и в городах.

¹²³ Две монеты имеют на лицевой стороне изображение головы бородатого сатира вправо, на оборотной — протомы орлиноголового грифона влево и осетра, буквы ΠΑΝ (рис. 37, 1). Эти монеты А. Н. Зограф (1951, стр. 176) датировал 370—340 гг. до н. э., а Д. Б. Шелов (1956, табл. V, 57) — периодом 330—315 гг. до н. э. Две монеты имеют изображения головы безбородого сатира вправо на лицевой стороне (рис. 38, 1, 2) и протомы Пегаса — на оборотной. Д. Б. Шелов (1956, табл. V, 56) датировал их также 330—315 гг. до н. э. Одна монета с головой бородатого сатира на лицевой стороне и головой быка влево — на оборотной (рис. 38, 3) относится к началу III в. до н. э. (Д. Б. Шелов, 1956, табл. V, 63), и одна монета с головой безбородого сатира в плющевом венке влево на лицевой стороне и с головой льва влево, осетром влево и буквами ΠΑΝ — на оборотной (рис. 37, 2) датируется 315—300 гг. до н. э. (Д. Б. Шелов, 1956, табл. V. 61).

Рис. 39. Панорама раскопа усадьбы (Андреевка Южная)

Судя по протяженности культурного слоя, общая площадь, занятая поселением в IV в. до н. э., была немногим более 1,1 га. Раскопками было вскрыто около 0,3 га, т. е. менее $\frac{1}{3}$ всей территории, но поскольку 11 раскопов были разбросаны в разных местах, удастся определить историческую топографию поселка. Можно предположить, что в деревне IV в. до н. э., кроме четырех домов, открытых раскопками, было еще не более трех-четырех домов. Таким образом, даже при самом оптимальном варианте число домов в деревне не превышало восьми. Судя по небольшим размерам домов, в них могла жить семья, включавшая не более четырех — шести взрослых. Следовательно, число жителей поселка в IV в. до н. э. вряд ли превышало 40—50 человек, не считая маленьких детей, а скорее всего оно было еще меньше.

В конце IV в. до н. э. все четыре исследованных дома перестали существовать, и над ними была построена большая усадьба с хозяйственными службами и оградой (рис. 39). Усадьба имела два больших двора, вокруг которых были расположены помещения. Восточный двор площадью более 157 кв. м был вымощен каменными плитами и служил внутренним хозяйственным двором. Западный двор площадью около 92,6 кв. м, возможно, был засажен деревьями и являлся внутренним садиком, около которого были сконцентрированы жилые помещения усадьбы. Через западный двор попадали в коридор, подводивший к главному входу в усадьбу. С северной стороны усадьбы были расположены помещения. Не менее

11 помещений были вытянуты по линии с востока на запад (рис. 40). Их общая длина 45,50 м. При этом десять из них имели смежные стены и образовывали блок, с востока и запада которого были проходы. С запада был главный вход в усадьбу — шириной более 1 м, с востока, за восточной стеной усадьбы, был узкий проход, отделявший ее от соседней хозяйственной постройки. К южным стенам этих десяти помещений примыкали два двора и разделявшие их четыре узких и длинных помещения (А, Б, Г, Е) — вероятно, овчарни и хлевы, а также еще два хозяйственных помещения (Ч и Ф), одно из которых, возможно, служило птичником.

В северо-западном углу усадьбы сохранились остатки углового помещения У и примыкавшего к нему с юга помещения, размеры которого установить не удастся. Тянулись ли помещения на всю ширину усадьбы и сколько их было в этом восточном ряду, неизвестно, так как юго-западный угол усадьбы полностью разрушен. Не удастся с уверенностью восстановить и южную границу усадьбы. Можно предполагать, что она шла либо по линии южной стены помещения К, либо еще на 4 м южнее, где проходит развал крупных камней. Если считать, что граница проходила здесь, то ширина усадьбы может быть определена в 25 м. Поскольку очертания развалов камней усадьбы и сохранившиеся ее стены позволяют считать постройку прямоугольной, площадь, занимаемая зданием усадьбы, может быть определена как 1137,5 кв. м.

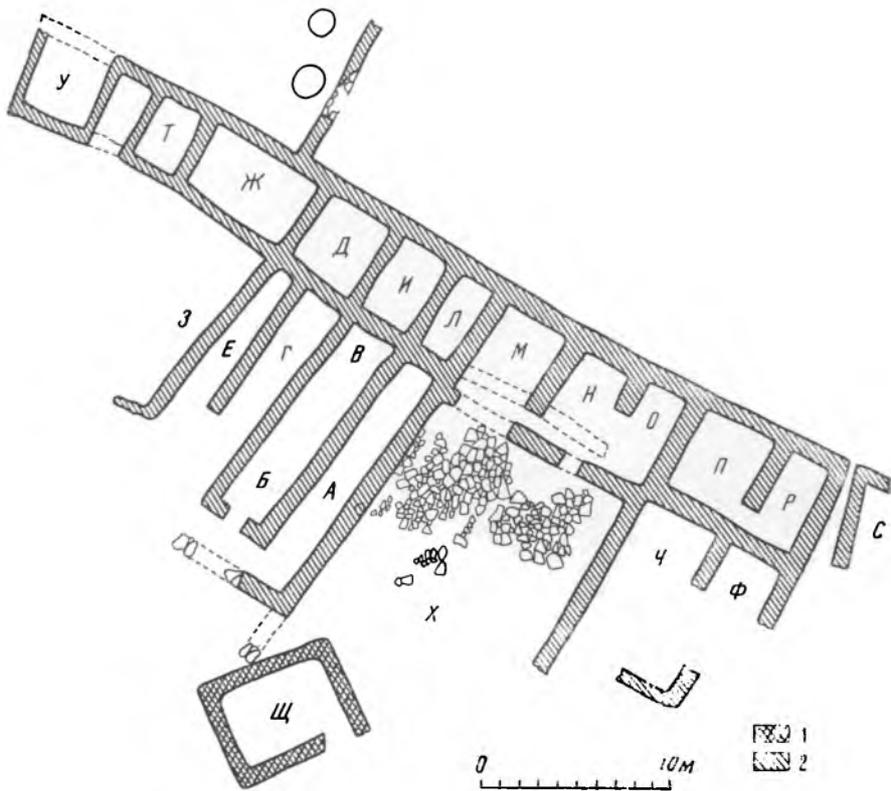

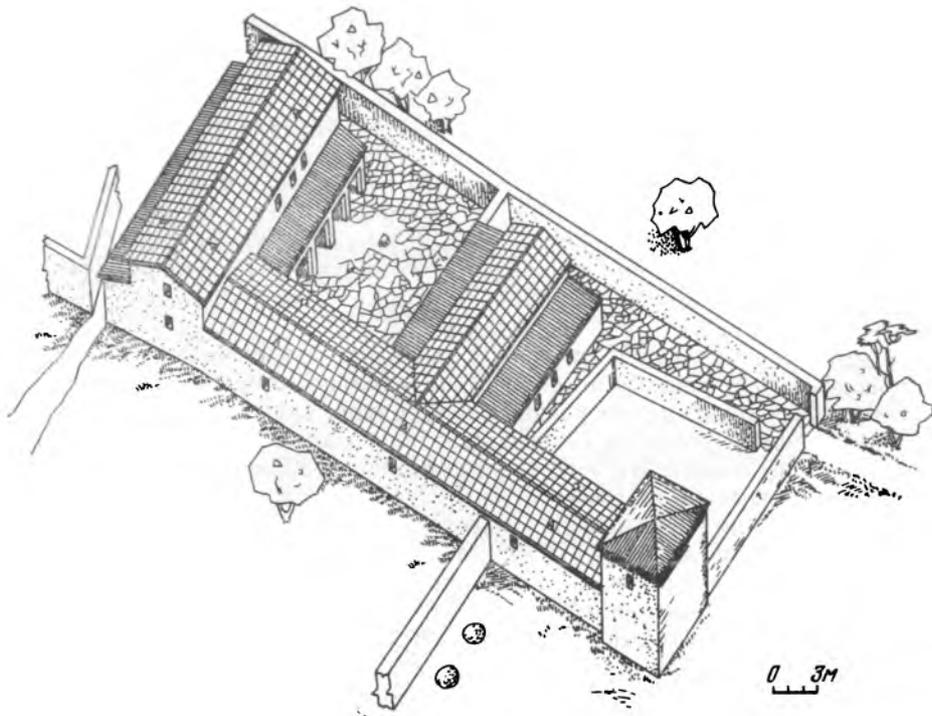
Рис. 40. План усадьбы (Андреевка Южная)

1 — IV—III вв. до н. э.; 2 — III в. до н. э.

Трудно определить назначение десяти смежных северных помещений. В некоторых из них имелись вмазанные в землю амфоры, возможно предназначенные для хранения воды. В помещении Д находилась ступа для очистки зерен. Остатки печи и очага были обнаружены только в двух помещениях — У и П, в северо-западном и северо-восточном углах усадьбы, а также в углу мощеного двора. В других помещениях печей не было, может быть, были переносные очаги. По-видимому, одни из помещений были жилищами рабов, другие служили кладовыми, где хранился сельскохозяйственный инвентарь.

Все северные помещения были сравнительно небольшими, длина их с севера на юг не достигала 5 м. Только примыкавшие к ним с юга помещения отличались вытянутой формой и большими размерами (рис. 41).

К северу от крайних северо-западных помещений усадьбы был расположен еще один хозяйственный двор. Открыта часть его восточной стены длиной более 10 м. Во дворе находились зерновые ямы. Расчищены две ямы грушевидной формы глубиной 1,5 и 1,2 м с выложенными камнями

Д'ис. 41. Примерная реконструкция усадьбы Андреевка Южная

стенками. В III в. до н. э. они были засыпаны мусором, среди которого встречаются обломки сероглиняных и красноглиняных круговых сосудов, а также амфор — фасосских и боспорских, с рюмковидными и колпачковыми ножками и гераклейских, в том числе два фрагмента с энглицескими клеймами, содержащими имена Аргея и Дексиппа при магистрате Стюфане.

Судя по находкам на полах помещений, здание усадьбы функционировало в конце IV — начале III в. до н. э. К началу III в. до н. э. относится бронзовая монета, найденная в проходе между двумя северо-западными помещениями. Все остальные монеты — последней трети IV в. до н. э. Они были найдены вне строительных комплексов.

Все клейма на ручках синопских амфор из помещений усадьбы датируются второй половиной IV — началом III в. до н. э.¹²⁴, гераклейские клейма — второй половиной IV в. до н. э., а одно фасосское клеймо — первой третью IV в. до н. э. Амфоры, благодаря своей прочности, могли использоваться в хозяйстве очень долго. Этому способствовало то, что их часто держали врытыми в землю. Поэтому для определения времени гибели усадьбы надо учитывать те из найденных предметов, которые отно-

¹²⁴ И. Т. Кругликова, Ю. Г. Виноградов, 1973, стр. 44 сл.

сятся к наиболее позднему времени. Среди амфорных клейм из слоя, покрывавшего разрушенную усадьбу, наиболее поздними являются клейма на ручках синопских амфор IV группы по классификации Б. Н. Гракова. Они относятся к концу III — началу II в. до н. э. Это клейма астиномов Аристиона, Эсхина, Кратистарха, Мильтиада. Обращает на себя внимание факт единичных находок косских амфор типа, известного в IV—III вв. до н. э., и полное отсутствие амфор, типы которых обычны для III и II вв. до н. э. Совсем нет обломков родосских, книдских и других амфор, которые характерны для памятников второй половины III и II в. до н. э. Все это позволяет считать, что основное здание усадьбы прекратило существование не позднее середины или второй половины III в. до н. э.

К востоку от большой постройки обнаружены остатки еще одного здания, от которого частично сохранились только помещение С и дворик Ш. Оно было одновременно усадьбе и, вероятно, служило жилищем одному из работников усадьбы. Второй дом такого же назначения открыт на северном конце холма. Этот дом длиной около 20 м и шириной около 5 м тянулся с востока на запад.

План этого дома напоминает известные на Боспоре удлинненные дома Киммерика (Холм А) VI—IV вв. до н. э.¹²⁵, Южно-Чурубашского поселения VI—V вв. до н. э. и юго-восточного квартала на поселении III в. до н. э. у Семеновки¹²⁶. По-видимому, дом имел не менее четырех помещений, расположенных рядом. При этом два восточных помещения, соединенных дверным проемом, сохранили ярко выраженные следы пожара — их полы покрывал мощный горелый слой с кусками обгоревшей глиняной обмазки от упавших перекрытий. На земляном полу западных помещений слой пожарища незначителен. В восточном помещении на каменных плитах пола лежала нижняя часть амфоры с колпачковой ножкой (рис. 42)¹²⁷, а в соседнем помещении на земляном полу, посыпанном известняковой крошкой, среди кусков обгоревших в пожаре сырцовых кирпичей, в слое золы и сажки лежали пять раздавленных синопских амфор, лутерий и тонкостенный горшочек боспорской глины. В северо-восточном углу помещения было возвышение, сложенное из необработанных камней известняка. Подобные сооружения часто встречаются на поселениях Боспора первых веков н. э., например в Илурате¹²⁸ и у Семеновки¹²⁹. Около этого возвышения и в других частях помещения обнаружены куски печины, возможно от разрушенной глинобитной печи. Между этим домом и усадьбой сохранились следы еще какой-то постройки второй половины IV—III в. до н. э., видимо связанной с северо-западным хозяйственным двором.

Нам известно, что сельскохозяйственные усадьбы могли быть двух типов. Одни представляли собой единое целое: их постройки образовывали сплошную линию и огораживали двор, заменяя изгородь (рис. 43).

¹²⁵ И. Т. Кругликова, 1958б, стр. 236, рис. 11.

¹²⁶ И. Т. Кругликова, 1970б, стр. 9, рис. 6.

¹²⁷ И. Б. Зеест, 1960, табл. V, 14а.

¹²⁸ В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 40, помещение 4.

¹²⁹ И. Т. Кругликова, 1970б, стр. 36, помещение 32.

Рис. 42. Дом к северу от усадьбы (Андреевка Южная)

Рис. 43. Реконструкция италийской усадьбы Катона

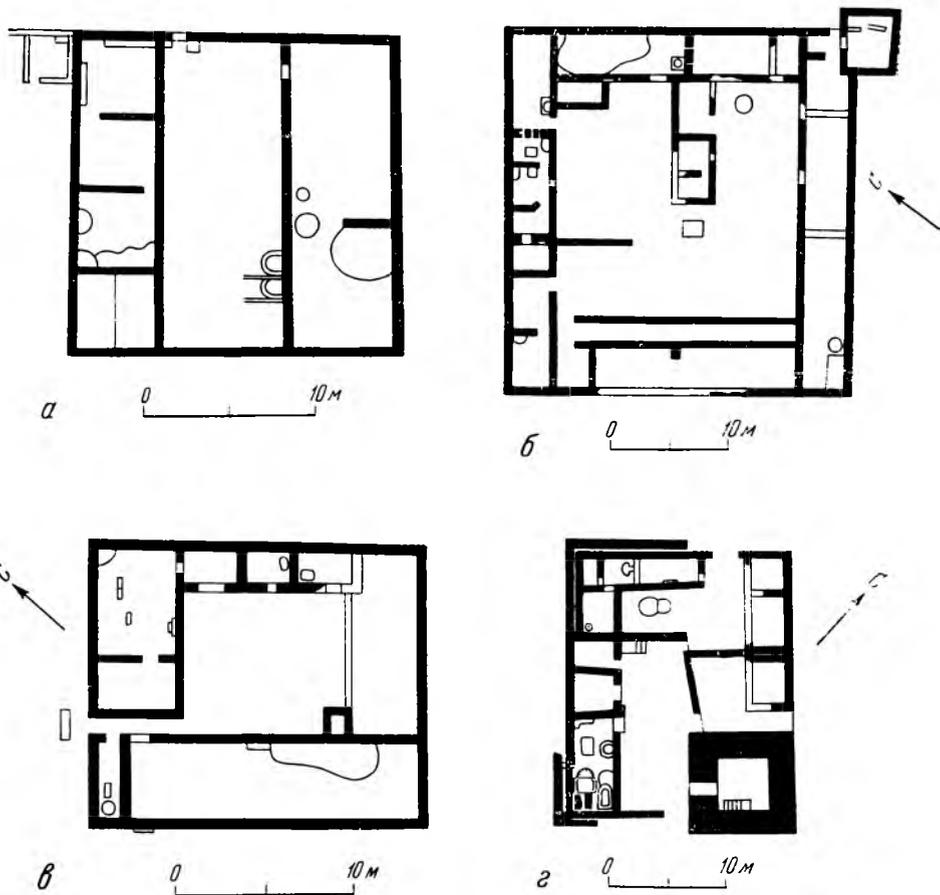

Рис. 44. Планы херсонесских усадеб

а — клер 4 на Маячном полуострове; б — клер 25 (II в. до н. э.); в — клер 3 на Маячном полуострове; з — клер 26 (конец II в. до н. э.)

Другие состояли из отдельных построек, разбросанных на территории, которая, вероятно, была обнесена забором¹³⁰. Описываемая усадьба приближается ко второму типу.

Мы мало знаем об устройстве сельских усадеб раннегреческого и эллинистического времени, хотя несколько усадеб были раскопаны в Херсонесе (рис. 44), в Аттике и др.¹³¹ Лучше всего известны усадьбы римского времени и особенно вблизи Помпей. Большая часть их имеет в плане форму вытянутого прямоугольника. Чаще всего в них сочетаются хозяйственные и производственные помещения и жилища рабов с большим

¹³⁰ М. Е. Сергеевко, 1958, стр. 199.

¹³¹ J. Pečírka, 1973, стр. 124.

или меньшим количеством комнат, занимаемых владельцем усадьбы и его семьей. Особенно интересны помпейские усадьбы 14, 19 и 28. Первая из них включает в прямоугольник основной постройки большой двор, винодельню с винным погребом, помещения для волов, лошади, рабов, кладовую и комнаты хозяина. Амбар, большой ток и сарай для соломы были пристроены к северной стене основного здания и нарушали прямоугольный план усадьбы¹³². Это напоминает нам и описываемую усадьбу Андреевки Южной, где также хозяйственные сараи находились с севера, вне главной постройки.

Во второй помпейской усадьбе (19), так же как в Андреевке Южной, к одной из длинных стен примыкают смежные помещения, выходящие во двор. Только в помпейской усадьбе они выходили не сразу во двор, а в porticus, отделявший часть двора. В этих помещениях находились амбар, комнаты для рабов и вилика, сарай для сельскохозяйственного инвентаря, конюшня, винодельня и комната хозяина¹³³.

Третья из помпейских усадеб (28) находилась в 2 км от Помпей¹³⁴. Ее северная часть не раскопана. Сохранившиеся на стенах надписи позволяют считать ее постоянным двором (рис. 45).

Но угощали здесь посетителей, по-видимому, продуктами своего хозяйства. Земледельческие орудия, винодельня, птичник и хлев свидетельствуют о сельскохозяйственном профиле усадьбы. Для нас особенно интересен узкий и длинный хлев, пристроенный к южной стене усадьбы. Он занимал площадь более 120 кв. м, а длинная стена делила его на два помещения. Длинное помещение напоминает овчарню, построенную согласно советам Варрона и Колумеллы. По описанию Колумеллы овчарня должна представлять собой вытянутый прямоугольник (*Collum.*, VII, 3, 8), обращенный длинной стороной к югу. Она помещается во дворе, обведенном глинобитной стеной, где овцы могут спать летом. Варрон же рекомендует овчарню поставить так, чтоб в нее не дуло, лучше входом на восток. Пол в овчарне он советует делать покатым и выстилать

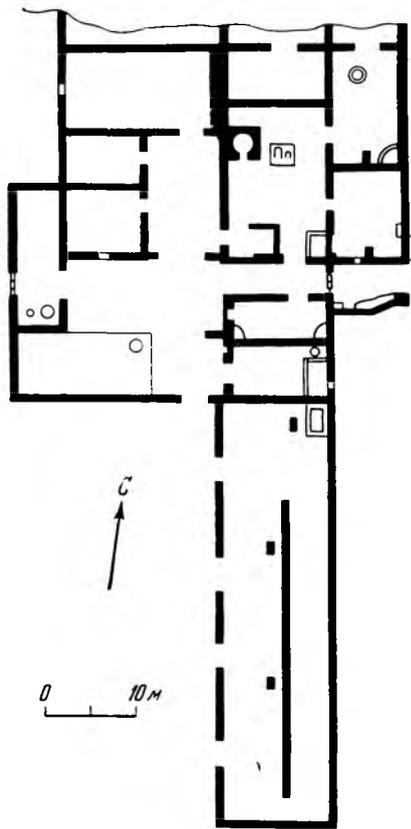

Рис. 45. План усадьбы 28 около Помпей

¹³² Там же, стр. 177.

¹³³ М. Е. Сергеевко, 1958. стр. 181.

¹³⁴ Там же, стр. 185 сл.

Рис. 46. Головка терракотовой статуэтки из Андреевки Южной

древесными ветками (*Varr.*, II, 2, 7), а для тарентийских овец вымащивать камнями (*Varr.*, II, 2, 19)¹³⁵.

Вытянутая форма овчарни была продиктована особенностями поведения овец. Вряд ли удобство такой формы было замечено только в Италии. Скорее всего римские агрономы описали сложившиеся в течение веков типы хозяйственных сооружений, приспособленных к разным климатическим условиям. Преимущества овчарен в виде удлиненных и узких помещений с наклонными полами, вымощенными камнями, были известны и грекам. От них, вероятно, они были заимствованы и хозяевами сельских усадеб Боспора, где, судя по андреевской усадьбе, они существовали уже в эллинистическое время. В усадьбе Андреевка Южная овчарнями, вероятно, были по крайней мере два из четырех параллельных удлиненных помещений, вытянутых к югу. Самое маленькое из них — помещение Е площадью около 15,5 м, может быть, служило для хранения кормов. В двух овчарнях с полами, вымощенными каменными плита-

ми, общей площадью более 56 кв. м, вероятно, жили овцы в зимнее время. В помещении Б, которое было шире остальных, могли содержать молодняк, но, возможно, это был хлев для других домашних животных. Слой золы между двумя обмазками полов в этом помещении мог быть насыпан специально для уменьшения сырости и для утепления пола.

Жилая хозяйская половина, по-видимому, находилась в западном конце усадьбы. Там в крайнем северо-западном помещении У были открыты остатки печей. В западной части усадьбы найдены обломки терракотовых статуэток (рис. 46) и монеты, пряслица, бусина из финикийского стекла (рис. 35, б), обломок бронзового черпака с ручкой в виде лебединой головки (рис. 35, з), значительное количество обломков чернолаковых сосудов, терочник, части зернотерки. С северо-запада был, вероятно, и вход в усадьбу. Земельный участок, на котором находилась усадьба, был обнесен каменной оградой.

Еще одна сельскохозяйственная усадьба IV—III вв. до н. э. была расположена на Южно-Чурубашском поселении. Там обнаружены два близко стоящих каменных дома (рис. 14). Один из них (2), построенный в конце V в. до н. э., состоял из двух помещений площадью 29 и 36 кв. м. Пол дома был земляным и слегка углубленным. Его подстилал

¹³⁵ М. Е. Сергеевко, 1958, стр. 139.

слой золы. Вход в дом был с запада. К нему вел небольшой коридор длиной 1,6 м, образованный выступами стен. Всю ширину дверного проема (1,3 м) занимала каменная плита порога. Во второе, большее, помещение вел симметрично расположенный дверной проем. Дом имел, вероятно, соломенную крышу.

Назначение этого дома не совсем ясно. Нет никаких следов печи, нет печи, нет каменных сооружений типа ларей, лежанок, столиков. Необычна планировка дома, очень велика ширина дверных проемов. Вход в виде коридора представляет исключение в строительстве Боспорского царства. Необычна и техника кладки стен, которые сложены на глине из мелких и средних бутовых камней и стоят на фундаменте из довольно крупных камней. Особенно крупные камни положены под углы и обрамляют дверные проемы. Можно предположить, что этот дом имел культовое или хозяйственное назначение. На полах обоих его помещений находок не было.

В IV в. до н. э. на расстоянии 2,8 м к югу от описанного дома был сооружен второй дом (1). Пространство между этими двумя домами не было застроено. Южный дом 1 имел черепичную крышу и также состоял из двух помещений площадью 16 и 13 кв. м. Вход в него вел с юга через восточное помещение. В этом помещении имелись каменная лежанка длиной 3,17 м, сооруженная из двух рядов поставленных на ребро камней, перекрытых плитами, и пристроенная к ней загородка, образующая нечто вроде ларя. Аналогичное каменное сооружение примыкало также к северной стене западного помещения. Пол в обоих помещениях был частично земляным, частично вымощенным плитами. На полу и под ним была зола. Южнее этого дома находился мощный дворик. Между южной стеной дома и двориком симметрично лежали плоские камни, возможно служившие основаниями столбов портика, который находился с южной стороны перед входом в дом. Так же, как и первый дом, эта двухкомнатная постройка с портиком пока не имеет аналогий в архитектуре Северного Причерноморья. К востоку от нее сохранились обрывки каменных фундаментов, что позволяет предположить наличие каких-то хозяйственных пристроек со стенами из мелкого бутового камня на глине.

Разведочные шурфы и траншеи (рис. 3) позволили уловить примерные границы земельного участка, примыкавшего к усадьбе. Стены, которые ограничивали участок с севера и юга, лежали на расстоянии около 115 м одна от другой. Восточная и западная границы устанавливаются приблизительно — по границам зольников и по соотношению с остатками второй усадьбы. Расстояние между ними около 100 м. Таким образом, размеры приусадебного огороженного участка, по-видимому, были немногим более 1 га, что примерно соответствует и размерам приусадебного участка усадьбы Андреевки Южной. К этому участку, вероятно, принадлежала земля, отведенная под посевы зерновых культур. Ее не огораживали стенами, поэтому размеры всего земельного владения хозяина усадьбы установить не удается.

Усадьба эта не была одинока. Культурный слой IV—III вв. до н. э. тянется с перерывами на протяжении более 1 км. Это позволяет предполагать, что здесь была большая античная деревня, находившаяся в пре-

Рис. 47. Чернолаковый гутус начала IV в. до н. э. (Южно-Чурубашское)

делах хоры Нимфея. Среди находок преобладали обломки амфор — хиосских, фасосских, гераклейских, синопских, боспорских, косских, с колпачковыми ножками и др. Встречены простая круговая керамика, красноглиняная и сероглиняная с черным покрытием, а также лепные кухонные горшки, иногда с вдавликами по краю, и круговые кастрюли. Найдены многочисленные чернофигурные (рис. 47), краснофигурные и чернолаковые сосуды, отдельные обломки рыбных блюд, лутериев, терракотовых статуэток сидящей богини. Вся керамика хронологически укладывается в рам-

ки от V до III в. до н. э. Это и определяет время жизни на поселении. В IV—III вв. до н. э. продолжалась жизнь и на поселении у с. Героевка, где античная деревня возникла еще в VI—V вв. до н. э. После каких-то потрясений, пережитых поселением в начале IV в. до н. э., жизнь там снова возродилась. Дома были частично перестроены, частично возведены вновь. Отдельные небольшие изолированные усадьбы составляли античную деревню типа Южно-Чурубашской или поселения IV в. до н. э. Андреевка Южная.

На северном берегу Тобечикского озера, немного южнее западной окраины с. Огоньки в 1956 г. обнаружено еще одно античное поселение. Оно также представляло собой, по-видимому, античную деревню из нескольких изолированных усадеб. Крупные камни от разрушенных кладок и черепки античной посуды концентрировались отдельными пятнами на значительной площади. Два разведочных раскопа 1956 г.¹³⁶ и раскопки Д. С. Кирилина в 1964—1965 гг.¹³⁷ показали, что поселение возникло в V в. до н. э. Об этом говорят находки обломков хиосских амфор и другой керамики V в. до н. э. Возможно, Тобечикское озеро в то время еще было заливом моря, и это поселение было прибрежным. Протяженность поселения примерно 200×150 м. В 300 м к северо-востоку, по другую сторону балки, обнаружены курганы¹³⁸.

¹³⁶ Л. Т. Кругликова, 1956б, л. 2.

¹³⁷ Все материалы раскопок хранятся в Керченском историко-археологическом музее, отчет — в ИА АН УССР. Д. С. Кирилин открыл две каменные постройки, одна из которых лежала на берегу озера, другая — к северу от дороги. Раскопы 1956 г. находились севернее — по-видимому, уже у северной окраины античного поселения.

¹³⁸ В 1965 г. Д. С. Кирилин раскопал группу из трех курганов (Три брата), расположенную в 1 км от поселения. Там были открыты пять захоронений: две плитовые гробницы и три монументальных склепа со ступенчатыми перекрытиями. Все погребения относятся к IV в. до н. э. и находят аналогии в Нимфейском некрополе. В одном из курганов было очень богатое погребение в уступчатом склепе, сочетавшее черты эллинского и скифского погребального обряда и, возможно, принадлежавшее знатной эллинизированной скифянке. См.: Д. С. Кирилин, 1964, л. 2, сл.; Он же, 1968, стр. 178 сл.

Возможно, что на этом поселении жили осевшие на землю скифы. Поселение было богатым. При раскопках находили обломки боспорских и синопских черепиц, вероятно покрывавших крыши. Найдены бронзовые монеты: пантикапейская середины IV в. до н. э.¹³⁹ и Амиса 80—70 г. до н. э.

В отличие от большинства боспорских сельских неукрепленных поселений, здесь жизнь продолжалась непрерывно. Среди находок встречаются обломки гераклейских и синопских амфор, амфор с колпачковыми ножками, синопских лутериев и чернолаковых сосудов, обычных для сельских поселений IV—III вв. до н. э. Но здесь попадаются также обломки так называемых мегарских рельефных чаш, родосских амфор и косских амфор с двустольными ручками, а также чернолаковых сосудов с белой накладной краской. Эта керамика поступила на сельские поселения как раз в тот период, когда происходило перемещение населения со старых неукрепленных поселков на новые места. Здесь же жизнь продолжалась. Существовало поселение и в первые века н. э., вплоть до III в. Сюда поступали краснолаковая керамика, светлоглиняные амфоры и амфоры с реберчатыми стенками. Может быть, удобное местоположение способствовало тому, что на месте небольшого эллинистического поселения вырос маленький городок. Но не исключено также, что здесь, как и в Героевке, от которой недалеко до этого поселения, на месте античной деревни была построена сельская усадьба. Ее местоположения мы пока не знаем.

На противоположном, южном берегу Тобечикского озера, на мысе сильно выступающем в озеро, к востоку — северо-востоку от с. Костырино в конце V или в IV в. до н. э. возникло поселение, на котором жили до конца античной эпохи¹⁴⁰. Поверхность мыса повышается к северо-востоку, его оконечность имеет высоту 20 м над уровнем озера. На южном склоне мыса в средней его части в 1956 г. был зачищен борт блиндажа длиной 12 м. Удалось выяснить, что на данном участке поселение простояло с IV в. до н. э. по IV в. н. э. На материке лежит слой IV—III вв. до н. э., в котором найдены обломки остродонных амфор — гераклейских, синопских, с колпачковыми ножками, боспорских, фасосских и др., обломки лутерия, чернолаковых и простых боспорских сосудов, кости животных. Пoblзости от этого поселения расположены два неукрепленных селища, возникших в V—IV вв. до н. э. Жизнь на них прекратилась около III в. до н. э.

Надо отметить, что IV и III века до н. э. были временем наибольшего расцвета сельских поселений. В этот период всю территорию как европейской, так и азиатской части Боспора, занимали поселки типа неукрепленной деревни (например, Марфовка, Марьевка) или группы отдельных усадеб (например, Октябрьское). Но после взлета IV в. до н. э., когда поселения вырастали, как грибы, уже в III в. до н. э. начинается спад. Характерно, что из 276 сельских поселений античного времени, открытых разведками на территории Керченского полуострова, 233 существовали в IV—III вв. до н. э. Но только 43 из них дожили до первых

¹³⁹ А. Н. Зограф, 1951, табл. XL, 18.

¹⁴⁰ И. Т. Кругликова, 1956б, л. 4 сл.; В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 213 (пункт 4).

веков н. э., на остальных жизнь закончилась в течение III и II вв. до н. э. Анализ керамических клейм показывает, что подавляющее большинство поселков было заброшено в конце IV и первой половине III в. до н. э. Синопские клейма IV и V групп по классификации Б. Н. Гракова встречены почти исключительно в прибрежных поселках, где жизнь продолжалась во II—I вв. до н. э., а часто и в более позднее время. Исключение составляют Андреевка Южная, Марфовка и Марьевка, где клейма этих групп встречены единицами и соответствуют по времени запустению поселков. Вместе с тем синопские клейма V и VI групп встречены вместе с родосскими клеймами II и III групп по классификации В. Грейс¹⁴¹ на прибрежных поселениях, возникших в начале и во второй половине III в. до н. э. (Семеновка, Ново-Отрадное).

По-видимому, конец IV и III в. до н. э. были периодом кардинальных перемен в жизни боспорской хоры. В это время на месте античных деревень кое-где возникают рабовладельческие усадьбы (например, Андреевка Южная). Иногда усадьбы появляются на новых местах (усадьба у Солдатской слободки — между Пантикапеем и Мирмекием)¹⁴². Количество крупных изолированных усадеб в течение III в. до н. э. увеличивается, тогда как неукрепленные деревни хиреют и число их ко II в. до н. э. постепенно уменьшается. Процесс этот, по-видимому, был общим как для европейской, так и для азиатской частей Боспора. Во второй половине III в. до н. э. появляется усадьба на Семибратнем городище¹⁴³. В конце III или начале II в. до н. э. возникает усадьба в Ново-Отрадном. Под усадьбой, открытой А. Люценко в 1870 г. на Темир-горе и относящейся, судя по находкам монет, к концу I в. до н. э. — II в. н. э.¹⁴⁴, были обнаружены слои эллинистического времени. Это позволяет предполагать, что в III—II вв. до н. э. там тоже существовала усадьба.

Если хозяйство в усадьбах Андреевки и Южно-Чурубашского имело ярко выраженный животноводческий и зерновой характер, то усадьбы, открытые на Темир-горе и у Солдатской слободки, принадлежали к хозяйствам иного профиля. Близость к Пантикапею и Мирмекию, в 2 км от которого находилась вторая из усадеб, т. е. расположение ее в пределах древней хоры города, где издавна греки-переселенцы культивировали виноград, делали для хозяина более выгодным изготовление вина.

Усадьба у Солдатской слободки раскопана Боспорской экспедицией (с 1951 до 1956 г.). Площадь усадьбы составляла несколько более $\frac{1}{4}$ га. Усадьба включала пять основных помещений, расположенных в северной части двора, хозяйственные помещения — в южной части, большой мощный двор с двумя хозяйственными постройками в восточной и две винодельни в северо-западной и северо-восточной частях, состоявшие каждая из площадки и цистерны¹⁴⁵. Эта усадьба существовала с III по I в. до н. э. Обрабают на себя внимание большие размеры

¹⁴¹ V. Grace, 1952, стр. 525 сл.

¹⁴² V. F. Gaidukevič, 1971, стр. 183.

¹⁴³ Н. В. Анфимов, 1941, стр. 263 сл.

¹⁴⁴ В. Ф. Гайдукевич, 1941, стр. 45 сл.

¹⁴⁵ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 367—369.

виноделен III в. до н. э.¹⁴⁶ Их цистерны вмещали по 8 тыс. и 7 тыс. литров, т. е. одновременно в усадьбе можно было выдавить 15 тыс. литров виноградного сусла. После того как оно отстаивалось, его могли разливать по сосудам и на площадках выдавливать сок из новой порции винограда. Так можно было повторять неоднократно в течение сезона, и это позволяло производить в усадьбе большое количество вина, предназначенного к продаже на рынках города.

Хозяин этой пригородной усадьбы был тесно связан с рынком. При раскопках в завалах помещений найдено много пантикапейских и фанаторийских монет первой половины III в. до н. э., рубежа III и II вв. до н. э., II и I вв. до н. э. Владелец усадьбы широко пользовался в быту импортными товарами, что сближало его быт с бытом горожан. Так, например, в помещениях усадьбы встречены рельефная посуда («мегарские» чаши), колхидский пифос с зернами пшеницы, синопский лутерий, малоазийская ойнохоя с клеймом коллегии агораномов, родосские и косские амфоры, краснолаковые сосуды и различные терракотовые статуэтки. Здание усадьбы было мало похоже на деревенские дома, а напоминало дома зажиточных обитателей города. Дом имел черепичную крышу, стены некоторых из его помещений были покрыты многоцветной росписью. Все это говорит о достатке и процветающем хозяйстве. Но усадьба имеет ряд общих черт в деталях внутреннего убранства с домами поселений, находившихся вдали от городов. Здесь, как и в Семеновке, Южно-Чурубашском, Андреевке Южной, в помещениях были каменные лари или кормушки, а в углах — полукруглые выкладки из камней; половина пола в некоторых помещениях вымощена каменными плитами, а у нижних частей стен поставлены на ребра каменные плиты (как в Андреевке Южной): найдены каменные ступы и очаги.

Эта боспорская усадьба III—II вв. до н. э. принадлежала, вероятно, зажиточному боспорскому рабовладельцу. Она отличалась от описанных выше усадеб Андреевки Южной и Южно-Чурубашского большим достатком и иным профилем хозяйства. Она существовала дольше других усадеб, поэтому среди бытовой посуды в ней встречались рельефные чаши, краснолаковые сосуды, родосские и косские амфоры, которых не знали обитатели деревень и отдаленных усадеб IV—III вв. до н. э.

Мы видим, таким образом, что в IV и III вв. до н. э. сельская территория Боспора была неоднородной. Имелись поселения, обитателями которых были осевшие на землю и эллинизованные скифские племена. Вероятно, они были полусвободными и отдавали главе Боспорского государства часть урожая. Боспорские архонты и позднее цари, заинтересованные в вывозе хлеба, всячески поощряли оседание на землю окрестных племен. Более того, согласно Дподору (*Diod. Sys.*, XX, 25) Евмел размежевал на участки Псою (местность, которую исследователи склонны локализовать в азиатской части Боспора) и роздал землю 1 тыс. каллатийцев, что было вызвано, вероятно, не только желанием помочь терпящим бедствие каллатийцам, но и стремлением увеличить количество возделываемой земли.

¹⁴⁶ Во второй половине II или I в. до н. э., когда винодельни III в. до н. э. уже не функционировали, была сооружена третья, меньшая, винодельня.

Возможно, что, кроме того, он рассматривал каллатийцев как клерухов, обязанных нести воинскую повинность.

Подавляющее большинство неукрепленных сельских поселений возникло во второй половине IV в. до н. э. Среди находок на этих поселениях, как правило, встречается большое количество обломков амфор, главным образом синопских, фасосских, гераклеийских и боспорских, изредка косских, а также из неизвестных центров. Из синопских клейм представлены преимущественно клейма II и III групп по классификации Б. Н. Гракова¹⁴⁷. Родосские клейма на сельских поселениях этого типа обычно отсутствуют, как и рельефные чаши. Таким образом, время существования этих поселений можно установить довольно точно — IV—III вв. до н. э. Некоторые из них, например Марфовка, возможно, дожили и до II в. до н. э. Там встречены синопские клейма V и VI групп, но родосские амфоры и «мегарские» чаши не обнаружены. На этих поселениях почти не находят монет, что крайне затрудняет датировку, особенно если учесть, что и датировка синопских клейм, которые в большом количестве встречаются на этих поселениях, остается спорной¹⁴⁸.

Наряду с основной массой неукрепленных сельских поселений IV—III вв. до н. э. известна значительная группа поселений, среди материала которых не встречаются синопские клейма первых трех групп, зато есть клейма IV—VI групп и большое количество родосских клейм, а также рельефные «мегарские» чаши. Можно констатировать, что время распространения на Боспоре синопских клейм IV группы совпадало с переломным моментом в истории сельских поселений. Все неукрепленные деревни в это время прекращают существование. На смену им приходят рабовладельческие усадьбы типа усадеб у Солдатской слободки¹⁴⁹ или на Семибратнем городище¹⁵⁰ и около с. Ново-Отрадное¹⁵¹, а также укрепленные поселения, расположенные преимущественно по берегам моря и всегда в местах, удобных для обороны. Именно в это время возникают поселения у сел Семеновка, Костырино, а также Золотое Восточное и Кезы. Судя по родосским клеймам, это происходит в конце III—начале II в. до н. э.

Глубокие перемены в истории сельскохозяйственной территории явились следствием больших экономических и социальных изменений, которые переживали в это время Боспорское царство и его соседи — скифы. Может быть, в результате конкуренции египетской пшеницы¹⁵² или по другим причинам¹⁵³ сократился вывоз боспорского хлеба в Афины. Вме-

¹⁴⁷ Б. Н. Граков, 1929, стр. 122 сл.

¹⁴⁸ Существуют разные точки зрения на датировку синопских клейм. См.: А. А. Нейхарт, 1951, стр. 11 сл.; М. И. Максимова, 1956, стр. 161, 218 сл.; В. И. Целмистренко, 1960, стр. 59 сл.; И. Б. Брашинский, 1961, стр. 301; В. И. Пругло, 1967, стр. 42 сл.; Б. А. Василенко, 1971, стр. 245; И. Т. Кругликова, Ю. Г. Виноградов, 1973, стр. 45.

¹⁴⁹ В. Ф. Гайдукевич, 1955, стр. 119, примеч. 3; V. F. Gajdukevič, 1971, стр. 183.

¹⁵⁰ Н. В. Анфимов, 1941, стр. 259.

¹⁵¹ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 236.

¹⁵² С. А. Жебелев, 1953а, стр. 147.

¹⁵³ М. К. Трофимова, 1961, стр. 46 сл.

сте с тем в результате натиска сарматских племен центр скифского государства перемещается в Крым. В это время перестает существовать Каменское городище на Днепре, а на правом берегу Днепра возникает целая сеть малых укрепленных городищ, которые относятся ко II в. до н. э. — II в. н. э.¹⁵⁴ Крымские скифы нападают на неукрепленные сельские поселения, а Боспорское царство уже не может оказать им должного сопротивления. Жители стремятся переселиться в места, где легче воздвигнуть укрепления, где, кроме земледелия, можно заниматься рыболовством, садоводством и скотоводством. В этом же заинтересованы и боспорские цари, получающие таким образом возможность брать в виде дани другие товары, вывоз которых в то время был экономически более выгоден.

Одновременно в Боспорском государстве, как и во всех античных государствах, идет процесс концентрации земельной собственности — укрупнения земельных владений, с одной стороны, и обезземеливания мелких землевладельцев — с другой. Это и могло быть причиной исчезновения некоторых мелких поселков и отдельных усадеб, владельцы которых были согнаны с земли.

В это время на Боспоре, по-видимому, переходят и к новым формам землевладения, и к новым сельскохозяйственным культурам. Очевидно, это был довольно длительный процесс, и сельские поселения старого типа прекратили свое существование не одновременно, а в течение второй половины III — начала II в. до н. э. Вероятно, зерновое хозяйство перестает доминировать на большей части сельской территории европейского Боспора. Большую роль в занятиях жителей начинают играть рыболовство, виноградарство и скотоводство.

Примером поселения нового типа можно считать Золотое Восточное¹⁵⁵. Возникнув, вероятно, в III в. до н. э. на высоком труднодоступном холме, оно было обнесено каменной стеной с башнями (рис. 48 и 49). Среди находок там преобладали синопские амфоры с клеймами IV—VI групп по Б. Н. Гракову, а также родосские амфоры конца III — начала II в. до н. э. и амфоры других типов, характерных для эпохи эллинизма. Встречались «мегарские» чаши, много лепной и привозной круговой посуды и терракот. По-видимому, население поселка было сильно эллинизовано. Оно было значительно многочисленнее, чем в поселках предшествующего периода, больше была развита торговля.

Поселение Золотое Восточное погибло в конце II или начале I в. до н. э. Жизнь на нем более не возрождалась, тогда как на других поселениях, возникших одновременно с этим (например, у сел Семеновка, Ново-Отрадное), жизнь продолжалась и позднее. Трудно сказать, была ли гибель поселения Золотое Восточное связана с нападением врагов — скифов или сарматов, или вызвана расправой Диофанта со скифским населением, поддерживавшим восстание Савмака¹⁵⁶. Следы пожара в слое I в. до н. э. обнаружены на поселении у с. Семеновка; после этого пожара оно было

¹⁵⁴ Б. Н. Граков, 1954, стр. 150 сл.

¹⁵⁵ И. Т. Кругликова, 1957б, стр. 130 сл.

¹⁵⁶ В. Ф. Гайдучевич, 1962а, стр. 22 сл.

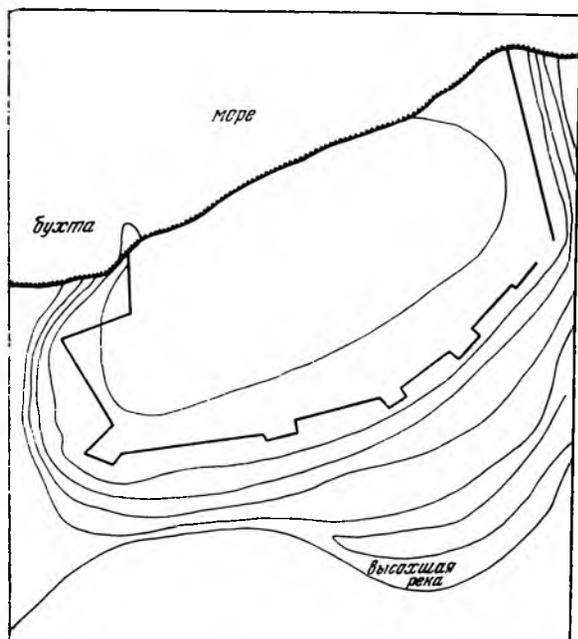

Рис. 48. Поселение Золотое Восточное

Рис. 49. Оборонительная стена поселения Золотое Восточное

заново отстроено. Подавление скифского восстания, последовавшие затем мероприятия Митридата, возросшие поборы, формирование новой армии и другие события I в. до н. э. полностью подорвали экономику Боспора. Раскопки свидетельствуют о катастрофических изменениях, происшедших на Боспоре в I в. до н. э. В это время прекращают свое существование Порфмий и усадьба у Солдатской слободки. Что собой представляли в это время сельские поселения, нам пока неясно.

Усадьбы и поселения II в. до н. э. — III в. н. э.

Новый этап в истории сельскохозяйственной территории Боспора начинается во второй половине III — начале II в. до н. э., когда большая часть неукрепленных сельских поселений запустела, на новых, более удобных для обороны местах возникли новые поселения, появились крупные укрепленные усадьбы. Этот третий период истории сельскохозяйственной хоры Боспора продолжался до последней четверти III в. н. э., когда подавляющее большинство поселений было разрушено в результате так называемого готского нашествия.

В течение этого большого, почти полутысячелетнего промежутка времени Боспор переживал периоды глубокого упадка и периоды расцвета. Естественно, что и развитие его сельской территории не было процессом спокойной эволюции, а отражало все превратности экономической и политической жизни Боспора.

Начало третьего этапа непосредственно следует за острым денежным кризисом, потрясшим Боспорское царство в первой половине III в. до н. э.¹⁵⁷ Причины кризиса исследователи объясняли по-разному. А. Л. Бертье-Делагард видел их в неправильной монетной политике Боспорского государства¹⁵⁸. В. Ф. Гайдукевич считал кризис отражением общего упадка экономической жизни Боспора, вызванного появлением на рынках Греции более дешевого египетского хлеба и передвижениями варварских племен¹⁵⁹. Д. Б. Шелов искал причины тяжелого состояния государственной казны в политических событиях последней трети IV в. до н. э. Война со скифами и междоусобные смуты сыновей Перисада опустошили казну, разорили страну и нарушили торговлю. Ослабление торговых связей с Афинами и недостаток драгоценных металлов усугубили тяжелое положение государства¹⁶⁰.

В. Д. Блаватский обращал внимание на изменение в IV—III вв. до общей международной обстановки в Восточном Средиземноморье, приведшей к потере Боспором его ведущей роли в торговле с Грецией, и на изменение внешнеполитического положения Боспора в связи с проникновением сарматов в Северное Причерноморье¹⁶¹. Как и Д. Б. Шелов,

¹⁵⁷ А. Н. Зограф, 1951, стр. 177 сл.; Д. Б. Шелов, 1956, стр. 146 и 192; П. О. Карышковский, 1961, стр. 114 сл.

¹⁵⁸ А. Л. Бертье-Делагард, 1911, стр. 53.

¹⁵⁹ В. Ф. Гайдукевич, 1949а, стр. 77.

¹⁶⁰ Д. Б. Шелов, 1956, стр. 149 сл.

¹⁶¹ В. Д. Блаватский, 1964, стр. 98 сл.

В. Д. Блаватский возражал против утверждения С. А. Жебелева о том, что со второй половины III в. до н. э. начинается период постепенного увядания Боспорского государства¹⁶². Однако В. Д. Блаватский не отрицал, что в результате конкуренции дешевой египетской пшеницы хлебная торговля Боспора пошатнулась и там начали развиваться другие отрасли сельского хозяйства. Место зерновых культур в торговле Боспора в III—II вв. до н. э., по мнению В. Д. Блаватского, заняли продукты скотоводства¹⁶³.

Повышение роли скотоводства на Боспоре и в Ольвии В. Д. Блаватский объяснял изменением социально-экономических условий и сравнивал этот процесс с тем, что происходил на территории Южной Италии в конце республиканского периода, — с концентрацией земельной собственности в руках немногих богачей, вытеснивших мелких земледельцев¹⁶⁴. Имевшиеся в распоряжении автора материалы не позволили ему подкрепить это утверждение достаточно убедительными аргументами. Даже подмеченное им увеличение в этот период территории Пантикапея он связал не с разорением мелких землевладельцев и переходом их в города, а с переселением в Пантикапей новых иностранцев, хотя факт исчезновения массы сельских поселений позволяет предположить, что в это время происходил процесс переселения сельских жителей в города. Надо учитывать, что уход сельского населения с обжитых мест во второй половине III и во II в. до н. э. наблюдается в одинаковой мере на всей территории Боспорского царства, а не только в ближайшей хоре полисов, как предполагал В. Д. Блаватский. Этот процесс был общим и являлся, как и монетный кризис первой половины III в. до н. э., результатом серьезных социально-экономических потрясений, которые переживало Боспорское царство.

Каковы бы ни были причины денежного кризиса, он не мог не оказать влияния на общий тонус экономической жизни Боспора. Сельское население, менее зависимое от денежного рынка, не сразу реагировало на изменение экономической ситуации. Но начавшийся процесс разорения мелких землевладельцев не мог быть приостановлен одновременно, как кризис монетной чеканки реформой Левкона II¹⁶⁵. Выход из кризиса, в который постепенно все глубже втягивалось сельское население Боспора, был возможен только при изменении социальной основы сельскохозяйственного производства. Новые аграрные отношения на Боспоре развиваются постепенно. Отсутствие письменных источников не позволяет нам проследить этот процесс. Однако археологические памятники ярко показывают серьезные изменения, происходившие на сельской территории Боспора. Начало этих изменений соответствует первому периоду третьего этапа, или второй половине III—II в. до н. э. Этот период, по-видимому, завершается в I в. до н. э., когда Боспорское государство входит в состав Понтийского царства Митридата Евпатора.

¹⁶² С. А. Жебелев, 1953а, стр. 149.

¹⁶³ В. Д. Блаватский, 1964, стр. 105.

¹⁶⁴ Там же, стр. 108 сл.

¹⁶⁵ А. Н. Зограф, 1951, стр. 182; Д. Б. Шелов, 1956, стр. 153.

Следующий период третьего этапа истории сельских поселений наступил, вероятно, со второй половины I в. до н. э. К I в. до н. э. — I в. н. э. относится сооружение серии укреплений в европейской и азиатской частях Боспора. Это постройка мощных оборонительных стен Илурата, Кита¹⁶⁶, возникновение «двойников» Илурата вроде городища у с. Тасуново¹⁶⁷ и более поздних укреплений, например у сел Семеновка, Андреевка, Фронтное, Золотое и др. Имеем ли мы здесь дело с крепостями, сооруженными Митридатом для обеспечения себе тыла во время войны с римлянами, как предполагал Н. И. Сокольский относительно крепостей азиатской части Боспора на Таманском полуострове¹⁶⁸, или все эти укрепления входили в систему обороны, созданную Асандром (*Strabo*, VII, 4, 6), сказать трудно. Может быть, происходило просто укрепление ранее существовавших поселений — естественное следствие беспокойного времени, заполненного войнами с соседними варварскими племенами. Нам кажется наиболее правильным видеть здесь укрепление уже имевшихся поселений, что связано и с созданием системы обороны при Асандре и его преемниках. Боспорские цари или другие крупные землевладельцы оказали помощь поселениям в возведении новых стен или ремонте старых. В то же время, возможно, были сооружены и специальные укрепленные пункты, население которых обрабатывало окрестные земли и выполняло военные повинности. Могли быть созданы и специальные военные крепости типа цитадели на горе Опук. Но основная масса этих поселений состояла из сельских поселков, укрепленных их обитателями. Оборонительные стены на Боспоре либо окружают все поселение, либо ограничивают часть поселения, образуя своего рода цитадели.

Положение на Боспоре перекликается с общим положением в Северном Причерноморье в то время. Укрепленные поселения появляются на Нижнем Дону, несколько раньше они распространяются в Нижнем Поднепровье.

Обращает на себя внимание факт резкого сокращения числа сельских поселений в первые века н. э. Из 276 поселений, обнаруженных разведками Восточно-Крымского отряда на территории европейской части Боспора, к первым векам н. э. относятся только 76. При этом 46 из них находились на месте эллинистических поселений и лишь 30 возникли на новых местах. Более половины поселений первых веков н. э. обнаружены в восточной части полуострова. Поскольку эта территория, прилегавшая к наиболее крупным городам, была особенно густо населена в эпоху эллинизма, найти здесь удобные для поселений участки, которые ранее были бы необитаемы, было очень трудно. Подавляющее большинство поселений первых веков н. э. (32 пункта из 46) располагалось здесь на месте старых эллинистических деревень или усадеб или в самой непосредственной близости от них. То же явление наблюдается и в прибрежных районах. Отдельные крупные усадьбы, например Ново-Отрадное и Героевка, и поселения, например Семеновка и Золотое, расцвет которых

¹⁶⁶ Н. С. Белова, 1961, стр. 83 сл.

¹⁶⁷ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов, 1955, стр. 113.

¹⁶⁸ Н. И. Сокольский, 1963б, стр. 24 сл.

Рис. 50—51. Поселение у с. Семеновка

относится к периоду после I в. до н. э., возникают на уже обжитых местах.

Поселения первых веков н. э. подразделяются на укрепленные деревни, укрепленные усадьбы и усадьбы с примыкавшими к ним поселениями. Среди первых наиболее характерно поселение у Семеновки¹⁶⁹. Укрепленная часть поселения помещалась на выступающем в море мысе (рис. 50—51), она занимает в настоящее время около 3 тыс. кв. м. Неукрепленная часть была менее плотно заселена, и дома стояли там на некотором расстоянии один от другого.

Поселение возникло в конце III — начале II в. до н. э.; в I в. до н. э. оно перестраивается: сооружаются новые оборонительные стены, отделяющие выступающий в море мыс от остальной части поселения. Однако вскоре поселение пострадало от большого пожара. На нем вновь производятся большие земляные работы. Существенно повышается уровень дневной поверхности, производится подсыпка мощного земляного слоя, сделавшая оборонительные стены менее уязвимыми для стенобитных орудий. Еще раз большие земляные подсыпки на городище были произведены уже в III в. н. э. Но восстановленные наспех укрепления не устояли против натиска врагов, и около 270 г. н. э. поселение было разрушено. В конце III в. н. э. на его руинах едва теплилась жизнь.

Несмотря на большие земляные работы, план поселения с I в. до н. э. остается без изменений. По-видимому, не изменились существенно за

¹⁶⁹ И. Т. Кругликова, 1970б, стр. 4—81.

этот период также ни этнический и социальный состав населения, ни занятия жителей, ни даже уровень их материальной жизни.

Поселение имело террасную планировку. Удалось выявить четыре террасы, поддерживаемые подпорными стенами, тянувшимися с востока на запад параллельно основной магистрали — центральной улице. Эта улица пересекала поселение с востока на запад в его самой высокой части. При раскопках не было найдено ни одного куска черепицы. Вероятно, крыши домов были земляными, а все стены домов — каменными. Планировка домов была различной, как и их размеры. Однако однотипность бытового инвентаря не позволяет говорить о больших различиях в социальном положении жителей. Во многих помещениях найдены железные сельскохозяйственные орудия: лемехи плугов, косы, мотыжки, садовые ножи¹⁷⁰. Эти орудия земледелия и большие земляные ямы, расположенные вне укреплений, свидетельствуют о занятии хлебопашеством. Многочисленные кости домашних животных и помещения для скота говорят о большой роли скотоводства. Садовые ножи позволяют предполагать наличие садов. Важную роль играло рыболовство. Найдены склады с запасами сухой рыбы, масса крючков различных размеров, обуглившиеся сети из крученого шнура, иглы для вязания сетей, полавки из пробки и деревянные, грузила каменные и глиняные¹⁷¹.

В помещениях открытых раскопками домов, кроме орудий труда, встречены железные наконечники стрел, дротиков и копий¹⁷². Хозяева домов имели право продавать продукты своего хозяйства, о чем свидетельствуют две свинцовые гири весом в 414 г и 212 г и 179 монет, найденных при раскопках¹⁷³. Все это показывает, что в юридическом отношении обитатели поселка, вероятно, были свободными или полусвободными людьми, платившими подати боспорским царям.

Бытовой инвентарь, найденный в помещениях, довольно однороден. Преобладают лепная посуда и амфоры. Среди лепной керамики обращают на себя внимание сосуды разнообразных форм¹⁷⁴ с красной лощеной поверхностью. Хотя лепная керамика занимает первое место среди находок, большую роль в быту населения играла и привозная посуда боспорского производства и импортная, например малоазийская красная лаковая. В помещениях наряду с лепными светильниками домашнего производства встречены и привозные боспорские. Найдены довольно редкие на Боспоре бронзовые кувшины.

Поселений такого же типа, как Семеновка, было немало и на побережье и во внутренней части полуострова. Среди тех, которые подверглись раскопкам, следует назвать поселения на берегу Азовского моря у сел Афанасьевка и Золотое, а в глубинной части — поселение Андреевка Северная.

¹⁷⁰ И. Т. Кругликова, 1959б, стр. 137; Она же, 1966а, стр. 111.

¹⁷¹ И. Т. Кругликова, 1961, стр. 78.

¹⁷² И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 165.

¹⁷³ И. Т. Кругликова, 1963б, стр. 118; Она же, 1970б, стр. 14, примеч. 11.

¹⁷⁴ Возможно, красное лощение надо рассматривать как подражание красному лаку, но скорее всего это какой-то прием, принесенный в Крым теми сарматами, которые расселились в районе мыса Казантип, так как именно для этого района характерна керамика с красным лощением.

Рис. 52. Поселение у с. Афанасьевка (мыс Казантип)

Поселение Афанасьевка¹⁷⁵ было обнаружено в 1953 г. в 1 км к северо-востоку от с. Мысовое на высоком холме над обрывистым берегом моря, у основания холмистой возвышенности, венчающей с севера Казантипский полуостров. Северо-западнее с. Мысовое открыты остатки эллинистического поселения Мысовка (V—II вв. до н. э.).

Поселение Афанасьевка было хорошо защищено самой природой. Оно как бы огорожено скалами с севера, юга и запада, а с востока к нему затруднял доступ обрывистый берег моря. На поселение можно было проникнуть с юга между высокими скалами, по довольно узкому проходу, который легко было оборонять. Кроме того, обнаружен подземный ход, заканчивавшийся у подножия скал на берегу моря. По-видимому, само плато, где располагалось поселение, было еще дополнительно перегорожено оборонительной стеной, отделявшей восточную часть плато, находившуюся на берегу моря и занятую домами, от западной, где размещались зольники и, может быть, огороды (рис. 52).

На двух небольших, сильно оплывших зольных холмах были заложены раскопы, показавшие, что высота зольных холмов над скалистым материком, на который их насыпали, в настоящее время достигает от 3 до 6 м, а в древности она, конечно, была больше. По содержанию холмы аналогичны подобным же зольникам у Семеновки. Среди золы встречено небольшое количество черепков эллинистического времени, что позволяет

¹⁷⁵ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 236 сл.; Она же, 1958а, стр. 227 и 233.

отнести возникновение поселения к самому концу III или ко II в. до н. э. Наиболее мощные культурные слои относятся ко II—III вв. н. э. Жизнь на этом поселении, как и на поселении у Семеновки, прекратилась в III в. н. э.¹⁷⁶ Сходство строительных приемов, одинаковый набор бытовой посуды¹⁷⁷ и орудий труда говорят об этнической и социальной близости обитателей этих поселков.

Поселение Золотое расположено к востоку от мыса Казантип, на берегу моря, к северу от дер. Золотое¹⁷⁸. Оно занимало около 4 га на вершине холма и, возможно, частично уже обвалилось в море. Со стороны моря доступ к нему затрудняет довольно крутой обрыв берега, достигающий 5—7 м высоты. Со стороны суши сохранился небольшой земляной вал, под которым, возможно, скрыты остатки оборонительной стены. На нижней террасе и на одном из покатых склонов холма находился некрополь¹⁷⁹. Поселение существовало с III—II вв. до н. э. по III в. н. э., когда оно было разрушено. Жизнь на нем возродилась, по-видимому, в период раннего средневековья. Каменные стены его построек повторяют приемы кладки, известные нам по поселению у Семеновки. По-видимому, как и в Семеновке, дома не имели черепичных крыш. Каменные загородки-закрома, вымостки помещений и дворики, аналогичные подобным сооружениям Семеновки, однотипный бытовой инвентарь, находки монет и импортных вещей — все говорит о принадлежности поселка рядовому сельскому населению Боспора, втянутому в торговые связи с боспорскими городами (рис. 53).

Андреевка Северная среди населенных пунктов этого типа особенно интересна¹⁸⁰. Поселение это расположено в 11 км к западу от Пантикапея на краю высокой скалистой гряды. Протяженность его с востока на запад около 120 м, ширина его была, по-видимому, немногим менее 100 м. Таким образом, общая площадь поселения около 1 га. Границы его хорошо обрисовываются восемью зольными холмами, которые окру-

Рис. 53. Поселение Золотое. Стенка сосуда с рельефным налетом

¹⁷⁶ Самой поздней из найденных там монет был двойной денарий Рескупорида V (240—253 гг. н. э.). См.: А. Н. Зограф, 1951, табл. L, 13.

¹⁷⁷ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 253.

¹⁷⁸ Поселение исследовалось Восточно-Крымским отрядом в 1953 г. Последние годы его раскапывает В. Н. Корпусова.

¹⁷⁹ В. Н. Корпусова, 1971, стр. 86 сл.; Она же, 1972, стр. 146—150.

¹⁸⁰ Поселение было обнаружено в 1958 г. сотрудниками Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина В. Э. Куниным и С. А. Семеновым. См.: С. А. Семенов, В. Э. Кунин, 1962, стр. 260, № 12. Они произвели зачистку большой каменной стены, выступающей над современной поверхностью. В 1965, 1967—1968 и 1970 гг. на поселении вела раскопки экспедиция под руководством И. Т. Кругликовой. См.: И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 81.

Рис. 54. Поселение Андреевка Северная. Вид с юга

жают поселение с севера, востока и юга и стоят один от другого на различном расстоянии — от 20 до 72 м. Размеры зольников также неодинаковы. Их диаметры от 5 до 10 м. Большинство из них слегка сползло по склонам и сохранилось в высоту лишь на 1–2 м (рис. 54).

Эти зольные холмы идентичны зольным холмам, раскапывавшимся у поселений Афанасьевка и к востоку от Золотого Восточного (Куль-тепе). Они содержат золу с примесью фрагментов керамики. Еще в XIX в. в Куль-тепе на земле помещика А. А. Дирина были обнаружены огромные зольные холмы высотой более 10 и 13 м. Обращает на себя внимание их расположение у склонов возвышенностей, на которых находились жилые постройки¹⁸¹. Однако никакой системы в расположении зольников нам уловить не удалось. Жилища как будто бы стояли разрозненно, на отдельных холмах, и около них были большие зольники, также в виде холмов.

Поселение Андреевка Северная, наоборот, состоит из комплекса жилых построек, расположенных на нескольких террасах. Дома примыкают к подпорным стенам террас, они разделены переулочками, имеют вымощенные камнями дворики и, возможно, как и в Семеновке, образуют жилые блоки. Вряд ли на участке в 1 га было только восемь домов, каждый из которых имел свое место для выноса золы. Может быть, каждый зольник принадлежал роду? Но для размещения членов восьми родов территория, занятая поселением, кажется слишком маленькой. Более вероятно, что восемь зольников свидетельствуют о делении обитателей поселения на восемь больших семей или восемь групп родственников. При этом в каждой из групп могло быть по несколько одиночных семей, живших в различных помещениях или домах. Род как экономическая единица уже давно распался на отдельные семьи. Семьи могли приобретать или покупать

¹⁸¹ И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 82.

землю в различных местах и расселяться. Но родственники, жившие в пределах одного поселения, могли совершать культовые обряды вместе и хранить старые традиции. Различные размеры зольных холмов, возможно, отражают различную численность больших семей или показывают процесс отпочкования новых семейных групп. Устройство зольников, состоящих из золь и очажных отбросов и связанных с культом домашнего очага, на границах поселения, за его стенами, вероятно, имело какой-то магический смысл, истолковать который мы сейчас не можем.

Это любопытное поселение, аналогий которому мы пока не знаем, изучено очень мало. Установлено, что оно существовало с позднего эллинизма по III в. н. э. По-видимому, оно возникло вскоре после прекращения жизни в усадьбе Андреевка Южная. Первоначально оно, по-видимому, было очень небольшим. Расцвет этого поселения относится уже к первым векам н. э. Именно к этому времени принадлежит большинство находок на поселении и в его некрополе¹⁸².

Слой II в. до н. э. лежит непосредственно на материковой скале и кое-где на погребенной почве. К нему относятся зерновая яма, частично вырубленная в скале, и нижний глинобитный пол, имевший до пяти слоев обмазки, между которыми были зольные прослойки. По-видимому, это следы четырехкратного обновления глиняного покрытия пола самого раннего из помещений на этом участке. В I в. до н. э. были проведены большие строительные работы. Над развалинами этого дома был построен другой каменный дом.

В конце I или в самом начале II в. н. э. поселение вновь перестраивается. Над уровнем глинобитных домов и разрушенных стен помещений I в. до н. э.— I в. н. э. сооружается мощная подсыпка грунта. Вероятно, в это время поселение, расположенное на склонах холма, перепланируют. Сооружают террасы с подпорными стенами толщиной 1,5—2 м. Это, вероятно, повлекло за собой расширение жилых комплексов каждой из террас. По-видимому, в III в. н. э. поселение имело несколько террас, на которых располагались жилища. Исследованы две из них. На нижней открыты два помещения, на верхней еще два, мощный дворик и проход вдоль большой подпорной стены (рис. 55). В III в. н. э. жизнь на поселении была очень интенсивной. Она была прервана неожиданной катастрофой, вероятно нападением врагов. Большое количество сосудов, оставшихся на полах и раздавленных упавшими перекрытиями и камнями рухнувших стен, свидетельствует о неожиданной гибели домов в пламени пожара в III в. н. э., так же как в Илурате и на поселении у Семеновки (рис. 56).

¹⁸² Некрополь находился к северу от поселения, на террасе, примыкавшей к каменной гряде. Здесь в XIX и в начале XX в. местные крестьяне — так называемые счастливики — раскопали много могил. Сейчас здесь глинище, и при добычании глины неоднократно находили могильные ямы, часто ограбленные, иногда содержащие глиняные и стеклянные сосуды и бусы. В начале XX в., по рассказам жившего тогда в Андреевке А. Г. Фабрикова, там нашли чернолаковый сосудик. В другой могиле была статуэтка — «грубое неясное изображение мужчины с выпуклыми бровями, с веками и с большими ушами», вероятно типа «гротесков» с подвесными ногами; там же найдены стеклянный бальзамарий и два бронзовых бокала.

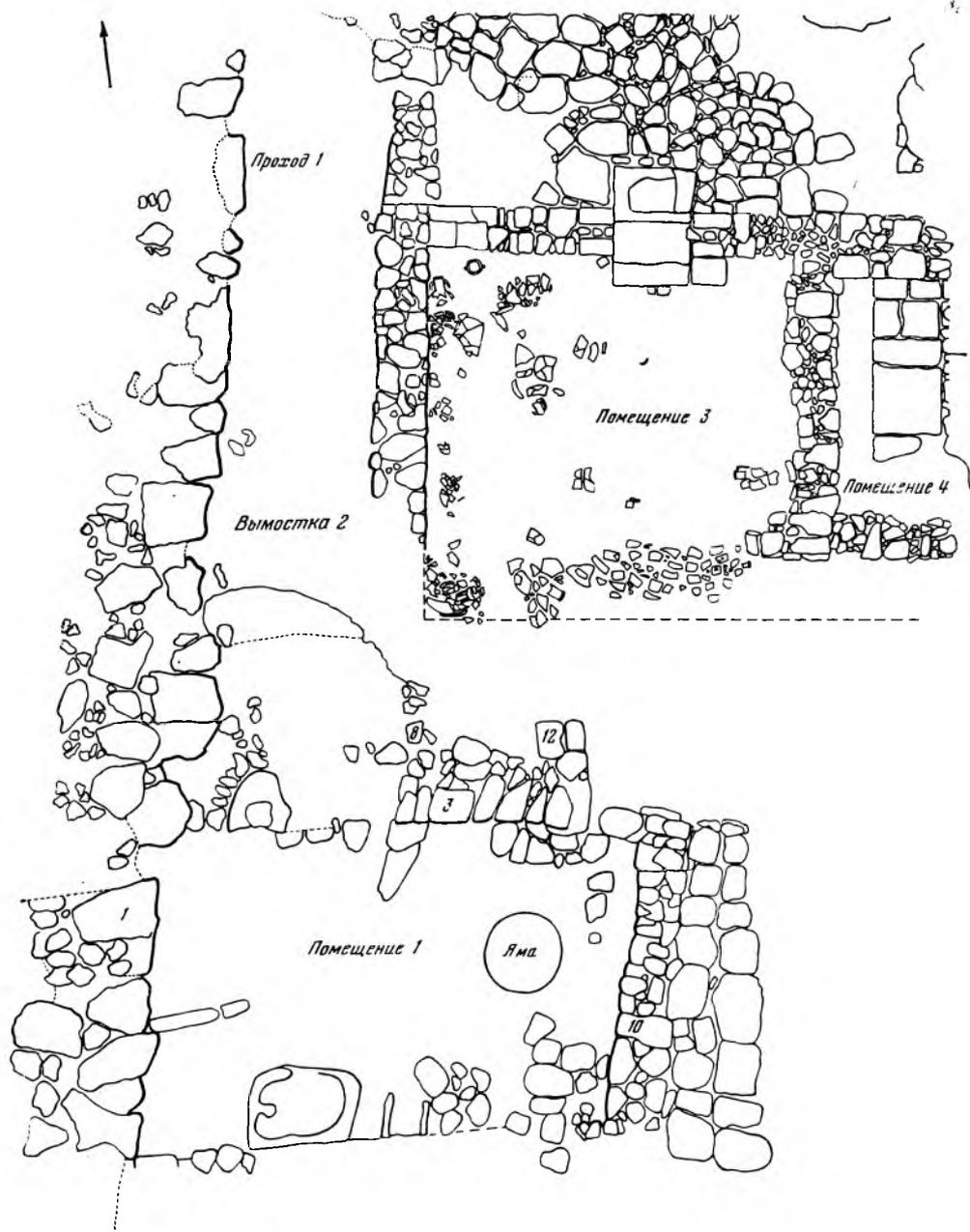

Рис. 55. Андреевка Северная. План раскопа 1

Рис. 56. Андреевка Северная. Помещение III в. н. э.

Рис. 57. Андреевка Северная. Каменная лесенка — вход в дом со стороны переулка

Рис. 58. Андреевка Северная. Глинобитная печь III в. н. э.

Слой II — III вв. н. э. в Андреевке Северной довольно мощный. Раскопы, заложенные на верхнем плато, показывают, что поселение в это время было густо застроено. По-видимому, по планировке это поселение близко поселению у Семеновки. Одинаковы строительные приемы; обычай часть пола помещений мостить, а часть оставлять земляной; аналогично террасное расположение жилищ и наличие разных уровней полов, вымосток дворов и помещений, так что в помещения часто вели небольшие лесенки из трех-четырех ступенек (рис. 57). Стены в этих домах были каменными, а крыши, в отличие от Семеновки, черепичными. Открытые раскопками помещения прямоугольны в плане. Сходство с Семеновкой прослеживается также в расположении большой глинобитной печи около входа в одно из помещений (рис. 58)¹⁸³, в наличии каменного столика около нее и каменных загоронок из поставленных на ребро каменных плит.

¹⁸³ Любопытна конструкция печи, прямоугольной в плане (1,60 × 1,14 м), с шириной топочного отверстия 0,68 м. Стены печи сооружены из поставленных на ребро каменных плит, внутри обмазанных глиной. Благодаря глиняной обмазке печь внутри имела форму овала, стенки ее хорошо сглажены и обожжены. Конструктивную особенность печи составляют два опорных глиняных столбика внутри. С севера к печи пристроено глинобитное полукруглое сооружение, в основании которого лежат мелкие камни; сюда можно было выгрывать из печи уголь и подогревать на нем пищу.

В одном из помещений стояли семь больших боспорских амфор, частично вмазанных в пол, частично подпиравшихся большими необожженными пирамидальными грузилами.

Так же, как укрепленное поселение у дер. Ивановка, отождествленное В. Ф. Гайдукевичем с Идуратом Птолемея¹⁸⁴, эти античные деревни имели густо застроенную территорию внутри оборонительных стен. Жилые кварталы и блоки домов разделялись небольшими улочками. Для огородов не оставалось места ни в тесных внутренних двориках, окруженных каменными стенами, ни между домами. Лишь укрывшись за мощными стенами поселков или спрятавшись среди скал, вдали от магистральных дорог, обитатели сельской территории в первые века н. э. могли чувствовать себя в безопасности.

Это подтвердили и раскопки сельских вилл — второго типа поселений этого периода. На смену неукрепленным сельскохозяйственным усадьбам типа Андреевки Южной или усадьбы у Солдатской слободки во II—I вв. до н. э. пришли более крупные укрепленные усадьбы. Иногда эти усадьбы стояли изолированно, представляя как бы хутора или отдельные хозяйственные комплексы, окруженные обширными земельными владениями, например у сел Героевка, Либкнехтовка, Михайловка, Октябрьское, в бухте к востоку от Золотого Восточного. Иногда рядом с укрепленной усадьбой находился небольшой неукрепленный поселок, как было у с. Ново-Отрадное¹⁸⁵ и на Темир-горе¹⁸⁶. Известны и группы расположенных недалеко друг от друга небольших усадеб типа поселения с зольными холмами, открытого к востоку от Золотого Восточного.

Лучше других исследованы усадьбы у сел Ново-Отрадное и Михайловка. Поселение у с. Ново-Отрадное расположено на берегу Азовского моря вблизи от северной оконечности Узунларского вала. Исследовавшаяся усадьба размещалась на высоком холме на расстоянии около 750 м от современного берега моря и около 500 м от небольшой речки Аджиели. Холм состоит из трех понижающихся к стрелке возвышенностей (рис. 59). Наиболее насыщенный культурный слой находится на средней террасе холма и у его подножия с северной стороны. Поселение существовало здесь со II в. до н. э. по III в. н. э.

Что представляло собой поселение во II в. до н. э., мы не знаем. К этому времени относятся остатки каменных стен построек, лежавших на материковом грунте, и нижние части кладки оборонительной стены. По-видимому, это была укрепленная усадьба площадью 0,044 га. Внутри оборонительной стены, которая являлась и наружной стеной усадьбы, находились помещения и дворики. Достаточно мощный слой II в. до н. э. обнаружен внутри и вне стен усадьбы на восточном склоне холма, куда, по-видимому, сбрасывали мусор.

¹⁸⁴ В. Ф. Гайдукевич, 1950, стр. 174 сл.; *Он же*, 1958а, стр. 14.

¹⁸⁵ Раскопки усадьбы проводились в 1953, 1959—1960 и 1967—1970 гг. См.: И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 236 сл.; Т. М. Арсеньева, 1961, стр. 66 сл.; *Она же*, 1963, стр. 192 сл.; И. Т. Кругликова, М. А. Романовская, 1971, стр. 254. Всего на холме раскопана площадь около 500 кв. м, на склонах заложены три шурфа, у его подножия исследованы 43 могилы.

¹⁸⁶ В. Ф. Гайдукевич, 1941, стр. 44.

Рис. 59. Ново-Отрадное. Вид на холм с востока

Среди находок, относящихся к наиболее раннему периоду существования усадьбы, имеются обломки амфор III—II вв. до н. э., в том числе синопских с клеймами второй половины II в. до н. э. Найдено одно родосское клеймо 220—180 гг. до н. э. Встречены обломки рельефных «мегарских» чаш (рис. 60, 1), чернолаковой гидрии с изогнутой вертикальной ручкой в виде фигурки бородатого сатира (рис. 60, 4), боспорских черепиц.

По-видимому, границы усадьбы не менялись со II в. до н. э., когда были возведены первые наружные стены квадратной в плане усадьбы (рис. 61). Перестройки касались только внутренней планировки. Хорошо прослеживаются три серьезные перестройки усадьбы, связанные с пожаром и нивелировкой старых руин. Первая из них была произведена в I в. до н. э.—I в. н. э., когда подняли уровень пола, возвели новые стены помещений и в некоторых местах переложили на старом основании наружную стену. Вторая перестройка усадьбы произошла во II — начале III в. н. э. Но уже около 275 г. н. э. усадьба была разрушена, помещения погибли в пожаре, пострадали и оборонительные стены.

В конце III или в начале IV в. н. э. усадьба вновь восстанавливается. Над упавшими перекрытиями сгоревших в пожаре построек вновь расчищается площадка и вновь возводится небольшая постройка с глино-

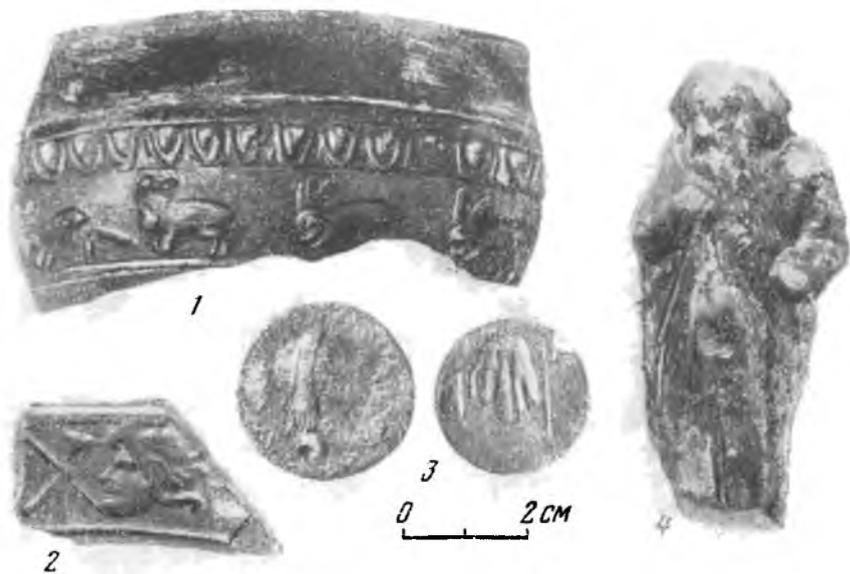

Рис. 60. Находки из Ново-Оградного

- 1 — обломок рельефной чаши;
 2 — край краснолакового блюда;
 3 — асс Митридата III (39—45 гг. н. э.);
 4 — статуэтка

Рис. 61. Ново-Оградное. План усадьбы

- 1—5 — помещения;
 а — стены I—III вв. н. э.;
 б — стены II—I вв. до н. э.;
 в — дополнительный глинобитный панцирь стены III в. н. э.;
 г — дополнительный каменный панцирь стены III в. н. э.;
 д — зола и мусор

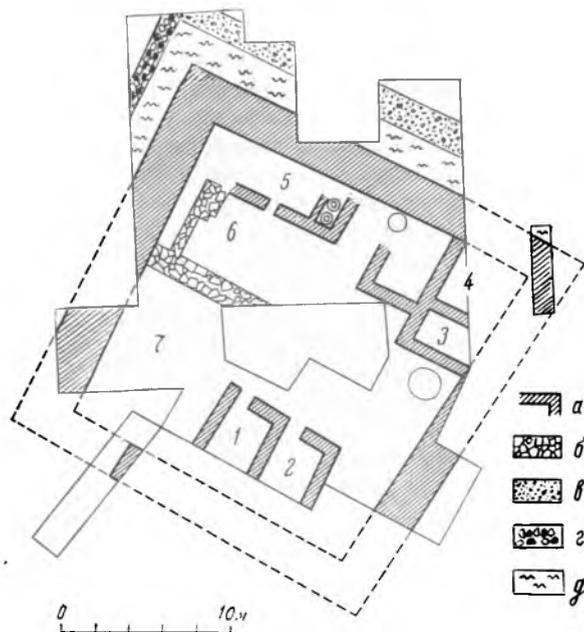

Рис. 62. Наружная стена усадьбы (Ново-Отрадное)

битными стенами. Этот последний период жизни усадьбы заканчивается в IV в. н. э., может быть, в результате нападения гуннов.

Усадьба эта создавалась сразу как укрепленная вилла. В ней прослеживаются господская и хозяйственная половины. Только хозяевам усадьбы могла принадлежать чернолаковая гидрия с рельефной ручкой в виде сатира. Употребление в быту привозной чернолаковой посуды и «мегарских» чаш скорее характерно для господской половины.

Оборонительные стены усадьбы были очень фундаментальными (рис. 62). Толщина их от 2,3 до 2,8 м. К основанию толщина стен увеличивается до 3—3,5 м за счет цоколя, который на высоте 0,6 м от основания выступает за линию внешнего панциря на 0,3 м и за линию внутреннего панциря на 0,4 м. Цоколь отсутствует у северо-западной стены, толщина которой одинакова (2,8 м) по всей ее высоте. Стены двухпанцирные, сложены из очень крупных необработанных глыб известняка на глине. Внешние фасы выложены из камней более крупных размеров, а часть камней лицевого панциря немного подтесана. Стены сохранились на высоту от 0,4 до 2,4 м. При ремонте в III в. н. э. выпавшие камни частично были заменены глинобитным заполнением. Усадьба стояла на краю холма, поэтому издали она напоминала замок, отгороженный высокими стенами от окружающей территории. В первый период существования усадьбы между стенами помещений и оборонительной стеной оставалось пустое пространство шириной 0,5—0,6 м. Только в III в. н. э. некоторые из помещений начали непосредственно пристраивать к внутреннему панцирю стены (рис. 63).

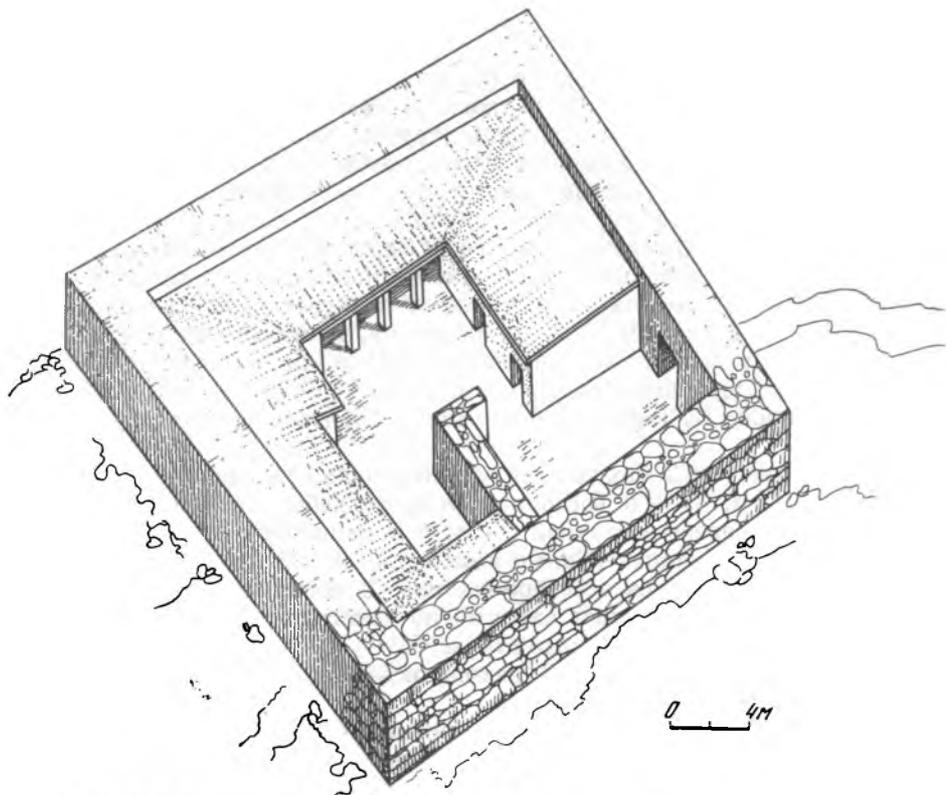

Рис. 63. Примерная реконструкция усадьбы

Из строительных остатков II—I вв. до н. э., кроме оборонительной стены, открыты только отдельные части стен под зданиями I в. до н. э.—I в. н. э. Планировка усадьбы в I в. до н. э.—I в. н. э. полностью не выявлена. К этому времени относится помещение 6, примыкавшее к мощной стене шириной 1,7 м, огораживавшей северо-западную часть усадьбы. Этим же временем датируется дворик в юго-восточной части усадьбы с двумя кормушками и с большой зерновой ямой¹⁸⁷. На глинобитном полу помещения лежал слой золы, горелого дерева и глины с ракушками — по-видимому, остатки пожара, разрушившего усадьбу в I в. н. э. Около западного угла помещения у юго-западной стены находилась глинобитная печь¹⁸⁸. Зерновая яма, кормушки для скота позволяют считать, что и в

¹⁸⁷ Т. М. Арсеньева, 1961, стр. 68.

¹⁸⁸ Печь овальной формы (1 × 0,8 м) имела куполовидный глинобитный свод. Ее под, образуемый глиняной плитой, опирался в центре на глинобитный столб. Высота сохранившейся части свода достигает 0,6 м. Подошва топочной части покрыта многочисленными угольками и золой, но сильного обжига стенок печи не наблюдается. При расчистке печи найдены обломки чернолакового и лепного сосудов, а также гладкие стенки амфор.

I в. до н. э.— II в. н. э. эта усадьба сохраняла свой сельскохозяйственный характер.

Лучше всего можно судить о планировке усадьбы и о назначении ее помещений по слою III в. н. э., который был расчищен практически на всей территории усадьбы. Площадь усадьбы внутри стен в III в. н. э., так же как и в предшествующий период, была около 440 кв. м. Площадь, занимаемая зданием усадьбы, вместе с дополнительными укреплениями III в. н. э., по-видимому, превосходила 800 кв. м. В III в. н. э. средняя часть усадьбы представляла собой большой внутренний двор, почти со всех сторон окруженный помещениями, которые примыкали к юго-западной, северо-восточной и частично к юго-восточной оборонительным стенам. Въезд в усадьбу был, по-видимому, в юго-западной стене у западного угла усадьбы. Все помещения III в. н. э. погибли в пожаре. Их полы были покрыты слоем золы и углей. Гибель усадьбы в III в. н. э. была внезапной. Ее обитатели не успели спрятать орудия труда и продукты.

Помещения 1 и 2 находились у юго-западной оборонительной стены, помещения 3, 4, 4а — в восточном углу усадьбы, помещение 5 — в северном углу у северо-восточной стены и помещение 7 — в западном углу у северо-западной стены. Жилые помещения 1 и 2 были смежными. Входы в них располагались с северо-востока. В обоих помещениях рядом с дверными проемами имелись сходные по конструкции глинобитные печи, около которых стояли каменные ступы¹⁸⁹.

В восточном помещении 2 находились две каменные зернотерки и стояли амфоры с зерном.

Только в обрамлении дверных проемов применены хорошо обработанные крупные квадраты — явление, встречающееся в Илурате¹⁹⁰ и, по-видимому, характерное для боспорских городов III в. н. э.

Северо-восточная стена помещения 2 частично сложена из известняка, частично глинобитная. Глинобитной была и его юго-восточная стена. На полу лежали 16 монет, относящихся к периоду от 210 до 267 г. н. э. Кроме того, найдены много лепных сосудов, бусина из египетской пасты, пронизка из синего стекла, электровый медальон с тисненым изображением богини (рис. 64), большое количество металлических изделий, рыболовные крючки, колокольчик, фибула, три светильника, грузила, керамическое лощило, пряслице, куча обгоревшей крученой веревки, может быть от сгоревшей сети, и т. д.

На полу западного помещения 1 также были монеты III в. н. э. (Рескупоридов III, IV и V), ручки амфор, служившие грузилами, кольцо из белого металла с ободком для камня¹⁹¹, тонкий железный нож. В отличие от соседнего помещения здесь находок значительно меньше. По-видимому, это помещение было только жилым, тогда как восточное помещение имело также и хозяйственное назначение и там хранилось больше вещей домашнего обихода — орудия труда, хозяйственные запасы.

¹⁸⁹ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 239, рис. 2.

¹⁹⁰ В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 31.

¹⁹¹ И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 241—243, рис. 4 и 5; стр. 242, рис. 5, 4; стр. 243, рис. 5А, 3.

Более $\frac{1}{4}$ всей усадьбы и всю центральную часть усадьбы занимал открытый внутренний двор площадью более 100 кв. м. Жилые и хозяйственные помещения группировались вокруг него. Помещения 3 и 4 у юго-восточной стены, судя по наличию в них глинобитных очагов и светильников, были жилыми. Площадь каждого из них около 12 кв. м. Они значительно меньше всех остальных помещений усадьбы и, может быть, предназначались для домашних рабов, обслуживавших владельца усадьбы.

В помещении 3 рядом с очагом находилась продолговатая зольная яма глубиной 0,3 м, шириной 0,7 м¹⁹². В яме среди золы, костей, обломков амфор и лепных сосудов найдена бронзовая боспорская монета второй половины II — начала III в. н. э. Стены этого помещения были частично каменными, частично глинобитными. На глинобитном полу лежал слой пожарища с обломками реберчатых амфор, лепных и краснолаковых сосудов, среди них была часть краснолакового блюда с рельефом в виде головы юноши в профиль (рис. 60, 2).

На полу помещения 4 найдены обломки амфор, красноглиняных круговых, лепных и краснолаковых сосудов и краснолаковый светильник. В восточном углу помещения 4, образованном внутренним углом оборонительной внешней стены усадьбы, на полу стояло несколько лепных горшков и мисочек. Около юго-западной стены находился глинобитный очаг.

Можно лишь предположить по аналогии с помещениями 1 и 2, что входы в обе комнаты 3 и 4 были около очагов в юго-западных стенах, и, таким образом, помещение 3 было проходным.

К северо-западу от помещения 4 было хозяйственное помещение 4а площадью 15 кв. м, может быть хлев. Пол его вымощен каменными плитами. В северо-восточной части находилось какое-то сооружение, от которого уцелели три подтесанных камня, вероятно кормушка типа открытых во дворе I в. до н. э.— I в. н. э. и хорошо известных по раскопкам Семеновки и Илурата. К северу от этой кормушки была круглая в плане зерновая яма колоколовидной формы глубиной 0,53 м, примыкавшая к внутреннему фасу оборонительной стены. Диаметр ее устья 1 м, диаметр дна 1,1 м. Ее стенки обмазаны глиной на толщину 2—5 см. Яма заполнена золой с углями, раковинами мидий и обломками реберчатых амфор, лепных сероглиняных и красноглиняных сосудов.

Рис. 64. Электроный медальон из помещения 1 (Ново-Оградное)

¹⁹² Приочажные ямы такого типа, в которые, вероятно, выгребали еще горячую золу из очага, были обычны на поселении у с. Семеновка, известны они и на других поселениях.

Далее к северу находилось помещение 5 площадью более 24 кв. м. Вход в него был в центре юго-западной стены. Юго-западный угол помещения огорожен небольшой загородкой из камней, лежащих на уровне пола и ниже его. Возможно, что тут первоначально была стена. Между загородкой и юго-восточной стенкой помещения были вмазаны в пол две большие амфоры.

Помещение 5 использовалось дольше остальных. Хорошо прослеживаются три глинобитных пола. При этом два верхних пола лежат выше полов помещений 1—4 и перекрывают слой мощного пожарища, в котором погибла усадьба III в. н. э. Они были сооружены на искусственно выровненной площадке и относятся ко времени после 70-х годов III в. н. э. Обломки амфор с рифлеными стенками и пружинная бронзовая фибула с подвязанной ножкой IV в. н. э., найденная под слоем пожарища и относящаяся, вероятно, ко времени выравнивания площади для строительства, позволяют отнести время существования двух поздних полов помещения 5 к IV в. н. э. По-видимому, после разрушения усадьбы в III в. н. э. на ее руинах вновь возродилась жизнь и было восстановлено помещение 5.

Под мощным слоем пожарища, который перекрывали два верхних пола, лежал третий слой пола, относившийся к помещению III в. н. э. Стены помещения III в. н. э., по-видимому, были еще хорошо видны, когда на его руинах возводили в конце III или в начале IV в. н. э. новое помещение 5. Эти стены были надстроены теми же старыми камнями, только одна стена III в. н. э., огораживавшая юго-восточную часть помещения с амфорами, не была надстроена и осталась в виде низкой загородки почти на уровне пола.

К югу от помещения 5 в III в. н. э. находился, по-видимому, хозяйственный двор усадьбы, вымощенный каменными плитами, лежащими не сплошной поверхностью, а вкрапленными в слой глины. На дворе с юго-востока от дверного проема стояла небольшая кормушка из каменных плит. Дворик примыкал с юго-запада к массивной стене 19, сооруженной одновременно с внешними стенами усадьбы; кладка ее сложена «в переплет» с кладкой внешней стены, которой она была перпендикулярна. Эта стена как бы делила северо-западную половину усадьбы на две равные части. Возможно, она отделяла жилую половину от хозяйственной в первый период существования усадьбы. Стена стояла и в I в. до н. э. — I в. н. э., когда к ее северо-восточному фасу было пристроено помещение 6. В III в. н. э. этого помещения уже не стало. На его месте был внутренний двор усадьбы, а с противоположной стороны к юго-западному фасу стены 19 в III в. н. э. было пристроено другое помещение — 7.

Помещение 7 занимало в III в. н. э. западный угол усадьбы. Его примерные размеры 2,3×6,5 м. Впрочем не исключено, что оно было несколько короче. Пол был глинобитным. Около юго-восточной стены находилась печь (1×0,70 м) с глинобитным подом и стенками из поставленных на ребра тонких камней. Печь была полна золы и углей, среди которых в северном углу печи найдена глиняная обожженная модель корытца (длина ее 7,2 см, ширина 4,4 см, высота 2—2,5 см). Глина, из которой слеплено это корытце, с примесью толченой ракушки, ана-

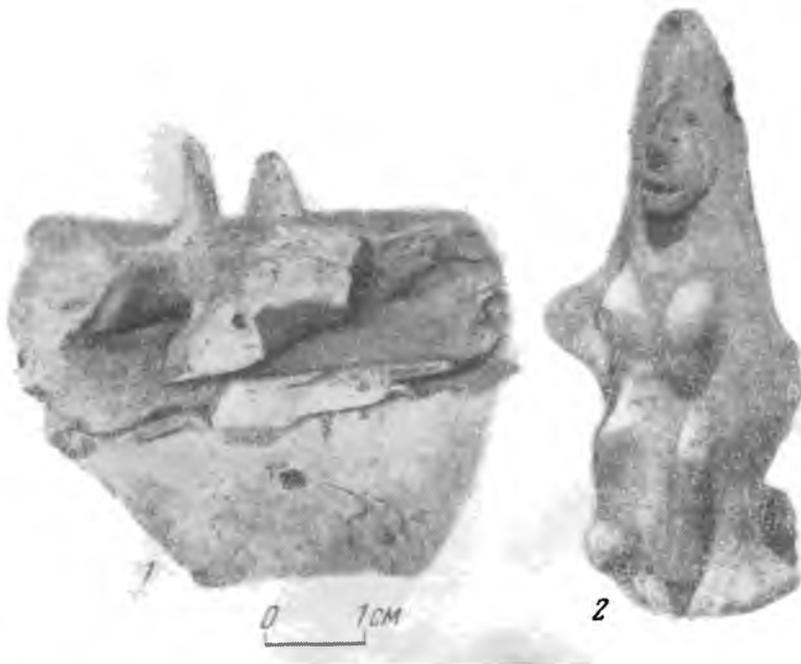

Рис. 65. Находки из печи помещения 7 (Ново-Отрадное) (1, 2)

логична глине лепных сосудов, найденных в помещениях усадьбы. В короткой стене корытца проколото отверстие диаметром 3 мм (рис. 65, 1). Корытце было закрыто крышкой и лежало в печи вверх дном. В нем находилась статуэтка мужчины, а в золе отдельно лежала статуэтка богини в высоком головном уборе (рис. 65, 2)¹⁹³.

В III в. н. э. обветшавшие древние стены усадьбы были укреплены дополнительными сооружениями. С северо-восточной стороны на слое зольника, образовавшегося постепенно за стеной усадьбы от выбрасывания туда мусора, был сооружен глинобитный панцирь. Когда нижняя часть каменных стен оказалась засыпанной мощным слоем из створок мидий, мусора и золы, этот слой был дополнительно облицован с наружной стороны слоем глины толщиной 1 м (рис. 66). Это делало стену трудно уязвимой для стенобитных машин. Наружный глиняный панцирь в верхней части был укреплен кусками известняка средних размеров. Крутая гладкая поверхность этой валовидной глиняной корки затрудняла врагам штурм крепостных стен, а 4,5-метровый слой мусора и глины, утолщавший нижнюю часть стены, защищал ее от ударов стенобитных машин. Время сооружения глиняного панциря относится к периоду до 275 г., т. е. до разрушения усадьбы в III в. н. э. Это подтверждается и

¹⁹³ М. А. Романовская, 1974, стр. 160 сл.

Рис. 66. Глинобитный панцирь III в. н. э. (Ново-Отрадное)

исследованием мусорной свалки под глиняным панцирем, накапливавшейся в течение длительного периода. В ее нижних слоях встречаются ручки синопских и родосских амфор с клеймами II в. до н. э., обломки чернолаковых сосудов, двуствольные ручки косских амфор, обломки черепиц, которых в слоях III в. н. э. нет совсем. Над свалкой II—I вв. до н. э. лежат слои мусора, выброшенные в I и II вв. н. э., с обломками краснолаковых сосудов, а верхний слой свалки, относящийся к III в. н. э., содержит обломки амфор III в. н. э. с реберчатыми и гладкими стенками. При этом во всех слоях попадает много обломков лепных горшков и мисок.

Несколько по-другому были устроены дополнительные укрепления III в. н. э. у северо-западной внешней стены усадьбы. Сама стена здесь была более мощной. Толщина ее 2,8 м. На расстоянии 2 м от внешнего панциря стены была сооружена дополнительная каменная однопанцирная стена. По-видимому, здесь, так же как и с северо-восточной стороны, со временем образовался мощный слой мусора. Мусорную свалку тут подрезали и соорудили снаружи подпорную каменную стену. Наружная, лицевая сторона этой стены сложена из крупных необработанных камней, а во внутрь, в сторону мусорного грунта, была положена забутовка из мелких камней. По-видимому, и здесь применение мусорного грунта с золой, смягчающего удары, помогало при защите от стенобитных машин.

Как были устроены дополнительные укрепления с двух других сторон усадьбы, не совсем ясно. Каменный дополнительный панцирь как будто бы имелся и у юго-западной стены; что касается юго-восточной стены, то внешний фас ее не исследован.

Существовали ли оборонительные сооружения в IV в. н. э., не удалось выяснить. По-видимому, какая-то часть внешних массивных стен усадьбы в IV в. н. э. еще стояла, к ним было пристроено помещение 5.

После нашествия гуннов жизнь на этом поселении прекратилась. Усадьба, пришедшая в запустение еще раньше, после гуннского нашествия уже больше не восстанавливалась. Следов непосредственно гуннского разгрома здесь нет. Но следов жизни в IV в. н. э. тоже очень мало. Вероятно, очень недолго существовало в IV в. н. э. помещение 5, хотя его заботливые хозяева и успели за это время два раза обновить обмазку глинобитного пола.

При раскопках усадьбы найдено много боспорских бронзовых монет первых веков н. э., а также одна херсонесская 220 г. н. э.¹⁹⁴ и две римские. Монеты свидетельствуют о денежном характере хозяйства этой усадьбы. Находки железных сельскохозяйственных орудий — мотыги, косы и садового ножа, а также зерновые ямы внутри усадьбы и за ее стенами говорят о занятии обитателей усадьбы земледелием. При этом производство хлеба, по-видимому, было рассчитано не только на внутреннее потребление, но и на продажу. Об этом свидетельствуют большие размеры зернохранилищ. Кроме зерновых ям, находившихся внутри усадьбы, обнаружена большая зерновая яма III в. н. э. вне ее стен, на ниж-

¹⁹⁴ Т. М. Арсеньева, 1961, стр. 69.

ней террасе северо-западного склона холма¹⁹⁵. Яма грушевидной формы имела глубину 4,2 м и диаметр дна 2,8 м. Горловина ямы диаметром 0,75×0,85 м была выложена камнями и закрыта большой каменной плитой. Стенки ямы частично выложены камнями, частично обмазаны глиной. По размерам эта яма приближается к огромным зернохранилищам III в. н. э., открытым в Киммерике¹⁹⁶, и к несколько меньшим ямам Тиритак, где глубина наибольшей ямы достигала 3,25 м, а диаметр дна 2,51 м. Подобные ямы, расположенные вне стен городища и предназначенные для длительного хранения больших запасов зерна, открыты вблизи поселения у Семеновки.

Кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади и свиньи, найденные при раскопках, и каменные кормушки указывают на занятие обитателей усадьбы животноводством. Множество амфорных ручек, превращенных в грузила, с углублениями для привязывания к сетям, железные и бронзовые рыболовные крючки разных размеров, костяные иглы для вязания сетей и обуглившиеся куски сетей говорят о развитии рыболовного промысла. Найденны и небольшие пирамидальные грузила для ткацких станков, которыми пользовались хозяйки дома и рабыни, обслуживавшие усадьбу.

Только в верхнем слое III в. н. э. найдены остатки вооружения — кусок втулки от наконечника копья или дротика и большое количество каменных ядер для пращи. Но эти камни не были сложены в кучу, как должно бы быть, если бы их заготовили обитатели усадьбы. Камни от пращи разбросаны в разных частях усадьбы и, как кажется, должны свидетельствовать об осаде усадьбы неприятелем и о штурме, в результате которого она была разрушена и сожжена в III в. н. э. Вероятно, это произошло во время нападения «готов». Жители усадьбы были, возможно, уведены в плен или погибли. Перед нападением они до последнего момента жили в доме, их пищевые запасы и орудия труда погибли в пожаре под обвалом потолка.

Большое количество обуглившегося дерева, железные скобы и гвозди на полу помещений III в. н. э. свидетельствуют, что перекрытия помещений были деревянными, а крыши — соломенными или земляными. В слое III в. н. э. ни одного обломка черепицы найдено не было. Единичные обломки боспорских черепиц встречены в мусорном слое у внешних стен усадьбы, куда они попали вместе с мусором. Можно предположить, что какое-то из помещений усадьбы во II или I в. до н. э. имело черепичную кровлю. Но уже к I в. н. э. эта кровля была разрушена и заменена соломенной.

В литературе высказывалось предположение, что здесь стояла небольшая крепость, связанная с системой обороны Узунларского вала¹⁹⁷, так как памятник этот расположен в 1,5 км от северного конца вала. Однако это предположение опровергается как материалом раскопок территории внутри оборонительных стен, так и результатами исследования некропо-

¹⁹⁵ Т. М. Арсеньева, 1970, стр. 82.

¹⁹⁶ И. Т. Кругликова, 1953, стр. 134.

¹⁹⁷ Т. М. Арсеньева, 1961, стр. 69.

ля¹⁹⁸. Характер помещений во внутренней части усадьбы лишен однообразия, которого следовало бы ожидать, если бы там были казармы или обитали равные в социальном отношении семьи. Находки внутри помещений также говорят о том, что помещения имели разное назначение. Железные орудия труда найдены только в одном помещении, ступы и зернотерки — только в двух смежных. Железного оружия, кроме обломка втулки, не найдено ни среди материала помещений, ни в могилках. В помещении 2 найдены женские украшения, свидетельствующие о том, что среди обитателей укрепления были женщины. В некрополе открыто много женских могил.

Если согласиться с тем, что здесь жили военные поселенцы, занимавшиеся земледелием, рыболовством и торговлей, то следует считать, что они жили с семьями. Сколько же семей могло поместиться внутри стен? Там имеется шесть или, может быть, семь помещений, из них пять — с очагами. Лишь одно — помещение 5 — имеет площадь около 27 кв. м, но именно в нем очага не найдено. Площадь каждого из остальных помещений составляет от 12 до 16 кв. м. В лучшем случае в каждом из помещений могла жить одна семья. Тогда внутри крепости было шесть-семь взрослых мужчин, составлявших ее гарнизон. Они, конечно, могли какое-то время удерживать усадьбу, но их было слишком мало, чтобы задержать наступление неприятеля. Гораздо правдоподобнее предположение, что в усадьбе жили крупный землевладелец и обслуживавшие усадьбу рабы, а внизу, под ее стенами — прикрепленные к земле рабы (которые были выделены участок и сельскохозяйственный инвентарь), а может быть, и свободные мелкие землевладельцы или частично обезземелившиеся крестьяне, работавшие по найму у владельца усадьбы. Этот поселок у стен усадьбы сейчас исследовать не удастся, так как он находится под домами и огородами. О его существовании говорит обширный некрополь, расположенный с южной стороны от холма. Там были раскопаны 43 могилы с 78 погребениями. Все они относятся к периоду от II—I вв. до н. э. до III в. н. э., преобладают погребения I в. н. э.¹⁹⁹

Раскопки этой укрепленной усадьбы, или виллы, дают хорошее представление о новых рабовладельческих виллах, пришедших на смену неукрепленным сельскохозяйственным усадьбам и деревням эпохи Спартокидов. По своим размерам усадьба у Ново-Отрадного принадлежала к числу усадеб среднего достатка. На Боспоре известны усадьбы поменьше, например у хут. Рассвет в азиатской части Боспора, и значительно больших размеров, как Михайловка.

Усадьба у с. Михайловка расположена на 18 км восточнее Керчи²⁰⁰. Она, по-видимому, возникла во II в. до н. э. и неоднократно перестрап-

¹⁹⁸ Т. М. Арсеньева, 1963, стр. 192 сл.

¹⁹⁹ Т. М. Арсеньева, 1970, стр. 115. Из 34 могил, поддающихся датировке, ко II—I вв. до н. э. относятся только две могилы с одиночными захоронениями; ко II—III вв. н. э. можно отнести шесть могил с одним и несколькими костяками. Все остальные погребения совершены в I и III вв. н. э.

²⁰⁰ Б. Г. Петерс, 1965, стр. 120; *Они же*, 1966, стр. 124 сл.; Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова, 1967, стр. 222 сл.; *Они же*, 1968, стр. 222; *Они же*, 1969, стр. 306; *Они же*, 1971, стр. 260 сл.

вадась. Во второй половине I в. н. э. был возведен четырехугольник каменной оборонительной стены. Укрепленная усадьба в это время занимала площадь около 840 кв. м, т. е. почти вдвое превышала по размерам усадьбу у Ново-Отрадного. Во II или III в. н. э. ее размеры еще более увеличились. Длина каждой из сторон нового четырехугольника укреплений стала около 36 м, а общая площадь, занятая зданием усадьбы, приблизилась к 1300 кв. м. Планировочным центром усадьбы был большой внутренний двор, по сторонам которого вдоль наружных стен располагались жилые и хозяйственные помещения. План ее напоминает планировку новоотрадненской усадьбы. Для обеих усадеб характерны мощные кладки внешних обводных стен, а наклонные вымостки с наружной стороны внешних стен в Михайловке выполняли те же функции, что и глиняный дополнительный панцирь III в. н. э. в Ново-Отрадном.

Несколько меньше, чем в Михайловке, но больше, чем у Ново-Отрадного, была площадь усадьбы, открытой у с. Либкнехтовка. Строительные остатки здесь сильно пострадали от позднейшей выборки камня, и это не позволяет делать выводов о планировке усадьбы. Найденные при раскопках импортные краснолаковые сосуды, терракоты, стеклянные изделия и черепица говорят о зажиточности ее владельца. Усадьба, как и описанные выше, погибла в III в. н. э. Однородность планировки усадеб у Ново-Отрадного и Михайловки позволяет выделить тип хорошо укрепленных боспорских усадеб первых веков н. э. Своим внешним видом, размерами и наличием укреплений они сильно отличаются от усадеб, изображения которых сохранились на мозаиках из Северной Африки (рис. 24; 30).

Все три описанные усадьбы расположены в европейской части Боспора, вдали от крупных боспорских городов, в районе, где земледельцы издавна занимались хлебопашеством и скотоводством.

Иной была хозяйственная специфика усадеб восточной части Керченского полуострова, где более благоприятные почвенно-климатические условия и близость крупных городов делали выгодным разведение винограда.

Усадьба с крупным винодельческим хозяйством у Солдатской слободки процветала вблизи Пантикапея в III—II вв. до н. э., а в I в. до н. э. она уже прекратила существование. В конце I в. до н. э. возникла укрепленная усадьба с винодельней на Темир-горе. В I в. до н. э. на месте сельского поселения VI—III вв. до н. э. у с. Героевка над засыпанным колодцем строят большую сельскохозяйственную усадьбу из огромных каменных блоков. При этом нивелируют большой участок, специально насыпают древнюю балку, что потребовало труда многих людей. К этому времени относится постройка первой оборонительной стены усадьбы у Михайловки.

Если конец III и II век до н. э. мы можем считать временем кардинальных перемен в истории сельскохозяйственных поселений Боспора, когда подавляющее большинство неукрепленных сельских поселений гибнет и возникает новый тип поселков — укрепленные усадьбы и деревни, то I век до н. э. отмечен серьезными переменами в характере землеустройства. Они нашли отражение и в возникновении новых укреплен-

Рис. 67. Круг из камней у с. Октябрьское

ных усадеб на месте старых у с. Героевка, у Темир-горы, и в сооружении новых укреплений (Семеновка, Михайловка), и в росте земельных участков.

У с. Октябрьское при раскопках сельской земледельческой усадьбы удалось проследить изменение границ земельного участка. Размеры его в IV—III вв. до н. э. были около 4,5 га, а в I в. до н. э. или в начале I в. н. э. возросли до 13,95 га, т. е. почти в три раза. Территория первоначального участка была расширена к северу и была сооружена новая ограда из крупных «дикарных» камней, не похожая на ограду раннего времени. Нанесение на план видимых на поверхности стен и валов дало возможность проследить, как два маленьких участка оказались позже частями новых больших земельных владений (рис. 19).

К их оградкам были пристроены ограды новых больших участков. Так, около северной стены усадьбы V—III вв. до н. э. в I в. до н. э.— I в. н. э. появился большой земельный участок площадью 147,8 кв. м. Его южная стена совпадает с северной стеной маленькой усадьбы, а северная стена продолжается к западу за границу прежнего участка. Продолжение ее служило, очевидно, стеной второй соседней усадьбы, также относящейся к I в. до н. э.— I в. н. э. Можно предполагать, что и в I в. до н. э.— I в. н. э. это поле площадью 147,8 кв. м предназначалось для посева хлебных культур. Усадьба, которой принадлежало это поле на рубеже н. э., находилась на новом месте, на высоком скали-

стом холме ²⁰¹. Старое здание усадьбы V—II вв. до н. э. было уже разрушено.

Расположение нового здания на вершине высокого холма позволяет предположить, что усадьбу построили там для лучшего обозрения земельного участка возросших размеров, который теперь уже было не под силу обработать руками одной семьи и немногих домашних рабов. Вероятно, должно было увеличиться количество рабов или поденщиков. Размеры виноградника в I в. до н. э.— I в. н. э., по-видимому, остались прежними, не изменились и размеры приусадебного сада, но очень сильно возросло количество земли, отданной под хлебные культуры. Это явление соответствует тому, что отмечено С. Ф. Стржелецким для клеров Херсонеса на Гераклейском полуострове, где в римское время также возрастает роль хлебного поля и также увеличиваются размеры земельных владений ²⁰².

Иным было назначение земельных участков усадьбы у с. Октябрьское в III—IV вв. н. э. Отсутствие керамики III—IV вв. н. э. в районе усадьбы говорит о том, что в это время жилищ в этом районе не строили, запустели и жилые постройки первых веков н. э. Не культивировались виноградники; не засеивались хлебные поля.

Один из раскопов (IV) очень хорошо иллюстрирует характер сельскохозяйственной специализации этого района в III—IV вв. н. э. Здесь, в 500 м к востоку от ограды древнего участка обнаружено округлое сооружение из крупных и средних камней известняка. Все сооружение имело форму, близкую к кругу. Кладка состояла из лежавших в основании крупных необработанных камней и заложенного в щели между ними мелкого бута. Ширина кладки 1—1,3 м. Крупные камни лежат неравномерно. Судя по скоплению ракушек земляных улиток, кладка была не врыта в землю как фундамент, а положена на травянисто-дерновый слой на поверхность почвы III в. н. э. (рис. 67).

Можно предположить, что это сооружение служило загонем для овец. В пользу этого говорит сильно утрамбованный слой с большим количеством перегноя внутри круга. Этот очень плотный слой резко отличается от слоя, лежащего вне выкружки, с внешней ее стороны. Там утрамбованный слой отсутствует. Следует, таким образом, думать, что в III—IV вв. н. э. на этом участке не было посевов, и он использовался как выгон для скота, может быть овец.

Это дает основание говорить об изменении типа хозяйства в рассматриваемом районе. Участки, занятые в IV—III вв. до н. э. под сельскохозяйственные культуры и огражденные каменными стенами, в III—IV вв. н. э. не использовались под посевы, а служили для выпаса скота. Культурного слоя III—IV вв. н. э. не было на всей территории, где обнаружены остатки стен IV—III вв. до н. э. и I в. до н. э.— I в. н. э. Может быть, к концу античного периода произошли изменения в водном режиме, и жить здесь стало трудно, или запустение района связано с

²⁰¹ К сожалению, при взрывных работах на устроенном здесь карьере для добычи камня усадьба была почти полностью уничтожена, и план ее восстановить не удастся.

²⁰² С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 134 сл.

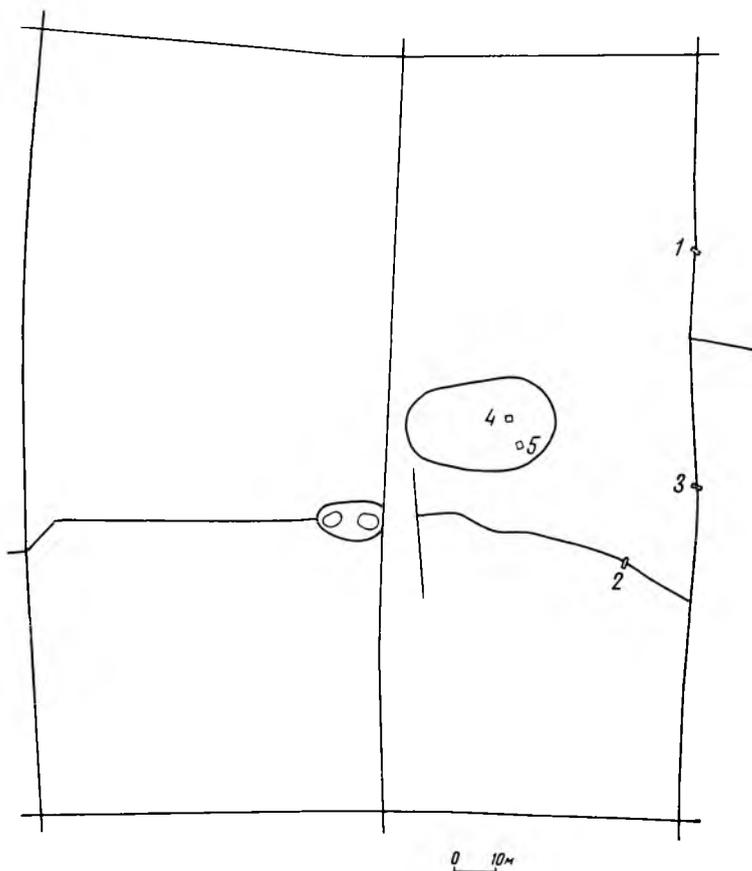

Рис. 68. План двух земельных участков на поселении Чурувашское
1—5 — раскопы

изменением характера хозяйства. Рост крупного землевладения мог привести к тому, что владельцы огромных участков стали вводить специализацию производства сельскохозяйственных продуктов. Приморские земли, более пригодные для огородничества, виноградарства и садоводства, стали отводить под выращивание овощей, винограда и фруктов. Овощи с огородных участков надо было быстро доставлять в город. Близость к городу была важна и для скотоводства. Мясо не выдерживало длительной перевозки, а далекие перегоны к месту забоя истощали скот. Занятие же хлебопашеством не требовало близости города. На производстве хлеба специализировались владельцы отдаленных от городов территорий. А район вблизи скалистых холмов, недалеко от Пантикапея, мог предназначаться для животноводства.

Судя по остаткам каменных стен, в этом районе была целая сеть сельскохозяйственных участков, может быть первоначально клеров. Ис-

следование сельскохозяйственного участка у с. Октябрьское позволяет поставить вопрос и об изменении социальной принадлежности землевладельцев на Боспоре в различные исторические периоды.

Колоть скалу и добывать крупные камни, из которых сложена ограда I в. до н. э.— I в. н. э., могла лишь большая группа рабов. Можно предполагать, что постройку усадьбы на вершине холма показывает изменение в положении хозяина усадьбы. Большое количество рабов требовало постоянного надзора. Усадьба на вершине холма, да еще укрепленная, вероятно такая же, как у с. Ново-Отрадное, давала относительную гарантию безопасности на случай волнений рабов. Рабовладельцы, напуганные восстанием Савмака, стали, видимо, больше заботиться о своей безопасности. Землевладелец жил в своей усадьбе, может быть, не все время. Он мог передать заботу о хозяйстве виллику, но, вероятно, и в этом случае наезжал в усадьбу в ответственные периоды земледельческих работ.

Процесс концентрации земельной собственности в руках немногих богачей привел, видимо, к тому, что усадьба перешла в руки крупного землевладельца, который, не желая вкладывать средства в землю и делать необходимые нововведения для поднятия урожайности, предназначил эти земли под животноводство. Владельцы небольших усадеб разорились и, вероятнее всего, пополнили ряды городского пролетариата.

Аналогичный процесс замены неукрепленного поселения IV—III вв. до н. э. одной или несколькими укрепленными усадьбами, построенными на холмах, прослеживается и на поселении Чурубашское, расположенном к северу от поселения Южно-Чурубашское, между ним и Чурубашским озером, там сохранились следы древних меж²⁰³ и несколько скалистых холмов. На одном из них, в 1 км к северу от Южно-Чурубашского поселения и на таком же расстоянии от берега озера, в 1963 г. Восточно-Крымский отряд провел раскопки (рис. 68). На плоской вершине холма площадью 27,5×29 м обнаружены постройки, относящиеся к трем строительным периодам.

Раскопы площадью по 25 кв. м у южного края вершины обнаружили остатки каменных стен постройки I в. до н. э.— II в. н. э. По-видимому, стены были сложены из мелких камней на глине, только в основании лежали крупные камни. Сохранилась часть вымостки двора из плоских камней. Среди находок были обломки узкогорлых светлоглиняных амфор, профилированные ручки амфор II в. н. э., обломки краснолаковых мисок I—II вв. н. э., светлоглиняного светильника, куски черепиц, зернотерки из плотного зеленого камня, биконическое пряслице, край пифоса, часть лутерия, дно сосуда с отверстиями для приготовления сыра. Полное отсутствие амфор с реберчатыми стенками свидетельствует о том, что в III в. н. э. здание на холме уже было заброшено.

Самый ранний культурный слой на холме относился примерно к III—II вв. до н. э. Он сохранился в юго-западной части раскопа, где скала понижается, а также на склоне и у подножия холма. По-видимому, при нивелировке площадки под строительство дома в I в. до н. э. или в

²⁰³ В. Ф. Гайдукевич, 1940, стр. 317, рис. 16.

I в. н. э. этот слой был счищен со скальной поверхности вершины и сброшен вниз. Он уцелел лишь в углублениях, где понижалась скала. В этом серо-золистом грунте найдены обломки лепных сосудов, в том числе с ушком-налепом, куски соленов и двускатных боспорских калиптеров, обломки амфор, простых круговых и чернолакового сосудов.

Холм, на котором были заложены раскопы, находился внутри территории, обнесенной некогда стенами. Сейчас от них сохранились земляные валы. Удалось сделать глазомерную съемку двух соседних участков, огражденных валами (рис. 68)²⁰⁴. Оказалось, что восточный участок, в средней части которого находилась усадьба, занимал площадь 29,4 га. Он имел в плане прямоугольную форму с длинными сторонами, тянувшимися почти точно с севера на юг. Их длина около 865 м, тогда как коротких стен — 340 м. Южная часть участка была огорожена дополнительной оградой, которая тянулась с юго-востока на северо-запад, приближаясь к холму, где была усадьба. Южный участок занимал площадь около 10 га, а северный — более 19 га. Можно предположить, что здесь был один большой земельный участок, разделенный на части, где возделывались различные сельскохозяйственные культуры. Рядом с ним находился второй участок несколько больших размеров — 35,4 га. Он также разделен на две части. Меньшая из них, так же как и у соседнего участка, находится в южном конце. Размеры ее немногим больше 12 га, тогда как северной части — около 23,3 га. У восточного конца средней разделительной ограды находится скалистый холм, где, возможно, располагалась усадьба хозяина участка. К сожалению, этот холм почти уничтожен при добыче камня.

Если мы сравним величину этих двух земельных участков и херсонесских клеров, вымежеванных в III в. до н. э., то увидим, что один из них несколько превышает по размерам самый большой из клеров (клер 32), площадь которого достигала 33 га. Площадь другого чурубашского участка — 29,4 га — приближается к размерам рядового херсонесского клера, т. е. 26,4 га²⁰⁵. Земельные участки у Чурубашского озера много больше, чем участок IV—III вв. до н. э. у с. Октябрьское, и более чем вдвое превосходят участок I в. н. э., открытый там же. Интересно отметить, что форма участков у Чурубашского поселения почти прямоугольная, что сближает их с клерами Херсонеса и отличает от участка в Октябрьском, где границы земельного участка I в. до н. э. — I в. н. э. имели неправильные очертания. На плане района Чурубашского озера, снятом землемером Рябовым в 1852 г.²⁰⁶, стены участков также не имеют правильных очертаний и совсем непохожи на ровную сеть оград херсонесских клеров.

По-видимому, особый вид поселений, состоящих из группы усадеб, представляло поселение Золотое Восточное II (Куль-тепе), расположенное вблизи моря, в 6 км к северо-востоку от городища Золотое Восточное I. Культурный слой прослеживается на нескольких скалистых плато

²⁰⁴ Съемку произвел в 1963 г. сотрудник экспедиции Б. Г. Петерс.

²⁰⁵ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 50.

²⁰⁶ В. Ф. Гайдукевич, 1940, стр. 317, рис. 16.

Рис. 69. Зольный холм. Поселение Золотое Восточное II

между впадавшей в море речкой и скалами. К северу от одного из плато находятся три больших зольных холма. А. А. Дирин писал, что «против деревни Куль-тепе, раскинувшейся недалеко от моря и прилегающей к южной стороне скалистой гряды, тянущейся над морем, среди скал лежат большие холмы пепла, в которых много черепков (попадают куски, покрытые черным лаком), битых стеклянных сосудов, по рассказам, монет. Холмы эти высотой от 2 до 6 сажений»²⁰⁷, т. е. примерно от 4,5 до 14 м. По-видимому, каждый из холмов образовался в результате сбрасывания золы и мусора в течение длительного времени в одно место из дома, расположенного выше, на нижележащие скалы (рис. 69).

Мощные зольники обнаружены также при поселениях у сел Семеновка и Золотое, где зола сбрасывалась с расположенного на возвышенном плато поселения вниз, в сторону берега моря, хотя до самого моря зольники не доходили. Имелся зольник и на поселении у бухты к западу от Золотого Восточного. Там зола сбрасывалась с холма вниз по откосу. Несколько зольных холмов обнаружено на склонах у поселений Андреевка Северная и Афанасьевка.

На одном из зольных холмов поселения Золотое Восточное II был разбит раскоп площадью 24 кв. м. Грунт от поверхности до материка был однороден. Это мусорная свалка поселения, существовавшего с I по III вв. н. э. Нижние пласты ее отличались только меньшим количеством золы и крупными размерами обломков керамики. Таким образом, зольник представляет собой типичную мусорную свалку, аналогичную по характеру найденной там керамики зольникам в Афанасьевке и в Андреевке Северной. Зола в этой свалке по внешнему виду напоминает золу от сгоревшего кизяка. Среди находок преобладают обломки ребричатых амфор III в. н. э. и лепных сосудов. Встречено много черепков

²⁰⁷ А. А. Дирин, 1896, стр. 126.

простой керамики, краснолаковых сосудов, есть обломки пифосов и кости животных.

Поблизости от зольника на возвышенности обнаружены следы культурного слоя III в. н. э. и остатки каменных кладок. В 500 м к западу, ближе к берегу моря, западнее высохшей речки, на высоком обрывающемся к морю плато, в канавах также заметны остатки каменных кладок и культурного слоя III в. н. э. Еще далее к западу сохранился колодец, выложенный камнем и, по-видимому, тоже относившийся к античному времени. Это поселение требует тщательного обследования. Но уже разведки выявили его своеобразный характер — отсутствие сконцентрированного в одном месте укрепленного поселения типа городка. Здесь наблюдаются как бы отдельные усадьбы — владения больших семей, селившихся неподалеку одна от другой, возможно связанных родством. Можно предполагать, что здесь мы видим результаты разрастания одной семьи, к которой некогда принадлежали владельцы отдельных домов. Видимо, такая же картина была и на поселении к западу от Золотого Восточного, где постройки, насколько можно проследить при поверхностном осмотре, раскинуты на значительном пространстве у смежных бухт.

Процесс концентрации земельных владений одинаково охватил европейскую и азиатскую части Боспорского царства. На территории Синдикки на месте Семибратнего городища во второй половине III в. до н. э. появляется укрепленная усадьба (рис. 70)²⁰⁸. Так же, как и у ее современницы — усадьбы у Ново-Отрадного, здесь в центре почти квадратной в плане постройки был открытый двор, вокруг которого располагались помещения. Общая площадь, занятая усадьбой, превышала 437 кв. м, а площадь внутри оборонительных стен составляла примерно 310 кв. м. Размеры постройки, таким образом, были значительно меньше, чем усадьбы в Ново-Отрадном, где площадь внутри стен достигала 440 кв. м. Несколько уступали новоотрадненским в массивности наружные стены здания, толщина которых достигала 1,7 м, тогда как в Ново-Отрадном она превышала 2 м.

Монеты Митридата Евпатора и Митридата III, найденные на полу помещений, позволяют предполагать, что усадьба прекратила существование в I в. н. э., может быть в период междоусобных войн между Митридатом III и Котисом. Именно в этот период погибла и другая исследованная в Синдикке сельскохозяйственная усадьба у хут. Рассвет, находившаяся в 12 км от Горгииппии²⁰⁹.

Укрепленное прямоугольное здание у хут. Рассвет занимало площадь менее 200 кв. м. Это была совсем небольшая усадьба, принадлежавшая рядовому землевладельцу. Она имела всего два помещения и, вероятно, еще огороженный хозяйственный двор, границы которого не выявлены. Здание было построено во II в. до н. э. Мощностъ его каменных стен

²⁰⁸ Н. В. Аифимов, 1941, стр. 258 сл.

²⁰⁹ Ю. С. Крушюол, 1968, стр. 218. Набор сельскохозяйственных орудий в восточном помещении и во дворе усадьбы не оставляет сомнения в сельскохозяйственном профиле усадьбы (см.: Ю. С. Крушюол, 1971, стр. 137).

толщиной 1,5 м с пристроенным позднее дополнительным панцирем (толщиной 1—1,3 м) делала здание похожим на крепость (рис. 71)²¹⁰.

Появление укрепленных усадеб в Синдике во второй половине III и во II в. до н. э. показывает, что кардинальные перемены в организации сельского хозяйства происходили в это время не только в европейской, но и в азиатской частях Боспорского царства.

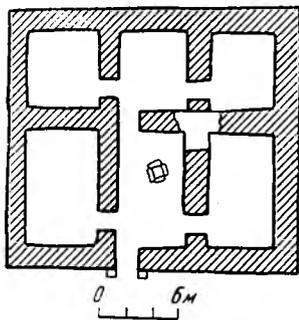

Рис. 70. Семибратнее городище.
План усадьбы III в. до н. э.

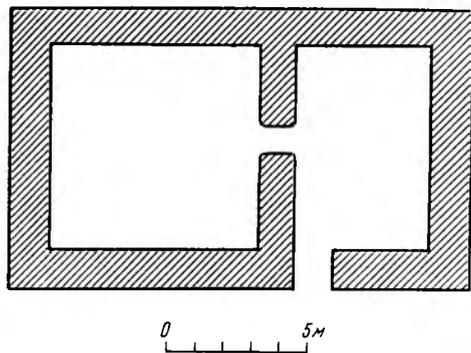

Рис. 71. План усадьбы у хут. Рассвет

По-видимому, аналогичная, еще меньшая по размерам усадьба была открыта В. И. Сизовым у станицы Натухаевская в 22 км к востоку от Горькиппи²¹¹. Она также имела два помещения общей площадью 101 кв. м и каменные стены, толщина которых была немногим менее 1,5 м. К сожалению, время существования этой усадьбы точно не установлено, но, судя по находкам²¹², она существовала в позднеэллинистическое время.

Исчезновение в I в. н. э. ряда сельских усадеб в азиатской части Боспора связано не только с внутренними смутами и войной между претендентами на царский престол, но и с общим процессом перестройки хозяйственной базы, вытеснением мелких землевладельцев более крупными, закабалением мелких землевладельцев и, возможно, развитием колоната.

Позднеантичные поселения

Критическим периодом в истории сельских поселений Боспора была последняя треть III в. н. э. Античные авторы свидетельствуют, что в середине III в. н. э. на территории Северного Причерноморья появились варварские племена. Их часто называют собирательным именем «скифы»

²¹⁰ Ю. С. Крушкюл, 1968, стр. 213 и 219.

²¹¹ В. Сизов, 1889, стр. 105—109.

²¹² Там же, табл. XIX.

(*Dexipp.*, fr. 18—20; *Zosim.*, I, 31—33), иногда «готы» (*SHA*, *Vita Claud.*, VI, 1), «карпы», «уругунды», «бораны» (*Zosim.*, I, 31) и пр.

Зосим сообщает о морских походах, совершаемых этими племенами «при посредстве жителей Боспора, которые скорее из страха, чем из расположения дали им суда и указали путь к переправе» (*Zosim.*, I, 32), и о внутренних смутах на Боспоре в это время. «Пока у них (у боспорян.— *И. К.*) были цари, получившие власть по наследству, т. е. сын от отца, то вследствие дружбы римлян, благоприятно развивавшихся торговых сношений и ежегодно посылаемых им (боспорским царям.— *И. К.*) императорами даров, они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода, во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам (боранам.— *И. К.*) проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах» (*Zosim.*, I, 31).

Это смутное время, по-видимому, совпадает с периодом правления Фарсанза, монеты которого известны с обозначением 550 и 551 гг. боспорской эры, т. е. 253 и 254 гг. н. э. Фарсанз, как показывает его имя, не принадлежал к царской фамилии Тибериев Юлиев, обычные имена которых были Савромат, Рескупорид, Котис и др. Поэтому его считают узурпатором, захватившим царскую власть. После краткого правления Фарсанза к власти вновь приходит один из Рескупоридов. При Рескупориде V и начались, по-видимому, знаменитые морские походы варваров, известные под названием «готских» или «скифских». Первый морской поход варваров исследователи относят к 255 или 256 г. н. э.²¹³

Очень заманчиво было бы связать разрушение Горгиппии и Танаиса с морскими походами «скифов», о которых сообщает Зосим, использовавший не дошедшие до нас источники. Однако археологические материалы свидетельствуют, что оба эти города подвергались нападению врага значительно раньше: Танаис сразу после 244 г. н. э.²¹⁴, т. е. на десятилетие раньше, а Горгиппия около 235 г. н. э.²¹⁵, т. е. почти на 20 лет раньше первого морского похода. Таким образом, раскопки позволили установить, что массовое передвижение племен, в результате которого были разрушены города и поселения окраин Боспорского царства, началось еще до середины III в. н. э., так как уже в 30-х — 40-х годах этого столетия были разрушены Горгиппия и Танаис с прилежащими к нему укрепленными поселениями Нижнего Дона. Но основная масса городов и поселений европейской части Боспора пострадала от вражеского нашествия не ранее конца 60-х или даже в 70-х годах III в. н. э. Именно в это время погибла усадьба у с. Ново-Отрадное, поселения у сел Семеновка, Мысовка, Андреевка Северная и множество других.

Однако жизнь на сельскохозяйственной территории Боспора полностью не прекратилась. Раскопки поселения у с. Семеновка показали, что вскоре после его разрушения какие-то жители вновь появились на его руинах. Не имея возможности расчистить каменные завалы рухнувших домов на

²¹³ А. М. Реженников, 1954, стр. 93.

²¹⁴ Д. Б. Шелов, 1972, стр. 301.

²¹⁵ И. Т. Кругликова, 1965, стр. 6.

основной территории поселения, пришельцы выбрали для жительства ранее мало застроенный холм, где легче было выровнять площадку для строительства жилища²¹⁶. Новый дом был выстроен из небольших камней, которые легче было собрать одной семье. Стены его возведены очень небрежно, и план дома имеет неправильные очертания, один из углов дома закруглен. Дом был очень небольшим и бедным, среди инвентаря преобладают амфоры III—IV вв. н. э. с реберчатými стенками. Жители как бы утратили старые приемы возведения добротных каменных домов, характерных для поселения I—III вв. н. э., хотя со времени разрушения поселка прошло, вероятно, немного времени. Не исключено, что это был не единственный дом, вновь сооруженный в конце III в. н. э. Но отдельные жилища не образовали снова большого поселка. До гуннского нашествия в 70-х годах IV в. н. э. эти жилища, по-видимому, не стояли.

Никаких бесспорных материалов IV в. н. э., кроме амфор и фибулы, не найдено.

Примерно такая же картина наблюдается в Ново-Отрадном. На развалинах усадьбы, погибшей, судя по монетам, в последней трети III в. н. э., в северном углу, около еще уцелевших мощных внешних стен, кто-то соорудил небольшой глинобитный домик площадью всего 28 кв. м. Этот дом поставлен прямо на остатки старых, частично разрушенных стен углового помещения усадьбы III в. н. э. Глинобитный пол, тщательно выровненный, показывает, что традиции в устройстве жилищ сохранились, но у новых обитателей уже не было достаточного количества рабочих рук, чтобы восстановить разрушенные укрепления усадьбы. Масивные каменные стены ее больше не ремонтируются. Никаких следов ремонта оборонительных сооружений после III в. н. э. нет. Площадь прежней усадьбы сильно сократилась. Как видно, материальное положение новых обитателей было очень скромным. Об этом говорит весь комплекс находок в помещении III—IV вв. н. э. Среди бытового инвентаря в нем преобладают амфоры и лепная посуда. Как и в Семеновке, здесь после так называемого готского нашествия новых поселений не образовалось, а стоял только один небольшой дом.

Вообще для сельской территории европейской части Боспора характерно, что крупные и средние укрепленные усадьбы первых веков н. э. — Темир-гора, Ново-Отрадное, Либкнехтовка, Михайловка, Чурубашское и др. — погибли так же, как и укрепленные сельские поселения типа Семеновки. На их месте возникли отдельные дома.

Вместе с тем в конце III и в IV в. н. э. появляются новые сельские поселения. Для них характерно расположение на ровном поле. Они уже не прячутся за оборонительные стены. В европейской части Боспора мы знаем пока еще очень мало сельских поселений этого времени. Могильник у с. Заморское²¹⁷ показывает, что сельские жители селились в неукрепленных деревнях. В отличие от более ранних поселений, строившихся на холмах, в укрепленных природой местах, поселения IV в. н. э.,

²¹⁶ И. Т. Кругликова, 1970б, стр. 76—77.

²¹⁷ В. Н. Корпусова, 1968, стр. 16 сл.

как и многочисленные деревни IV—III вв. до н. э., возникают прямо на ровном месте, среди полей. Такое небольшое поселение открыто вблизи Асандрова вала, но оно пока не раскопано.

Обращает на себя внимание тот факт, что катастрофические изменения, происходившие в европейской части Боспора в последней четверти III в. н. э., как будто бы не затронули хоры азиатской части Боспорского царства. Там сельские поселения существуют непрерывно как в III, так и в IV в. н. э. Известно довольно много таких поселений. На них не зафиксированы катастрофические разрушения и четкие слои пожаров второй половины III в. н. э. В противоположность европейской части Боспора, где в конце III и в начале IV в. н. э. жизнь на большинстве сельских поселений замирает, многие поселения азиатской стороны в это время оживляются²¹⁸ и даже возникают новые поселки сельского типа²¹⁹. Может быть, это объясняется тем, что часть сельского населения европейских поселений Боспора в критический период второй половины III в. н. э. переселилась на другую сторону пролива. Не случайно при раскопках одного из поселений на Фанталовском полуострове исследователи обратили внимание на поразительное сходство внутренней планировки дома IV в. н. э., найденных там орудий труда и бытовых вещей с помещениями и инвентарем поселения у с. Семешовка²²⁰.

Во второй половине IV в. н. э. поселения азиатской части Боспорского царства подверглись жестокому разрушению. Мощные слои пожара, а на одном поселении даже скелет убитого человека, свидетельствуют о нападении врагов²²¹, вероятнее всего гуннов. На территории азиатской части царства неукрепленных поселений первых веков нашей эры было значительно больше, чем на европейской. Однако и здесь в I в. до н. э.—I в. н. э. усиленно возводили оборонительные стены и валы вокруг существующих поселений, а иногда специально строили небольшие крепости поблизости от поселений или непосредственно на поселениях позднеэллинистического времени²²². Особенно четко прослеживается система таких крепостей в северо-западной части Таманского полуострова. Там обнаружено десять крепостей²²³. Н. И. Сокольский установил, что они расположены на расстоянии от 2,5 до 10 км одна от другой, но, «как правило, так, что между соседними крепостями обеспечивалась зрительная связь»²²⁴. Интересно, что для того же времени такой принцип расположения укреплений отмечен нами и в европейской части Боспора. Это свидетельствует о единой системе обороны Боспора, создаваемой бос-

²¹⁸ В. Д. Блаватский, 1959а, стр. 44. На многих поселениях (12-й километр, Пятиколодезное) к концу III — началу IV в. н. э. относятся новые постройки (В. Д. Блаватский, 1957, стр. 120—125).

²¹⁹ Поселения 10-й километр (В. Д. Блаватский, 1957, стр. 119) и у станицы Благовещенской.

²²⁰ Н. И. Сокольский, 1963а, стр. 187.

²²¹ Там же, стр. 188.

²²² М. М. Кубланов, 1959, стр. 215; Н. И. Сокольский, 1961, л. 61 сл.

²²³ Поселения были нанесены на археологическую карту, опубликованную К. К. Герцем (см.: К. К. Герц, 1898). Н. И. Сокольский детально их обследовал, нашел остатки крепостей и провел на некоторых из них раскопки.

²²⁴ Н. И. Сокольский, 1963б, стр. 20.

порскими царями во второй половине I в. до н. э., а возможно, и в начале I в. н. э. Вероятнее всего, строительство этих сооружений надо связывать с грандиозными работами по укреплению боспорских границ, которые, судя по свидетельству Страбона (*Strabo*, VII, 4, 6), начал Асандр и, может быть, продолжали его преемники. Крепости азиатского Боспора отличались от укреплений сельских поселений европейского Боспора меньшими размерами и тем, что их стены были сделаны из сырцовых кирпичей²²⁵ или просто из глины в виде валов. Это было вызвано отсутствием на азиатской стороне пролива строительного камня, в изобилии имевшегося на Керченском полуострове. Так же, как и для укреплений на поселениях в европейской части Боспора, основная функция крепостей к III—IV вв. н. э. была утрачена, но жизнь на их развалинах продолжалась.

Прежде чем перейти к характеристике отдельных сельских поселений азиатской части Боспора, следует остановиться на трех из них, которые Страбон называет *κῶμη* и которые можно было бы взять за эталон при характеристике деревень. Они носили названия Ахиллий, Патрей, Кокрокондама²²⁶. К сожалению, локализация всех этих поселений предположительна.

Ахиллий, по словам Страбона (*Strabo*, VII, 4, 5; XI, 2, 6. Ср.: *Ps. Arr.*, 69), лежит в устье Меотиды, там, где пролив (Керченский.— *И. К.*) наиболее узок. Его помещают в районе косы Чушки. Он либо находился на самой косе и в настоящее время покрыт морем, либо лежал у основания косы, вблизи хут. Ильичевка²²⁷. Там обнаружены поселение площадью около 12 га, существовавшее с позднеэллинистического времени по IV в. н. э.²²⁸, и находившаяся на холме крепость, окруженная рвом и занимавшая площадь примерно 70×70 м²²⁹.

Вторую из названных Страбона деревень — Патрей (*Strabo*, XI, 2, 8) — локализуют на северном берегу Таманского залива²³⁰. Поселение там существовало с IV в. до н. э. вплоть до IV в. н. э. и позднее, в эпоху средневековья. В первые века оно значительно разрослось. Во второй половине I в. до н. э. или в начале I в. н. э. там была сооружена крепость с сырцовыми стенами и рвом²³¹. На поселении открыто несколько виноделен, в том числе две II—III вв. н. э., богато отделанные здания²³², дваклада монет, один из которых был зарыт в 70-х годах I в. н. э.²³³, а другой — после 337 г. н. э.²³⁴

²²⁵ Н. И. Сокольский, 1963а, стр. 190.

²²⁶ Что касается деревень, упомянутых Птолемеем (Бата, Ахея, Синда), то все они находились, по-видимому, уже вне Таманского полуострова.

²²⁷ А. С. Башкиров, 1927, стр. 34—35; Д. Б. Шелов, 1951, стр. 230.

²²⁸ Д. Б. Шелов, 1951, стр. 228.

²²⁹ Н. И. Сокольский, 1961, л. 103.

²³⁰ М. О. Поночевный, 1891, стр. 28; В. Ф. Гайдукевич, 1949а, стр. 203—204; А. С. Башкиров, 1950, стр. 145.

²³¹ Н. И. Сокольский, 1964б, л. 68 сл.

²³² А. С. Башкиров, 1961, л. 27—30; В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 432.

²³³ Ю. С. Крушкел, 1956, стр. 116 сл.

²³⁴ К. В. Голенко, 1960, стр. 223 сл.

Корокондаму к числу деревень относят, кроме Страбона (*Strabo*, XI, 2, 8), Псевдо-Арриан (*Ps. Arr.*, 64) и Стефан Византийский, использовавший данные Артемидора. Некоторые исследователи предполагают, что она находилась на мысе Тузла²³⁵ и, возможно, в настоящее время уже смыта морем. В. В. Соколов, обследовавший это место в начале XX в., отмечал, что уже тогда большая часть городища обрушилась в море. Он указывал также, что «богатством построек оно не отличалось». Здесь не найдено ни архитектурных украшений, ни мрамора. На городище были видны ямы, фундаменты, сложенные из местного «дикарного» камня, битая посуда, черепица и пр.²³⁶ В. Д. Блаватский считал возможным отождествлять с Корокондамой античное поселение Пятиколодезное, остатки которого находятся на расстоянии около 6,5 км к западу — юго-западу от станицы Таманской²³⁷, но подтвердить это раскопками ему не удалось.

Эти скудные данные о боспорских деревнях азиатской части Боспора, если считать правильной их локализацию, позволяют нам представить их в виде обширных неукрепленных поселений. Крепости, построенные на таких поселениях в I в. до н. э., не меняли их общего характера. От городов, помимо правового положения, они отличались простотой оформления, более скромными постройками. Сам характер домов, число хозяйственных помещений тоже должны были отличаться от городских. Но на описанных поселениях из-за малой их изученности мы этого проследить не можем.

К тому же разряду сельских поселений принадлежит еще ряд памятников, открытых на Таманском полуострове, древних названий которых мы не знаем. В северо-западной части Таманского полуострова исследовалось пять таких поселений. Поселение у хут. Кучугуры на берегу Азовского моря существовало по IV в. н. э. Культурный слой занимает обширную площадь и прослежен на двух участках, отстоящих один от другого на 1 км. Очевидно, поселение состояло из отдельных изолированных хозяйств. При строительстве домов III в. н. э. здесь был применен своеобразный строительный прием: кладка стен из чередующихся слоев плитняковых камней и глины²³⁸.

Поселение Красноармейское находится в 800 м к северу от станицы Запорожская, вдали от берега моря. Культурный слой тянется примерно на 0,5 км с востока на запад. Две зольные холмообразные насыпи на поселении заставляют нас вспомнить сельские поселения европейской части Боспора, для которых такие зольники очень характерны. В I в. до н. э. на поселении была построена крепость, сгоревшая и разрушенная в I в. н. э. На ее развалинах в позднеантичное время были сооружены жилища, т. е. крепость как оборонительное сооружение функционировать перестала²³⁹. Это же явление характерно и для других поселений.

²³⁵ В. В. Соколов, 1919, стр. 46; Н. П. Сорокина, 1957, стр. 48.

²³⁶ В. В. Соколов, 1919, стр. 46.

²³⁷ В. Д. Блаватский, 1957, стр. 121.

²³⁸ М. М. Кубланов, 1959, стр. 204—212.

²³⁹ Н. И. Сокольский, 1962, л. 57—59.

Раскопки, проводившиеся Н. И. Сокольским на поселении Батарейка I на северном берегу Донского залива, немного западнее станицы Запорожская, открыли крепость, построенную в I в. до н. э. и сгоревшую в I в. н. э. За пределами крепости было сельское поселение²⁴⁰, существовавшее со II в. до н. э. по IV в. н. э. и позже, в период средневековья. Площадь неукрепленного поселения достигала 27 га²⁴¹. На свежей пахоте, затронувшей главным образом слой III—IV и I—II вв. н. э., отмечены следы нескольких десятков жилищ, зольники, остатки не менее восьми виноделен²⁴². Найденные прямоугольные зернотерки с конусовидным углублением аналогичны встречающимся на поселениях европейской части Боспора. Поражает большое количество пифосов.

В III в. н. э. на разрушенных сырцовых стенах крепости были сооружены жилища, которые затем погибли в пожаре в IV в. н. э. Интересна конструкция печей, сложенных из сырцовых кирпичей и имевших прямоугольную форму, как и на поселении у с. Семеновка. В одной из таких печей было найдено 100 лепешковидных рыболовных грузил, часть которых еще не была обожжена.

В помещении IV в. н. э. был найден железный сошник (рис. 72), аналогичный наконечникам плугов из Семеновки, и другие орудия²⁴³. Каменная ступа, жернов, обугленные зерна ячменя, пшеницы и ржи, хранившиеся в амфорах и лепных горшках, многие формы сосудов — все это сходно с находками на поселении у Семеновки. Но здесь, кроме того, были обнаружены краснолаковая посуда IV в. н. э. и монеты, свидетельствующие о том, что это поселение относится уже к следующему, IV в. н. э. Здесь совсем не было сосудов с краснолаковой поверхностью, но встречались сероглиняные с черным лощением. Крыши помещений, по-видимому, были соломенными или камышовыми²⁴⁴.

Еще одно поселение такого же типа находилось в 3 км к западу от станицы Запорожская, посреди современного села Батарейка²⁴⁵. Здесь также имелось неукрепленное поселение с холмообразным зольником и небольшой крепостью.

Следы виноделен, сосуды с отверстиями для приготовления молочных продуктов, множество обломков пифосов свидетельствуют о сельскохозяйственном характере поселения. Как и предыдущее, оно существовало вплоть до IV в. н. э.

На противоположном берегу Донского залива, у моря, находилось последнее из исследовавшихся в этом районе поселений, так называемая Каменная Батарейка²⁴⁶. И здесь было неукрепленное поселение, растянув-

²⁴⁰ Н. И. Сокольский, 1963б, стр. 20; Он же, 1963а, стр. 179 сл.

²⁴¹ Н. И. Сокольский, 1961, л. 59.

²⁴² Н. И. Сокольский, 1963б, стр. 20.

²⁴³ Там же, стр. 188, рис. 7.

²⁴⁴ Там же, стр. 187.

²⁴⁵ Н. И. Сокольский, руководивший раскопками, назвал это поселение Батарейка II. См.: Н. И. Сокольский, 1962, л. 94—101.

²⁴⁶ К. К. Герц, 1898, стр. 110.

неея на площади около 13—15 га, с двумя холмообразными зольниками и небольшой крепостью, занимавшей всего $\frac{1}{4}$ га²⁴⁷. При обследовании вспаханного слоя на месте поселения были обнаружены следы трех виноделен, найдена масса обломков пифосов, сосудов со сквозными отверстиями и других бытовых вещей, свидетельствующих об одинаковом образе жизни и занятиях обитателей этого поселения и жителей деревень, описанных выше. Здесь обнаружены следы жизни с эпохи позднего эллинизма до средневековья. В интересующий нас позднеантичный период поселение жило интенсивной жизнью, но укрепления уже потеряли свое значение, в развалинах сырцовых крепостных стен были вырыты хозяйственные ямы²⁴⁸.

Большое число сельских поселений III и IV вв. н.э. было обнаружено в юго-западной части Таманского полуострова²⁴⁹. По-видимому, они не имели оборонительных укреплений. Большинство поселений, на которых был слой первых веков н.э., продолжало существовать и в III—IV вв. н.э. На Бугазском поселении, находившемся на южном берегу Таманского полуострова, в 15 км к юго-востоку от станицы Таманская, обнаружены каменные фундаменты стен и ямки для столбов, поддерживавших крышу позднеантичного здания. На поселении, лежавшем к востоку от хут. Яхново на южном берегу Цукурского лимана, в слое III—IV вв. н.э. были остатки каменной вымостки из рваных плитняковых и необработанных камней²⁵⁰. Слой этого времени имелся и на Западно-Цукурском поселении²⁵¹.

К западу от этих поселений на распаханном поле исследовались поселения Западно-Зеленское и Северо-Зеленское²⁵², находившиеся на расстоянии 900 м одно от другого. На обоих имелся слой III—IV вв. н.э., но никаких строительных остатков этого времени не обнаружено.

Рис. 72. Железный наральный из Батарейки I

²⁴⁷ Н. И. Сокольский, 1962, л. 104.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ В. В. Соколов, 1919; А. С. Башкиров, 1927; А. А. Миллер, 1931; Он же, 1932. Результаты работ Синдской археологической экспедиции с 1950 по 1954 г. опубликованы в статьях В. Д. Блаватского в КСИИМК и в Вестнике АН СССР (см.: В. Д. Блаватский, 1951а; Он же, 1952; Он же, 1953б; Он же, 1955б; Он же, 1957; Он же, 1959а).

²⁵⁰ В. Д. Блаватский, 1953б, стр. 152; Он же, 1955б, стр. 94.

²⁵¹ Д. В. Шелов, 1953, стр. 162; Он же, 1955, стр. 99.

²⁵² В. Д. Блаватский, 1959а, стр. 41—46.

Немного северо-западнее этих поселений, у берега моря на холме находилось упомянутое выше поселение Пятиколодезное, отождествляемое В. Д. Блаватским с Корокондамой. В наиболее поздних античных слоях обнаружены винодельня конца II или III в. н. э. и остатки зданий III и IV в. н. э.²⁵³ Существование винодельни говорит о сельскохозяйственном профиле поселения. Одинаковая ориентировка стен зданий на разных участках и в различные периоды²⁵⁴ свидетельствует о твердой планировке поселения.

В 12 км к востоку от станицы Таманская, на берегу моря, на одной из спускающихся к морю террас были проведены раскопки поселения 12-й километр²⁵⁵. Там обнаружены каменная вымостка и цоколь стены III в. н. э. и остатки здания конца III—IV в. н. э. В этом же слое были найдены обломки глиняных сосудов с отверстиями и обломки жерновов, т. е. вещи, чаще всего встречаемые на сельских поселениях. Находки черепицы показывают, что на поселении имелись здания, крытые черепицей²⁵⁶.

В 2 км к западу от этого поселения, также на нижней береговой террасе, на площади около $\frac{1}{3}$ га было обнаружено скопление античной керамики. При раскопках на этом поселении, названном 10-й километр²⁵⁷, было установлено, что поселение возникло здесь в позднеантичное время, но характер его определить пока не удастся.

Даже небольшие разведки, проводившиеся в юго-восточной части Таманского полуострова, в окрестностях Анапы и по нижнему течению Кубани, позволили открыть ряд поселений, существовавших там, судя по отдельным предметам, найденным на поверхности, в III в. н. э. Но поскольку археологические раскопки там не проводились и время гибели поселений не установлено, неизвестно, дожили ли они до IV в. н. э. Лишь на одном из них, расположенном вблизи станицы Раевская, производились систематические исследования²⁵⁸. Однако слои позднеантичного времени оказались сильно попорченными, а камни стен выбраны. Все же о существовании поселения в III—IV вв. н. э. свидетельствуют отдельные предметы: монеты — боспорский статер IV в. н. э. и три серебряных варварских подражания римским денариям, обломки амфор, краснолаковых и других сосудов III—IV вв. н. э. Возможно, к III в. н. э. следует относить и свинцовую гирию, аналогичную гириям из поселения у с. Семеновка.

Находки на Раевском городище отдельных предметов IV в. н. э. говорят о существовании поселения, но вопрос о том, принадлежало ли оно в это время Боспорскому царству, остается открытым. Неясен вопрос и о поселении близ хут. Красно-Батарейного. Открытое там городище было связано с целой системой оборонительных сооружений. Там имелся укре-

²⁵³ В. Д. Блаватский, 1957, стр. 125—127.

²⁵⁴ Там же, стр. 126.

²⁵⁵ Там же, стр. 119.

²⁵⁶ Там же, стр. 120—121.

²⁵⁷ Там же, стр. 119.

²⁵⁸ В. Сизов, 1889, стр. 12; Н. В. Анфимов, 1952, л. 41; В. Д. Блаватский, 1959б, стр. 49; Н. А. Онайко, 1955; Она же, 1959, стр. 56; Она же, 1965, стр. 125 сл.

плennyи акрополь, или крепость, с остатками каменных фундаментов, отделенный от остального городища рвом. Городище в свою очередь было обнесено крепостной стеной, валом и рвом²⁵⁹. Но продолжали ли эти укрепления функционировать до IV в. н. э., неизвестно.

Против станицы Варениковская на правом берегу Кубани Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. обнаружила укрепленное поселение римского времени, расположенное на возвышении и окруженное с двух сторон рвом, а с двух других — обрывом. Оно занимало площадь 500×200 м. Его центральная часть была отделена от остального городища еще одним рвом, и поселение представляло собой распространенный в Предкавказье тип укрепления с двойным рвом²⁶⁰. Тогда же были зафиксированы небольшие укрепленные поселения римского времени в 5 км к востоку от станицы Вышестеблиевская и в 1,5 км к северо-западу от курганов Близицы²⁶¹.

К северо-востоку от Горгиппии, вблизи станицы Гастогаевская находилось еще одно укрепленное городище, окруженное каменными оборонительными стенами и рвом. Собранный на поверхности подъемный материал свидетельствует о том, что поселение на этом месте существовало до III—IV вв. н. э. Возможно, здесь было одно из пограничных боспорских поселений, хорошо укрепленное в связи с особенностями его местоположения. Необходимость укреплять поселения этого района, по-видимому, стала ощутимой в конце I в. до н. э. и в первые века н. э., но укрепления стояли и позже. К западу от станицы Гастогаевская, в ауле Суворовско-Черкесском, на северном берегу Витязевского лимана, на выступающем мысе в 1931 г. было обнаружено укрепленное городище, на котором преобладала керамика римского времени²⁶². Вблизи Горгиппии, на восточной окраине современной станицы Анапская обнаружено укрепленное поселение Батарейка площадью около 1/7 га²⁶³.

Судя по подъемному материалу, оно относится к I в. до н. э. и к первым векам.

Таким образом, в юго-восточной части боспорской территории, близкой к границам государства, в первые века п. э. заметно вновь стремление укреплять поселения. Сравнительно малая изученность этого района не позволяет установить точное время возведения этих укреплений, но, по-видимому, они существовали до IV в. н. э.

Наряду с укрепленными поселениями в этом районе в римское время было много и неукрепленных. Поселение такого типа, заселенное с позднеэллинистической эпохи до IV в. н. э., обнаружено на высоком восточном берегу Витязевского лимана у хут. Капустин²⁶⁴. При разведках в 1927 г. здесь в верхнем позднеантичном слое было обнаружено много се-

²⁵⁹ Н. А. Захаров, 1929, стр. 9, 10; Н. В. Анфимов, 1953а, стр. 45—47 (Н. В. Анфимов предполагает, что здесь был боспорский город Гаргаза).

²⁶⁰ А. А. Иессен, А. А. Миллер, 1932, стр. 59.

²⁶¹ Там же, стр. 58—59.

²⁶² Там же, стр. 60.

²⁶³ См.: Н. В. Анфимов, 1953б, л. 23—24. Повторно поселение обследовал в 1962 г. сотрудник Анапской экспедиции В. В. Веселов.

²⁶⁴ Поселение обследовано Анапской экспедицией в 1962 г. При повторном посещении в 1964 г. оно оказалось полностью уничтоженным.

роглиняной, по-видимому лепной, посуды и большое количество рыбьих костей, что резко отличало этот слой от нижнего, содержавшего раннегреческий материал ²⁶⁵.

Северо-западнее этого поселения у дер. Юровка на вспаханном поле сохранились следы поселения, на котором жизнь продолжалась до III в. н. э., но остатки укреплений здесь не замечены. Перечень поселений, найденных при разведочных работах и не подвергавшихся раскопкам, можно было бы значительно увеличить. Разведки А. С. Башкирова в 1926—1927 гг. и Таманской экспедиции ГАИМК в 1931—1932 гг. обнаружили большое число поселений римского времени по берегам Кизилташского и Витязевского лиманов ²⁶⁶ и к северу от Ахтанизовского лимана. Среди них были и описанные выше укрепленные городища и небольшие, вероятно типа хуторов, а иногда и довольно крупные поселки.

Очень интересны наблюдения А. А. Миллера относительно общих черт в планировке и типах оборонительных сооружений городищ римского времени на Таманском полуострове и городищ Нижнего Дона ²⁶⁷. Действительно, обращает на себя внимание тот факт, что в низовьях Дона в I в. до н. э. и в I в. н. э. возникла целая сеть укрепленных поселков, которые существовали до III в. н. э. Они располагались всегда на возвышенных местах — на мысе высокого берега или на холме. Для них характерны глинобитные сооружения. На некоторых, например на Сухо-Чалтырском поселении, имелся укрепленный акрополь, где сохранились остатки каменных стен, а рядом за рвом лежало неукрепленное поселение с глинобитными домами ²⁶⁸.

Почти одновременное возникновение укреплений в европейской и азиатской частях Боспорского царства и в низовьях Дона можно объяснить лишь серьезными передвижениями соседних с Боспором варварских племен и социально-экономическими изменениями, происходившими в их мире. Не только боспорский царь принужден был заботиться об обороне границ своего царства, но и варварские племена Нижнего Дона не были в безопасности в неукрепленных поселениях.

Все эти поселения продолжали, как правило, существовать и в III в. н. э., но лишь поселения азиатской части Боспора процветали и позднее. Они, судя по описанным выше поселениям Таманского полуострова, жили полной жизнью и в III, и в IV вв. н. э. Большинство из них представляло собой крупные неукрепленные поселки, занимающие обширные территории. Известны и небольшие поселки, состоявшие из одной-двух или из группы изолированных усадеб. Зольные холмообразные насыпи роднят эти поселения с их европейскими соседями. На одинаковое социальное положение и экономический уровень жизни и занятий их обитателей указывает сходство бытового инвентаря, находимого на поселениях.

²⁶⁵ В 1927 г. это поселение обследовала экспедиция во главе с А. С. Башкировым (см.: А. С. Башкиров, 1928, стр. 76). В 1931 г. это же поселение отмечено Таманской экспедицией (см.: А. А. Иессен, А. А. Миллер, 1932, стр. 60).

²⁶⁶ А. А. Иессен, А. А. Миллер, 1932, стр. 60.

²⁶⁷ А. А. Миллер, 1931, стр. 28.

²⁶⁸ И. Т. Кругликова, 1974, стр. 182.

Можно, однако, заметить и имеющиеся между ними различия. Большое число виноделен на поселениях Таманского полуострова позволяет предположить заметную роль виноградарства в хозяйстве местных жителей. В прибрежных поселениях виноградарство сочеталось с рыболовством, а также с хлебопашеством и скотоводством. Виноделне сохраняло свою роль и в хозяйстве глубинных поселений. В европейской части Боспорского царства виноделие было распространено лишь в окрестностях крупных городов и связано с усадебным хозяйством рабовладельцев. В отдаленных сельских поселениях занимались хлебопашеством и скотоводством, а на берегах моря — еще и рыболовством. Уже упоминалось о бросающемся в глаза различии планировки поселений этих двух частей Боспорского царства, что связано с особенностями их внешнеполитического положения на рубеже п. э. и в позднеантичный период. Близость территории крымских скифов, трудность обороны растянутых северо-восточных границ, постоянный натиск сарматов и других кочевых северопричерноморских племен, которые часто нападали на неукрепленные деревни европейской части Боспора и грабили их, заставляли боспорских правителей и само население заботиться об укреплении поселений, что облегчалось обилием камня и наличием на Керченском полуострове удобных для обороны холмов.

Другим было положение азиатского Боспора и особенно его западной части. Там необходимо было укреплять лишь пограничные поселения, а в некоторых случаях можно было ограничиться сооружением крепостей. Различие в положении этих двух частей государства определило различную судьбу их сельских поселений в позднеантичное время.

Малая исследованность сельских поселений азиатского Боспора позволяет сделать только предположительные выводы о характере этих позднеантичных поселений. По-видимому, в этой части Боспорского государства укрепленные усадьбы типа усадьбы у хут. Рассвет и так называемых Батареек преобладали на сельскохозяйственной территории уже с периода позднего эллинизма. В первые века н. э. здесь известны крупные земельные владения храмов с прикрепленными к земле пелатами, социальное положение которых, вероятно, соответствовало положению колонов. Можно предполагать, что крупные землевладельцы, владевшие укрепленными усадьбами, предпочитали сдавать землю в обработку закабаленным ими крестьянам, жившим в деревнях.

Типы сельских поселений

Античные авторы, упоминая о населенных пунктах Боспора, называют их πόλις (город), πόλιγγιον (городок)²⁶⁹, κώμη¹ (деревня)²⁷⁰, κώμιον

²⁶⁹ Так называют Мирмекий Скилак, Стефан Византийский. Псевдо-Арриан, Страбон; у Страбона (*Strabo*, VII, 4, 5; XI, 2, 6) он фигурирует еще и как κώμη.

²⁷⁰ Птолемей упоминает деревни Синда, Бата и Ахея (*Ptol.*, V, 8). Деревней называют Ахиллий (*Strabo*, XI, 2, 6; *Ps. Arr.*, 69), Казеку (*Arr.*, 30; *Ps. Arr.*, 76), Корокондаму (*Strabo*, XI, 11, 8; *Steph. Byz.*, s. v), Парфений (*Strabo*, VII, 4, 5). Патрей и Киммерий Азиатский Страбон (*Strabo*, XI, 2, 4 и 8) называет деревнями, а у других авторов они названы городами.

(деревушка)²⁷¹ и χωρίον (местечко или поселок)²⁷². Последнее из определений, как было указано выше, имеет в античных письменных источниках в различное время и на разной территории неодинаковое значение. Различия в терминах, которыми обозначали поселения, отражали, по видимому, неравенство их административного положения и находились, вероятно, в прямой связи с их размерами и состоянием. Однако уловить различия в содержании некоторых из этих терминов не всегда удается. Так, например, πολίχμιον — это уменьшительное от πολίχμη, употребляемого Фукидидом (*Thucyd.*, VII, 4, 6) в смысле «укрепление», а Плутархом (*Plut. Timul.*, XI, 11) — как «маленький городок». В этом же последнем значении Платон и Исократ (*Isocr. Orat.*, 5, 145) употребляют слово «полихмион».

Судя по Платону (*Plato. Leg.*, 626с), древние авторы понимали под словом «кома», или деревня, нечто противоположное городу. То же значение или значение «небольшого сельского поселения» имеет и слово χωρίον у Плутарха (*Plut.*, *Moralia*, 773b) и у Страбона (*Strabo*, X, 5, 3). Слово χωρίον Фукидид (*Thucyd.*, I, 100) применяет и к только что основанным греками городам, и просто к частному земельному владению (*Thucid.*, I, 106).

Дифференциация населенных пунктов Боспора затрудняется из-за противоречивости их определений у древних писателей. Так, например, Псевдо-Скилак (*Ps. Scyl.*, 68) в IV в. до н. э. называет Мирмекий полисом, а Страбон (*Strabo*, XI, 2, 6) в I в. до н. э. именует его «комой», видимо, в соответствии с разрушением города и его упадком незадолго до I в. до н. э.²⁷³ У авторов V в. н. э., использовавших какие-то переписки раннего времени, он фигурирует как город (*Steph. Byz.*, s. v.; *Ps. Arr.*, 76). Напротив, Эсхин (*Aesch.*, III, 171), говоря о событиях V в. до н. э., называет Нимфей «хорионом», тогда как уже Псевдо-Скилак (*Ps. Scyl.*, 68) и вслед за ним Страбон (*Strabo*, VII, 4, 4) считают его городом. Наименование ряда боспорских поселений «комами» впервые появляется у Страбона. Он пользовался источниками конца II — первой половины I в. до н. э., поэтому в его «Географии» отражено состояние населенных пунктов периода после митридатских войн и потрясений II в. до н. э., во время которых ряд городов подвергся разрушению и опустел. Новые поселения уже не получили права городов, какими они пользовались раньше, и попали у Страбона в число деревень. Среди них были Патрей, который Гекатей Милетский (*Hecat.*, 198) называл городом, упомянутый выше Мирмекий и Киммерий, находившийся в азиатской части Боспора. Азиатский Киммерий фигурирует как город у Псевдо-Скимна (*Ps. Scymn.*, 895) во второй половине II в. до н. э. и

²⁷¹ Деревушкой Страбон (*Strabo*, XI, 2, 8) назвал Акру, вслед за ним Псевдо-Арриан называет ее деревней, тогда как Плиний (*Plinii NH*, IV, 86) считает ее городом.

²⁷² Псевдо-Арриан (*Ps. Arr.*, 76) поселком называет Порфмий, тогда как у Стефана Византийского он назван деревней. В схолиях к Домосфену (*Schol. a Demosth.*, VIII, 23, 33) поселками названы Нимфей и Феодосия, тогда как у других авторов они именуются городами. Плиний же называл Нимфей бывшим городом (*Plinii NH*, IV, 86).

²⁷³ Е. Г. Кастанаян, 1959б, стр. 214 сл.

позднее, в I в. н. э., у Плиния (*Plinii NH, V, 15*) и Помпония Мелы (*Pomp. Mela, I, 112*). К сожалению, последние два писателя совсем не упоминают деревень, перечисляя только города. Позднее, во II в. н. э. в перипле Арриана и в картах Птолемея встречаются названия деревень, не известных авторам более раннего времени: Бата, Ахея, Казека, Синда.

Для III и IV веков н. э. нет никаких письменных источников о дифференциации поселений, и приходится опираться на данные либо более раннего, либо более позднего времени. В перипле Псевдо-Арриана и в географическом словаре Стефана Византийского, написанных, вероятно, в V в. н. э. и являвшихся чисто компилятивными работами, повторяются названия деревень, уже встречавшиеся у Страбона (Акра, Ахиллий, Корокондама) и у Арриана (Казека). Кроме того, Стефан Византийский называет деревней Порфмий, который у Псевдо-Арриана обозначен как «хорион». Интересно, что термин «хорион» в применении к боспорским поселениям встречается либо у авторов IV в. до н. э. и в схолиях к ним, либо у позднеантичных компиляторов Псевдо-Арриана и Стефана Византийского как результат прямого заимствования у древних авторов. Однако обращает на себя внимание тот факт, что пункты, обозначенные у Эсхина и в схолиях этим термином (например, Кепы, Нимфей и Феодосия), у авторов V в. н. э. именуются «полисами». Вместе с тем у Псевдо-Арриана «хорионом» назван Порфмий, не встречающийся у более ранних авторов, а у Стефана Византийского — Зефирий, именующийся у Плиния «полисом». Поэтому можно предположить, что авторы V в. н. э. использовали и более поздние свидетельства, относящиеся к эпохе упадка городской жизни на Боспоре, когда некоторые города захирели.

Трудно сейчас установить разницу в правовом положении деревень (*κῶμη*) и местечек (*χωρίον*). Можно предположить, что и те, и другие были сельскими поселениями и различались лишь внешним видом, размерами и наличием или отсутствием укреплений²⁷⁴, так же как полис и полиххион различались лишь размерами и оформлением, а в правовом отношении принадлежали к одному разряду — городских поселений. Сельские же и городские поселки различались между собой правовым статусом, характером самоуправления, размерами, числом жителей, наличием культовых построек, удельным весом ремесла и торговли, экономическим уровнем жизни населения и многими другими особенностями.

К сожалению, источники не дают возможности проследить различий внутри сельских поселений Боспора. Нельзя с уверенностью сказать, следует ли рассматривать боспорские деревни, определяемые термином *κῶμη*, как независимые сельские общины типа встречаемых в римское время в Азии²⁷⁵ с общинной собственностью на землю, или же этот термин касается лишь внешних особенностей поселений, отличающих их от городов.

²⁷⁴ Судя по сообщению Фукидида (*Thucyd., I, 106*) о том, что отряд коринфян попал на землю частного лица, обведенную глубоким рвом и не имевшую выхода, хорионы могут быть укрепленными.

²⁷⁵ *Е. С. Голубцова, 1962, стр. 11, 42 сл.*

Классифицируя античные деревни Малой Азии, исследователи опирались на анализ письменных источников. На основании этого анализа Т. Броутон выделяет четыре типа поселений по принципу принадлежности земли, на которой они располагались: 1 — деревни на частных землях, 2 — деревни — поселения солдат; 3 — деревни на городских землях; 4 — деревни племен и объединений²⁷⁶. Другой исследователь, Д. Мэджи, делит деревни на 1 — принадлежавшие городам; 2 — расположенные на частных землях и 3 — самостоятельные сельские общины, не зависевшие от городов²⁷⁷. Материал, которым располагают исследователи боспорской хоры, не дает возможности провести такой классификации, так как собственники земли, на которой стояли боспорские усадьбы и деревни, нигде не обозначены.

Мы не можем с уверенностью установить, какие из деревень, особенно в первые века н. э., были расположены на городских, а какие — на царских, частных, племенных или храмовых землях. О храмовых землях на Боспоре мы знаем из надписи 151 г. н. э., найденной в Фанагории, согласно которой боспорский царь Риметалк увеличил до прежних размеров уменьшившиеся с течением времени земли, посвященные богине в Фианнеях, а также и число обрабатывавших их пелатов²⁷⁸. О существовании деревень на царских землях в IV в. до н. э. свидетельствует упоминание Полиена (*Polyaen. Strateg.*, VI, 9, 3) о назначении царем Левконом для управления селами специальных должностных лиц — эпимелетов. То же следует и из свидетельства Диодора Сицилийского (*Diod. Sic.*, XX, 25) о предоставлении царем Евмелом земельных наделов тысяче переселенцев из Каллатии, для чего была размежевана Псоя, находившаяся, вероятно, во владении царя. Нет никаких данных о землях, принадлежавших городам. Наоборот, определение границ хоры городов и царских земель приходится делать на основании изучения типов сельских поселений. При этом исследователю не от чего отталкиваться, он не имеет сравнительного археологического материала для сопоставления с классификациями малоазийских сельских поселений.

Мы можем только предполагать, что загородные усадьбы, обнаруженные у Солдатской слободки вблизи Мирмекия, на Темир-горе и около современных сел Героевка, Октябрьское и Партизаны, находились на городской земле, тогда как усадьбы у сел Ново-Отрадное, Михайловка, Андреевка Южная и Либкнехтовка располагались на царских землях. То же можно сказать и об античных деревнях.

Поселения вблизи боспорских городов скорее всего были в границах городской хоры, а отдаленные от городов поселки типа Семеновки, Заморского, Марфювки, Сазоновки и др. могли находиться на царских землях.

Эпиграфические памятники Боспора почти не дают материалов для социальной характеристики боспорских деревень. Данные литературных источников фрагментированы и относятся в основном к IV в. до н. э.;

²⁷⁶ Т. Broughton, 1938, стр. 629—648.

²⁷⁷ D. Magie, 1950, т. I, стр. 1022, примеч. 69.

²⁷⁸ IOSPE, II, № 353 = КБН, 976.

лишь с большими оговорками они могут быть использованы для характеристики сельских поселений последующих периодов.

Несколько больше данных можно почерпнуть из археологических источников. Благодаря археологическим исследованиям, проведенным главным образом на территории европейской части Боспора, удалось выделить несколько типов сельских поселений Боспорского царства: 1 — неукрепленные деревни; 2 — поселения в хорошо защищенных природой местах или с искусственными укреплениями; 3 — неукрепленные, отдельно стоящие сельские усадьбы, расположенные на клерах или частновладельческих участках; 4 — укрепленные сельские виллы — центры крупных земельных владений, стоящие одиноко или группами. Эти поселения различаются своей планировкой, местоположением и, вероятно, социальной принадлежностью их обитателей.

К первому типу боспорских сельских поселений относятся «комы» — неукрепленные деревни, расположенные на равнине и представляющие собой группу изолированных домов, отстоявших один от другого на 30—50 м и разделенных, видимо, приусадебными участками²⁷⁹. Все известные до настоящего времени поселения такого типа (у сел Марфовка, Марьевка, Золотое (Золотой Рожок), Слюсареве, Сокольское, Андреевка Южная и др.) датируются периодом с VI—V по III в. до н. э. Они, по-видимому, находились на царской или государственной земле и являлись поселениями осевших на землю скифов.

Ко второму типу относятся поселения, расположенные на холмах, в местах, удобных для сооружения укреплений. Может быть, именно такое поселение именовалось «хорион». Жилища на этих поселениях, сконцентрированные на ограниченной территории, теснились одно около другого и не имели приусадебных участков. Они были объединены в блоки и кварталы, разделенные улицами и переулками. В большинстве своем эти поселения датируются периодом двух последних веков до н. э. и первых веков н. э. Многие из них погибли в последней трети III в. н. э. К ним можно причислить поселения у сел Семеновка, Золотое, Мысовое, Андреевка (Северная), в бухте к западу от Золотого Восточного и др. К эллинистическому времени принадлежит поселение этого типа Золотое Восточное.

Основной особенностью их является сходство во внешнем облике, планировке, характере построек с малыми городами Боспора того же времени.

К третьему типу относятся неукрепленные усадьбы — изолированные дома, стоявшие на земельном наделе — клере — или на земельных участках, размеры которых зависели от достатка их хозяев. Серия таких усадеб эллинистического времени открыта к северу от с. Октябрьское. К усадьбам такого типа принадлежат усадьбы Южно-Чурубашская, Холм А (около Киммерика) и Андреевка Южная, а также сельская вилла у Солдатской слободки. По-видимому, усадьба такого же типа с прекрасной винодельней открыта вблизи поселка Аджимупикэй.

К четвертому типу принадлежат укрепленные усадьбы типа виллы у

²⁷⁹ И. Т. Кругликова, 1959а, стр. 115.

Темир-горы и у сел Ново-Отрадное, Либкнехтовка, Михайловка и др. Они относятся к различным периодам истории Боспора и обнаружены как в европейской, так и в азиатской его частях. В IV—II вв. до н. э. существовали лишь неукрепленные виллы, тогда как во II в. до н. э.— I в. н. э. появились сельские виллы или усадьбы с мощными внешними каменными стенами, способными выдержать нападения врагов.

Слабая изученность сельской территории азиатского Боспора не позволяет пока провести четкую классификацию сельских поселений этой части Боспорского государства. Разведки выявили там поселения первого типа — неукрепленные деревни. К ним принадлежат: Водопроводное²⁸⁰, Витязево²⁸¹ и др. Поселения второй группы — укрепленные — представлены крепостью, открытой вблизи станицы Гастогаевской. Известны и отдельно стоящие неукрепленные усадьбы в районе Джемете.

Имеются укрепленные сельские виллы типа усадьбы у хут. Рассвет, у станицы Натухаевская, усадьбы на Семибратнем городище, дома Хрисалиска (у пос. «За Родину»)²⁸² и др. Кроме того, там выявлены большие неукрепленные поселения, существовавшие вблизи крепостей — так называемых Батареек.

Интересно, что в Северо-Западном Крыму с помощью археологических раскопок и разведок, а также аэрофотосъемки А. Н. Щеглову удалось выделить шесть типов поселений, находившихся на сельскохозяйственной территории Херсонеса: 1 — города с земледельческими округами; 2 — укрепления типа городища Чайка; 3 — укрепленные усадьбы с расположенными около них неукрепленными поселениями; 4 — комплексы сельских вилл; 5 — отдельно стоящие укрепленные и неукрепленные усадьбы; 6 — неукрепленные сельские поселения, возможно туземные²⁸³. Хотя А. Н. Щеглов выделил в отдельный тип укрепления типа открытых на городище Чайка, нам кажется, что их можно отнести к типу 5 — отдельно стоящих укрепленных усадеб.

Таким образом, мы видим, что типы сельских поселений, открытых в европейской части Боспора и в Западном Крыму в хоре Херсонеса, полностью не совпадают. И все же мы можем сказать, что типы сельских поселений хоры Боспорского царства и хоры Херсонеса очень близки. Разные типы боспорских поселений изучены неодинаково. Поселения первого типа, отличающиеся большей протяженностью, раскапывались лишь небольшими участками. Планировка их выявлена главным образом по поверхностным осмотрам. Значительно лучше изучены поселения второго типа, но только в европейской части Боспора. Там было много природного камня и дома на этих поселениях, как и в городах, строили из плохо обработанных камней. В качестве связующего раствора применялись разведенная глина или просто земля. Многие дома были двухэтажными (рис. 73). Размеры жилых зданий были неодинаковы, дома имели

²⁸⁰ Э. Я. Николаева, 1973, стр. 97 сл.

²⁸¹ Е. М. Алексеева, В. Н. Карасев, Т. М. Смирнова, 1974, стр. 92.

²⁸² Н. И. Сокольский, С. А. Беляев, Ю. М. Десятчиков, Э. Я. Николаева, Н. П. Сорочкина, 1972, стр. 147 сл.

²⁸³ А. Н. Щеглов, 1971, стр. 11.

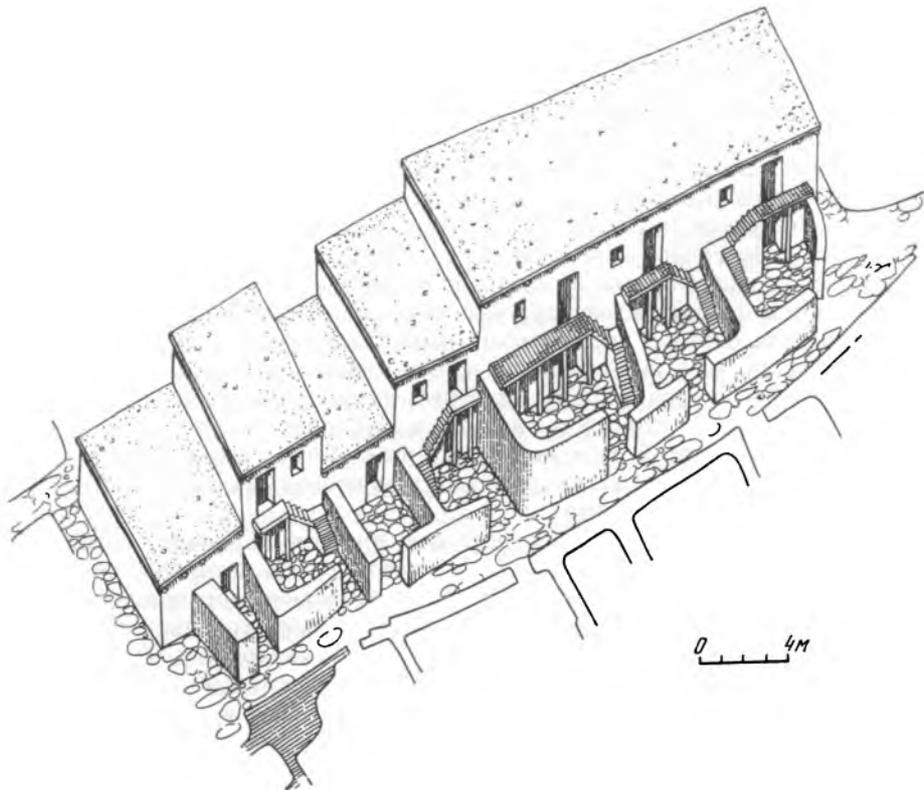

Рис. 73. Реконструкция домов на поселении Семеновка (квартал между улицами I и II)

разное число помещений. Иногда дом состоял из нескольких изолированных помещений со смежными стенами. Часто перед входами в помещения находились дворiki. Большинство домов имело помещения для скота с яслями для сена, сооруженными из поставленных на ребро каменных плит. В верхней части этих плит нередко делали сквозные отверстия для привязывания скота. Крыши домов в сельских поселениях большей частью были земляными или соломенными в отличие от городов, где преобладали черепичные крыши.

Внутреннее убранство и бытовой инвентарь жилищ рядового городского и сельского населения были почти идентичны. Помещения отапливались печами прямоугольной формы с каменными или кирпичными стенами и верхней глинобитной плитой, края которой загибались кверху. Иногда около печей имелись еще маленькие очажки для подогревания пищи²⁸⁴, которые могли быть и переносными²⁸⁵. Встречаются также ка-

²⁸⁴ Н. И. Сокольский, 1963в, стр. 52.

²⁸⁵ И. Т. Кругликова, 1961, стр. 77, рис. 30, 1.

менные сооружения в виде лежанок или столиков, под них выгребали горячую золу для дополнительного обогрева помещения. Полы были земляными или глинобитными, иногда они частично вымощены каменными плитами. Не исключено, что отдельные помещения имели пастилы из досок.

Дворики всегда были вымощены плитами. Каменные стены помещений и дворики не всегда параллельны, строители допускали иногда сооружение закругляющихся и косо надрезанных стен (Семеновка, Илурат, Золотое Восточное — в бухте). Распространено было сооружение различного рода водосточных желобов, выводящих воду со дворов на улицу (Илурат) или находящихся внутри помещений и отводящих нечистоты из отделений для скота в специальные ямы (Семеновка). Для всех поселений II—III вв. н. э., в том числе и для малых городов Боспора, характерно широкое использование плоских камней для разных внутренних загоронок, закровов, столиков, сидений и лежанок.

Характерной чертой сельских поселений второго типа является наличие около них мощных зольников, часто в виде зольных холмов, что роднит их со скифскими городищами.

Компактная планировка сельских поселений на Боспоре, аналогичная планировке городов, была следствием особенностей исторического развития Боспора и его взаимоотношений с окружающими племенами. Подавляющее большинство сельских поселений первых веков н. э. было укреплено или располагалось в труднодоступных местах. По-видимому, постоянная военная опасность в этот период заставляла сельских жителей укреплять свои поселения. Сооружение каменных оборонительных стен вокруг всего поселка было под силу только большому числу людей. Поэтому укрепление поселков было неизбежно связано с их укрупнением, изменением их планировки, так как внутри огражденной стенами территории должно было уместиться все население поселка. Однако обнесение поселка каменными стенами и постройка тесно примыкавших один к другому домов вместо прежних разбросанных, удаленных друг от друга, еще не означали превращения поселка в город.

Вспомним, что Тацит, описывая германские племена на рубеже I и II вв. н. э., сообщает, что они строили деревни (*vici*) не так, как римляне, не в виде соединенных между собой и примыкающих друг к другу строений, но что каждый окружал свой дом свободным пространством, так что дома были удалены один от другого (*Tac. Germ.*, 16, 1). Античная деревня в римском понимании — это тесно расположенные, примыкающие друг к другу дома. Поэтому особенности планировки сельских поселений Боспора первых веков н. э. типа Семеновки не являются чем-то исключительным. Следовательно, поселения, изученные на территории европейской части Боспора у сел Семеновка, Золотое, в бухте к западу от Золотого Восточного и др., вполне могут служить примером того, что Тацит называл деревнями римского типа, а Страбон — «комами». Только это были укрепленные комы.

Укрепления в деревнях не были специфически боспорским явлением. Укрепленные деревни существовали в римское время в различных провинциях. Об укреплениях деревни, возведенных крестьянином Тимофеем,

сыном Меннея, на свой счет, говорит надпись из Сирии²⁸⁶. Известны укрепленные поселения в Африке.

М. И. Ростовцев отмечал, что в период Империи, несмотря на развитие больших и процветающих городов, Малая Азия оставалась страной крестьян и деревень. Даже в больших городах преобладал сельский образ жизни²⁸⁷. Императорские домены там обрабатывались главным образом силами сельских общин. Известно, что деревни в Малой Азии представляли собой скопления домов крестьян с местом для рынка, святилищем, помещениями для местных властей и представителей правительства. Можно предположить, что и боспорские поселения второго типа представляли собой также укрупненные села. Участки, которые обрабатывали жители этих сел, так же как и жители городов типа Илурата и более крупных, находились вне границ поселений.

Третья группа сельских поселений — неукрепленные отдельно стоящие усадьбы — наиболее типична для сельскохозяйственных территорий античных государств периода расцвета рабовладельческого общества. Такие виллы, сочетавшие в себе жилые и хозяйственные помещения, характерны для Италии периода Катона, Варрона и Колумеллы. В Северном Причерноморье они хорошо известны на территории хоры Херсонесского государства. Они не были однотипными, их размеры, планировка, архитектурное и декоративное оформление тесно связаны с имущественным положением их владельцев. Это хорошо подтверждают раскопки таких усадеб на территории европейской части Боспора. Так, богатая пригородная усадьба у Солдатской слободки по хозяйственному профилю, назначению хозяйственных помещений, планировке и внутреннему оформлению комнат резко отличается от усадеб Андревки Южной, Южно-Чурубашской и др., относящихся впрочем и к несколько более раннему времени.

Появление на Боспоре усадеб четвертого типа, имеющих мощные укрепления, связано с внешнеполитическими и социальными переменами в жизни государства. Все известные усадьбы этого типа также различаются размерами и планировкой. Особенности их архитектуры и строительных приемов, так же как и общий облик материальной жизни их обитателей, тесно связаны с их хозяйственным профилем и экономическим достатком их владельцев.

Что касается крепостей с примыкавшими к ним большими и малыми поселками, известных по раскопкам Н. И. Сокольского в азиатской части Боспора, то вопрос об их назначении остается пока неясным. Может быть, крепости являлись акрополями поселений, впрочем не исключено, что мы имеем здесь дело с укрепленными усадьбами, возникшими, как и в европейской части Боспора, в результате концентрации земельной собственности в руках немногих крупных землевладельцев в период укрепления новой боспорской династии в послемитридатовский период. Однако без проведения дополнительных раскопок на поселениях не может быть полностью отвергнута и гипотеза Н. И. Сокольского о чисто военном назначении крепостей.

²⁸⁶ SEG, VI, 674; *И. С. Свенцицкая*, 1961, стр. 51.

²⁸⁷ *М. Rostovtzeff*, 1926, стр. 239.

Вряд ли можно сомневаться в том, что одним из основных богатств Боспорского царства был хлеб. О вывозе хлеба с Понта говорят древние авторы (Геродот, Фукидид, Демосфен, Страбон) и свидетельствуют надписи. Геродот (*Herod.*, VII, 147) сообщает о кораблях, которые везли хлеб из Понта через Геллеспонт в Эгину и Пелопоннес непосредственно перед походом персидского царя Ксеркса против Греции. Фукидид (*Thucyd.*, III, 2, 2) упоминает о вывозе хлеба с Понта в Афины.

О громадных размерах хлебной торговли боспорских царей мы узнаем из речи Демосфена против Лептина. По словам Демосфена, при боспорском царе Левконе I, т. е. между 389/8 и 349/8 гг. до н. э., с Боспора ежегодно вывозили в Афины 400 тыс. медимнов хлеба (около 16 700 тонн) (*Demosth. Adv. Lept.*, 31). Страбон (*Strabo*, VII, 4, 6) называет еще более высокую цифру хлебного экспорта Левкона, говоря, что он послал однажды из Феодосии афинянам 2100 тыс. медимнов зерна. О вывозе Левконом I и его сыновьями пшеницы в Митилену свидетельствует надпись, найденная в митиленском акрополе¹. В одной из аттических надписей 286 г. до н. э. говорится об отправке боспорским царем Спартоком 15 тыс. медимнов хлеба в качестве подарка афинянам². Если такое количество зерна могло быть подарено, то можно предположить, что количество экспортируемого зерна было намного больше.

Позднее, в I в. до н. э., понтийский царь Митридат VI Евпатор использовал зерновые богатства Боспора и других захваченных им государств Северного Причерноморья. По словам Страбона (*Strabo*, VIII, 4, 6), Митридат VI обложил их данью, которая включала, кроме 200 талантов серебра, еще 180 тыс. медимнов хлеба.

Свидетельства письменных источников говорят о большом значении земледелия и прежде всего производства зерновых культур в экономике греческих государств Северного Причерноморья и особенно Боспорского царства. Все это подтверждается и археологическими материалами. Большие ямы-зернохранилища³, данные о распространении среди боспорского населения земледельческих культов, массовые находки изображений богини Деметры и ее дочери Коры-Персефоны⁴, изображения плуга и

¹ Б. Н. Граков, 1939, стр. 262.

² Там же, стр. 242.

³ И. Т. Кругликова, 1958б, стр. 250.

⁴ В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 12 сл.

хлебных колосьев на боспорских монетах различного номинала, находки сельскохозяйственных орудий, усовершенствованных каменных зернотерок⁵ — все это рисует нам облик государства, подавляющая масса населения которого связана с хлебопашеством.

Демосфен называет Левкона I «хозяином» боспорского хлеба. Но выращивали этот хлеб многочисленные земледельцы, обитавшие на плодородных равнинах, лежащих за Феодосией.

Небольшое количество сельскохозяйственных орудий труда, найденных в боспорских городах и на поселениях, не позволяет нам отчетливо проследить эволюцию производительных сил Боспорского царства за долгий период его существования. Грекам пахотные орудия были известны задолго до их появления в Северном Причерноморье. Легенды о происхождении скифов, переданные Геродотом, свидетельствуют о том, что и местные племена Северного Причерноморья были знакомы с пашенным земледелием и с пахотными орудиями. Судя по находкам пахотных орудий на территории Скифии, можно полагать, что орудия труда боспорских греков не очень отличались от орудий труда соседящих с ними племен. Изучение сельскохозяйственных орудий греков показывает, что техника обработки земли на Боспоре была такой же, как у населения других греческих городов Средиземноморья и Причерноморья, с которыми боспорцы поддерживали постоянные торговые связи.

Из сочинений греческих писателей мы знаем о роли рабского труда в сельском хозяйстве Греции в различные периоды ее истории. Так, в VIII—VII вв. до н. э. Гесиод, сын мелкого беотийского землевладельца, считает необходимым личный труд крестьянина на своем земельном наделе, раб только помогает хозяину (*Hesiod.*, 470). Мы видим, что в хозяйстве Гесиода рабский труд уже применялся, но главным был труд хозяина и его семьи. Однако в начале IV в. до н. э. Ксенофонт, хотя и называет земледелие почетным занятием, считает идеальным сельским хозяином того человека, который постоянно живет в городе и лишь навещает свое поле, отправляясь туда как на прогулку. Поле же его обрабатывают рабы под присмотром управляющего (*Xen. Oecon.*, XI, 15; XII, 3; XIII).

В комедиях Аристофана упоминаются земледельцы, поля которых обрабатывают бедняки, принужденные работать ради хлеба насущного, хотя среди земледельцев имеются и бедные крестьяне, обрабатывающие сами свои участки (*Aristoph. Plut.*, 525), и рабы, постоянно живущие и работающие в усадьбе хозяина. Но в IV в. до н. э. Аристотель считает, что землю должны обрабатывать не ее хозяева, а рабы или закабаленные варвары (*Arist. Polit.*, 1330a, 25—31)⁶. В эпоху эллинизма хозяева земельных участков могли годами не появляться в своей усадьбе, передоверив все ведение хозяйства управляющему. В начале II в. до н. э. древнеримский писатель Тит Макций Плавт в пьесе «Привидение» описывает земледельца, в имении которого всеми сельскими работами занимается живущий в деревне раб.

⁵ И. Т. Кругликова, 1967б, стр. 131—135 и 152.

⁶ А. К. Бергер, 1966, стр. 107.

Дальнейшее развитие аграрных отношений в античных государствах Средиземноморья шло по пути крупных рабовладельческих хозяйств, хотя мелкие свободные земледельцы сохранялись в течение всего античного периода. Вместе с тем в последние века существования Римской империи там появляется новый институт зависимых земледельцев из посаженных на землю рабов — колонов.

Но производственные отношения и исторические процессы, свойственные античным государствам Средиземноморья, не могут быть механически перенесены на Боспорское царство. Это отдаленное греко-варварское государство уже в силу своего местонахождения среди племен Северного Причерноморья, вдали от Греции, имело особенности, отличающие его от других средиземноморских греческих государств. Эти особенности в различные исторические периоды изменялись, причем перемены были тесно связаны с появлением новых этнических групп населения и их положением, с изменением экономической базы, т. е. в конечном счете — с изменением производительных сил Боспорского царства.

При изучении аграрных отношений в античных государствах решающее значение имеет вопрос о том, кто владел землей. С. А. Жебелев, изучая данные письменных источников об экономическом развитии Боспорского царства, пришел к выводу, что греческое население Боспора было занято главным образом коммерческой и отчасти промышленной деятельностью и жило преимущественно в городах. Греческие города (*πόλεις*), городки (*πολίχυται*) и поселения (*χώμαι*) находились почти исключительно в береговой полосе Керченского и Таманского полуостровов. А за береговой полосой «шли обширные пространства пахотной земли, населенные туземцами»⁷. С. А. Жебелев предполагал, что греки владели земельными участками в городах или по соседству с ними, так как с понятием греческого гражданства неразрывно было связано обладание не только политическими, но и имущественными правами. Однако обширные земли вне береговой полосы, по его мнению, принадлежали главным образом туземной знати — скифской на Керченском полуострове и меото-синдской — на Таманском. Он считал, что «для образования мелкой земельной собственности свободного крестьянства в Боспоре не было необходимых предпосылок», здесь преобладала крупная земельная собственность и рабовладельческие хозяйства⁸.

Для таких выводов С. А. Жебелев располагал некоторыми данными письменных источников и материалами раскопок больших боспорских курганов, которые, как он считал, принадлежали крупным землевладельцам. В письменных источниках сохранились названия разных категорий земледельцев. Так, в речи Демосфена против Лакрита упоминаются *οἱ ἐργάται* — вероятно, вольнонаемные рабочие, а в надписи 151 г. н. э. названы *κῆλῆται* — по-видимому, земледельцы, прикрепленные к земельному участку, подаренному неким Летодором храму Афродиты Апагуры⁹. С. А. Жебелев считал их храмовыми рабами (*ἱεροδοῦλοι*). Не сомневаясь

⁷ С. А. Жебелев, 1953а, стр. 122, 124.

⁸ Там же, стр. 124, 153.

⁹ IOSPE, II, № 353 = КБН, 976.

в том, что пелаты — крепостные, он придавал этому слову особый смысл и сам возражал против высказанного в литературе предположения о существовании на Боспоре крепостнических отношений.

Со времени первого опубликования С. А. Жебелевым работы «Основные линии экономического развития Боспорского государства» прошло 35 лет. За эти годы советские археологи открыли много новых памятников, которые позволяют детальнее рассмотреть вопрос об аграрных отношениях на Боспоре и внести коррективы в выводы ныне покойного исследователя.

В книге В. Д. Блаватского «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья», опубликованной почти через 20 лет после выхода в свет работы С. А. Жебелева, было отмечено, что мнение С. А. Жебелева «грешит большой суммарностью и отсутствием учета процесса исторического развития, поэтому оно не может быть безоговорочно принято»¹⁰. В. Д. Блаватский признает наличие крупного землевладения в IV—III вв. до н. э. О том, что боспорский царь был верховным собственником земли на всей огромной, присоединенной при Спартокидах территории и мог распоряжаться ею по своему усмотрению, можно заключить из рассказа Полиена (*Polyaen. Strateg.*, VI, 9, 3), согласно которому Левкон во время войны с гераклеотами вручил власть над селами родственникам триерархов, сделав их эпимелетами, т. е. управителями сел. Из «Трапезитской речи», составленной Исократом (*Isocr.*, XVII, 3) в 394 г. до н. э., нам известно имя Сопея — крупного землевладельца, управлявшего большой областью. В. Д. Блаватский подчеркивает, что мелкое землевладение, игравшее большую роль в хозяйстве Боспора в ранний период истории его городов, продолжало существовать и в IV—III вв. до н. э.¹¹ Доказательством этому служит сообщение Диодора (*Diod. Sync.*, XX, 25) о предоставлении боспорским царем Евмелом (309—304 гг. до н. э.) земельных участков 1 тыс. каллатийцев в местности Псоа. Таким образом, по мнению В. Д. Блаватского, на Боспоре были крупные рабовладельческие хозяйства, мелкие хозяйства свободных земледельцев, а на обширных территориях, занятых местными племенами, жили зависимые земледельцы¹².

В. Ф. Гайдукевич, признавая ведущее значение мелкого землевладения в ранний период истории боспорских городов, считает, что с ростом территории Боспора увеличиваются личные земельные владения боспорских царей и их приближенных. Основными производителями на этих землях были зависимые земледельцы, жившие в селах и принужденные отдавать продукты своего труда в компенсацию за право обрабатывать землю, вести на ней свое хозяйство. В. Ф. Гайдукевич сравнивает их с пенестами Фессалии, илотами Спарты. Он считает, что они не были рабами, выплачивали дань натурой, имели свои средства производства и право получать часть урожая. Вместе с тем В. Ф. Гайдукевич признает и существование на Боспоре рабовладельческих хозяйств типа сельско-

¹⁰ В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 45.

¹¹ Там же, стр. 46—47.

¹² Там же, стр. 178.

хозяйственной усадьбы III—I вв. до н. э., раскопанной им у Солдатской слободки вблизи Мирмекия, и, кроме того, хозяйств, где применялся труд наемных рабочих¹³. Но, по его мнению, такая форма эксплуатации не являлась типичной для Боспора и вряд ли имела распространение.

За более чем десятилетний период, прошедший со времени опубликования последнего из упомянутых выше исследований, были получены новые археологические материалы, особенно относительно европейской части Боспорского царства, позволяющие, если не решить полностью, то хотя бы заново поставить проблему аграрных отношений в Боспорском царстве. Новые материалы, которыми не располагали прежде исследователи, позволяют нам применить исторический подход при изучении этой проблемы.

Нам известен ряд сельских поселений, возникших в ранний период истории боспорских городов, возможно еще до их объединения под властью Археанактидов, т. е. в конце VI или в начале V в. до н. э. К этому времени относятся ранние слои поселений у с. Героевка, Холма А (гора Опук), Южно-Чурубашского и др. По-видимому, они принадлежали потомкам первых греческих поселенцев, переселившихся в Северное Причерноморье и занимавшихся земледелием. Эти поселения, вероятно, находились на территории хоры городов, и владельцы жилищ и земельных участков являлись гражданами этих городов. Скромные погребения, характерные для некрополей боспорских городов того времени и свидетельствующие о небольшом достатке первых переселенцев, находят аналогию в погребениях, обнаруженных вблизи поселения Южно-Чурубашское. Одинаковый план удлинённых домов и однотипные находки на поселениях Холм А вблизи Киммерика и Южно-Чурубашское позволяют говорить об одинаковом социальном положении их обитателей. В отличие от поселения Холм А, запустевшем в начале IV в. до н. э., возможно в период военных действий Сатира и Левкона против Феодосии, оба других поселения (Героевка и Южно-Чурубашское) продолжали существовать в течение IV—III вв. до н. э.

В V и IV вв. до н. э. на территории Боспора возникает масса новых поселений. Среди них поселения у сел Сазоновка, Огоньки, Марьевка, Марфовка, Мысовое, Октябрьское, Андреевка, Фронтное и многие другие. Эти новые поселения располагаются как вблизи городов, так и вдали от них. По-видимому, при Сатире и Левконе I на вновь завоеванной территории идет интенсивный процесс основания новых поселений за счет оседания на землю кочевых скифских племен. Это подтверждается появлением в V и особенно в IV в. до н. э. во внутренней части Керченского полуострова рядовых скифских курганов¹⁴. Одновременно идет процесс расширения земельных владений городов. Растет количество индивидуальных усадеб типа усадеб у сел Октябрьское и Андреевка. Это были небольшие усадьбы с домами, построенными с применением греческих строительных приемов — подтеской скалы, каменными стенами и оградами, покрытием крыши черепицей и т. д. Возможно, что в районе

¹³ В. Ф. Гайдукевич, 1955, стр. 113—114.

¹⁴ Э. В. Яковенко, 1967, стр. 35 сл.; Е. В. Черненко, Э. В. Яковенко, 1968, стр. 7 сл.

с. Октябрьское лежали земли хоры Пантикапея и первоначально там были клеры пантикапейских граждан.

В течение IV и первой половины III в. до н. э. число сельских поселений увеличивается. Это был период расцвета хлебной торговли Боспора. Требовалось огромное количество зерна. На землях, захваченных боспорскими царями, работали меоты и осевшие на землю скифы, а в небогатых усадьбах граждан боспорских городов, как и в греческих государствах Средиземноморья, наряду с небогатыми владельцами участков трудились рабы. Изменение характера сельских поселений позволяет проследить процесс концентрации земельных владений, наиболее ощутимо проявившейся на Боспоре в конце IV и в III в. до н. э. Особенно заметен он по истории поселения у с. Андреевка. С конца VI или начала V в. до н. э. там находилось небольшое поселение с несколькими изолированными домами. Во второй половине или в конце IV в. до н. э. на их месте была сооружена большая сельскохозяйственная усадьба с помещениями для скота, жильем рабов и хозяйственным двором. Она прекращает существование в конце III в. до н. э. Тогда же гибнет усадьба около с. Октябрьское и многие другие сельские поселения. Но одновременно появляются новые, более крупные усадьбы типа открытой у Солдатской слободки.

Остатки таких усадеб встречаются обычно на холмах, часто вблизи оставленных неукрепленных поселений IV—III вв. до н. э., располагавшихся на равнине или у подошвы холмов. Эти новые, более крупные и богатые усадьбы продолжают иногда процветать и в первые века н. э., а иногда жизнь в них прекращается в I в. до н. э. или I в. н. э.

В это же время возникает ряд новых усадеб как в европейской, так и в азиатской частях Боспора. К ним относится усадьба у хут. Рассвет недалеко от Горгиппии, укрепленная усадьба у с. Ново-Отрадное в европейской части Боспора. Первая гибнет в пожаре уже в середине I в. н. э. и больше не восстанавливается. Усадьба же у Ново-Отрадного, хотя и была разрушена в I в. н. э., затем перестраивается и продолжает существовать почти до конца III в. н. э.¹⁵ К первым векам н. э. относится и укрепленная усадьба на Темир-горе¹⁶.

Наряду с укрепленными усадьбами, принадлежащими крупным землевладельцам, в первые века н. э. существуют поселения, совершенно отличные от неукрепленных сельских поселений IV—III вв. до н. э. В азиатской части Боспора для них характерно наличие укрепленной цитадели; в европейской части поселения обычно располагаются на холмах, на мысах или в других местах, где легко возвести укрепления. Внутри укреплений жилища теснятся одно к другому, образуя блоки и кварталы, разделенные улицами. Планировка жилищ и их утварь заставляют видеть в обитателях такого поселка свободных земледельцев¹⁷. Можно предполагать, что на поселениях у с. Семеновка, или на берегу Азовского моря (Золотое Восточное), или у с. Фронтное (где был раскопан только

¹⁵ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 237; Т. М. Арсеньева, 1962, стр. 66 сл.

¹⁶ В. Ф. Гайдукевич, 1941, стр. 45—59.

¹⁷ Подробнее см.: И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 105.

некрополь) жило сильно сарматизированное население, которое пользовалось землей на условиях выполнения некоторых повинностей, в частности несения военной службы и уплаты податей. Возможно, это были сарматские роды или общины, осевшие на землю так же, как варварские племена, селившиеся на правах колонов на пограничных землях римских провинций.

Мы можем, таким образом, констатировать, что за значительный период, прошедший со времени основания греческих городов до конца античного времени, в истории Боспорского царства аграрные отношения не оставались неизменными. Изменения были весьма ощутимы: от мелких земледельцев, получивших наделы — клеры в период основания городов, до крупных рабовладельческих хозяйств с богатыми усадьбами, в которых хозяин лично мог и не жить; от хоры городов с участками граждан и с общинными землями до хоры государства, где большие территории, завоеванные боспорскими архонтами в конце V — первой половине IV в. до н. э., частично, вероятно, стали собственностью самого правителя, частично были розданы его приближенным и храмам или проданы.

Процесс социального расслоения среди землевладельцев сопровождался концентрацией земли в руках наиболее богатых лиц. Вероятно, в этом большую роль играло обезземеливание свободных крестьян, массу которых составляли осевшие на землю представители варварских племен. Наиболее интенсивно этот процесс происходил в III—II вв. до н. э. С ним, вероятно, надо связывать причины, вызвавшие восстание Савмака в конце II в. до н. э. Хотя боспорской знати с помощью Митридата Понтийского удалось его подавить, для восстановления экономики страны ей пришлось прибегнуть к новым формам эксплуатации. Сарматским и скифским племенам или родам выделялась земля для обработки, за использование которой новые жители Боспора должны были нести военные повинности по охране боспорских границ и отдавать царю или другим владельцам земли часть полученного урожая. Старое туземное крестьянство, жившее в IV—III вв. до н. э. в неукрепленных деревнях, согнано с земли, либо перевели в новые поселки, либо превратили в рабов. Новое крестьянство из проникших на Боспор свободных сарматских или родственных сарматам племен смешалось с остатками старого и образовало новый класс зависимых землевладельцев.

Техника сельскохозяйственного производства и основные отрасли сельского хозяйства

Удобрения и сельскохозяйственные орудия

Греки-земледельцы, переселившиеся в Северное Причерноморье, привезли с собой привычные им орудия труда и усвоенные от отцов методы обработки почвы, например систему двуполья. О последнем свидетельствуют земельные участки жителей Херсонеса, на которых отведенная под пашню земля была разделена на две равные части¹. Уже в ранний период существования греческих городов жившие в них земледельцы обрабатывали постоянно одни и те же участки и были принуждены предохранять их от полного истощения введением удобрений, разумной сменой культур и периодическим оставлением полей под паром.

Греки издавна использовали прием оставления земли под паром. Об этом сообщает Гомер (Ил., X, 353; XIII, 703; XVIII, 541). О применении зеленых паров в Греции в V—IV вв. до н. э. говорит Ксенофонт (*Хен. Оэсопш.*, XVI, 12; XVII, 10). Он советует многократно переворачивать почву летом. Греческие земледельцы хорошо знали цену зеленого удобрения, которым являлись перевернутые плугом весенние сорняки. Теофраст говорит, что в качестве зеленого удобрения особенно хороши стебли бобовых растений. Он же сообщает о яровых и озимых посевах в припонтийских странах в III в. до н. э. Он замечает, что понтийская яровая пшеница отличается твердостью, а озимая — мягкостью и легковесностью, и что «тамошние жители производят, по-видимому, посев всех хлебов в два срока: зимой и весной, когда сеются и бобовые» (*Theophr.*, VIII, 4, 6). О практике яровых посевов на Боспоре в III в. н. э. свидетельствует состав сорняков, сопровождавших зерна хлебных злаков, найденные при раскопках боспорского города Киммерика. Встреченные там семена вьюнка, чертополоха и бодяка сопутствуют обычно яровым посевам на старопаханных почвах.

У себя на родине греки, кроме паров, широко применяли систему чередования хлебных злаков с бобовыми растениями, а наличие бобовых среди обуглившихся зерен из различных поселений Причерноморья позволяет предполагать, что и здесь греки практиковали этот же способ восстановления плодородия почвы.

¹ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 65.

Заботой каждого земледельца является получение как можно большего урожая со своего участка. Урожай же находится в прямой зависимости и от природного плодородия почвы, и от качества ее обработки и удобрения. Какой урожай мог собрать боспорский земледelec со своего участка?

Страбон (*Strabo*, VII, 4, 6) сообщает о плодородии крымской почвы, о том, что крымская земля, будучи вспахана любым плугом, *τριάκοντα ῥοβὴ ἀποδίδωσι*, что обычно переводили как «дает урожай сам-тридцать»². Но давно уже исследователи заподозрили здесь ошибку переписчика, который, добавив одну букву и изменив тем значение слова, придал другой смысл всему предложению³. Вероятно, речь идет не о том, что будет собрано в 30 раз больше, чем было посеяно, а о том, что с одного плеффа (около 950 кв. м) собирают 30 хоев (мер) зерна; один хой равен 3,53 л. Таким образом, согласно расчету Р. Билларда с 1 га земли собирали около 1000 л зерна⁴. По сообщению Плиния (*Plinii* NH, XVIII, 198—199), для засеивания 1 югера (около 0,25 га) земли требуется 5 модиев пшеницы и 6 модиев ячменя (если почва рыхлая, сухая и плодородная, то достаточно посеять 4 модия пшеницы). Емкость модия 8,733 л. Значит для того чтобы засеять 1 га, надо было потратить около 140—176 л пшеницы и около 208 л ячменя⁵.

Следуя этим расчетам, В. Д. Блаватский приходит к выводу, что средним урожаем на крымской земле для пшеницы считался урожай не сам-тридцать, а только сам-шесть или сам-семь. Это совсем немного, если поверить данным Плиния, который считает пшеницу самым плодородным из растений. Плиний приводит легендарные с нашей точки зрения данные о баснословной урожайности пшеницы. Он рассказывает, например, что в Африке есть места, где можно собрать в 150 раз больше пшеницы, чем ее было посеяно, и что император Августу прислали из Африки куст в 400 стеблей, выросший из одного зерна пшеницы, а император Нерон получил куст в 360 колосев. Колосья же, как пишет Плиний, иногда содержат до 100 зерен. По его утверждению, урожай сам-сто дают равнины Сицилии, Беотика и Египет, а область в Северной Африке — около сам-сто пятьдесят (*Plinii* NH, XVII, 41; XVIII, 94). Варрон сообщает, что в Южной Италии под городом Сибарисом получают урожай сам-сто, а в других местах — только сам-десять (*Varro*, I, 44). Колумелла не припоминает, чтобы в Италии получали урожай больше, чем сам-четыре (*Colum. De re rust.*, III, 3, 4). В свете этих данных урожайность в Северном Причерноморье выглядит не слишком большой и не слишком малой.

Античные земледельцы всегда стремились повысить плодородие почвы. Для этого они применяли различные виды удобрений, а иногда проводили специальные оросительные каналы. Ирригацию и мелиорацию греки применяли на своих землях издавна. Об осушительных канавах говорит Ксенофонт (*Xen. Oeconom.*, XX, 12). На территории европейского Боспора

² См., например: ВДИ, 1947, № 4, стр. 205.

³ P. Guiraud, 1893, стр. 554; В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 158.

⁴ R. Billard, 1928, стр. 93.

⁵ В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 158—159.

канал открыт на поселении IV—III вв. до н. э. у с. Айвазовское, вероятно находившемся в хоре Феодосии. Ширина канала была около 1 м, а глубина доходила до 0,5 м. В случае необходимости боспорские земледельцы умели создавать искусственный почвенный слой, а для удержания почвы на склонах холмов сооружали террасы. Такие террасы с каменными подпорными стенами открыты на северном склоне холма, примыкавшего к бухте против поселения у с. Семеновка.

О применении жителями сельских поселений Боспора минеральных удобрений у нас нет никаких данных. Зола в качестве удобрения, по-видимому, не использовали. В античных городах Северного Причерноморья ее свозили на свалку вместе с мусором и битой посудой. На сельских поселениях были специальные зольники, куда ссыпали очажную золу, следуя, по-видимому, каким-то древним, возможно скифским, культовым традициям. Иногда такие зольники имели вид холмов высотой до 10—13 м⁶. В качестве удобрения безусловно употребляли навоз. На побережье Азовского моря на поселениях у с. Семеновка были обнаружены дома со стойлами для скота⁷. Это соответствует свидетельству Вергилия о том, что в местностях, где живут скифские племена, и у вод Меотиды скот держат взаперти на скотных дворах (*Verg. Georg.*, III, 349—352). В помещениях для скота на этом поселении имелись углубления, куда собирали навоз и отводили нечистоты. По мере накопления этот навоз вывозили в специальные ямы или ссыпали в кучи. Стойловое содержание скота позволяло скапливать значительное количество навоза. Поскольку значение навоза для поднятия урожайности земли было хорошо известно грекам (*Хел. Оесоп.*, XVII, 10), вряд ли можно думать, что, переселившись в Северное Причерноморье, они отказались от уваживания своих земельных участков и стали выбрасывать накопленный в стойлах навоз. К тому же в зольниках городов и поселений следы навоза не обнаруживаются⁸.

Земледельцы хорошо знали, что, кроме удобрения и орошения, всякая земля нуждалась в хорошей обработке. Для этого требовались сельскохозяйственные орудия. До недавнего времени наши сведения о сельскохозяйственных орудиях Боспора были очень ограниченными. В единственной обобщающей работе В. Д. Блаватского о земледелии в античных городах Северного Причерноморья сельскохозяйственным орудиям посвящено лишь несколько страниц. В его распоряжении, кроме серпов из Нимфея, Киммерика и с Семибратнего городища, виноградных ножей из Пантикапея и Мирмекия и маленького «тяпкообразного» орудия с Семибратнего городища⁹, и не было других орудий, происходящих с Боспора. Сельскохозяйственный инвентарь из раскопок поселений на Боспоре за последние годы позволяет значительно расширить этот список.

Изображение рала, применявшегося жителями Боспора в III—II вв. до н. э., сохранилось на боспорских монетах (рис. 74). На них представлен

⁶ А. А. Дирин, 1896, стр. 120 сл.

⁷ И. Т. Кругликова, 1970б, стр. 30.

⁸ В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 72.

⁹ Там же, стр. 105—115

тот же тип рала с полозом, что и в глиняной статуэтке из Танагры, в росписях греческих ваз и даже на римских монетах. Судя по находкам железных наконечников рала VI в. до н. э. в греческих городах Сицилии, а также по статуэтке из Ареццо, изображающей пахоту, в античном мире железные наральники, надевавшиеся на заостренную часть рала, применялись еще в VI в. до н. э. Можно предполагать, что в это время или немного позднее они были известны и в Северном Причерноморье. Однако

Рис. 74. Изображение рала на боспорской монете (конец III — первая половина II в. до н. э.)

до настоящего времени здесь еще не удалось найти наральников, относящихся к периоду до II в. до н. э. Наиболее ранние наральники найдены вместе с другими сельскохозяйственными орудиями и хлебными зёрнами в могильнике конца II в. до н. э. вблизи Херсонеса¹⁰. Позднее, в I в. до н. э., на Боспоре получили распространение железные наральники, выкованные из плоских брусков, аналогичные находимым в дунайских провинциях Римской империи. Их режущая часть имела форму треугольной лопаточки, обращенной острым углом вниз, а противоположный конец в виде стержня заканчивался заостренным крюком, который вбивался в полоз рала.

Самые ранние из лемехов, найденных до настоящего времени на Боспоре, происходят из раскопок сельской усадьбы I в. до н. э.— I в. н. э. у хут. Рассвет¹¹. Они обнаружены в 1966 г. в яме-тайнике во дворе усадьбы. Один из них (рис. 75) имеет длину 36 см (длина режущей части 10,5 см) и ширину 7 см. Расширяющаяся часть его слегка согнута в виде ложки. На конце длинного стержня был острый крючок для крепления лемеха к деревянному полозу плуга или рала. Другой лемех (рис. 76) был значительно меньше: длина его 24 см, ширина 5 см. Лемех (наконечник рала) такого же типа (рис. 72) найден в 1960 г. на поселении IV в. н. э. у хут. Батарейка I¹². Остатки трех железных наральников, или лемехов плугов, найдены в 1957 г. на поселении III в. н. э. у с. Семеновка¹³.

¹⁰ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 85.

¹¹ Ю. С. Крушкол, 1968, стр. 217, рис. 2; Она же, 1971, стр. 137, рис. 21 и 22.

¹² Н. И. Соколовский, 1963а, стр. 188, рис. 7, 1.

¹³ И. Т. Кругликова, 1959б, стр. 137; Она же, 1966а, стр. 111, рис. 22.

Из найденных у с. Семеновка лемехов полностью удалось восстановить размеры только одного (из помещения 4)¹⁴. Длина его 28,5 см, длина нижней режущей части 8,8 см и 8 см, ширина ее 9 см (рис. 77). Нижний заостренный режущий конец уплощен в виде лопаточки и слегка выгнут. Верхний конец так же, как и у лемеха, найденного в усадьбе у хут. Рассвет, оканчивается загибающимся в виде крючка небольшим шипом для прикрепления лемеха к деревянному основанию орудия.

Применение рала для обработки почвы на Боспоре засвидетельствовано изображениями на пантикапейских бронзовых монетах конца III или начала II в. до н. э. На них представлено типичное греческое рало с подошвой в виде деревянного бруса, на передний конец которого надевался железный сошник или лемех¹⁵. Судить по этим изображениям о форме лемеха трудно. Возможно, здесь изображен плуг того же типа, что и на статуэтке из Чивите Кастильяна (Этрурия), также относящейся к III или II в. до н. э.¹⁶ Плиний называет плуг такого типа «обычным плугом, состоящим из лесины с загнутым наподобие клюва концом» (*Plinii NH, XVIII, 174*).

Лемехи, заостренные в форме клюва, были известны в Египте греческого времени¹⁷ и в Европе эпохи латена¹⁸. Они надевались на передний конец подошвы плуга. О них, вероятно, писал Катон (*Cato, 135, 2*) во II в. до н. э., рекомендуя съемный лемех как наилучший. Лемех такой формы мог применяться и как наконечник сохи, и как наконечник плуга. Известно, что соха и плуг появились почти одновременно и долго сосуществовали. Примитивный плуг, хотя и имеет перед сохой преимущество в том, что он переворачивает пласты земли, тогда как соха лишь разбивает землю на куски, неудобен для вспахивания каменистых жестких земель, имеющих корни и пни¹⁹.

К I в. н. э. с развитием земледельческой техники совершенствуется и форма плуга. Плиний (*Plinii NH, XVIII, 172—173*) пишет о различных видах плугов в то время. Он сообщает также, что в его время в Реции появился усовершенствованный плуг с колесами, называемый «*plautogatum*». Лемех этого плуга имел форму лопаты и переворачивал дерн. Такой плуг применяли для поднятия нови (*Plinii NH, XVIII, 172—173*). Его изображение выгравировано на греко-римском амулете из яшмы²⁰.

Похожий лемех в виде равнобедренного треугольника с двумя заостренными сторонами и острым концом изображен и у плуга на барельефе базы статуи Цереры с полуострова Магвезии²¹. Этот плуг, по Плинию,

¹⁴ Хранится в ГИМ. Из-за того, что железо сильно испорчено коррозией и растрескалось, толщину лемеха установить не удастся. Распадающиеся куски пришлось скрепить воском, заполнившим щели, поэтому толщина лемеха стала значительно больше, чем была первоначально.

¹⁵ В. Ф. Гайдукевич, 1949а, стр. 9, рис. 8; В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 106.

¹⁶ М. Е. Сергеев, 1941, стр. 233, рис. 2.

¹⁷ F. Petrie, 1917, стр. 55, табл. XVII, 37.

¹⁸ J. Déchelette, 1927, стр. 885, рис. 610, I, 4, 7.

¹⁹ А. В. Арциховский, 1926, стр. 129.

²⁰ М. С. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, I. Paris, 1873, стр. 356, рис. 438.

²¹ Там же, стр. 435.

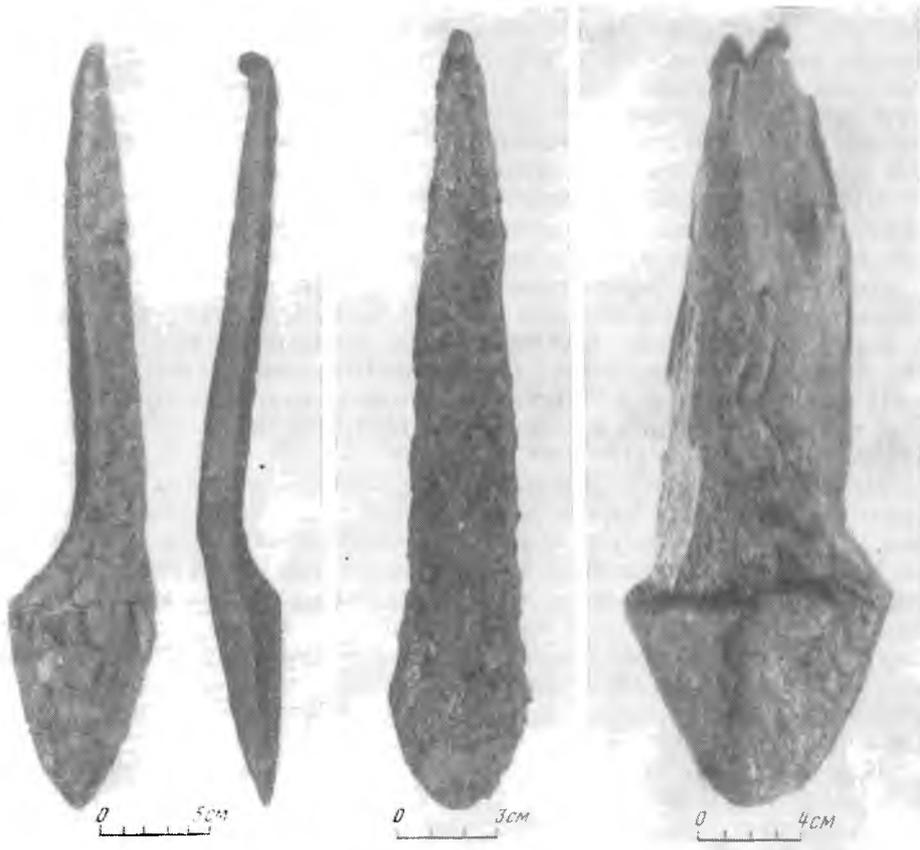

Рис. 75. Железный наральник из усадьбы у хут. Рассвет

Рис. 76. Железный наральник из усадьбы у хут. Рассвет

Рис. 77. Железный наральник из поселения у с. Семеновка

принадлежит к четвертому типу. Плиний (*Plinii NH, VIII, 72*) сообщает, что у него лемех более широкий и острый, заканчивающийся острием, как у меча. Он одновременно и прорезает землю, и подрезает корни трав. Лемехи, найденные на Боспоре у хут. Рассвет, у с. Семеновка и на хут. Батарейка, по-видимому, надо отнести к этому типу. Впрочем их небольшие размеры заставляют считать их особым вариантом типа, описанного Плинием.

Близкий им по форме маленький лемех²² найден в Румынии при раскопках поселения Тиносул, прекратившего свое существование в середи-

²² Длина его 19 см, наибольшая ширина 4,8 см. См.: *R. Vulpe, E. Vulpe, 1924, стр. 218—219, рис. 4, 48.*

не I в. н. э. Лемехи подобного типа находят в Румынии в большом количестве. В дакийской крепости Грэдештя-Мунчелулуй (которую отождествляют с доримской Сармизегетусой — столицей Децебала), где были обнаружены бесспорные следы металлургического производства, найдено много таких же лемехов длиной от 20 до 28 см. Аналогичные лемехи происходят из дакийской деревни II—III вв. н. э. в Лехинца-де-Мурици; такие же встречены между Печеноарой и Дульчешть. Несколько наконечников рал или плугов близкого типа происходят из Пояны (длиной около 29 см) и из Мангалии. Три железных массивных лемеха, датируемых периодом не позднее I в. н. э., найденных в районе Мангалии, имели, впрочем, большие размеры; длина их колеблется от 40 до 47 см. У них, как и у найденных на Боспоре, на конце стержня был загибающийся крючок²³. Аналогичные им римские лемехи были найдены в Сухополье (Югославия)²⁴, при раскопках виллы II в. н. э. в древнем Абритусе (около г. Разград, Болгария) и в Паннонии (Венгрия) в виллах I—III вв. н. э.²⁵

Близки боспорским по форме наконечник римского плуга²⁶, найденный в 1950 г. при раскопках гетского поселения Пояна, существовавшего до III в. н. э. на р. Сирет (Румыния), а также лемех плуга из загородной виллы второй половины II — первой половины III в. н. э., открытой вблизи древней Сармизегетусы²⁷. Однако в верхней части, прикрепляемой к подошве плуга, этот наконечник, в отличие от семеновского, не имеет стержня. У него, как и у большинства сошников, встреченных в Северном Причерноморье²⁸ и вообще в Европе²⁹, есть боковые выступы, охватывающие деревянное основание подошвы плуга.

Лемех типа семеновского мог прикрепляться к ралам или плугам различной конструкции, как с колесами, так и без них³⁰. Подобные лемехи были удобны для обработки твердых, каменистых почв и целинных земель. Эти наконечники выкованы из плоского железного бруска толщиной 1—2 см; лопаткообразный расширяющийся конец лемеха иногда удлинен и заострен к концу, иногда более короткий; у всех в месте перехода стержня в лопаточку имеется выгиб, и верхний конец стержня загибается в виде пипа. Большое количество находок наконечников такого типа в районе, связанном с гето-даками, и на поселениях даков, где жизнь прекратилась со времени римского завоевания Дакии, свидетельствует об их гето-дакийском происхождении.

Еще в IV в. до н. э. Теофраст, повествуя о способах обработки почвы для посева, писал, что глубина вспашки зависит от местных условий.

²³ V. Canarache, 1950, стр. 101, рис. 16. Вместе с тремя наконечниками плугов здесь были найдены косы, серпы, мотыга, заступ.

²⁴ Л. Нидерле, 1956, стр. 312, рис. 66, 19.

²⁵ E. B. Thomas, 1964, стр. 323, табл. ССХIV.

²⁶ Его длина 32 см, наибольшая ширина 6,8 см.

²⁷ O. Flosa, 1953, стр. 751, рис. 9.

²⁸ И. И. Ляпушкин, 1950, стр. 33, рис. 20.

²⁹ J. Déchelette, 1927, стр. 885, рис. 610; F. Petrie, 1917, стр. 55, табл. XVII, 34 и др.; V. Canarache, 1950, стр. 97—100, рис. 13—15; Л. Нидерле, 1966, стр. 312, рис. 66; E. B. Tomas, 1964, табл. ССХII.

³⁰ Рисунки плугов см.: V. Canarache, 1950, стр. 94—95, рис. 9, 10, 12.

«В некоторых местах, например в Сирии, нехорошо пахать глубоко, почему там и пользуются маленькими плужками» (*Theophr.*, VIII, 6, 3). Варрон (*Varro*, I, 20, 4) для обработки легкой кампанской почвы советовал применять маленькие плуги (или рала), с которыми работали на коровах и даже на осликах³¹. Маленькими ралами предлагал пахать землю и Цельз, чтобы можно было впрягать волов мелкой породы (*Col.*, II, 2, 24). По-видимому, для некоторых почв Северного и Западного Причерноморья глубокая вспашка также не была обязательной. Вероятно, поэтому жители боспорского поселения употребляли лемехи небольших размеров. Также и в Подунавье наряду с более крупными лемехами (типа найденных в Мангалии) имелись маленькие лемехи — типа орудия из Тиносула, имеющего длину всего 19 см и наибольшую ширину 4,8 см.

В настоящее время не представляется возможным установить, знали ли на Боспоре плуг или пользовались ралом. Плуг — это рало с ножом и отвалом. Судя по найденным лемехам, рало бесспорно применяли на Боспоре. Можно утверждать, что такой лемех прикреплялся к ралу с полозом, так как удлиненная часть лемеха с крючком на конце явно предназначалась для прицепления к деревянной основе, которая постепенно утолщалась, а расширяющийся рабочий конец в виде лопаточки слегка опускался вниз и находился в другой плоскости. Эта лопаточка, врезающаяся в верхний слой земли, подрезала корни трав. Имело ли это рало приспособление для переворачивания пласта земли, пока сказать нельзя.

При раскопках усадьбы у хут. Рассвет был обнаружен железный резец³², прикреплявшийся перед лемехом для разрезания дерновых пластов. Массивные железные ножи, прикреплявшиеся к плугу перед лемехом для прорезания пластов земли, находили неоднократно в античных виллах Паннонии³³.

При раскопках на Боспоре, в частности в Семеновке, было найдено очень много ячменя, хранившегося в ямах, корзинах, глиняных сосудах, каменных закромах. Вероятно, для его посева и обрабатывали поле с помощью найденных там лемехов. Плиний (*Plinii NH*, XVIII, 72) сообщает, что греки любили ячменную кашу, и описывает способы приготовления и хранения ячменной крупы. Он пишет, что, вышелушив молодой ячмень из еще зеленых колосьев, его очищают, влажным толкут в ступе, промывают в корзинах, просушив на солнце, снова толкут и очищенный перемалывают. В Италии ячмень поджаривают и перемалывают с прибавлением льняного семени, кориандра, соли и проса (*Plinii NH*, XVIII, 73—74). Интересно, что в Семеновке вместе с ячменем также было найдено просо и что большое количество ячменя находилось в корзинах: обуглившиеся прутья, из которых они были сплетены, встречены вперемежку с зернами ячменя. Наличие во всех помещениях каменных ступ и зернотерок позволяет предположить, что жители Боспорского царства готовили ячменную крупу и муку теми же приемами, какие описывает Плиний.

³¹ М. Е. Сергеевко, 1958, стр. 52.

³² Ю. С. Крушкова, 1971, стр. 137.

³³ Е. В. Томас, 1964, табл. CIV

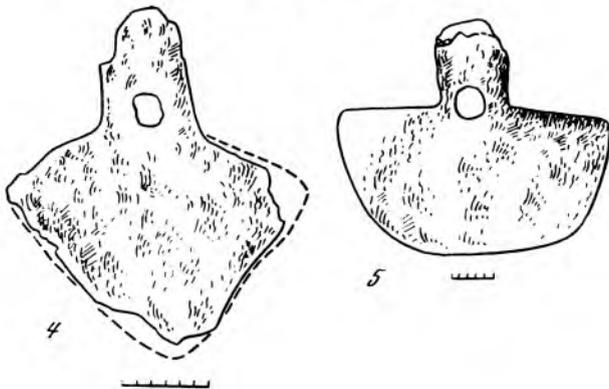
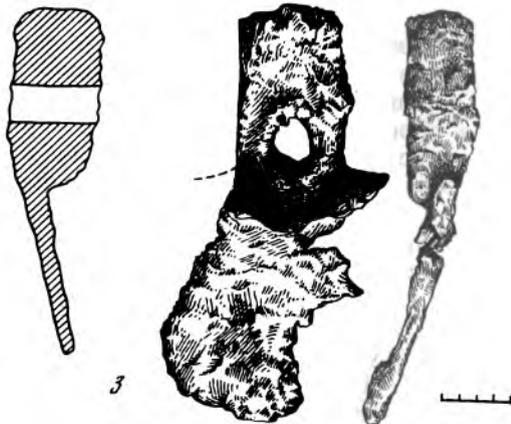
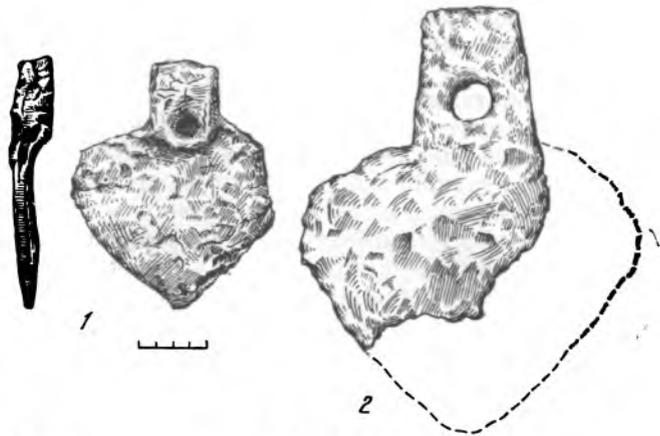

Рис. 78. Мотыги

- 1, 2 — из Горгищии, III—II
вв. до н. э.;
3 — из Горгищии, III в.
н. э.;
4 — из усадьбы у хут.
Рассвет, I в. до н. э.;
5 — из Ново-Отрадного,
III в. н. э.

Для подготовки почвы к посеву земледельцы пользовались и мотыгами, которыми рыхлили землю, разбивали комки после пахоты и засыпали вновь посеянные семена. Участки, где трудно было работать ралом, вскапывали лопатами, а на каменистых почвах и там, где надо было удалять скальный грунт, применяли кирки. Древние лопаты в Северном Причерноморье пока еще не найдены, они известны только по находкам в других областях античного мира. Кирки находили на Гераклейском полуострове³⁴, а маленькие железные мотыжки — в Ольвии³⁵, на Боспоре³⁶ и в Прикубанье³⁷. В Хараксе — римской крепости на Ай-Тодорском мысе — найдена двузубая мотыга³⁸, а на крымском побережье Азовского моря и в Горгиппии — массивные огородные мотыги с полукруглой или остроугольной рабочей частью (рис. 78)³⁹. Совершенно такие же мотыги обнаружены в Помпеях и других городах Средиземноморья⁴⁰. По-видимому, в первые века н. э. они были распространены по всему античному миру.

При раскопках боспорской усадьбы у Ново-Отрадного была найдена железная мотыга длиной 32 см (рис. 79). Ширина ее рабочей части более 30 см. Мотыга состоит из двух частей. Нижняя часть в виде листа с заостренными краями напоминает по форме современную тяпку или кетмень. Верхняя часть, очень массивная (шириной около 8 см, толщиной около 6 см), поднимается почти на 10 см выше сквозного отверстия, сделанного для укрепления деревянной рукояти⁴¹. Это специальное утяжеление мотыги способствовало большей глубине рыхления. Тяжеловесные кирки и увесистые лемехи в числе лучших земледельческих орудий называет Плиний (Plinii NH, XVIII, 42), говоря о хорошем сельском хозяине Гае Фурии Кресиме. Тяжелые широкие мотыги употреблялись в Помпеях, на зольстых почвах Кампании, в Египте и других местах⁴². Флиндерс Петри считал, что тяжелые мотыги делались специально для рабов латифундий, а более легкие — для свободных земледельцев⁴³.

По-видимому, такую же форму имела мотыга несколько меньших размеров, найденная в Горгиппии в 1962 г. вблизи гончарной печи II—III вв. н. э. К сожалению, она сохранилась не целиком. Наиболее близки к ней мотыги с утяжеленной верхней частью из Неаполитанского музея⁴⁴, в том числе мотыги, найденные в усадьбе около Боскорале (вблизи Помпей)⁴⁵.

Близкая по типу мотыга найдена при раскопках сельской усадьбы у хут. Рассвет⁴⁶. В одном из помещений там в 1965 г. были обнаружены

³⁴ А. Л. Бергье-Делагард, 1906, стр. 251; В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 105.

³⁵ Государственный Киевский исторический музей, инв. № Б-5061-2.

³⁶ И. Т. Кругликова, 1959б, стр. 142.

³⁷ Н. В. Анфимов, 1941, стр. 262, рис. 6; стр. 266.

³⁸ В. Д. Блаватский, 1951г, стр. 225, рис. 4, 1.

³⁹ И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 113, рис. 23.

⁴⁰ F. Petrie, 1917, табл. LXVII, 1, 8, 9.

⁴¹ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 241, рис. 4, 1.

⁴² F. Petrie, 1917, стр. 54, табл. LXVII, 1, 6, 8, 9.

⁴³ Там же, стр. 55.

⁴⁴ Там же, табл. LXVII, 1, 8, 9.

⁴⁵ Комментарий М. Е. Сергеевко к книге: Марк Порций Катон. Земледелие. М., 1950, стр. 164 (рис. 1).

⁴⁶ Ю. С. Крушкова, 1968, стр. 213 сл.

Рис. 79. Железная мотыга из Ново-Отрадного (III в. н. э.)

железная мотыга с утяжеленной верхней частью, корнекопалка и часть виноградарского ножа. Мотыга из усадьбы у хут. Рассвет отличается от мотыги, найденной в Ново-Отрадном, очертаниями заостренной части. Широкие, слегка опускающиеся плечи мотыги из усадьбы у хут. Рассвет под углом переходят в нижнюю треугольную половину, которая не имеет равномерного закругления режущей части, как у мотыги из Ново-Отрадного. Высота мотыги около 22 см, ширина около 19 см. Две такие же мотыги были найдены в 1961 г. в Горгиипии в слое III—II вв. до н. э. Иной была корнекопалка, или узкая мотыжка, также найденная во дворе усадьбы у хут. Рассвет. Длина ее 21,5 см, ширина внизу 1,8 см. Она имела вверху втулку для деревянной рукояти, ширина втулки 2,5 см.

Мотыги были широко распространенным античным сельскохозяйственным орудием, применявшимся для обработки земли. Согласно Теофрасту (*Theophr.*, III, 20, 8), мотыгой разрыхляли крупные комья земли после пропашки плугом⁴⁷. По словам Гесиода, пользуясь мотыгой, присыпали семена при посеве. Мотыгами окапывали виноградники, фруктовые деревья, иногда, если нельзя было пользоваться плугом, ими целиком обрабатывали поле (*Plinii NH*, XVIII).

⁴⁷ В. Д. Блаватский, 1951г, стр. 109.

В. Д. Блаватский считает мотыгами железное земледельческое орудие I—III вв. н. э. с Семибратнего городища⁴⁸ и аналогичные ему орудия с городища 2 у станицы Пашковская⁴⁹. Н. В. Анфимов называл их «тяпкообразными земледельческими орудиями», М. В. Покровский — «лемехообразными орудиями»⁵⁰. Всем этим определениям не соответствуют малые размеры орудий. Их длина 19—23 см, ширина рабочей части 8—9 см. Они сделаны из железных пластинок толщиной 1 см, нижняя рабочая часть имеет лопатообразную форму; в верхней части — боковые загнутые выступы для закрепления рукояти. По конструкции верхней части эти орудия ближе к лемехам и даже к лопатам, чем к «тяпкообразным» орудиям или мотыгам. Их форма напоминает небольшие лопаточки-соскребы, называвшиеся римлянами «gallum» и служившие для очистки наконечника плуга от травы и земли. О таком приспособлении говорит Плиний (*Plinii NH, XVIII, 179*). Они есть в музеях среди собраний римских древностей⁵¹. Раллум имеет вертикальную ручку, вставляющуюся в верхнюю часть орудия в виде втулки. По-видимому, такой раллум найден в Семеновке в 1958 г. Ширина его рабочей части 6 см, высота лопаточки 8 см, втулка не сохранилась. Возможно, аналогичному орудию принадлежит и железный обломок, найденный в Семеновке в помещении 4. Он имеет вид небольшой треугольной лопаточки с заостренной нижней гранью, длина которой 7 см, длина сохранившихся боковых створов 6 см; верхняя часть орудия утрачена.

Подобные орудия, по-видимому происходящие из Ольвии, хранятся в Киевском историческом музее. Их верхняя часть представляет собой обычную втулку, в нижней части одно из них (инв. № Б-5062) имеет лопатообразную форму, другое (инв. № Б-5061) — форму треугольника, обращенного основанием вниз.

Для уборки урожая пользовались железными серпами и косами. Долгое время из бороспорских орудий, применявшихся при уборке хлебов, в литературе упоминались только серпы. Их неоднократно находили на поселениях Северного Причерноморья⁵². Обломок железного серпа с деревянной рукоятью (рис. 80) был найден вблизи Киммерика на поселении Холм А в помещении, погибшем в IV в. до н. э.⁵³ Длину его установить не удастся, ширина около рукояти 2 см. Конец заострен, изгиб небольшой. Деревянная рукоять удерживается двумя загибающимися выступами, образующими подобие втулки. Кроме того, сквозь рукоять перпендикулярно ей проходил специальный стержень-заклепка (рис. 81).

В слоях более позднего времени на Боспоре серпы с втулками не встречались. Все остальные известные до настоящего времени серпы, которыми пользовались в античных государствах Причерноморья, принадлежали к тому же типу, что и скифские серпы с Каменского городища. Их деревянные рукояти надевались или прикреплялись к стержню, нахо-

⁴⁸ В. Д. Блаватский, 1951г, стр. 109.

⁴⁹ Там же, стр. 108; Н. В. Анфимов, 1941, стр. 262, рис. 6.

⁵⁰ М. В. Покровский, 1937, стр. 7.

⁵¹ Л. Нидерле, 1956, стр. 313, рис. 67.

⁵² П. Д. Либеров, 1952, стр. 82—83; В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 110.

⁵³ И. Т. Кругликова, 1958б, стр. 244, рис. 19.

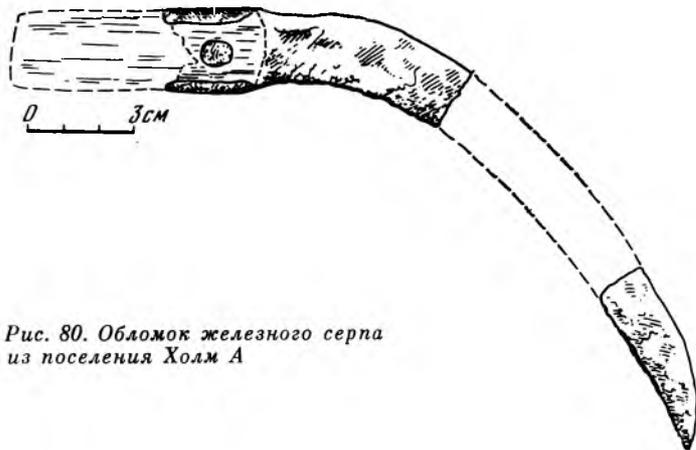

Рис. 80. Обломок железного серпа
из поселения Холм А

длежащему в одной плоскости с лезвием серпа. Изгиб лезвия этих серпов небольшой. Сами серпы небольших размеров, они захватывали мало колосьев. Их трудно было применять для жатвы под корень. Более приспособлены они для срезания колосьев без соломы, как это делали в Египте, судя по древнеегипетским рельефам.

Железный серп был найден в Танаисе в 1956 г. в слое I в. н. э. Длина его по обушку 42 см, длина по прямой от конца острия до конца ручки 32,5 см⁵⁴. Он имеет сравнительно короткий стержень для прикрепления деревянной рукояти. Стержень заканчивается крючком. Лезвие и рукоять находятся в одной плоскости. Серп сравнительно мало изогнут, загибается лишь его конец. Это помогало забрать сразу много колосьев. Он несколько напоминает серп, найденный в Хараксе в могиле конца III — первой половины IV в. н. э.⁵⁵, но последний значительно короче, более массивен и имеет более загнутый конец.

Один серп происходит с Раевского городища⁵⁶. По размерам он несколько меньше танаисского серпа. Его длина по обушку 39 см, а длина по прямой 21 см. Рукоять прикреплялась к тонкому короткому стерженьку, загнутому в виде крючка. Серп найден в слое сарматского времени (I в. до н. э. — IV в. н. э.). По форме он очень близок серпу из Харакса. В 1972 г. железный серп был найден в Горгиппии в помещении, погибшем в пожаре в первой трети III в. н. э. (рис. 82). Он отличается от других большей массивностью. Лезвие серпа слабо изогнуто, длина его по обушку 33 см, расстояние по прямой от острия до рукояти 25,5 см. Стержень рукояти загнут кверху над боковой плоскостью орудия. Вероятно, он охватывал кольцо деревянную рукоять, которая выступала, по-видимому, в противоположную от лезвия сторону. Несколько иным был серп, обломок которого найден в Илурате в помещении III в.

⁵⁴ И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 117, рис. 24, 5; Д. Б. Шелов, 1972, стр. 77.

⁵⁵ В. Д. Блаватский, 1951г, стр. 269, рис. 11, 2 и стр. 274.

⁵⁶ Н. А. Онайко, 1955, л. 10, альбом, рис. 13; Она же, 1959, стр. 58, рис. 236.

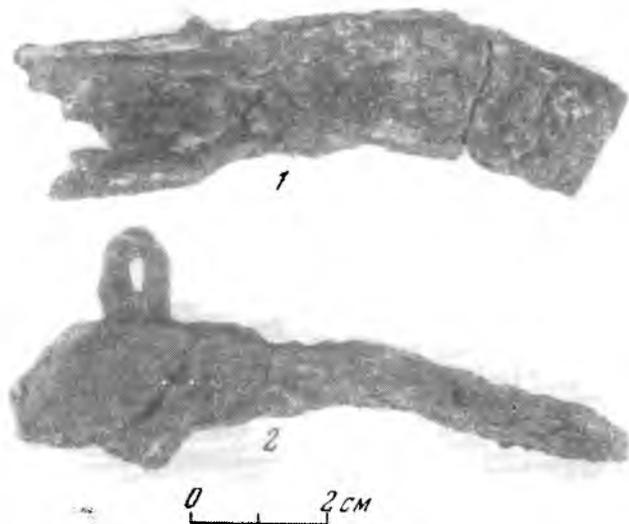

Рис. 81. Обломок серпа (Холм А)

1 — вид сверху; 2 — вид сбоку

н. э.⁵⁷ Он имел длинный стержень, на который надевалась деревянная рукоять.

Серпы, применяемые при жатве, для захвата колосьев в один сноп должны иметь значительный выгиб лезвия и загибающийся вниз край. Их рукоять расположена в одной плоскости с лезвием серпа. Косы же, применяемые для срезания травы или колосьев под корень, наоборот, должны иметь удлиненное лезвие, чтобы охватить по возможности большую площадь. Кроме того, стержень, к которому прикрепляется длинная деревянная рукоять, находится у них под углом к плоскости лезвия⁵⁸. Эти два признака характерны для кос, найденных на Боспоре в Семеновке в 1957 г.⁵⁹ и Илурате в 1954 г.⁶⁰ В Семеновке пять кос лежали вместе в помещении около печи. Они представлены двумя типами (рис. 83, 1, 2). К первому типу относятся две косы с широким, малоизогнутым лезвием и закругляющимся, слегка загнутым вверх концом. Ко второму типу принадлежат три косы с узким, более тонким лезвием и заостренным, как у серпа, концом. И те и другие косы имеют рукояти в виде

⁵⁷ В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 100, рис. 96, 1.

⁵⁸ Впрочем иногда угол отклонения ручки очень невелик, и она находится почти в одной плоскости с лезвием. Славянские косы-горбуши тоже часто имеют стержень рукояти в одной плоскости с лезвием.

⁵⁹ И. Т. Кругликова, 1959б, стр. 137 сл.

⁶⁰ В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 100, рис. 96, 2.

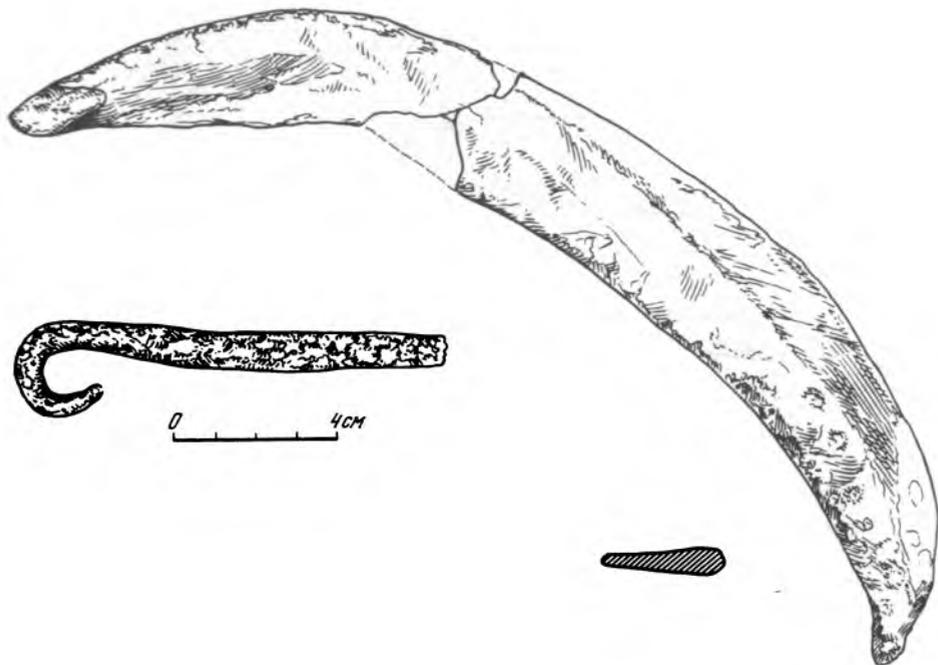

Рис. 82. Железный серп из Горгиппии III в. н. э.

удлиненного стержня с крючком на конце (длиной 1,3 см), расположенным под углом к плоскости лезвия. У некоторых из кос стержень, к которому прикреплялась деревянная рукоять, находится под углом от 20 до 35° по отношению к плоскости лезвия. Хотя не все косы восстанавливаются полностью, форма их ясна. Длина лезвия у кос первого типа 28,5 см, общая длина со стержнем по обушку 45 см. Длина лезвия у кос второго типа 26 см, общая длина по обушку 42 см. Коса, найденная в Илурате, относится ко второму типу. Общая ее длина 46 см, а длина лезвия 29 см (рис. 83, 3).

Плинию (*Plinii* NH, XVII, 261—262) были известны два типа кос: италийские, более короткие, с которыми можно работать в чащах кустарника и которыми можно косить одной правой рукой (по-видимому, под корень), и галльские, более длинные, срезающие траву до середины ее высоты. Действительно, при раскопках галльских поселений Ла-Тен и Тьелл были найдены косы длиной в 50—75 см⁶¹, а коса из некрополя Идрии имела длину 81 см⁶². Косы же из Семеновки ближе к первому из описанных Плинием типов. Косы с массивным лезвием и закругленным краем, предохраняющим от зацепов за ветки кустарников, не требуют

⁶¹ V. Gross, 1887, стр. 406, рис. 20. Флиндерс Петри приводит косу такой же формы из Швеции. См.: F. Petrie, 1917, табл. LIV, 20.

⁶² J. Déchelette, 1927, стр. 886.

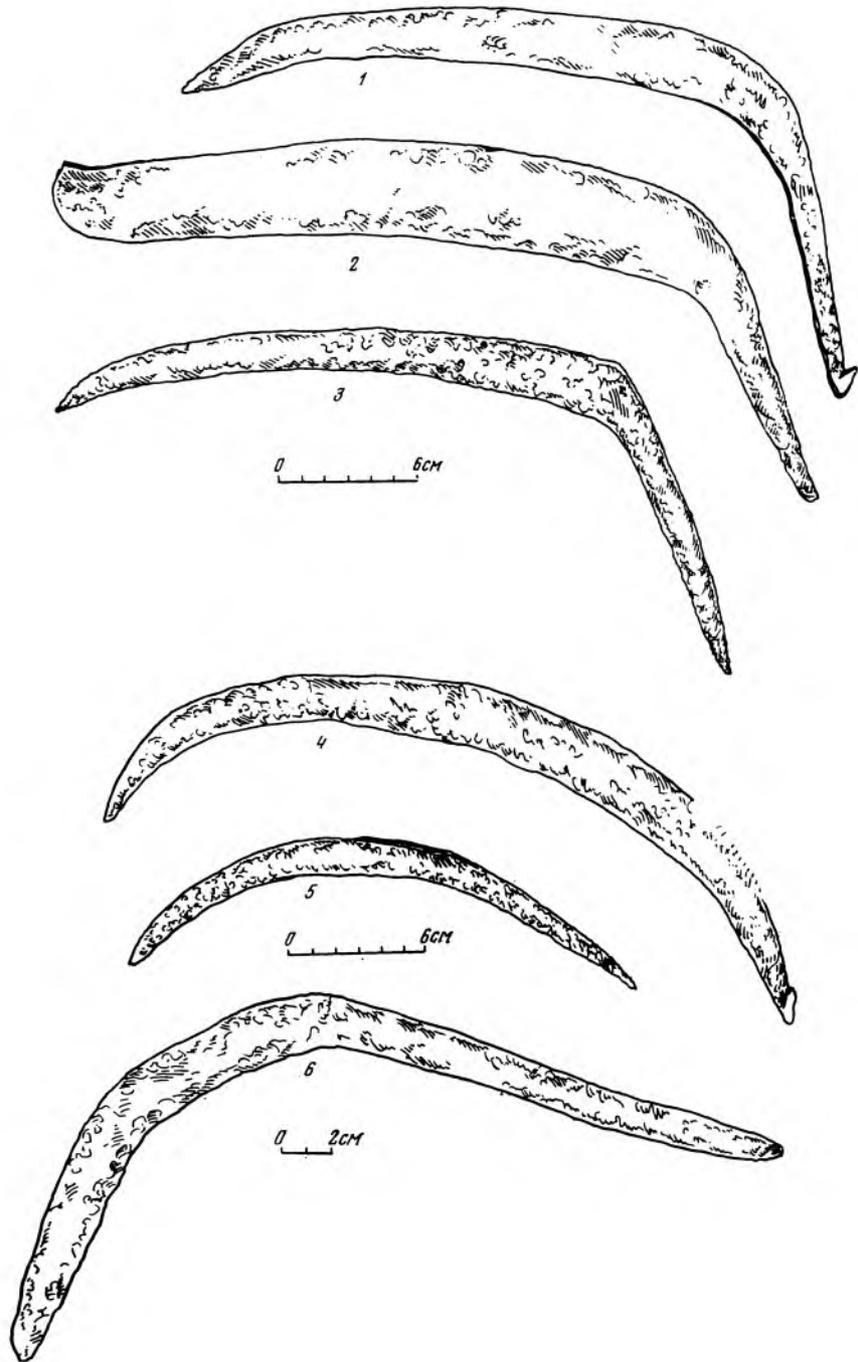
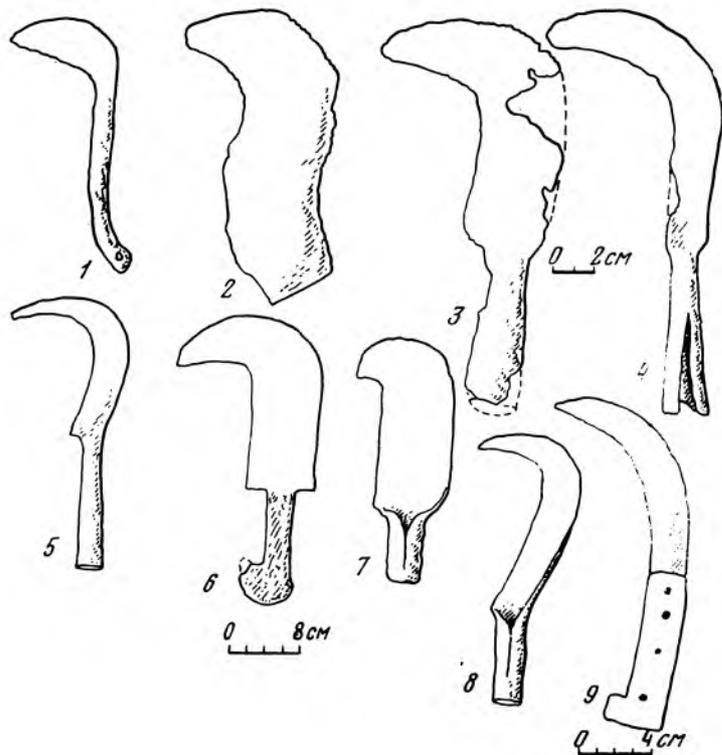

Рис. 83. Косы и серпы

1, 2 — Семеновка; 3 — Илурат; 4 — Танаис; 5 — Каменское городище; 6 — Батарейка II

Р 4. Ножи виноградарей

1 — Мирмекий (В. Ф. Гайдукевич, 1952в, стр. 185); 2 — Тиритака (В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 361); 3 — Пантикапей (В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 112); 4, 9 — Египет (F. Petrie, 1917, табл. LIX, 31, 34); 5—8 — Помпей (F. Petrie, 1917, табл. LVII, 47, 44, 45, 48)

большого размаха при работе; они особенно удобны при выкашивании травы между кустами и выступами скал, т. е. в условиях окрестностей позднеантичных поселений европейского Боспора. Косы второго типа из Семеновки с заостренным лезвием, возможно, применялись при выкашивании лугов, а также хлебных и ячменных полей. Укороченные косы с выпрямленными лезвиями позволяли срезать колос под корень и сохраняли длинные стебли, употреблявшиеся затем для прикрытия крыш и на подстилку скоту.

По форме косы из Семеновки ближе всего к косам, найденным в Стенсбурге, Страдоницах и Ла-Тене⁶³. Флиндерс Петри считал, что косы этого типа происходят от серпов скифского типа⁶⁴. Пока нет достаточных материалов, чтобы решить этот вопрос. Из серпов к семеновским

⁶³ J. Déchelette, 1927, стр. 888, рис. 613, 3—5.

⁶⁴ F. Petrie, 1917, стр. 46 сл.

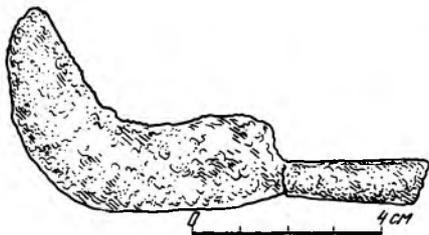

Рис. 85. Нож виноградаря II в. до н. э. из Кеп (Н. И. Сокольский, 1970, стр. 78)

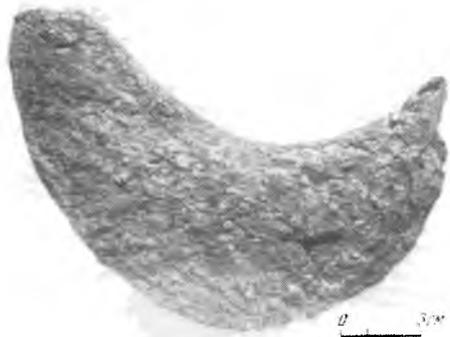

Рис. 86. Нож виноградаря IV в. до н. э. из Кеп (Н. И. Сокольский, 1970, стр. 77)

косам, пожалуй, ближе всего серпы из Прикубанья⁶⁵, но они меньше по размерам и не имеют некоторых особенностей, свойственных косам. Надо отметить, что размеры некоторых из кос, найденных в Семеновке, почти совпадают с размерами серпов, и только расположение рукоятей и большая вытянутость лезвия позволяют их различать, хотя Флиндерс Петри называет и те и другие подобные орудия серпами⁶⁶. Возможно, после того как срезанные и собранные в корзины колосья уносили, оставшуюся солому скашивали под корень железными косами. Не случайно и в Семеновке и в Илурате косы найдены вместе с серпами.

Из садового инвентаря на Боспоре часто находят виноградарские, или садовые, ножи. Обычно это короткие инструменты с сильно искривленными лезвиями. Их изображения встречаются на надгробных рельефах разного времени⁶⁷. Такой нож был найден в Пантикапее в слое II в. н. э. (рис. 84, 3)⁶⁸. Общая длина ножа, сохранившегося лучше других, по обушной части вместе с рукоятью составляет 23 см, длина лезвия 12 см. Его режущий конец загибается почти под углом 90°. Рукоять была деревянной и удерживалась втулкой. Близкий ему по форме, но значительно меньший по размерам нож виноградаря II в. до н. э. был найден в 1963 г. в Кечах при раскопках святилища Афродиты (рис. 85). Его общая длина вместе с рукояткой только 9 см, поэтому Н. И. Сокольский предполагает, что нож был изготовлен специально для votивных целей⁶⁹. Однако нам известны маленькие ножи виноградарей из Египта и Помпей⁷⁰, а общая длина режущей части (6,5 см) позволяла применять такой нож для подрезания отростков.

⁶⁵ Н. В. Анфимов, 1951а, стр. 150, рис. 1, 1, 2.

⁶⁶ F. Petrie, 1917, табл. LIV.

⁶⁷ I. Szilagyí, 1956, табл. XXXIX; В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 114, рис. 43.

⁶⁸ В. Д. Блаватский, 1951б, стр. 215, рис. 71, 1; Он же, 1953а, стр. 112, рис. 41.

В. Ф. Гайдукевич ошибочно относит этот нож к эллинистическому времени (В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 361).

⁶⁹ Н. И. Сокольский, 1970, стр. 78, рис. 3.

⁷⁰ F. Petrie, 1917, табл. LVII, 38, 43.

Иную форму имел железный нож для срезывания винограда, найденный Н. П. Кривокурцевым в 1935 г. в Мирмекии при раскопках одной из виноделен I—II вв. н. э.⁷¹ Этот нож имел кольцо на конце длинного железного стержня, служившего рукоятью (рис. 84, 1). По-видимому, за кольцо привязывали нож к поясу. Режущая часть была короткой, массивной и сильно загнутой по отношению к рукояти. Еще один нож

1. Садовый нож из Семеновки

более раннего времени, отличающийся своей формой от упомянутых выше, был найден в Тиритаке (рис. 84, 2)⁷². Конец его рукояти обломан, поэтому неясно, как она заканчивалась. Он имеет широкое лезвие. Его загнутый заостряющийся конец очень короток, противоположная лезвию обушная часть плавно закругляется. Несколько приближается к нему по массивности и ширине режущей части нож, обнаруженный в 1962 г. в подкурганной сырцово-кирпичной гробнице второй половины IV в. до н. э. в некрополе Кеп (рис. 86)⁷³. Длина его без рукояти 17 см, ширина 7 см. Это наиболее ранний из боспорских виноградарских ножей.

Садовый, или виноградарский, нож III в. н. э. был найден при раскопках поселения у с. Семеновка⁷⁴. Он имел деревянную рукоять, удерживаемую загибающимися закраинами, которые образуют нечто вроде полувтулки, и сильно вытянутую режущую часть (рис. 87). Его удлиненная форма, узкое лезвие и несколько сложная двойная изогнутость выделяют этот нож среди других, найденных на Боспоре. Заостренная часть его круто загнутого конца сломана, сохранившаяся длина ножа с рукоятью (по прямой линии от острия до пятки) 23 см, сохранившаяся длина режущей части 13 см, длина загибающейся части неясна, диаметр втулки 3 см. Этот нож значительно меньше изогнут, чем виноградарские ножи, найденные в Мирмекии, Тиритаке и Пантикапее в слоях I—II вв. н. э. (рис. 84, 1—3), или ножи, найденные в Помпеях⁷⁵.

В Помпеях встречались довольно узкие садовые ножи с сильно вытянутым прямым лезвием⁷⁶ и втулкой для рукояти, но их обушная сторо-

⁷¹ В. Ф. Гайдукевич, 1952в, стр. 185, рис. 91.

⁷² В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 361, рис. 5.

⁷³ Н. И. Сокольский, 1970, стр. 77, рис. 2.

⁷⁴ И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 122, рис. 26. Впрочем у нас нет никаких других доказательств существования виноградарства на таком отдаленном поселении, как поселение у с. Семеновка. Возможно, что этот нож здесь использовался как садовый для ухода за фруктовыми деревьями.

⁷⁵ F. Petrie, 1917, табл. LVII, 43.

⁷⁶ Там же, табл. LVI, 29.

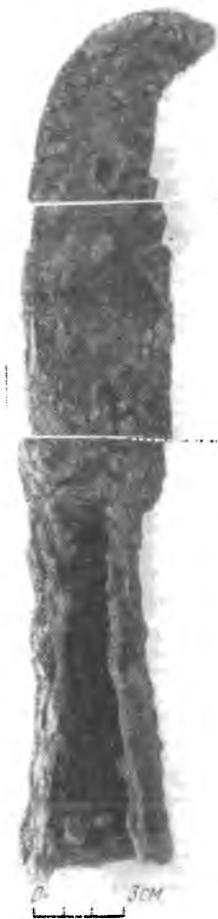

Рис. 88. Железное орудие из усадьбы у хут. Рассвет (Ю. С. Крушкол, 1971, стр. 139)

на не имеет выгиба, который является характерным признаком ножа из Семеновки. Для боспорских виноградарских ножей характерно плавное закругление обухной части. Они имеют прямые аналогии среди виноградарских ножей птолемеевского Египта, Помпей, Ла-Тена⁷⁷ и др.

Очень интересно сельскохозяйственное железное орудие, найденное на хут. Рассвет вместе с лемехами и предплужным ножом⁷⁸. По форме оно напоминает виноградарский, или садовый, нож, но оно значительно больше и массивнее (рис. 88). Длина его 30 см, ширина лезвия 5 см, длина рукояти, имеющей вид полувтулки, 12,5 см. Верхний заостренный юнец у него загнут. Ю. С. Крушкол называет его «цадой» — орудием для вырубки кустарников. Но оно могло употребляться и в качестве садового ножа.

Хотя железные сельскохозяйственные орудия на Боспоре в основном повторяли типы орудий, употреблявшихся в Средиземноморье, вряд ли следует думать, что они были привозными. Учитывая высокий уровень развития металлургического ремесла в городах Боспора и наличие на Керченском полуострове местной железной руды, можно не сомневаться в местном боспорском производстве железных сельскохозяйственных орудий.

Сельскохозяйственные культуры

Если методы обработки земли и орудия труда греческие переселенцы скорее всего привезли на новую родину из Средиземноморья, то посевной материал им выгоднее было использовать местный, взяв уже акклиматизированные сорта злаков. Известно, что основными сельскохозяйственными культурами у племен, населявших Северное Причерноморье в I тысячелетии до н. э. — у тавров, синдов, скифов и меотов, были пшеница, ячмень и просо. Геродот (*Herod.*, IV, 17) не уточняет, какие именно из хлебных злаков сеяли скифы-пахари, каллипиды и алазоны. Но данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что скифы знали пшеницу и ячмень. Колосья пшеницы были найдены среди остатков тризны в кургане в Оснях⁷⁹, вокруг жертвенного места на Пастырском горо-

⁷⁷ F. Petrie, 1917, табл. LVII, 38, 44, 63 и др.

⁷⁸ Ю. С. Крушкол, 1974, стр. 137, рис. 23 на стр. 139.

⁷⁹ В. А. Городцов, 1911, стр. 93.

дище, на жертвеннике Матронинского городища⁸⁰. Отпечатки ячменных зерен имеются на сосудах из Каменки-Днепровской⁸¹.

Из сообщения Геродота (*Herod.*, IV, 17) известно, что каллипиды и алазоны употребляли в пищу чеснок, чечевицу и просо, а скифы культивировали коноплю, которая росла здесь и в диком виде (*Herod.*, IV, 74).

К значительно более позднему времени, ко II — началу III в. н. э., относится свидетельство Клавдия Элиана о том, что просо входило в пищу меотов и савроматов (*Claud. Ael.*, *Var. hist.*, III, 39). Плиний (*Plinii NH*, XVIII, 100) пишет, что сарматы питаются просяной кашей. Эти свидетельства находят подтверждение в материале археологических раскопок. Так, спекшиеся в одну массу зерна проса найдены на городище Чумяной редант в слое позднеэллинистического времени⁸², а также на городищах у станиц Елизаветинская и Усть-Лабинская, т. е. в районе расселения меотов, в слоях VI—V и III—II вв. до н. э.⁸³ Впрочем на Краснодарском городище в слоях первых веков н. э. вместе с обугленными зернами ячменя была найдена также и чина, а вблизи Майкопа обнаружены бобы и горох⁸⁴.

Пшеница возделывалась на Кубани в течение всей античной эпохи. Обуглившиеся зерна ее встречены при раскопках многих прикубанских поселений. При этом все найденные там зерна принадлежат мягкой пшенице (*Triticum vulgare*)⁸⁵.

Мы видим, таким образом, что скифы и меоты культивировали разнообразные сельскохозяйственные культуры, хорошо знакомые грекам на их родине. Можно предполагать, что другие северопричерноморские племена, например синды и тавры, также были хорошо знакомы с сельскохозяйственными культурами, растущими на полях их соседей — скифов и меотов. Во всяком случае пшеница, ячмень и горох были и у тавров. Они найдены на таврском поселении Уч-Баш, относящемся еще к VIII в. до н. э.⁸⁶

О том, какие сельскохозяйственные культуры возделывались на землях Боспора, мы можем судить в основном по находкам обугленных зерен злаков и сорняков или по отпечаткам семян растений на глине сосудов, изготовленных руками боспорских, главным образом сельских жителей⁸⁷. При раскопках городов и поселений Боспора обуглившиеся зерна находили часто. Иногда зерно хранилось в помещениях в глиняных амфорах и пифосах, разбившихся при пожаре, или в плетеных корзинах и мешках⁸⁸. Иногда зерно находили в зерновых ямах, куда его ссыпали после обмолота и провеивания для длительного хранения.

⁸⁰ В. В. Хвойко, 1902, стр. 96, 98, 99.

⁸¹ П. Д. Либеров, 1952, стр. 85, рис. 3.

⁸² К. А. Фляксбергер, 1940, стр. 117.

⁸³ Н. В. Анфимов, 1951а, стр. 148.

⁸⁴ К. А. Фляксбергер, 1940, стр. 117—118.

⁸⁵ Н. В. Анфимов, 1951а, стр. 147.

⁸⁶ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 88.

⁸⁷ А. В. Кирьянов, 1962, стр. 92—97; Э. В. Яковенко, Я. В. Янушевич, 1969, стр. 160—163.

⁸⁸ Д. Б. Шелов, 1972, стр. 76.

В Гермонассе при раскопках 1957 г. открыта зерновая яма VI в. до н. э. глубиной 3 м, заполненная зернами хлебных растений⁸⁹. Это наиболее раннее зерно из находок в античных городах Северного Причерноморья. Из содержимого ямы А. В. Кирьянов выделил 61 525 зерен пленчатого ячменя, относящегося к многорядным формам (*Hordeum poly-stichum* Döel). 33 зерна мягкой пшеницы (*Triticum vulgare* vill), среди которых встречены единичные зерна карликовой пшеницы (*Triticum compactum* Nast), 50 зерен пшеницы-двузерянки, или полбы (*Triticum dicoccum* Chöbl)⁹⁰, и 58 зерен ржи (*Secale cereale* L.).

По-видимому, зерновая яма служила для хранения ячменя, а содержащиеся в ней другие злаки попали туда вместе с ячменем с тока или выросли вместе с ячменем из-за плохой отсортировки семян перед посевом. А. В. Кирьянов попытался восстановить состав хлебов, которые возделывались в VI в. до н. э. на Таманском полуострове. Вероятно, ячмень, но в большей мере пшеница, были главнейшими продовольственными культурами.

Особый интерес представляют зерна полбы, обнаруженные в весьма незначительном количестве среди ячменных зерен. Очевидно, полба не была местной культурой, а проникла в Причерноморье из других областей. По-видимому, эта культура завезена переселенцами-греками из метрополии, где она, так же как и в Риме, имела большое распространение⁹¹. Возделывание полбы на территории Боспора носило, вероятно, временный характер. Если бы полба, как ячмень или пшеница, была местной культурой, она удержалась бы в этих областях длительное время, исчисляемой многими веками. Но раскопки более поздних поселений (Семеновка, Кепы, Танаис и др.) не обнаружили никаких следов возделывания полбы, тогда как пшеница и ячмень в ту пору оставались главными культурами.

Присутствие незначительного количества зерен ржи среди зерен ячменя в VI в. до н. э. следует рассматривать как результат засорения ячменных полей ржаными растениями. Зерна ржи в том или ином количестве почти всегда бывают в зерновом материале, найденном при раскопках памятников Причерноморья рубежа и первых веков н. э. Присутствие зерен ржи среди зерен ячменя и главным образом пшеницы имеет непосредственную связь с проблемой происхождения культурной ржи. Если в ранний период зерна ржи встречаются в качестве сорняков, то в первые века н. э. рожь, по-видимому, стала специально возделываться в степной зоне Восточной Европы. В Танаисе рожь встречена во многих комплексах I—III вв. н. э., большое количество ее обнаружено на нижнедонских городищах — Сухо-Чалтырском и Подазовском. Видимо, Нижний Дон был центром, где рожь стали возделывать как чистую культуру⁹².

⁸⁹ И. Б. Зеест, 1965, стр. 54.

⁹⁰ У зерен полбы не сохранились колоски, колосковые чешуи, членики стержня и другие колосковые части. Но сравнение зерен из Гермонассы с зернами полбы с других памятников позволило А. В. Кирьянову с большой долей уверенности считать, что и в данном случае была обнаружена полба.

⁹¹ Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. М., 1936.

⁹² Д. Б. Шелов, 1972, стр. 76.

В Гермонассе среди зерен ячменя обнаружено много семян сорных растений: подмаренник цепкий (*Galium aparine* L.), горец вьюнковый (*Polygonum convolvulus* L.), подмаренник трехрогий (*Galium tricornis* With), горчица полевая (*Sinapis arvensis* L.), лук (*Allium* sp.), плевел опьяняющий (*Lolium temulentum* L.), чина (*Lathyrus* sp.), свербига восточная (*Bunias orientalis*), редька дикая (*Raphanus raphanistrum* L.), костер (*Bromus* sp.). Количество семян костера — травы из семейства злаковых — доходило там до 875, тогда как число всех остальных зерен вместе не превышало 20. По мнению А. В. Кирьянова, видовой состав этих сорных растений далеко не отражает всего видового состава сорно-полевой флоры, произраставшей в ту пору на возделанных черноземных почвах Северного Причерноморья. Но даже и такой весьма ограниченный состав сорняков позволил А. В. Кирьянову воссоздать реальную обстановку возделывания ячменя в районе Таманского полуострова. Такие сорно-полевые растения, как подмаренник, горец вьюнковый, горчица полевая, редька и др., характерны для пахотных полей, на которых уже довольно длительное время возделывались хлебные растения. Иначе говоря, ячмень возделывался на почвах окультуренных, уже засоренных, какими могли быть поля последних лет использования пахотных земель при переложной системе земледелия.

Уже в глубокой древности земледельцы высевали пшеницу на вновь осваиваемых землях, обработанных перелогах, залежах, где она дает надежные урожаи полноценного зерна. Ячмень как менее ценная и менее требовательная культура высевался на полях после возделывания пшеницы. Такое чередование посевов пшеницы и менее ценных злаков — ячменя, овса, гороха и др. — практиковалось в глубокой древности и сохранилось до настоящего времени. Таким образом, семена сорняков, сопровождавшие зерна ячменя из Гермонассы, позволяют предполагать, что там в VI в. до н. э. была распространена переложная система земледелия.

Обращает на себя внимание огромное количество семян костера, обнаруженных среди зерен ячменя. Это свидетельствует о большой засоренности ячменных посевов. Высота стеблей некоторых видов костера превышает высоту ячменных растений. При уборке зрелого ячменя серпом вместе с ячменными растениями срезались и костеры, которые попадали в сноп вместе с ячменем. При обмолоте снопов зерна костера смешивались с зернами ячменя и даже после провеивания большая часть их оставалась вместе с зернами ячменя.

Огромное количество семян злаковых трав свидетельствует о низкой технике земледелия, о том, что среди почвообрабатывающих орудий не было таких, которые переворачивали бы пласт земли, пронизанный корнями травянистой растительности, хотя, судя по словам Ксенофонта, греки V в. до н. э. такое орудие уже знали (*Хел. Оесоп.*, 16, 12). Обработка почвы производилась орудиями рыхлящего типа, какими могли быть примитивное рало, изготовленное целиком из дерева, или же более совершенное, может быть уже с железными наконечниками. Почвообрабатывающие орудия такого типа не могли перевернуть дерновый пласт и уложить его травой вниз на дно борозды для уничтожения дикой степной растительности. Обработка рыхлящими орудиями приводила к тому, что

травы целинной степи и перелогов продолжали расти и засоряли посевы хлебов.

В слоях V в. до н. э. в Мирмекии и Тиритакке найдены зерна мягкой пшеницы⁹³. Интересные материалы дал палеоботанический анализ керамики из двух боспорских поселений IV—III вв. до н. э. у с. Заморское вблизи побережья Азовского моря. В глине лепных сосудов сохранились отпечатки зерен мягкой пшеницы и пшеницы-двузернянки — полбы, голозерного и пленчатого ячменя. Имелись и отпечатки зерен сорняков — куриного проса и щетинника, который является специфическим засорителем посевов проса. Анализ отпечатков на глине и примесей к глине лепных сосудов из района с. Заморское показывает, что в IV—III вв. до н. э. на землях европейской части Боспорского царства культивировали пшеницу, полбу, ячмень, просо и бобовые растения⁹⁴.

При раскопках сельскохозяйственной усадьбы у Солдатской слободки вблизи Мирмекии в слое пожара I в. до н. э. найдены обуглившиеся зерна пленчатого ячменя (*Hordeum sativum*), пшеницы (*Triticum vulgare* и *Triticum compactum*) с примесью ржи (*Secale cereale* L.) и других сорняков, гороха (*Pisum sativum*) и вики (*Vicia sativa*)⁹⁵. К этому же времени относится просо, обнаруженное в усадьбе у хут. Рассвет.

Особенно много остатков различных злаков получено при раскопках городов и поселений Боспора более позднего времени. Однако они не вносят существенных исправлений в характеристику земледелия Боспора, сделанную на основе изучения зерен из хозяйственной ямы VI в. до н. э. из Гермонассы.

В Семеновке, помещения которой погибли в пожаре, почти в каждом доме имелось обуглившееся зерно, хранившееся в больших амфорах, плетеных корзинах, лепных горшках и корчагах. Среди хлебных зерен из Семеновки преобладали зерна пшеницы мягкой (*Triticum aestivum*) и пшеницы карликовой (*Triticum compactum*)⁹⁶. Наряду с пшеницей встречено довольно много ячменя (*Hordeum sativum*) двурядного и многорядного.

В некоторых лепных горшках были только зерна ячменя, но пшеницы без примеси ячменя почти нет, хотя количественно обычно преобладает пшеница. Найдены также сосуды с просом (*Panicum miliaceum*). В одном из лепных горшков были зерна пшеницы и чины с небольшой примесью ячменя и несколькими зернами ржи. Вообще рожь встречалась довольно часто, но всегда лишь по нескольку зерен среди нескольких тысяч зерен пшеницы. Поэтому рожь в Крыму как эллинистического периода, так и первых веков н. э. обычно рассматривают как сорняк, а не как специально разводимую зерновую культуру⁹⁷. Но, как уже указано выше, в Тагнайсе в слоях первых веков н. э. была обнаружена и чистая рожь. При раскопках Сухо-Чалтырского городища на Нижнем Дону в 1961 г. в сло-

⁹³ В. Ф. Гайдучевич, 1949а, стр. 95—96.

⁹⁴ Э. В. Яковенко, Э. В. Янушевич, 1969, стр. 163.

⁹⁵ Определение Н. Р. Иванова.

⁹⁶ Зерна определены А. В. Кирьяновым, М. М. Якубцинером, Е. С. Кильц, В. И. Лысовым, Т. А. Ореховой.

⁹⁷ А. В. Кирьянов, 1962, стр. 98.

ях I—III вв. н. э. найдено 31 500 зерен ржи, только 8 зерен полбы и 1 — ячменя, что и дало основание говорить о ржи как о чистой культуре.

Несколько семян крестоцветных растений, найденных среди других зерен в Семеновке, возможно, также принадлежали сорнякам — полевой капусте. Абсолютное преобладание в Семеновке пшеницы свидетельствует о том, что среди употребляемых в пищу хлебных злаков на этом поселении доминирующую роль играла пшеница. Среди зерен из поселений у Ново-Отрадного пшеница составляла 92%⁹⁸, преобладала она и на других поселениях.

В Киммерике в доме III в. н. э. были найдены сосуды с зернами мягкой пшеницы и многорядного ячменя; там же были зерна чечевицы и зернобобовых культур⁹⁹ и лишь одно зерно ржи. Пшеницу с ячменем и с примесью ржи нашли в зерновой яме III в. н. э. в Пантикапее¹⁰⁰.

При раскопках Н. И. Сокольского в 1960 г. на поселении Батарейка I в Краснодарском крае в помещении, погибшем при пожаре в IV в. н. э., были найдены обуглившиеся зерна хлебных растений, хранившиеся в больших широкогорлых амфорах и в лепном горшке, — многорядный ячмень, пшеница, просо и рожь. При преобладании обычной на Боспоре мягкой пшеницы 25% составляли зерна твердой пшеницы (*Triticum durum* Desf.) и более 2% — ржи¹⁰¹. В 1961 г. на этом же поселении обнаружено много зерен многорядного ячменя, среди которых были единичные зерна мягкой пшеницы¹⁰². Там же было найдено очищенное пшено, среди которого было лишь несколько зерен проса¹⁰³.

В Танаисе в одном из помещений III в. н. э. в больших остродонных амфорах обнаружено обгорелое просо, в другом помещении амфоры содержали ячмень вместе с просом и пшеницей, в том же помещении в плетеных корзинах хранили пшеницу и ячмень. В одной из башен сохранились обгорелые снопы пшеницы¹⁰⁴.

Теофраст в «Исследовании о растениях» (*Theophr.*, VIII, 4, 5) определяет понтийскую пшеницу как легковесную. Он пишет: «Странным исключением из вообще легковесных трехмесячниц являются понтийские. Яровая пшеница отличается там твердостью, а озимая — мягкостью, и эта мягкая пшеница очень легковесна». Данные Теофраста подтверждаются найденными на боспорских поселениях зернами мягкой и твердой пшеницы. В Крыму и в настоящее время производят как озимый, так и яровой посев.

На хуторе Батарейка I были обнаружены остатки пшена с единичными включениями зерен проса. Пшено найдено и на поселении у с. Семеновка. По-видимому, просо толкли и очищали, используя для этого каменные ступы. Остатки обугленной просяной каши в большом бронзовом котле и в глиняной миске найдены на Семибратнем городище в слоях I в.

⁹⁸ А. В. Кирьянов, 1962, стр. 98.

⁹⁹ В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 77—78.

¹⁰⁰ Там же, стр. 81.

¹⁰¹ А. В. Кирьянов, 1962, стр. 96.

¹⁰² Н. И. Сокольский, 1961, л. 51.

¹⁰³ А. В. Кирьянов, 1962, стр. 97.

¹⁰⁴ Д. Б. Шелов, 1972, стр. 76.

Рис. 89. Изображение колосьев пшеницы на золотых пантикапейских монетах IV в. до н. э.

до н. э. и I в. н. э.¹⁰⁵. Именно такой кашей по преимуществу питались сарматы по свидетельству Плиния (*Plinii NH*, XVIII, 100).

А. В. Кирьянов обращает внимание на большое количество семян сорняков среди зерен пшеницы из раскопок у хут. Батарейка I и объясняет это низкой агротехникой. Пшеница, найденная на поселении у с. Семеновка, наоборот, отличается малым количеством примесей сорняков. Это дает основание А. В. Кирьянову говорить о существовании переложной системы земледелия на Боспоре, об освоении там целинных и залежных земель¹⁰⁶.

Исследование зерна из Танаиса I—III вв. н. э., проведенные А. В. и Н. А. Кирьяновыми, показало, что самой распространенной культурой в Танаисе был ячмень (двурядный и многорядный). Более скромную роль играла пшеница, представленная смесью зерен мягкой и твердой пшеницы. Имелись также полба (пшеница-двузернянка), просо и рожь¹⁰⁷. Кроме ржи, все остальные культуры известны нам и в других городах Боспора.

По-видимому, правильно предположение В. Д. Блаватского о том, что в течение античной эпохи особых изменений в составе зерновых культур Боспора не произошло. Основными культурами были пшеница, ячмень и просо, культивировались также чечевица, вика и чечевицеобразная чина и зернобобовые культуры¹⁰⁸.

Кроме привезенной в Северное Причерноморье греками гречихи, которую культивировали в Херсонесе и, может быть, в Танаисе и на Нижнем

¹⁰⁵ Н. В. Анфимов, 1941, стр. 264.

¹⁰⁶ А. В. Кирьянов, 1962, стр. 94.

¹⁰⁷ Д. Б. Шелов, 1972, стр. 76—77.

¹⁰⁸ В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 79.

Дону¹⁰⁹, а также полбы, все остальные злаки, встреченные в античных городах, были известны северочерноморским племенам — скифам, меотам, синдам. На поселениях этих племен, как и в городах, часто встречалась мягкая пшеница. Как мы уже указывали, в боспорских городах она найдена в Гермонассе в яме VI в. до н. э., в Мирмекии и в Тиритаке в слоях V в. н. э. и постоянно присутствует на памятниках более позднего времени. Однако, кроме мягкой пшеницы, встречались зерна пшеницы твердой, карликовой и пшеницы-двузернянки. Именно два последних сорта пшеницы узнают специалисты на изображениях пантикапейских монет (рис. 89)¹¹⁰. Известен также ячмень двурядный и многорядный. Он, по-видимому, был одной из ведущих сельскохозяйственных культур, так как его изображения имеются на серебряных пантикапейских монетах¹¹¹.

Как видим, некоторые виды сельскохозяйственных культур греки привезли с собой и распространили на Боспоре (твердая пшеница, гречиха), другие они заимствовали у северочерноморских земледельческих племен.

Виноградарство, виноделие, садоводство и огородничество

Виноградарство и виноделие

По-видимому, почти в течение всей истории Боспорского царства там наряду с хлебопашеством развивалось виноградарство. Однако оно играло хотя и важную, но второстепенную роль в экономике Боспора. Во-первых, далеко не все земли были пригодны для разведения винограда. Во-вторых, большую конкуренцию местному виноделию составляли импортные вина различных заморских сортов, в огромном количестве привозимые на Боспор греческими купцами.

Античные авторы сохранили нам указания на суровый климат Северного Причерноморья, из-за которого там плохо растет виноградная лоза. Страбон (*Strabo*, II, 1, 16; VII, 3, 18) писал, что около Борисфена не растет или по крайней мере не дает плодов виноградная лоза. На Боспоре, по его сведениям, виноградная лоза дает очень мелкие плоды, и на зиму ее нужно закрывать, насыпая на нее много земли (*Strabo*, II, 1, 16). Евстафий Фессалоникский, комментируя Илиаду, пишет, что, по словам Анахарсиса, у скифов не было флейтистов, так как у них не было виноградных лоз (*Eustath.*, *Comm.* а. II.). Но, по-видимому, к Боспору все это не должно относиться, так как при археологических раскопках на Боспоре неоднократно находили косточки винограда. Наиболее ранние из них обнаружены в Мирмекии в слое V в. до н. э.¹¹² О значении виноградарства в боспорских городах V в. до н. э. свидетельствуют монеты Нимфея, относящиеся к последней четверти этого века. На их оборотной стороне изображена виноградная лоза рядом с начальными буквами име-

¹⁰⁹ Д. Б. Шелов, 1972, стр. 77; В. Ф. Гайдукевич, 1949а, стр. 381.

¹¹⁰ П. Т. Кругликова, 1967б, стр. 127, рис. 36.

¹¹¹ Там же, стр. 135, рис. 41; А. Н. Зограф, 1951, табл. XLI, 19.

¹¹² К. А. Фляксбергер, 1940, стр. 118.

ни города ¹¹³. Можно предположить, что виноградарство как отрасль сельского хозяйства распространилось на Боспоре вместе с расселением там греков. Однако культура винограда существовала в Крыму и в догреческий период. Так, на таврском поселении Уч-Баш вблизи Инкермана в слое X—VIII вв. до н. э. среди обуглившихся зерен пшеницы, ячменя и гороха были найдены два семечка культурного винограда. Специалисты, изучавшие эти семена, указывают, что их строение такое же, как у семян, найденных в античных сельскохозяйственных усадьбах Херсонеса ¹¹⁴, что они близки семенам современных культурных сортов винограда бассейна Черного и Средиземного морей. Эти сорта нашли распространение в балканских странах, в Западной Грузии и в Малой Азии. Прародителем их считают дикий виноград.

В слоях первых веков н. э. косточки винограда были встречены как в европейской, так и в азиатской частях Боспора. В 1963 г. при раскопках поселения Батарейка II Н. И. Сокольский в слое I в. н. э. нашел обугленные плоды винограда ¹¹⁵. В Мирмекии в 1948—1949 гг. в слое II—III вв. н. э. обнаружено огромное скопление виноградных косточек ¹¹⁶, которые лежали слоем рядом с погребом, где были врыты в пол три огромных пифоса. По заключению А. М. Негруль, косточки эти принадлежат винным сортам винограда бассейна Черного моря, выведенным в процессе длительного развития виноградарства в Северном Причерноморье. «Там первоначально культивировались мелкие местные сорта винограда», а в начале н. э. «в результате отбора и завоза сортов из Греции в культуру появляется виноград с более крупными семенами и ягодами» ¹¹⁷. К этому улучшенному сорту и относится виноград, семена которого были найдены в Мирмекии, и, вероятно, именно этот сорт культивировали виноградары Боспора и в более позднее время.

О развитии виноделия, а следовательно, и виноградарства, на Боспоре можно судить также по находкам виноградарских ножей, о которых говорилось выше, и по наличию на Боспоре производства керамической тары для хранения и перевозки вина. Исследователи выделили несколько типов остродонных амфор, изготовленных из боспорской глины ¹¹⁸. Некоторые из этих амфор бесспорно предназначались для перевозок вина. Широко раздутое тулово и очень суженное горло были неудобны для хранения сыпучих тел.

На Боспоре виноделие развивалось главным образом в прибрежной полосе, в городах и в усадьбах, расположенных вблизи городов. О большой роли виноделия на Боспоре говорит и распространение там культа Диониса. Возможно, с этим культом связаны изображения бородатых и безбородых божеств, которых принято называть силенами и сатирами, на

¹¹³ А. Н. Зограф, 1951, стр. 163.

¹¹⁴ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 67.

¹¹⁵ Н. И. Сокольский, 1963в, л. 81.

¹¹⁶ В. Ф. Гайдукевич, 1949б, стр. 45; Он же, 1958б, стр. 361.

¹¹⁷ А. М. Негруль, 1960, стр. 114. Обугленные зерна винограда, выведенного из местных диких сортов, нашел в 1965 г. Б. Г. Петерс на поселении Михайловка в слое I в. н. э.

¹¹⁸ И. Б. Зеест, 1960, стр. 26—27, 29, 31, 34, 35, 37, 94—97, 107, 116, 117, 119.

лицевых сторонах пантикапейских монет IV и III вв. до н. э.¹¹⁹ Сатиры — демоны плодородия — составляли обычно свиту Диониса. Силен — лесное божество — также считался спутником Диониса. На боспорских монетах, чеканенных в Фанагории и Горгииппи, встречаются изображения Диониса или его атрибутов¹²⁰. В боспорских городах находили посвященные надписи Дионису¹²¹, а в Пантикапее нашли его мраморную статую¹²². Образы божеств дионисийского круга встречаются среди терракот и костяных поделок. Все эти изображения распространены преимущественно в городах. В сельских поселениях, на отдаленных от города территориях культ Диониса не прослеживается. По-видимому, это в какой-то мере отражает хозяйственный профиль районов.

Культ Диониса был широко распространен в Средиземноморье. Сцены, связанные с мифами о Дионисе и его спутниках, были излюбленным сюжетом греческих вазописцев. В Северном Причерноморье культ Диониса, кроме городов Боспора, нашел распространение в Ольвии и Херсонесе, т. е. в греческих полисах, теснее всего связанных со Средиземноморьем.

Впрочем в Ольвии, по-видимому, виноделие было развито меньше, чем в Херсонесе, Тире или на Боспоре. Самые ранние винодельни, открытые в Ольвии, относятся лишь к I в. н. э.¹²³ Это соответствует замечанию Страбона о том, что на Борисфене виноградная лоза не дает плодов. В Тире, которая находится немного южнее Ольвии, уже в III—II вв. до н. э. чеканились монеты с изображением виноградных гроздей¹²⁴, а на Боспоре, как уже указывалось выше, символ виноградарства появляется на монетах Нимфея еще в V в. до н. э.

Благодаря археологическим раскопкам в разных частях Боспора были обнаружены винодельни, свидетельствующие о производстве виноградного вина¹²⁵. Судя по расположению виноделен, районами наибольшего распространения виноделия на Боспоре были Таманский полуостров и восточная часть Керченского полуострова. Надо полагать, что разведением винограда занимались главным образом на землях, расположенных поблизости от греческих городов, по-видимому, находившихся в пределах городских хор.

Однако роль виноградарства и виноделия в экономике Боспорского царства была достаточно большой. На нужды виноделов работала целая отрасль керамического производства, производившая винную тару, а также ремесленники-металлурги, изготовлявшие виноградарские ножи и другие железные орудия труда. На виноградниках и в винодельнях было занято большое число людей, как рабов, так и свободных.

Судя по приведенному выше сообщению Страбона о том, что виноградные лозы на Боспоре зимой засыпали землей, там, очевидно, куль-

¹¹⁹ А. Н. Зограф, 1951, стр. 171 сл., табл. ХLI и сл.; Д. Б. Шелов, 1956, табл. III—VI.

¹²⁰ П. О. Бурачков, 1884, табл. XXIII, 1b, 5, 6, 22, 24—30; А. Н. Зограф, 1951, табл. XLIII, 6, 22, 23; XLIV, 1, 2 и др.; Ю. С. Кружок, 1951, стр. 261; Она же, 1956, стр. 116 сл.

¹²¹ IOSPE, II, № 18; IV, № 199 = КБН, 24 и 15.

¹²² В. Д. Блаватский, 1953а, стр. 17.

¹²³ Там же, стр. 89.

¹²⁴ А. Н. Зограф, 1951, стр. 113.

¹²⁵ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 352 сл.

тивировались особые стелющиеся сорта винограда¹²⁶. Такие стелющиеся сорта виноградных лоз были распространены и в Аттике, где господствовали северные ветры¹²⁷. В. Ф. Гайдукевич обращает внимание на изображение виноградного куста на каменном саркофаге I—II вв. н. э., найденном в 1902 г. в окрестностях Керчи¹²⁸. Художник изобразил на стенке саркофага несколько виноградных лоз, расходящихся в разные стороны, при этом самые большие лозы почти стелются по земле.

Благодаря раскопкам херсонесских клеров нам хорошо известно, как в Северном Причерноморье устраивали виноградники, какого размера делали ямки для виноградных кустов и каковы были промежутки между кустами¹²⁹. Удалось выяснить, что из-за близости выхода скального слоя в Херсонесе для посадки создавался искусственный почвенный слой, делались плантажи, сооружались террасы, открытые солнцу. Для защиты от ветра устраивались заграждения из фруктовых деревьев, которые одновременно могли служить и опорой для виноградных лоз. На участках, где были виноградники, сохранилась система ям, специально вырубленных в скалистом грунте в строго симметричном порядке, для высадки саженцев винограда. Наблюдения С. Ф. Стржелецкого об устройстве херсонесских виноградников подтвердились работами А. Н. Щеглова в Северо-Западном Крыму¹³⁰. Ему удалось открыть клеры, сходные с херсонесскими, в районе Прекрасной Гавани. Местами, там, где почвенный слой был недостаточен, замечены следы плантажа, а там, где он имел нормальную толщину, плантаж не применялся.

У мыса Ойрат к западу от с. Морское на берегу моря открыт сельскохозяйственный участок III—II вв. до н. э. с виноградником площадью 3,5 га. Параллельные каменные плантажные стенки делили виноградник на длинные участки шириной по 2 м каждый. Кроме того, обнаружен длинный садово-виноградный участок (арбустум) шириной 5 м¹³¹. Клеры херсонесской хоры почти обязательно имели в своем составе виноградники.

На Боспоре до настоящего времени не удалось выявить клеры, подобные херсонесским. Но в районе с. Октябрьское в 6 км к западу от Керчи вдоль гряды курганов была обнаружена группа развалин сельскохозяйственных усадеб IV—III вв. до н. э., расположенных примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Сохранились каменные ограды их земельных участков. На одном из них был исследован участок, расположенный на южном склоне небольшой возвышенности. После снятия почвенного слоя там были обнаружены углубленные в материк ямки диаметром около 0,4 м. Этот участок был отделен каменной стеной от основного прямоугольного участка, возможно сада. Есть все основания предполагать, что тут был виноградник. Но в отличие от херсонесских клеров материковая скала находится здесь очень глубоко, и ямки не вырублены в скале,

¹²⁶ В. Ф. Гайдукевич, 19586, стр. 353.

¹²⁷ М. С. Альтман, 1935, стр. 115.

¹²⁸ В. В. Шкорпил, 1904, стр. 151, табл. XI.

¹²⁹ С. Ф. Стржелецкий, 1961, стр. 72.

¹³⁰ А. Н. Щеглов, 1971, стр. 17.

¹³¹ А. Н. Щеглов, В. М. Маликов, 1963, стр. 36—37.

а вырыты в твердом глинистом грунте. Винодельни на этой сельскохозяйственной усадьбе обнаружить не удалось. Но неподалеку, на северной окраине с. Партизаны, расположенного в 12 км к востоку от с. Октябрьское, Боспорская экспедиция в 1955 г. открыла прекрасную винодельню¹³², находившуюся внутри участка, обнесенного каменными стенами. Хотя этот участок не раскапывали, нет сомнения, что здесь была пригородная сельскохозяйственная усадьба.

Единственная полностью раскопанная боспорская усадьба с винодельнями расположена у Солдатской слободки между Мирмекием и Пантикапеем. Виноделие было, по-видимому, основным хозяйственным профилем этой усадьбы. При раскопках ее были открыты три винодельни¹³³. Одна из них, III в. до н. э., имела давящую площадку и цистерну, две другие, более поздние, — по давящей площадке и по две цистерны. О размерах виноделия в этой усадьбе говорят объемы цистерн, куда стекал выжатый на площадке сок. Две из них, функционировавшие одновременно в III—II вв. до н. э., вмещали по 7 тыс. и 8 тыс. литров¹³⁴.

В. Ф. Гайдукевич изучил боспорские винодельни и выделил различные их типы¹³⁵. Позднее были открыты новые винодельни в Пантикапее¹³⁶, Фанагории¹³⁷, Горгиппии¹³⁸, Кепах и других пунктах азиатского Боспора¹³⁹. Наиболее ранние из открытых на Боспоре виноделен были обнаружены в Нимфее Н. Л. Грач в 1972 г. Они относятся к IV в. до н. э.¹⁴⁰ Но большая часть известных виноделен датируется III в. до н. э.¹⁴¹ и еще более поздним временем, а на территории азиатского Боспора самой ранней пока является винодельня I в. н. э. в Кепах. По-видимому, на Боспоре виноделие получило особенно большое распространение с конца IV или в III в. до н. э.

~~В. Ф. Гайдукевич~~ предполагает, что интенсивное развитие виноградарства и виноделия в III в. до н. э. связано с изменившейся к тому времени экономической обстановкой на Боспоре. Эти изменения нашли отражение в серьезном кризисе денежного обращения, который потряс Боспор в III в. до н. э. Среди причин, вызвавших эти изменения, он называет затруднения в экспорте пшеницы на внешнем рынке¹⁴² в связи с появлением дешевого египетского хлеба. В. Ф. Гайдукевич опирается здесь на мнение С. А. Жебелева¹⁴³, а также на выводы В. М. Брабича¹⁴⁴ о причинах денежного кризиса на Боспоре. В последние годы точки зрения С. А. Жебелева на роль египетского хлеба в уменьшении хлебного

¹³² В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 360 и 369—371.

¹³³ Там же, стр. 359, 367—369, 380.

¹³⁴ Там же, стр. 367 и 369.

¹³⁵ Там же, стр. 355 и сл.

¹³⁶ И. Д. Марченко, 1962, стр. 315 сл.

¹³⁷ М. М. Кобылина, 1973, стр. 131.

¹³⁸ А. И. Салов, Т. М. Смирнова, 1972, стр. 55 сл.

¹³⁹ Н. И. Сокольский, 1970, стр. 75 сл.

¹⁴⁰ Н. Л. Грач, 1973, стр. 273.

¹⁴¹ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 363 сл.

¹⁴² Там же, стр. 365.

¹⁴³ С. А. Жебелев, 1953а, стр. 147—148.

¹⁴⁴ В. М. Брабич, 1956, стр. 195.

экспорта Боспора подверглась критике¹⁴⁵. Причину экономических потрясений стали искать в другом.

Две винодельни, открытые в 1972 г. в Нимфее, отнесены Н. Л. Грач к IV в. до н. э. Это позволяет датировать начало боспорского виноделия более ранним временем, чем считалось до сих пор, и не связывать его возникновение с денежным кризисом III в. до н. э. Развитие виноградарства на городских землях Боспора уже в V—IV вв. до н. э. неизбежно влекло за собой и развитие виноделия. Однако промышленное производство вина, т. е. изготовление его специально для продажи, вряд ли было развито здесь в доэллинистический период.

Все известные нам боспорские винодельни IV—II вв. до н. э. можно разделить на два типа: более примитивные, состоявшие из одного тарапана и сосуда, в который стекал сок, или из одной давяльной площадки и одной цистерны для отжимаемого ногами виноградного сока (в мирмекийской винодельне III—II вв. до н. э. (M1) имелись даже три резервуара)¹⁴⁶, и более усовершенствованные, с прессом, тарапаном и двумя цистернами. Размеры цистерн были различными. В усадьбе у Солдатской слободки две самые маленькие цистерны одной из виноделен позволяли одновременно заготавливать до 2860 литров виноградного сусла. Две другие винодельни той же усадьбы, как уже сказано, имели цистерны емкостью в 7 тыс. и 8 тыс. литров каждая, что дает нам представление о размерах производства вина в одном хозяйстве.

Однако виноградарством занимались и в усадьбах, где основой хозяйства было хлебопашество. Именно такое хозяйство было у владельца усадьбы, открытой около с. Октябрьское. Виноградник здесь занимал небольшую площадку и играл, по-видимому, подсобную роль. Вино заготавливали не на продажу, а только для нужд обитателей усадьбы. Для выжимки виноградного сока могли пользоваться деревянными корытами или переносными каменными тарапанами типа, найденных в Мирмекии и в районе Царского кургана¹⁴⁷. Сцены выжимания винограда в корытах, лежащих на столах, неоднократно воспроизводили греческие живописцы VI в. до н. э.¹⁴⁸ Виноград давили ногами, а оставшуюся мезгу дополнительно отжимали в мешках или корзинах с помощью рычагов и прессов.

Виноделие как промысел продолжает развиваться на Боспоре и в более позднее время. Винодельня I в. до н. э.—I в. н. э., открытая в Тиритаке в 1936 г. (12), позволила уловить технические нововведения в виноделии Боспора в I в. до н. э.— появление рычажных прессов с каменными гириями¹⁴⁹. В Италии рычажные прессы применялись в эпоху эллинизма. Устройство прессов описано Катонем (*Cato*, 18, 1—6). Изображение прессы сохранилось в стенных росписях дома Веттиев в Помпеях¹⁵⁰.

Около середины I в. до н. э. в Италии входит в употребление пресс новой конструкции — рычажно-винтовой. Его описывает Плиний, назы-

¹⁴⁵ М. К. Трофимова, 1961, стр. 49.

¹⁴⁶ В. Ф. Гайдукевич, 19586, стр. 378.

¹⁴⁷ Там же, стр. 357, рис. 2 и 3.

¹⁴⁸ P. Brandt, 1927, стр. 67, рис. 72; E. Buschor, 1940, стр. 122, рис. 139.

¹⁴⁹ В. Ф. Гайдукевич, 19586, стр. 399 сл.

¹⁵⁰ H. Blümner, 1912, стр. 347, рис. 127.

вая этот пресс греческим (*Plinii* NH, XVIII, 317). Боспорские виноделы заимствовали этот пресс уже в I в. до н. э., что засвидетельствовано находкой каменной гири в тиритакской винодельне¹⁵¹. Рычажно-винтовые прессы сохраняются в винодельнях Боспорского царства и в последующее время. Надо отметить, что введение рычажно-винтового пресса произошло не сразу. В течение некоторого времени наряду с таким прессом продолжали использовать и более примитивные способы отжима мезги. Так, например, в Кепах в 1960—1961 г. была открыта большая винодельня I в. н. э. с тремя цистернами, тремя большими и тремя маленькими давящими площадками без следов пресса¹⁵². В I—II вв. н. э. на Боспоре получают распространение винодельни с несколькими давящими площадками и несколькими цистернами. Так, две площадки и две цистерны имела, по-видимому, винодельня укрепленной усадьбы на Темир-горе¹⁵³, три площадки, а иногда даже пять площадок и три цистерны были у мирмекийских, некоторых кепских и тиритакских виноделен¹⁵⁴.

Раскопками было открыто большое число боспорских виноделен первых веков н. э. Большинство из них находилось на территории боспорских прибрежных городов — Мирмекия, Пантикапея, Тиритаки и Нимфея¹⁵⁵ в европейской части Боспора и Фанагории¹⁵⁶, Патрея¹⁵⁷, Кеп¹⁵⁸ и Горгиппии¹⁵⁹ в азиатской части. Ряд виноделен первых веков н. э. обнаружен на сельской территории — в усадьбе на Темир-горе¹⁶⁰, в районе станицы Стеблиевская к югу от Фанагории, на городище Батарейка I (Донской залив), в 4 км к югу от Каменной Батарейки и около станицы Запорожская¹⁶¹.

Винодельни первых веков н. э. имеют различные конструкции, к тому же плохая сохранность зачастую не позволяет восстановить их полного плана. И все же по конструктивным особенностям можно выделить примерно три типа виноделен I—IV вв. н. э.

Наиболее полное представление о первом типе дают винодельня I в. н. э. в Кепах¹⁶² и две хорошо сохранившиеся винодельни Тиритаки III и III—IV вв. н. э. (рис. 90)¹⁶³. Обе тиритакские винодельни были при-

¹⁵¹ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 403.

¹⁵² Н. И. Сокольский, 1970, стр. 80.

¹⁵³ Укрепленная винодельня, обнаруженная А. Е. Люценко в 1870 г. на Темир-горе и опубликованная В. Ф. Гайдукевичем по архивным материалам, первоначально была им датирована III в. н. э. (В. Ф. Гайдукевич, 1941, стр. 47 сл.), но позднее он отнес ее к I—II вв. н. э. на основании конструкции (В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 363). См. также: В. Д. Блаватский, 1957, стр. 126 сл.

¹⁵⁴ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 408—409; Н. И. Сокольский, 1970, стр. 81 сл.

¹⁵⁵ В. Д. Блаватский, 1953г, стр. 178; В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 363, 364, 408, 409, 438, 457; И. Д. Марченко, 1962, стр. 315 и сл.

¹⁵⁶ М. М. Кобылина, 1956, стр. 88; Она же, 1959, стр. 20—24; Она же, 1965, л. 15—16; В. С. Долгоруков, 1972, стр. 145.

¹⁵⁷ А. С. Башкиров, 1957, стр. 331, сл., рис. 30—36; В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 432—434.

¹⁵⁸ Н. И. Сокольский, 1962, стр. 83 сл.; Он же, 1963в, стр. 54; Он же, 1970, стр. 79 сл.

¹⁵⁹ А. И. Салов, Т. М. Смирнова, 1972, стр. 55 сл.

¹⁶⁰ В. Ф. Гайдукевич, 1941, стр. 47 сл.

¹⁶¹ Н. И. Сокольский, 1970, стр. 87 сл.

¹⁶² Там же, стр. 81, рис. 7.

¹⁶³ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 416—432 (винодельни Т3 и Т4).

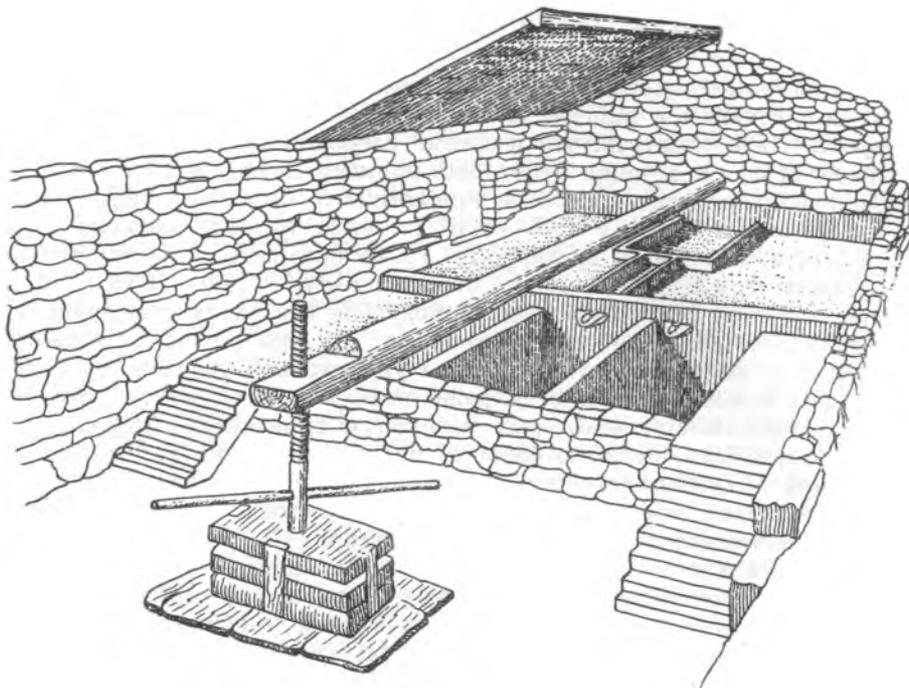

Рис. 90. Реконструкция винодельни III–IV вв. н. э. с рычажно-винтовым прессом (В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 431)

мерно равных размеров (около $5,5 \times 10$ м), кепская винодельня несколько меньше. Все винодельни этого типа находились в четырехугольном здании с кровлей. Они имели по три расположенные рядом давяльные площадки, к которым примыкали три резервуара. Давильные площадки были отделены одна от другой деревянными перегородками. В тиритакских винодельнях на средней площадке находился давяльный пресс, тогда как на обеих боковых площадках виноград давили ногами. В Кесах следы прессы не обнаружены. Резервуары для собирания сока имели приблизительно одинаковые размеры. Они вмещали от 1,5 до 2,1 куб. м жидкости. Таким образом, всего в трех цистернах каждой из этих виноделен могло поместиться почти 6 тыс. литров сусла. Дно резервуаров было наклонным, и в нем имелись округлые углубления. С давяльных площадок в резервуары выдавленный сок отводился через специальные сливы, каменные или керамические, вделанные в кладку стенок цистерн. Стенки цистерн и давяльные площадки, как и у всех виноделен, были покрыты несколькими слоями цемянки, а иногда еще и красной краской.

Площадки для рычажно-прессовой гири расположены на 1–1,5 м ниже уровня давяльных площадок, а гиря состоит не из одного, как ранее, а из двух камней и значительно тяжелее. К этому же типу мож-

по отнести винодельню III—IV вв. н. э. в Тиритаке (участок X) ¹⁶⁴ и две винодельни III в. н. э., одна из которых открыта в Патрее в 1948—1949 гг. ¹⁶⁵, а другая — на городище Пятиколодезное в 1953 г. ¹⁶⁶

В винодельне ТЗ сусло со средней давяльной площадки не шло сразу в резервуар, а скапливалось в отстойнике — цементном корыте. Стенки, отделяющие средний резервуар от боковых, были сделаны не из плит, как обычно, а из довольно мелкого бутového камня на цементном растворе. У патрейской винодельни боковые вспомогательные площадки отделены от основных расположенными наискось бортиками, ее резервуары значительно больших размеров и вмещают около 7800 литров сусла. У винодельни Т7 был внутренний отводной канал, проходивший под давяльной площадкой. Его устье было сделано из вмазанного в цемянку горла амфоры. Имелись и другие отличительные особенности, но они не мешают объединить все эти винодельни в один тип.

Ко второму типу следует отнести тиритакскую винодельню II—III вв. н. э. (Т4) ¹⁶⁷. Ее давяльная площадка представляет собой вымостку из каменных плит, покрытую тонким слоем цемянки. Она имела четыре резервуара, общая вместимость которых равна 6 тыс. литров. Особенною этой винодельни являются резервуары, не примыкающие к давяльным площадкам, и каналы вместо каменных сливов в резервуары. Пока известна лишь одна такая винодельня.

К третьему типу можно отнести винодельню, открытую в 1956 г. в Пантикапее ¹⁶⁸ и существовавшую со II по III в. н. э. Она представляет собой почти прямоугольное в плане здание с двумя резервуарами и тремя давяльными площадками. Резервуары разделены перегородкой, сложенной из прямоугольных камней. Емкость их различна — 3,1 и 2,9 куб. м. Одна из площадок была предназначена для рычажно-винтового пресса. К этому же типу принадлежит винодельня, открытая на Темир-горе в 1870 г. Близки им также винодельни Нимфея и Пантикапее ¹⁶⁹.

Значительное число виноделен первых веков н. э. свидетельствует о широком распространении виноделия на Боспоре и в этот период. При сооружении виноделен сохраняются все технические достижения предшествующего времени: рычажно-винтовой пресс, вошедший в употребление на Боспоре уже во второй половине I в. до н. э., и принятая в I—II вв. н. э. конструкция виноделен с тремя давяльными площадками и примыкавшими к ним тремя резервуарами. Размеры виноделен говорят о большом объеме производства вина. Даже во II—III и III—IV вв. н. э. не прослеживаются ни упадок техники, ни сокращение производства. Более того, увеличение разницы в уровнях давяльных площадок и площадки для гири рычажно-винтового пресса свидетельствует о дальнейшем разви-

¹⁶⁴ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 434 (винодельня Т6).

¹⁶⁵ А. С. Башкиров, 1957, стр. 331; В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 432 (винодельня ПТ2)

¹⁶⁶ В. Д. Блаватский, 1957, стр. 126; В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 457.

¹⁶⁷ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 439.

¹⁶⁸ И. Д. Марченко, 1962, стр. 315.

¹⁶⁹ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 408, 438.

тии техники — об улучшении конструкции прессы, винта, гири и т. д.¹⁷² Таким образом, технический прогресс в виноделии Боспора, наблюдавшийся на рубеже н. э., продолжается и в III и в IV вв. н. э.

Садоводство

Не только виноград, но и фруктовые деревья были обязательны для античной сельской усадьбы. У Катона (*Cato*, 48, 51, 52) мы находим описание приемов выращивания плодовых деревьев и ухода за садом. Эти приемы скорее всего были заимствованы римлянами от греческих садоводов¹⁷¹. Богатые сведения об итальянском садоводстве нам сообщают Колумелла (*Colum.*, III, 3, 13; V, 6, 8; VII, 9, 8) и Плиний (*Plinii NH*, XV). Мы знаем даже многочисленные сорта яблок, груш, слив, вишен, персиков и других фруктов, выращиваемых итальянскими садоводами I в. н. э. Однако данные о развитии садоводства на Боспоре очень скудны. Теофраст (*Theophr.*, IV, 5, 3), а вслед за ним и Плиний (*Plinii NH*, XVI, 137) сообщают о том, что на Боспоре растут гранаты и смоковницы, а также превосходнейшие яблоки и груши. Теофраст пишет, что вблизи Пантикапея «много высоких смоковниц и раскидистого гранатника, а больше всего груш и яблонь разнообразных и превосходных сортов». Косточки сливы-алычи были найдены в Мирмекии в слое V в. до н. э. и в Тиритаке¹⁷². В могилах I—II вв. н. э. у мыса Зюк А. А. Дирич обнаружил плоды груши¹⁷³. В 1963 г. Н. И. Сокольский в горелом слое начала II в. н. э. на поселении Батарейка II нашел обугленное яблоко, внешне очень похожее на айву¹⁷⁴.

В 1965 г. Б. Г. Петерс на поселении Михайловка исследовал погибший в пожаре дом¹⁷⁵. По-видимому, его обитатели принуждены были срочно спастись, оставив на столе посуду с едой. В огне пожара обрушились сгоревшие перекрытия, похоронив под развалинами стоящую на столе глиняную миску, в которой сохранились обуглившиеся плоды винограда и яблоки с частью веточки яблони.

Находки косточек фруктовых деревьев на таврском поселении Уч-Бап начала I тысячелетия до н. э. и свидетельство Геродота о садоводстве у гелонов (*Herod.*, IV, 109) заставляют нас предполагать, что в Северном Причерноморье еще до возникновения там греческих поселений были местные виды фруктовых деревьев. Когда милетские колонисты основали в VI в. до н. э. город на берегу Керченского пролива, они назвали его Кепы, что значит «сады». Нет сомнения, что греки — искусные садоводы, умевшие выводить новые сорта фруктов с помощью прививки и превращать дикорастущие сорта в садовые, — на новых землях наряду с хлебопашеством и виноградарством занимались и садоводством. На поселенях Боспора¹⁷⁶, так же как и в Херсонесе, находили железные садовые ножи,

¹⁷⁰ В. Ф. Гайдукевич, 1958б, стр. 422, 428, 448.

¹⁷¹ М. Е. Сергеевко, 1958, стр. 82—84.

¹⁷² К. А. Фляксбергер, 1940, стр. 118.

¹⁷³ А. А. Дирич, 1896, стр. 127.

¹⁷⁴ Н. И. Сокольский, 1967а, стр. 114, рис. 43, 5; *Он же*, 1971, стр. 23.

¹⁷⁵ Б. Г. Петерс, 1966, стр. 125. О яблоках мне сообщил Б. Г. Петерс.

¹⁷⁶ И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 122, рис. 26.

иногда удлиненные, иногда очень короткие, слабо изогнутые, укрепляющиеся на длинной деревянной рукояти. Хорошо заостренным острием такого ножа легко было обрезать ветви и делать надрезы при прививках деревьев. Возможно, что часть так называемых ножей виноградаря применялась для обрезания плодовых деревьев.

Как установил С. Ф. Стржелецкий, на некоторых клерах жителей Херсонеса фруктовые сады занимали примерно $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{7}$ долю всей площади участка. Фрукты входили в состав пищевого рациона жителей Северного Причерноморья. Ссохшееся яблоко, обуглившиеся плоды смоковницы, миндаль, каштаны и грецкие орехи находили в могилах херсонеситов и пантикапейцев как остатки пищи, которую клали умершему.

Огородничество

Как и сад, необходимой частью античной усадьбы являлся огород. Когда Катон указывал, какой участок надо считать лучшим, он перечислял те угодья, которые должен этот участок включать: виноградник, огород, ивняк, масличный сад, луг, хлебную ниву, лес и др. (*Cato*, 1, 7). Таким образом, огород входил в усадьбу рабовладельца как обязательная часть земельного участка. Катон считал огород особенно выгодным, если участок был расположен вблизи города, и предприимчивый хозяин мог продавать там овощи (*Cato*, 8, 2).

Что касается Северного Причерноморья, то достоверные свидетельства о разведении огородных культур есть только для Херсонеса, где в могилах были найдены семена огурцов, арбузов и дынь. Впрочем нет никакого сомнения, что и на Боспоре жители выращивали и бахчевые культуры и корнеплоды.

По сведениям Теофраста (*Theophr.*, VII, 13, 8; IX, 13, 2), относящимся еще к III в. до н. э., в Крыму росли сладкие луковицы, а у Меотиды — «скифский корень». Но ничего более определенного об огородничестве на Боспоре не известно.

Из найденных на Боспоре сельскохозяйственных орудий к огородным можно отнести описанные выше железные мотыги с тяжелой пятой из усадьбы у хут. Рассвет, Ново-Отрадного и Горгиппии.

Скотоводство и птицеводство

Скотоводство

Разведение скота было широко распространено во всем античном мире. Скот применялся в хозяйстве как тягловая сила, мясо и молочные продукты играли важную роль в питании, кожа шла на изготовление обуви и военных доспехов, мелкий рогатый скот, кроме того, давал шерсть для одежды. Лошади были необходимы для войска. О большой роли домашних животных говорят их частые изображения в произведениях греческого и римского искусства. Известны ритоны в виде голов различных

животных¹⁷⁷, терракотовые статуэтки животных¹⁷⁸, вазы в виде фигурок барана. Животные часто фигурируют в сюжетах вазописцев. На чернофигурных вазах VI в. до н. э. встречаются изображения парных упряжек волов и мулов, которые тянут плуг¹⁷⁹, ослов, лошадей и мулов, запряженных в повозки¹⁸⁰. Одним из любимых сюжетов греческих вазописцев VI и V вв. до н. э. были пастушеские сцены с изображениями коров, овец, коз, баранов, ослов и свиней¹⁸¹. Пастушеские сцены и пейзажи с коровами и козами часто встречаются в стенных росписях Помпей и Рима¹⁸², сцены пахоты на волах имеются на мозаичных панно из Северной Африки¹⁸³. Изображения пастухов со стадами и сцены из жизни пастухов мы видим на рельефах римских саркофагов¹⁸⁴.

О развитии скотоводства в античной Италии мы хорошо знаем из сочинений римских агрономов, главным образом Катона, Варрона и Колумеллы¹⁸⁵.

Значительно более скудны наши сведения о скотоводстве на Боспоре. О нем нам рассказывают только археологические находки.

Животноводство наряду с земледелием было одной из основных отраслей сельского хозяйства Боспора. О его развитии можно судить по большому числу костных остатков, находимых при раскопках городов и поселений, по предметам домашнего инвентаря, предназначенным для приготовления сыра и других молочных продуктов, по специальным загоям и помещениям для содержания скота.

Страбон (*Strabo*, VII, 3, 18), стараясь подчеркнуть суровость климата Северного Причерноморья, сообщает, что жители здесь не держат ослов, у быков приходится отпиливать рога, лошади мелкие, а овцы крупные. Действительно, изучение костных остатков показало, что ослы на Боспоре были редки¹⁸⁶. Среди 371 особи домашних животных, выделенной по костным остаткам из сельских поселений европейской части Боспора, было только два осла. Их кости обнаружены на двух поселениях у с. Андреевка — Андреевка Южная V—III вв. до н. э. и Андреевка Северная I—III вв. н. э. Это, по-видимому, говорит о хозяйственных традициях данного района. Впрочем кости ослов найдены и в некоторых городах европейской части Боспора — в Пантикапее, Мирмекии, Тиритаке и Илурате — везде по одной особи. Только в Неаполе скифском обнаружены кости четырех ослов. Но из этого совсем не следует делать вывод о распространении ослов у скифов. Наоборот, анализ костей из скифских поселений Нижнего Поднепровья показал, что у скифов ослов не было. Это

¹⁷⁷ А. А. Передольская, 1967, табл. XLX, 2; С, I, CIV, 4.

¹⁷⁸ Н. Н. Бригова, 1969, стр. 97, № 98; стр. 112, № 120; стр. 29, № 24; *E. Paul*, 1962, табл. 27, 94; 30, 117; 31, 123, 124.

¹⁷⁹ К. Majewski, 1956, стр. 176, рис. 183; стр. 179, рис. 185.

¹⁸⁰ Там же, стр. 370—371.

¹⁸¹ G. Richter, 1946, стр. 111, рис. 80; P. Cloché, 1931, табл. XIII, I, 5; XIV, I.

¹⁸² А. П. Чубова, А. П. Иванова, 1966, рис. 101, 104, 132.

¹⁸³ Там же, рис. 164.

¹⁸⁴ R. Bloch, J. Cousin, 1960, табл. 10.

¹⁸⁵ М. Е. Сергеевко, 1958, стр. 134 сл.

¹⁸⁶ В. И. Цалкин, 1960, стр. 49 сл.

подтверждается и свидетельством Геродота (*Herod.*, IV, 129) о том, что скифские лошади пугались крика и вида персидских ослов и мулов, так как ранее не видели и не слышали подобных животных. Дважды, желая характеризовать холодный климат Северного Причерноморья, Геродот (*Herod.*, IV, 28 и 129) говорит, что там не живут ослы. Об отсутствии ослов в Скифии писал также Аристотель (*Aristot. De gen. anim.*, II, 8; *Hist. anim.*, VII, 25).

Вероятно, ослы были завезены в Северное Причерноморье из Греции. Находка костей ослов на сельских поселениях в районе Андреевки, может быть, свидетельствует о том, что владельцами сельских усадеб там были потомки греков-переселенцев. Поэтому у них в хозяйстве сохранилась традиция держать ослов — обычный сельский скот в Греции.

Что касается других домашних животных, составлявших стадо на сельских поселениях европейской части Боспорского царства, то роль разных видов скота изменялась в различные исторические периоды. В. И. Цалкин просмотрел и определил кости из 20 сельских поселений различного времени¹⁸⁷. В большинстве поселений, судя по количеству выделенных особей, главную роль в стаде играл мелкий рогатый скот. Так, из 20 поселений на 11 преобладал мелкий рогатый скот, а на 6 — крупный, на остальных — одинаковое количество (табл. 2). Преобладание мелкого рогатого скота особенно заметно на поселениях, откуда исследовано большое количество костей (Ново-Отрадное и Семеновка). Характерно, что в целом по всем поселениям почти 41% всех домашних животных (исключая собак) составлял мелкий рогатый скот, т. е. козы и овцы. Крупного рогатого скота было около 30%, и более 16,5% составляли лошади. Какие виды мелкого рогатого скота преобладали, нам установить не удается.

Среди 205 особей домашних животных, выделенных по костным материалам с поселений I—III вв. н. э., количество мелкого рогатого скота приближается к половине (45, 85%). Правда, такой большой процент получился в значительной мере благодаря тому, что в Семеновке число овец и коз было необычайно велико и более чем в два раза превосходило число крупного рогатого скота. На некоторых поселениях I—III вв. н. э. (Киммерик, Куль-тепе, Золотое, Андреевка Северная) количественно преобладал крупный рогатый скот. Однако число выделенных по костям особей там очень невелико, а различие в поголовье мелкого и крупного рогатого скота незначительно. Поэтому мы не можем с уверенностью утверждать, что по характеру эти пункты резко отличались от других сельских поселений.

Интересно, что на поселениях эпохи бронзы, обнаруженном под античным городом Киммериком, среди небольшого количества особей домашних животных преобладал мелкий рогатый скот, а в слое II тысячелетия до н. э. поселения у с. Сазоновка первое место занимали кости коровы. Любопытны и результаты, полученные В. И. Бибиковой при определении

¹⁸⁷ В работе В. И. Цалкина «История скотоводства в Северном Причерноморье» (В. И. Цалкин, 1960) нашли отражения материалы только пяти поселений. Кости из остальных поселений были им просмотрены позднее.

Таблица 2

Число особей животных, выявленных по костным остаткам в сельских поселениях

Виды	Виды																			Всего	
	Киммерик II тысячелетие до н. э.	Сазоновка III—I тысячелетия до н. э.	Андреевка Южная V—III вв. до н. э.	Сазоновка IV—III вв. до н. э.	Южно-Чурубашское V—IV вв. до н. э.	Мысовое V—III вв. до н. э.	Южно-Чурубашское IV—III вв. до н. э.	Марьевка IV—III вв. до н. э.	Героевка VI—II вв. до н. э.	Семеновка III—II вв. до н. э.	Золотое Восточное III—II вв. до н. э.	Семеновка I в. до н. э.— I в. н. э.	Рассвет I в. до н. э.— I в. н. э.	Семеновка I—III вв. н. э.	Киммерик I—III вв. н. э.	Чурубаш I—III вв. н. э.	Куль-тепе I—III вв. н. э.	Золотое I—III вв. н. э.	Ново-Отрадное I—III вв. н. э.		Андреевка Северная III в. н. э.
Крупный рогатый скот	2	2	7	4	2	3	3	1	7	3	5	2	4	23	6	1	4	6	24	2	111
Мелкий рогатый скот	3	1	6	4	3	3	4	1	8	7	7	5	5	50	4	2	3	4	30	1	151
Лошадь	1	1	7	2	1	1	2	1	5	3	2	3	2	13	2	1	2	2	11	—	62
Свинья	1	—	3	1	—	2	—	—	7	—	4	1	—	9	2	1	2	7	5	—	45
Осел	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2
Собака	—	—	—	—	1	—	1	—	17	1	8	4	—	9	2	—	—	3	2	—	48
Птица	3	—	—	—	—	2	—	—	—	3	5	11	—	41	1	—	—	—	1	—	67
Заяц	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	5
Лисица	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	2
Дельфин	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	3	—	—	1	1	—	10
Морская свинья	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	2

костей из поселения эпохи бронзы¹⁸⁸, исследованного А. М. Лесковым на Керченском полуострове у с. Кирово¹⁸⁹. Там обнаружены слои катакомбной культуры середины II тысячелетия до н. э. и срубной — XIII — начала VIII в. до н. э. В слое катакомбной культуры были кости восьми коров, шести лошадей, трех овец или коз, одной свиньи и одной собаки. В слое срубной культуры на первом месте по количеству особей был крупный рогатый скот — 98 особей, или 38,28%. При этом было установлено абсолютное преобладание остатков коров, хотя имелись также кости быков и волов¹⁹⁰. Крупный рогатый скот в эпоху бронзы составлял, таким образом, более $\frac{1}{3}$ всего поголовья сельскохозяйственных животных. Мелкий рогатый скот составлял 28,52%, или 73 особи, среди которых преобладали овцы. Козы представлены там лишь единицами¹⁹¹. На третьем месте находились лошади. Были определены кости 63 особей лошадей, т. е. 24,6%. Имелись там также кости 19 свиней и 13 собак.

Мы видим, таким образом, что у обитателей поселений эпохи бронзы глубинной части Керченского полуострова, к каким относятся Кировское и Сазоновка, первое место в стаде принадлежало крупному рогатому скоту. В. И. Бибилова отмечает также, что преобладание крупного рогатого скота характерно для поселений срубной культуры Среднего Поволжья. В Киммерике не было отчетливого слоя срубной культуры. Может быть, поэтому и состав остеологического материала там иной. Из поселений Восточного Крыма, относящихся к античному времени, т. е. ко второй половине I тысячелетия до н. э., крупный рогатый скот преобладал только в Андреевке Южной. Да и там преобладание это незначительно. Там были обнаружены кости всего семи особей крупного рогатого скота, семи лошадей и шести особей мелкого рогатого скота. Небольшое число особей не позволяет делать выводы на основании материала только Андреевки Южной. На всех остальных поселениях, относящихся к периоду от V до II в. до н. э., число особей мелкого рогатого скота либо превышает число других животных, либо равно числу особей крупного рогатого скота (Сазоновка, Мысовое, Марьевка).

В большинстве случаев в стаде сельских поселений Боспора за мелким рогатым скотом количественно следовал крупный рогатый скот, и на третьем месте находились лошади. Всего на поселениях европейской части Боспора в V—II вв. до н. э. в стаде было около 36% мелкого рогатого скота, около 29% — крупного и 20% лошадей. На четвертом месте находились свиньи — около 14,1% всего стада. Меньше 1% составляли ослы.

Если сравнить сведения, полученные при статистическом анализе костных остатков из сельских поселений европейской части Боспора, с выводами В. И. Цалкина о характере стада всего Боспора во второй половине I тысячелетия до н. э., то мы увидим, что данные совпадают для классического и эллинистического периодов, т. е. для времени с VI—V по II—I вв. до н. э.: среди костных остатков из городов Боспора,

¹⁸⁸ В. И. Бибилова, 1970, стр. 97 сл.

¹⁸⁹ А. М. Лесков, 1970, стр. 7 сл.

¹⁹⁰ В. И. Бибилова, 1970, стр. 99 сл.

¹⁹¹ Там же, стр. 97, 101, 105.

так же, впрочем, как и из Ольвии, мелкий рогатый скот по количеству особей преобладает над крупным рогатым скотом¹⁹².

Когда В. И. Цалкин писал свою работу «Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа», он располагал очень небольшим количеством костных остатков из немногих сельских поселений Боспора эпохи эллинизма. Но его выводы о преобладании мелкого рогатого скота остаются правильными и сейчас, когда получено много нового материала. Согласно новым данным, мелкий рогатый скот в слоях до I в. до н. э. на сельских поселениях составлял 36,13%, а крупный — 29,41%, тогда как по данным В. И. Цалкина на долю мелкого рогатого скота приходится 34,5%, а крупного — 29,1%¹⁹³.

Что же касается слоев первых веков н. э., то новые материалы рисуют нам несколько иную картину, чем представлялось В. И. Цалкину.

На рубеже н. э., когда сельское хозяйство Боспора переживает большие изменения, соотношение скота в стаде как будто бы не меняется. Определение костей из поселений I в. до н. э.—I в. н. э. было сделано только для усадьбы у хут. Рассвет и для поселения у с. Семеновка. Хотя число выделенных особей невелико и проценты могут быть вычислены лишь условно, все же примерное пропорциональное соотношение пород скота в стаде сохраняется. По-прежнему преобладает мелкий рогатый скот, его доля превышает 45%. При этом на усадьбе у хут. Рассвет все кости мелкого рогатого скота принадлежат козам¹⁹⁴. На втором месте в стаде того времени стоит крупный рогатый скот — 27%, на третьем — лошадь — 22,7%. Количество свиней незначительно. Обнаружены кости только одной свиньи на поселении у с. Семеновка, что составляет 4,5%. На усадьбе у хут. Рассвет костей свиньи не было.

Иначе обстоит дело в первые три века н. э. В Ольвии и в ряде городов Боспорского царства изменяется соотношение между мелким и крупным рогатым скотом в стаде. Согласно расчетам В. И. Цалкина, среди общего числа особей сельскохозяйственных животных, определенных по костям из раскопок боспорских памятников V—IV вв. до н. э., мелкий рогатый скот составлял 56%. На памятниках эллинистического времени его было 40,2%, а на памятниках первых веков н. э.— только 32,3%. Количество крупного рогатого скота, наоборот, увеличивается от 21,1% в V—IV вв. до н. э. до 28,5% в период эллинизма и до 39,1% в первые века н. э.

Сильно повышается, например, роль крупного рогатого скота в первые века н. э. в стаде Танаиса. При этом там преобладали коровы, волов было меньше и еще меньше быков. В отличие от других городов Боспора довольно большой процент в стаде Танаиса все еще составлял мелкий рогатый скот (43,6%)¹⁹⁵. Если в целом в городах Северного Причерноморья растет количество лошадей, удельный вес которых повышается с 7,2 до 12,4%, то в хозяйстве Танаиса роль лошади падает с 19,1% в эпоху элли-

¹⁹² В. И. Цалкин, 1960, стр. 93.

¹⁹³ Там же, стр. 97, рис. 27.

¹⁹⁴ В. Н. Таскаев, 1971, стр. 59.

¹⁹⁵ Д. Б. Шелов, 1972, стр. 82.

низма до 11,8% в первые века н. э.¹⁹⁶ Этот процесс изменения стада Танаиса соответствует тому, что происходило на сельских поселениях Боспора. Там также в первые века н. э. несколько уменьшается количество лошадей: с 20,16% в V—III вв. до н. э. оно падает до 8,78% в I—III вв. н. э. Процент свиней в целом в стаде городов Боспора не меняется¹⁹⁷.

Согласно новым данным, полученным при изучении костей из девяти сельских поселений первых веков н. э., доля мелкого рогатого скота в стаде не уменьшается. В I в. до н. э.—I в. н. э. козы и овцы составляют 45,4% всех сельскохозяйственных животных, а в I—III вв. н. э.—45,85%. Поскольку на поселениях V—III вв. до н. э. процент мелкого рогатого скота достигал 36,13%, не приходится говорить об уменьшении роли мелкого рогатого скота в стаде, а, наоборот, отмечается его возрастание. Крупный рогатый скот в первые века н. э. по-прежнему остается на втором месте. Незначительно падает доля свиней: от 14,16% в V—III вв. до н. э. до 12,67% в I—III вв. н. э.

Из поселений I—III вв. н. э. наибольшее количество особей домашних животных удалось выявить на поселении у с. Семеновка. Там определено 95 особей, из которых 50 принадлежат мелкому рогатому скоту, 23 вола, быка или коровы, 13 лошадей и 9 свиней. Это соотношение, как кажется, верно отражает состав стада сельских поселений Боспора первых веков н. э. Но в Золотом и Киммерике в первые века н. э. первое место занимает крупный рогатый скот, и это заставляет вспомнить об общем положении на Боспоре в первых веках н. э., о рустификации городов и повышении роли волков как тягловой силы. Увеличение количества крупного рогатого скота наблюдается во всех городах Северного Причерноморья¹⁹⁸. По-видимому, этот процесс захватил и маленькие городки сельского типа, как Киммерик, и некоторые из поселений, как Золотое.

Обращает на себя внимание наличие свиней на всех поселениях первых веков н. э., кроме Андреевки Северной. На поселениях эллинистического времени кости свиней встречаются реже, но все же имеются. В Золотом Восточном, например, были найдены кости четырех свиней, в Андреевке Южной — трех, в Мысовом — двух, а в Героевке — семи. Свиньи разводились обитателями Керченского полуострова и в догреческий период. Так, кости свиньи найдены на поселениях II тысячелетия до н. э. у Киммерика и у с. Кирово наряду с костями лошади и рогатого скота.

Интересно, что среди костных остатков на поселениях оказалось значительное количество костей собак. Вероятнее всего, собаки сторожили стада. В слоях эпохи бронзы в Киммерике и Сазоновке кости собак не найдены. Не обнаружены они в Андреевке Южной, Мысовом, Марьевке и в эллинистических слоях Сазоновки. Но на остальных поселениях эллинистического времени они были. Особенно много собачьих костей найдено в Героевке среди мусора, засыпавшего цистерну. Из семи поселений пер-

¹⁹⁶ Там же, стр. 83.

¹⁹⁷ В. И. Далкин, 1960, стр. 97, табл. 40.

¹⁹⁸ А. В. Бураков, 1970, стр. 25.

вых веков н. э. кости собак имелись на четырех. Довольно много костей собак было в Семеновке (девять особей), Ново-Отрадном (две), Киммерике (две) и Золотом (три).

Вероятно, в различных районах Боспорского царства соответственно их географическим и экономическим особенностям отдельные отрасли скотоводства развивались неравномерно. Так, например, в районе Казантипского полуострова и по берегам Азовского моря скалистая и холмистая местность благоприятствовала овцеводству. Может быть, поэтому среди костных остатков из поселения у с. Семеновка, из усадьбы у с. Ново-Отрадное и из Золотого Восточного преобладают кости мелкого рогатого скота. Судя по числу костей, приходящихся на каждую особь¹⁹⁹, стадо поселения у с. Семеновка в III в. н. э. состояло на 58% из мелкого рогатого скота, в том числе коз и овец, на 22% — из крупного рогатого скота, на 13% — из лошадей и на 5% — из свиней²⁰⁰.

В боспорских городах и поселениях, расположенных среди культурных земель, возможно, предпочитали разводить крупный рогатый скот, который давал больше мяса и мог использоваться в качестве тягловой рабочей силы. В Пантикапее, например, в первые века н. э. резко увеличивается численность крупного рогатого скота. Он составляет более 40% всего стада, тогда как овцы и козы — лишь 30,5%. В Танаисе доля крупного рогатого скота по отношению к общему числу определенных сельскохозяйственных животных составляла в I—III вв. н. э. 41,4%²⁰¹. Впрочем относительное увеличение количества крупного рогатого скота в стадах характерно для всех городов Боспора римской эпохи. Это связано прежде всего с изменением характера городской жизни, с рустификацией городов, с переселением в них сельских хозяев вместе с их домашним скотом. Однако не во всех городах Боспора даже после этого переселения крупный рогатый скот стал преобладать над мелким. В Фанагории, Киммерике, Мирмекии, Танаисе в стадах продолжал главенствовать мелкий рогатый скот.

Даже если в некоторых случаях, когда выводы делались на основании небольшого костного материала, они могут быть случайными, нельзя отрицать связь, существовавшую между географическим положением поселения и составом его стада. Состав стад в городах и поселениях в основном был одинаков. На первом месте всегда был крупный или мелкий рогатый скот, а затем шли свиньи или лошади. Последних, например, было больше в Танаисе и Илурате. В Танаисе лошади составляли 10%, а свиньи — 3% всего стада, в Илурате лошадей было 19%, свиней — 13,9%. В крупных греческих городах, наоборот, преобладали свиньи. В Пантикапее свиньи составляли 16,4%, тогда как лошади — 12,6% стада; в Фанагории свиньи — 15,9%, а лошади — 10%. Число свиней, судя по костным остаткам, превосходило число лошадей также и в Мирмекии,

¹⁹⁹ Все кости определены В. И. Цалкиным. Всего в Семеновке найдены кости крупного рогатого скота — от 34 особей; мелкого рогатого скота — от 13 особей, лошадей — от 8 особей, свиней — от 4 особей.

²⁰⁰ Процент вычислялся по материалу последних пяти лет раскопок (1953 — 1962 гг.).

²⁰¹ Д. Б. Шелов, 1972, стр. 81.

Нимфее, Кепах, на Семибратнем городище и в других местах. Преобладание свинных костей в крупных городах, а лошадиных — на отдаленных поселениях может объясняться также сохранением обычая употреблять в пищу конское мясо. Этот обычай, возможно, бытовал в тех поселениях и городах, где среди жителей было много представителей скифских и сарматских племен или их потомков, сохранивших свои этнические особенности. Обычай есть конину среди более эллинизованного населения городов, вероятно, был мало распространен.

Римские агрономы обращали особое внимание на разведение волов, которые были основной тягловой силой при сельскохозяйственных работах, а также на овцеводство и свиноводство. Колумелла (*Colum.*, VII, 2, 1) сообщает, что «овечьё молоко и овечий сыр насыщали не только деревенское население, но украшали и изысканный стол многими вкусными кушаньями»²⁰². И Колумелла и Варрон (*Colum.*, VII, 9; *Varro*, II, 4) описывают порядок разведения свиней²⁰³. Свинина была обязательным и любимым блюдом обитателей Италии. Особенно интересны замечания об овцеводстве, перекликающиеся с материалами, полученными при археологических раскопках. На сельских поселениях европейского и азиатского Боспора находили керамические сосуды со сквозными отверстиями, которые, вероятно, служили для производства сыра. Совершенно идентичные глиняные чашки-цеделки на трех ножках были найдены в Илурате²⁰⁴ и на поселении у с. Семеновка²⁰⁵. В Семеновке встречались глиняные воронки и конические сосуды с отверстиями для стока жидкости²⁰⁶.

В Илурате, на поселении у с. Семеновка и на других поселениях как в III, так и в III—IV вв. н. э. почти в каждом доме были помещения, предназначенные для содержания скота. Иногда таких помещений было несколько. Они обычно имели вымощенный камнями пол, иногда с небольшими каналами для стока жидкости в находившиеся здесь же ямы. Последние чаще всего наполнены золой. В этих помещениях открыты ясли для корма и каменные загородки с просверленными отверстиями, предназначенными, вероятно, для привязывания скота. Помещения эти обычно отапливались. Отделения для скота с каменной вымосткой были отгорожены от второй половины помещения, где была печь, каменными лежанками, яслями или каменными загородками. Все это находится в полном соответствии с советами Варрона вымащивать хлева для овец и коз камнем, чтобы «нигде в них не застаивалась моча» (*Varro*, II, 9, 19), чтобы «не было ни сырости ни грязи» (*Varro*, II, 3, 6). Варрон также рекомендует пол помещения, где стоят овцы, «замащивать и делать с уклоном, чтобы хлев легко было вымести и содержать в чистоте» (*Varro*, II, 2, 7). Именно такие удлиненные помещения с каменными полами, имеющими уклон к одной из сторон, были открыты в сельской усадьбе

²⁰² М. Е. Сергеевко, 1958, стр. 135.

²⁰³ Там же, стр. 145 сл.

²⁰⁴ В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 72—73, рис. 64а и 64б.

²⁰⁵ И. Т. Кругликова, 1962а, стр. 219, рис. 56.

²⁰⁶ В. Ф. Гайдукевич считает такой сосуд крышкой курильницы (В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 130, рис. 139, 1).

Андреевка Южная²⁰⁷. Длина этих помещений 11—14,5 м, ширина 1,5—2,5 м.

Размеры помещений, предназначенных для скота, различны. Из 12 таких помещений, открытых на поселении у с. Семеновка²⁰⁸, шесть были стандартных размеров — от 2,4 до 2,8 м в ширину и от 3 до 3,5 м в длину. Нескольким помещений имеют ширину от 2,6 до 3 м и длину от 3 до 4,2 м. Размеры самого маленького помещения 2,4×2 м; самого большого — 3×6 м. Примерно такие же, но чаще несколько больших размеров помещения для скота были и в Илурате²⁰⁹. Интересно, что некоторые дома в Илурате имели по три таких помещения²¹⁰. Они могли быть предназначены для различных видов сельскохозяйственных животных. Число таких помещений, так же как число голов скота, находилось в прямой зависимости от материального достатка хозяина дома. Даже в самом маленьком помещении для скота на поселении у с. Семеновка могли стоять две коровы или несколько овец, а у большей части домов эти помещения были значительно вместительнее.

По-видимому, на Боспоре, как и в древней Италии, было два типа овцеводства: отгонное, или пастбищное, и стойловое, или приусадебное. Иногда они могли сочетаться. Так, по-видимому, обитатели поселения у с. Семеновка держали часть овец и коз в домах. Но, возможно, у них были и кочевые стада. Для них сооружали круглые каменные постройки или ограды среди гор и холмов, вдали от поселений. Такие круглые загоны для овец встречаются повсюду на Боспоре.

Очень интересные наблюдения над изменением использования земельных владений были сделаны при раскопках поселения у с. Октябрьское вблизи Керчи. Там исследовался земельный участок, возможно клер IV—III вв. до н. э. Размеры этого участка сильно выросли в первые века н. э., но в III—IV вв. н. э. каменные ограды, окружавшие участок, были разрушены, перестала существовать усадьба, и обрабатывавшиеся ранее земли были отданы под пастбище. В это время был сооружен каменный круглый загон, вероятнее всего предназначенный для овец. При раскопках внутри этого загона был обнаружен слой, сильно утоптаный копытами животных, с грунтом, напоминающим перегнивший козий помет. Стены загона сложены в нижней части из массивных камней, а в верхней — из более мелких камней на глине.

Надо полагать, что роль отгонного овцеводства возросла в III и IV вв. н. э. Стада овец кочевали в течение всего лета, а на холодную зиму их пригоняли в города и поселки в специальные хлевы.

²⁰⁷ И. Т. Кругликова, 1968б, стр. 206.

²⁰⁸ Таких помещений было гораздо больше, но совершенно четко выявляются и не испорчены поздними перекопами только помещения 4, 5, 7, 10, 12, 14, 20, 27, 32, 33, 47, 84.

²⁰⁹ В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 69—72, помещения 16—18.

²¹⁰ Там же, стр. 72.

Птицеводство тоже играло определенную роль в сельскохозяйственном производстве Боспора. В помещениях и мусорных свалках, куда сбрасывали пищевые отходы, находят множество птичьих костей. В некоторых случаях удается выделить из них кости кур. Так, из помещений поселения у с. Семеновка были даны на определение В. И. Цалкину 64 птичьих кости. Ему удалось выделить из них кости семи кур. При этом в слое I в. до н. э. — I в. н. э. были кости не менее чем двух особей, а в слое III в. н. э. — четырех. Кости кур найдены в различных помещениях, так что, по-видимому, куры были почти в каждом доме. Кости птиц, к сожалению, более точно не определенные, обнаружены и на других сельских поселениях, в том числе в Киммерике в слое II тысячелетия до н. э. и в слое I—III вв. н. э., на поселении Золотое Восточное, относящемся к эллинистическому времени, и на других поселениях. Кости кур обнаружены в могилах некрополя у с. Золотое и в одной из могил у с. Заморское²¹¹. По-видимому, мясо домашних кур, так же как и мясо рогатого скота, клали в могилы в качестве паутственной пищи.

Разведение домашней птицы было хорошо известно грекам и римлянам, о чем свидетельствуют многочисленные изображения кур и петухов на расписных вазах и других памятниках искусства, а также большие экскурсии о птицеводстве в трудах римских агрономов. Нет ничего удивительного, что оно было распространено и на боспорских поселениях. Птицеводство могло быть знакомо жителям Северного Причерноморья еще задолго до появления там греков. Такое заключение мы вправе сделать на основании находок птичьих костей в догреческом Киммерике. По-видимому, домашняя птица, а может быть, и яйца играли определенную роль в пищевом рационе боспорских жителей, особенно в первые века н. э.

Е. Г. Кастанаян установила, что у греков куриные яйца связывались с хтоническим культом. Их изображали на погребальных памятниках и погребальных сосудах, клали в могилы, чаще всего детские. Так, скорлупа куриных яиц была найдена в нескольких детских погребениях Олинфа; на Боспоре она зафиксирована в одной из гробниц Пантикапея²¹². В некрополях сельских поселений Боспора скорлупа яиц была встречена в детском погребении I в. н. э. у Золотого и в одной из могил у с. Фронтное²¹³.

Имелось ли на Боспоре птицеводство промышленного типа, как это было в пригородных усадьбах Рима (*Varro*, II, 2, 11), или кур разводили только для собственных домашних нужд, как в хозяйстве Катона (*Cato*, 89—90)²¹⁴, мы не знаем. Варрон описывает различные виды домашней птицы (павлины, дрозды, голуби, куры, гуси, утки), которую разводили в рабовладельческих усадьбах специально для продажи римским гурманам. Состояние наших источников не позволяет пока уточнить, какие из этих птиц, кроме кур, выращивались в хозяйстве боспорян.

²¹¹ Раскопки В. Н. Корпусовой. Кости птиц определены А. С. Уманской (Институт зоологии АН УССР).

²¹² Е. Г. Кастанаян, 1959а, стр. 267.

²¹³ В. Н. Корпусова, 1971, стр. 92.

²¹⁴ М. Е. Сергеевко, 1958, стр. 152—153.

Рыболовство

Исследования многочисленных боспорских поселений, расположенных по берегам Керченского пролива, Азовского и Черного морей, свидетельствуют о большом развитии там рыбного промысла.

Рыбные богатства Боспора были хорошо известны грекам. В IV в. до н. э. греческий поэт Архестрат составил «Записки о боспорской соленой рыбе» (*Athen.*, VII, 21). О вывозе из припонтийских стран соленой рыбы, которая считалась одним из предметов роскоши, пишет Полибий (*Polyb.*, IV, 38, 4). Афиней (*Athen.*, IV, 109) передает рассказ Полибия о том, как Катон негодовал из-за того, что некоторые римляне роскошествовали, «покупая за тридцать драхм бочонок понтийской соленой рыбы...» О вывозе соленой рыбы из Меотиды и о ловле рыбы для соления свидетельствует Страбон (*Strabo*, VII, 4, 6; XI, 2, 4). Он же (*Strabo*, VII, 6, 2) сообщает о ловле пелагид, размножающихся в Азовском море и уходящих затем в Черное, и отмечает (*Strabo*, VII, 3, 18) крупные размеры осетров в Керченском проливе, почти равных дельфинам.

Большая роль рыбного промысла на Боспоре уже неоднократно отмечалась в литературе²¹⁵. Археологические раскопки последних десятилетий дают довольно ясное представление о характере рыбной ловли в позднеантичный период.

В многочисленных помещениях, раскрытых в Киммерике, у сел Семеновка, Ново-Отрадное, в Тасунове, на Батарейке I и др., очень часто встречаются кости рыб. Иногда они находятся в больших глиняных сосудах²¹⁶, иногда лежат сплошным слоем толщиной до 50 см, покрывая весь пол помещений²¹⁷. В последнем случае, вероятно, можно видеть остатки складов сухой рыбы²¹⁸.

Среди вещей, находимых в помещениях, очень часто попадаются рыболовные крючки различных размеров — длиной от 2 до 10 см (рис. 91), грузила от сетей, в том числе глиняные пирамидальные и округлые уплощенные²¹⁹, каменные с перехватом для обвязывания веревками²²⁰; небольшие грузила, сделанные из обломков амфорных ручек, с выемками для привязывания шнура²²¹. В Семеновке в нескольких помещениях найдены пробковые и деревянные поплавки от сетей. Там же были куски обгорелого крученого шнура с узлами — по-видимому, куски плетеной сети²²². Очень часто и в большом количестве находят костяные иглы с зарубками, которые могли употребляться для вязания сетей²²³, и бронзо-

²¹⁵ В. Ю. Марти, 1941б, стр. 94 сл.; В. Д. Лебедев, Ю. Е. Ланин, 1954, стр. 197 сл.

²¹⁶ И. Б. Зеест, 1949, стр. 97.

²¹⁷ И. Т. Кругликова, 1960, стр. 68.

²¹⁸ Там же, стр. 79, рис. 32, 4.

²¹⁹ Н. А. Онайко, 1956, стр. 159, рис. 3.

²²⁰ В. Ф. Гайдукевич, 1952б, стр. 115, рис. 141.

²²¹ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 242, рис. 5. 4.

²²² И. Т. Кругликова, 1961, стр. 76, рис. 29, 4.

²²³ В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 131, рис. 140, 2.

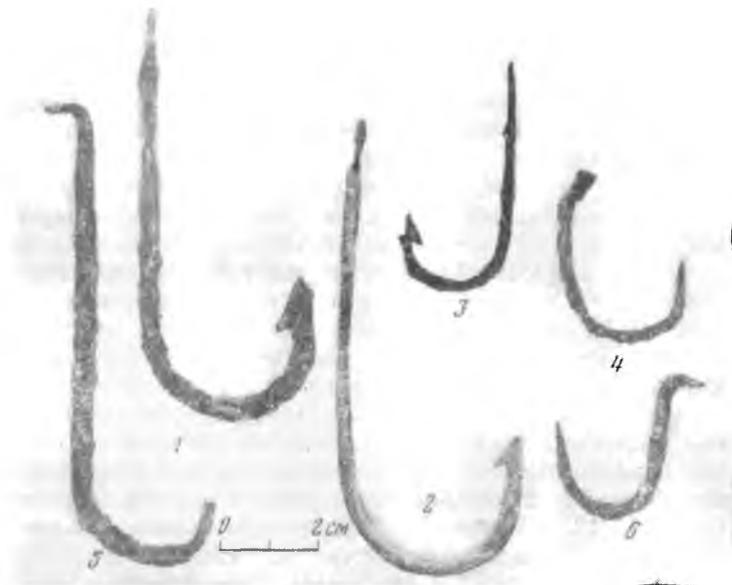

Рис. 91. Рыболовные крючки

вые крючки в форме двусторонних вилок — также для вязания сетей. Неоднократно встречались костяные ножи для чистки рыбы²²⁴.

На сельских поселениях, так же как и в городах, часто находят пирамидальные грузила, лежащие параллельно в несколько рядов. По-видимому, они были прикреплены к сложенной сети, которая не сохранилась. Такие группы из девяти грузил обнаружены в одном из помещений в Семеновке²²⁵. Две кучки рыболовных грузил (103 штуки), лежащих, по-видимому, вместе с сетями, были найдены в Фанагории в одном из помещений, погибших во время пожара в IV в. н. э.²²⁶

Видимо, рыболовством промышляли одинаково и обитатели приморских деревень, и жители городов. Можно предполагать, что были семьи, специально занимавшиеся рыбной ловлей, имелись и объединения таких семей. Следы крупных рыбных промыслов в виде комплексов рыбозасолочных цистерн первых веков н. э. обнаружены пока только в городах, особенно много их в Тиритаке и Мирмекии. Можно все же предполагать, что на прибрежных сельских поселениях первых веков н. э. были рыбозасолочные цистерны, но меньших размеров.

В небольшом городке Тиритаке вблизи Пантикапея обнаружены остатки очень крупного производства по заготовке соленой рыбы. Судя по ко-

²²⁴ В. Ф. Гайдужевич, 1952б, стр. 116, рис. 143; Он же, 1958а, стр. 126, рис. 133.

²²⁵ И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 76, рис. 16.

²²⁶ М. М. Кобылина, 1956, стр. 93.

личеству рыбозасолочных цистерн и по их концентрации, размах рыбного промысла в Тиритаке в I—III вв. н. э. был огромным. Это позволяет нам понять, какую большую роль играло на Боспоре рыболовство. Всего в Тиритаке было открыто 59 рыбозасолочных цистерн²²⁷. Подавляющее большинство из них функционировало с I по III в. н. э. и прекратило существование в конце III в. н. э.²²⁸ Однако есть цистерны, которые продолжали использоваться и в IV в. н. э.²²⁹ или были сооружены в III в. н. э. и функционировали в IV в. н. э., вплоть до гуннского нашествия. Наибольшее число их продолжало существовать и позднее²³⁰.

Сооружение наиболее крупных комплексов рыбозасолочных цистерн относится к I в. н. э. Среди них выделяется комплекс, открытый в 1932—1934 гг. у городской стены Тиритаки. Здесь было обнаружено 16 цистерн, расположенных по четыре в ряд. Возможно, их было и больше, так как последний ряд не раскрыт полностью и уходит под насыпь²³¹. Емкость 16 цистерн достигала 204 куб. м, что означало возможность одновременной засолки 1600 центнеров рыбы, а учитывая, что оборачиваемость промысла могла быть восьмикратной, эти цистерны могли обеспечить засолку 12 800 центнеров рыбы в год. Их должны были обслуживать не менее 12—15 человек. Для засолки такого большого количества рыбы требовалось около 3 тыс. центнеров соли²³².

Но, кроме этого комплекса, функционировавшего вплоть до III в. н. э. и принадлежавшего, вероятно, одному крупному рыболовецкому хозяйству, к III в. н. э. относятся и другие комплексы рыбозасолочных цистерн несколько меньших размеров. В одном из них было пять цистерн общим объемом 36 куб. м и еще две цистерны III—IV вв. н. э. вместимостью 27 куб. м. В 1945 г. были обнаружены еще шесть цистерн общей вместимостью 33 куб. м, расположенных попарно в три ряда. Расчищены четыре комплекса, в один из которых входят шесть цистерн общим объемом 42 куб. м, в другой — четыре объемом 29 куб. м. Еще две группы из четырех и из пяти цистерн вмещали 49 куб. м.

Таким образом, в южной и юго-восточной части Тиритаки в III в. н. э. существовало не менее 48 цистерн, общая емкость которых достигала 477 куб. м. В них одновременно могли засаливать около 3600 центнеров рыбы. А если считать возможным восьмикратное заполнение цистерн за год, то общая продукция всех открытых в Тиритаке цистерн могла превышать 28 тыс. центнеров в год. Более 30 человек было занято обслуживанием этого производства. Кроме того, для обеспечения этих цистерн сырьем требовалось значительное число рыболовов, а если учесть, что это лишь небольшая часть всех рыбозаготовительных хозяйств Тиритаки, что, помимо засолки рыбы в цистернах, ее сушили, вялили и, вероятно, коп-

²²⁷ В. Ф. Гайдукевич, 1952б, стр. 133.

²²⁸ 16 цистерн на участке I (В. Ю. Марти, 1941а, стр. 20); 5 — на участках V—VI и 6 — на участке X (В. Ф. Гайдукевич, 1952б, стр. 31, 48).

²²⁹ 14 цистерн на участке XIII (В. Ф. Гайдукевич, 1952б, стр. 57, 59).

²³⁰ Девять цистерн на участке XIII (В. Ф. Гайдукевич, 1952г, стр. 60).

²³¹ В. Ю. Марти, 1941а, стр. 20 сл.

²³² В. Ю. Марти, 1941б, стр. 94.

тили²³³, станет ясным, как много людей были заняты рыболовным промыслом в Тиритаке в III в. н. э.

В IV в. н. э. число рыбозасолочных цистерн в Тиритаке, по-видимому, уменьшается. Если судить по открытым до настоящего времени рыбозасолочным комплексам, то в III в. н. э. перестали действовать 27 из 48 функционировавших тогда цистерн, а общая вместимость их сократилась с 477 до 198 куб. м, что должно было уменьшить более чем вдвое годовое производство соленой рыбы. В IV в. н. э. прекращается существование еще 12 цистерн, и в V в. н. э. функционируют лишь два комплекса из десяти цистерн, объем которых не превышал 100 куб. м. Однако, поскольку могут быть еще не раскрытые раскопками цистерны, мы рассматриваем все эти цифры не как абсолютные, а лишь как дающие представление о соотношении размеров рыбозасолочного производства в различные периоды.

Кроме одного крупнейшего предприятия, включающего не менее 16 цистерн, остальные рыбозасолочные комплексы Тиритаки довольно стандартны по размерам: четыре²³⁴, пять²³⁵ и шесть²³⁶ цистерн; лишь как исключение встречаются группы по две цистерны²³⁷. В Мирмекии был открыт комплекс из восьми цистерн общей емкостью 130 куб. м²³⁸. Он существовал до III в. н. э., когда цистерны были засыпаны.

Техника сооружения рыбозасолочных цистерн довольно однообразна. В земле вырывали большой котлован, стенки его обкладывали каменными плитами, иногда лучше, иногда хуже обработанными, дно застилали каменным бутом, иногда на специальных подсыпках из песка и глины. Внутри делали перегородки (в зависимости от числа цистерн) из поставленных на ребро плит. Затем все покрывалось несколькими слоями известкового раствора с примесью толченой керамики и песка²³⁹. Число слоев раствора иногда доходит до пяти, толщина же обмазки достигает 4 см²⁴⁰. Глубина цистерн различна: лишь у двух цистерн она достигала 3,27 м, по большей части сохранившаяся глубина — 1,7—1,8 м. Только одна из цистерн, пристроенная к существовавшему ранее комплексу, имеет глубину 1 м. Глубина четырех остальных цистерн этого же комплекса не менее 2,28 м. По-видимому, цистерны, действовавшие до III в. н. э. и разрушенные до начала IV в. н. э., имели над собой черепичные кровли. Об этом свидетельствует большое количество черепицы, найденной внутри цистерн как в Тиритаке, так и в Мирмекии. Только две группы тиритакских цистерн не сохранили следов черепичной кровли, именно те, которые использовались жителями Тиритаки в раннесредневековое время²⁴¹.

²³³ Коптильни рыбы были открыты в Северном Причерноморье на поселении Золотая Балка (*М. М. Вязьмитина*, 1962, стр. 44—46) и на Кобяковом городище (*С. И. Капошина*, 1960, л 8).

²³⁴ *В. Ф. Гайдужевич*, 1952б, стр. 57—58.

²³⁵ Там же, стр. 30 и 60.

²³⁶ Там же, стр. 48 и 57 (группа А).

²³⁷ *Т. Н. Книпович, Л. М. Славин*, 1941, стр. 52.

²³⁸ *В. Ю. Марти*, 1941а, стр. 103.

²³⁹ *В. Ф. Гайдужевич*, 1952б, стр. 58 (группа В).

²⁴⁰ Там же, стр. 60.

²⁴¹ Там же, стр. 61.

Форма цистерн в плане большей частью квадратная и прямоугольная или почти прямоугольная, лишь единичные цистерны имели трапециевидную форму²⁴². Размеры цистерн, иногда даже внутри одного комплекса, различны²⁴³.

Рыбозасолочные цистерны, открытые в 1944 г. в Горгиппии, прекратили работу до III в. н. э. Время функционирования цистерны, открытой в 1944 г. в Пантикапее, неясно²⁴⁴. Но все они позволяют предполагать, что рыбозасолочные предприятия были не только в Тиритаке, но и в других городах Боспора. Вывоз рыбы в первые века н. э. стал, по-видимому, существенной частью боспорского импорта, а это в свою очередь способствовало развитию рыболовного промысла.

Именно в это время ясно заметно тяготение поселений к берегу моря. Следы рыболовства на всех без исключения поселениях III в. н. э., раскопывавшихся за последние годы, свидетельствуют, что население не просто ловило рыбу для потребления, но что рыбная ловля превратилась в доходный промысел: рыбу ловили для продажи. Всячески улучшали рыболовные снасти, покупали даже импортную пробку для поплавков к сетям²⁴⁵. Рыбу ловили на крючки, вероятно так же, как и современные рыбаки. Но массовый лов производили неводами, о которых говорят различные грузила, деревянные и пробковые поплавки и самые остатки сетей. Неводы с тяжелыми свинцовыми грузилами внизу и с пробковыми поплавками сверху применяли для ловли рыбы и жители Помпей²⁴⁶.

На Боспоре промысловыми рыбами были различные виды осетровых, карповых, окуневых и др. На дне некоторых рыбозасолочных цистерн в Мирмекии были найдены спрессованные остатки хамсы²⁴⁷, а в Тиритаке — скелеты сельди. Около цистерн там были и кости осетровых рыб²⁴⁸. В Фанагории в слоях III—IV вв. н. э. найдены остатки севрюг, осетров, лещей, сазанов, сомов и судака. Поскольку сом в морской воде не водится, можно говорить о том, что фанагорийцы ловили рыбу не только в водах Таманского залива, но и в реке Кубань²⁴⁹.

Среди костей рыб, найденных на поселении Семеновка, были остатки осетров (*Acipenser güldenstädti*). Установлен возраст одного из них — 6 лет. Встречены кости и чешуя сазанов (*Syrpinus carpio*). Эти рыбы имели различные размеры — длиной от 40 до 85 см, преобладали экземпляры длиной 50—70 см. По позвонкам был установлен возраст 105 экземпляров сазана. Оказалось, что в уловах преобладали сазаны возрастом 10—12 лет. Имелись кости судака (*Lucioperca lucioperca*), бычков-круг-

²⁴² В. Ф. Гайдукевич, 1952б, стр. 60 (группа Г), стр. 30, участки V—VI; стр. 57 (группа Б).

²⁴³ Наименьшие размеры 1,3 × 1,75 м и 1,7 × 1,8 м при глубине 2, 28 и 1,8 м (там же, стр. 48 и 60), наибольшие — 3,1 × 1,7 м; 2,85 (2,95) × 2,63 (3,00) м при глубине 2,5 и 3 м. См.: В. Ю. Марти, 1941в, стр. 20; В. Ф. Гайдукевич, 1952б, стр. 57.

²⁴⁴ В. Д. Блаватский, 1951в, стр. 53, № 138.

²⁴⁵ Поплавки из пробки размерами 10 × 8 см; 12 × 9 см и т. д. с центральным отверстием найдены в различных помещениях на поселении у Семеновки.

²⁴⁶ М. Е. Сергеевко, 1949, стр. 121.

²⁴⁷ В. Ф. Гайдукевич, 1952в, стр. 207.

²⁴⁸ В. Ю. Марти, 1941а, стр. 104.

²⁴⁹ В. Д. Лебедев, Ю. Е. Лапин, 1954, стр. 208.

ляков (*Neogobius melanostomus*), тарани (*Rutilus rutilus heckeli Nordm*), размеры которой колеблются от 22 до 37,5 см. Встречены и кости камбалы глосса (*Pleuronectes flesus luscus Pall*). Все эти виды встречаются в бассейне Черного и Азовского морей и в настоящее время²⁵⁰. Преобладали кости сазанов, которые по размерам не превышали современных. Огромные скопления остатков сазанов в одном из помещений, раскопанных в 1957 г., где была найдена масса рыбных остатков, лежащая слоем толщиной около 0,5 м, указывают на организацию ловли с помощью ставных сетей и неводов. Кости севрюги, судака и сазана найдены на поселении у Михайловки.

Очень широко было распространено добывание съедобных моллюсков — мидий. Их створки в огромном количестве встречаются в мусорных свалках поселений, при этом и на поселениях, отдаленных от берега моря. Вероятно, моллюски были любимым кушаньем боспорян. Среди костных остатков на поселениях III—IV вв. н. э. неоднократно встречались кости дельфинов²⁵¹. По-видимому, их ловили и употребляли в пищу, а возможно умели использовать их жир для светильников.

Сравнивая виды рыб, наполнявших неводы боспорских рыбаков, с теми, которых вылавливали рыбаки Северо-Западного Крыма, можно заметить некоторое различие в рыбном промысле этих двух районов. Изучение костных остатков с поселений Северо-Западного Крыма показывает, что там на первом месте стоял промысел кефали. Несколько меньше вылавливали карасей и камбалы. Еще меньше было осетров и скатов²⁵². Специализация боспорского рыбного промысла была несколько иной, что связано с особенностями географического положения Боспора, с близостью Азовского моря.

К сожалению, нет материалов для восстановления организации рыбной ловли: ловили ли рыбу самостоятельно отдельные рыбаки, продававшие ее затем скупщикам, существовали ли объединения рыбаков — артели — и крупные предприниматели — рыбопромышленники, нанимавшие рыбаков? Вероятно, были все три формы рыбного промысла. О крупных рыбопромышленниках, которые могли нанимать рыбаков, скупали уловы рыбы специально для заготовки на продажу, свидетельствуют большие комплексы рыбозасолочных цистерн. Единичные и парные цистерны могли принадлежать и отдельной семье рыбака.

Из рыбозасолочных цистерн готовую рыбу перекладывали в пифосы и крупные амфоры. Распространение на Боспоре в III в. н. э. очень крупных остродонных амфор большой емкости, возможно, связано с широким производством и экспортом соленой рыбы и рыбных соусов. Из сообщений римских писателей известно об употреблении у римлян рыбных соусов различных сортов. Так, Помпеи славились на всю Италию изготовлением особого соуса — гарума. О его сортах мы знаем из надписей на сосудах типа кувшинчиков, в которых он продавался. Плиний Старший

²⁵⁰ Определены на кафедре ихтиологии МГУ Е. К. Сычевской и Е. А. Цепкиным; о костях из Михайловки мне сообщил Б. Г. Петерс.

²⁵¹ Кости из Семеновки и Батарейки I определены В. И. Цалкиным.

²⁵² В. Д. Бурдаж, А. Н. Щеглов, 1965, стр. 21 сл.; А. Н. Щеглов, 1969, стр. 128; Он же, 1971, стр. 17 сл.

называл его «сукровицей разлагающихся рыб», так как приготавлился он из рыбы, густо засоленной в чанах, стоящих на солнце, в течение двух-трех месяцев. Когда тщательно перемешиваемый засол превращался в сплошную массу, в чан опускали корзину частого плетения, в которую и набиралась густая жидкость гарум²⁵³. Известно не менее 11 предприятий, изготовлявших гарум в Помпеях. Кроме того, он изготовлялся и в других средиземноморских центрах. Вполне возможно, что с распространением римского влияния на Боспоре и с расширением торговли гарум стали производить и здесь. Изготовление соусов такого типа на Боспоре могло быть вызвано ролью Боспора в снабжении продовольствием римских легионов. Может быть, пайденные на поселении у с. Семеновка амфоры, устья которых были герметически закупорены известью, а на горле имелись сквозные отверстия, доказывают производство там рыбных соусов такого типа.

Весьма возможно, что рыболовный промысел продолжал играть такую большую роль в III и IV вв. н. э. еще и в связи с распространением христианства, так как введение постов увеличивало потребность в рыбной пище.

Охота

Кроме рыболовного и соляного промыслов, продукция которых составляла, по-видимому, важную часть общей продукции Боспора, жители сельских поселений Боспора занимались охотой. Об этом можно судить по находкам костей диких животных в мусорных свалках или в засыпке помещений. Этот промысел был очень древним на Керченском полуострове. В. И. Бибилова, изучая костные остатки из поселения II — начала I тысячелетия до н. э. у с. Кирово, отметила там среди костей домашнего скота также кости благородного оленя, кулана, лисицы, зайца и других диких животных²⁵⁴. Кости зайца обнаружены и на поселении эпохи бронзы в Киммерике²⁵⁵. Небольшое количество остатков оленя и полное отсутствие костей косули позволили В. И. Бибиловой сделать вывод о распространении в Восточном Крыму во II тысячелетии до н. э. сухих степных пространств. Сравнительно небольшой процент костей диких животных — немногим более 1,5% из общего числа костей и 5—8% из общего числа особей — говорит о подсобной роли охоты в то время. Но по сравнению с равнинными поселениями срубной культуры в Юго-Восточной Европе роль охоты для жителей Кировского поселения была значительно большей²⁵⁶.

В античное время охота также продолжает играть лишь подсобную роль в хозяйстве обитателей сельских поселений Керченского полуострова, как, впрочем, и у жителей городов. Однако среди костных остатков из боспорских городов кости диких животных встречаются значительно

²⁵³ М. Е. Сергеевко, 1949, стр. 118 сл.

²⁵⁴ В. И. Бибилова, 1970, стр. 97 сл.

²⁵⁵ Определение В. И. Цалкина.

²⁵⁶ В. И. Бибилова, 1970, стр. 98.

чаще, и представленные ими виды разнообразнее. Может быть, это отражает отношение к охоте греков. Они, судя по сочинению Ксенофонта «Охота», рассматривали охоту как спорт, заниматься которым необходимо каждому и особенно юношам, чтобы быть ловким и сильным (*Xen. Synoget.*, I—XIII). Среди жителей сельских поселений, вероятно, греческой молодежи было мало. Во всяком случае в продуктах питания сельских жителей европейской части Боспора мясо диких животных занимало очень скромное место.

Показательны результаты определения остатков напутственной пищи из могил у поселения Золотого и Фронтowego, проведенного О. П. Журавлевым и В. И. Бибиковой (Институт зоологии АН УССР). В Золотом в 14 могилах встречены кости домашних быков, в 22 могилах — кости овец и коз, в 4 — кости лошадей и в 1 — кости молодой свиньи. Ни в одну из могил не было положено мясо диких животных.

Из 16 античных сельских поселений европейского Боспора кости диких наземных животных — зайцев и лисиц — были найдены только в трех — у сел Семеновка и Михайловка и у озера Чурубаш. На поселении у Семеновки кости четырех зайцев найдены в культурном слое III—II вв. до н. э. и в помещениях III в. н. э. Остатки зайцев встречаются на сельских поселениях азиатской части Боспора и во многих боспорских городах. Они найдены в Пантикапее, Фанагории, Танаисе, Гермонассе, Мирмекии и т. д.²⁵⁷ Кости лисиц были найдены в слоях I—III вв. н. э. на поселениях у с. Семеновка, у озера Чурубаш и в Михайловке, а также в городах — Фанагории, Танаисе, Мирмекии. По-видимому, охота на зайцев и лисиц была наиболее распространена.

Интересно, что у греков также уже в VI в. до н. э. охота на зайцев и лисиц, как видно, была одной из самых распространенных. Ксенофонт (*Xen. Synoget.*, I—XIII) на первое место ставил охоту на зайцев; значительно меньше внимания он уделил охоте на оленей и диких кабанов и совсем мало — охоте на львов, леопардов, рысей, пантер и т. д. Это же нашло отражение и в росписях греческих ваз. На аттическом килике VI в. до н. э. изображен охотник с собакой, несущей двух убитых зайцев²⁵⁸. Сцена охоты на зайцев с помощью собаки и без всякого оружия, кроме палки и камней, изображена на аттическом лекифе IV в. до н. э.²⁵⁹ Среди мозаик IV в. н. э., покрывавших полы виллы у Пьяца Армерина, имеются изображения конной охоты на зайцев с копьём²⁶⁰. На золотой бляшке из кургана Куль-оба изображен скиф, мечущий копьё в зайца²⁶¹. На краснофигурном сосуде V в. до н. э. имеется сцена ловли лисиц при помощи капкана²⁶².

Ксенофонт, перечисляя способы охоты на зайцев, очень большое внимание уделил качеству охотничьих собак. Ловля с помощью сетей и собак,

²⁵⁷ В. И. Далкин, 1960, стр. 77, 79.

²⁵⁸ Н. Lane, 1948, стр. 39, рис. 39А.

²⁵⁹ Ch. Picard, 1930, табл. VII.

²⁶⁰ G. V. Gentili, [б. г.], табл. XIX.

²⁶¹ E. Minns, 1913, стр. 197, рис. 90; ДБК, табл. XX, 9.

²⁶² P. Cloché, 1931, стр. 24, табл. XIV, 5.

когда охотник вооружен только палкой, была, по-видимому, наиболее распространенным у греков способом охоты на зайцев (*Xen. Cynoget.*, VI, 9—11), хотя применялись, судя по памятникам искусства, и другие приемы. Вполне возможно, что в Северном Причерноморье способы охоты на зайцев и лисиц были более разнообразными.

Вероятно, и виды зверей, на которых охотились в Причерноморье, были более многочисленными. Кроме костей зайцев и лисиц, на сельских поселениях встречены кости барсука, дельфина и морской свиньи²⁶³.

Как видно, в занятиях жителей сельских поселений охота занимала очень небольшое место.

В. И. Цалкин, сопоставив число костей диких и домашних животных, найденных при раскопках античных городов и поселений Северного Причерноморья, пришел к выводу, что охота не играла сколько-нибудь серьезной роли в экономической жизни²⁶⁴.

В больших и малых боспорских городах, кроме костей зайцев и лисиц, были встречены еще кости кабана (Мирмекий, Пантикапей, Танаис, Семибратнее городище), благородного оленя (Горгишпия, Мирмекий, Пантикапей, Фанагория, Семибратнее городище), сайги и кулана (Фанагория, Танаис), лося (Танаис), волка (Танаис), ласки (Михайловка). Нет никакого сомнения, что туши этих животных были доставлены в города Боспора охотниками. О способах охоты на этих зверей в Средиземноморье в греческое и римское время мы знаем из сочинений Ксенофонта, а также по изображениям, сохранившимся на расписных вазах и в мозаиках. Сцены охоты были одним из излюбленных сюжетов. Охотники часто изображались с собаками и дротиками в руках²⁶⁵. Великолепные мозаики из виллы IV в. н. э. в Пьяца Армерина показывают сцены ловли зверей с помощью сетей, ловушек, с использованием копий и дротиков²⁶⁶. В сцене охоты на кабана с собаками пеший охотник вооружен рогатиной с металлическим наконечником²⁶⁷. Сцены охоты на диких зверей сохранились и на мозаичных панно Северной Африки и Малой Азии. Охотники, иногда пешие, иногда конные, имеют щиты и копья²⁶⁸ или только копья²⁶⁹. На мозаичном панно III в. до н. э. из Пеллы юноши идут против льва с мечом и копьём в руках²⁷⁰.

Ксенофонт (*Xen. Cynoget.*, X, 1—3, 19—22) советовал охотиться на диких кабанов, имея индийских, критских, локридских или лаконских собак, с помощью сетей, копыя, капканов и веревочной петли, к которой привязано бревно. Оленей же советовал также ловить замаскированной петлей, в которой запутывается нога животного, или просто травить их индийскими собаками (*Xen. Cynoget.*, I, 1—20).

²⁶³ Все кости определены В. И. Цалкиным (см.: В. И. Цалкин, 1960, приложения 1—15, а также приложения к отчетам о раскопках в архиве ИА АН СССР).

²⁶⁴ В. И. Цалкин, 1960, стр. 90.

²⁶⁵ P. Cloché, 1931, табл. XVI, 2.

²⁶⁶ G. V. Gentili, [б. г.], табл. XX, XXII, XXXIV.

²⁶⁷ А. П. Чубова, А. П. Иванова, 1966, рис. 142.

²⁶⁸ E. Mares, 1954, стр. 105, рис. 55; V. Esperandieu, 1957, стр. 8, рис. 2.

²⁶⁹ А. П. Чубова, А. П. Иванова, 1966, рис. 148 и 152.

²⁷⁰ Там же, рис. 48—49.

Среди костных остатков в античных городах и на поселениях Боспора всегда преобладают кости домашнего скота, но находки костей диких животных, хотя и в небольших количествах, свидетельствуют об охотничьем промысле. Возможно, что в некоторых случаях основной целью охоты была добыча шкур и рогов, поэтому охотники не всегда приносили туши убитых животных в города: они могли их разделывать там же, где убили, забирать с собой лишь шкуры, оставляя тушу на месте. Кроме того, кости мелких диких животных, например зайцев, могли быть полностью уничтожены уже на поселениях собаками.

В. И. Цалкин отметил, что сельские поселения Боспора, как те, которые находятся в Крыму, так и расположенные на Таманском полуострове, крайне бедны остатками диких животных. В общем количестве костных остатков с поселений дикие животные составляют всего 1,3%²⁷¹. Это меньше, чем в любом боспорском городе, хотя и там, кроме Танаиса и Семибратнего городища, этот процент очень невелик. Мы можем, таким образом, говорить об очень небольшой роли охотничьего промысла на сельских поселениях Боспора.

Виды диких животных, кости которых встречены при раскопках городов и поселений Северного Причерноморья эпохи раннего железа, позволили В. И. Цалкину утверждать, что в то время в Северном Причерноморье существовали обширные леса. Только этим можно объяснить наличие остатков животных, распространенных в лесной зоне или в районе с древесно-кустарниковой растительностью (лосей, оленей, бобров), и одновременно с ними животных, типичных для степных или полупустынных пространств (кулан, сайга, корсак)²⁷². В этой связи интересно сообщение Теофраста (*Theophr.*, IV, 5, 3), относящееся к началу III в. до н. э., что вблизи Пантикапея «из лесных деревьев имеются дуб, вяз, ясень и т. п.». А. А. Андреевский утверждал, что остатки корней больших деревьев доказывают существование леса на Керченском полуострове²⁷³, который к середине XIX в. был уже безлесным. На карте Боспора, составленной П. Дюбрюком, обозначены «горы, которые были покрыты лесом, где и теперь вырывают корни больших деревьев»²⁷⁴. Может быть, заросли кустарников и мелколесье, сохранившиеся сейчас на Керченском полуострове по берегам Азовского моря, являются реликтами более крупных лесов²⁷⁵. Вероятно, леса тянулись вдоль речных долин. По приречным лесам и проникали лесные животные в степную зону Керченского полуострова²⁷⁶.

В условиях переложной системы земледелия, распространенной у земледельцев Боспора в ранний период его истории, пахота была связана с вырубкой и выжиганием все новых участков леса. Лесные массивы постепенно, но неуклонно отступали от боспорских поселений. Именно по-

²⁷¹ В. И. Цалкин, 1960, стр. 89.

²⁷² Там же, стр. 81.

²⁷³ А. А. Андреевский, 1834, стр. 9.

²⁷⁴ П. Дюбрюкс, 1858, табл. I.

²⁷⁵ Н. И. Соколовский, 1971, стр. 23.

²⁷⁶ В. И. Цалкин, 1960, стр. 82.

этому жители сельских усадеб и деревень, находившихся среди культивируемых земель или рядом с запущенными луговыми землями, не имели возможности охотиться на лесных зверей. Этой охотой занимались либо профессионалы-охотники, сбывавшие затем в городе свою добычу, либо богатые горожане, специально выезжавшие на охоту в лесные или соседние с лесами районы.

Кроме диких зверей, объектом охоты служила дикая птица. В могильнике у с. Золотое среди костей, оставшихся от напутственной пищи, А. С. Уманская выделила кости стрепета, дрофы, фазана, гагары черпозобой и большой поганки.

Вероятно, на Боспоре был распространен еще один вид промысла — пчеловодство. Полибий (*Polyb.*, IV, 38, 4) среди продуктов, вывозимых с Понта, называет и мед. К сожалению, никаких данных о разведении пчел на Боспоре не сохранилось.

Большая роль торговли в экономике боспорских городов хорошо известна¹. Прослежены торговые связи со Средиземноморьем, Южным Причерноморьем и с племенами Северного Причерноморья². Но вопрос о роли торговли в жизни сельского населения Боспора еще не подвергался сколько-нибудь серьезному исследованию.

Каким образом попадали импортные товары и изделия боспорских ремесленников в хозяйство деревенских жителей? Была ли здесь простая меновая торговля, когда земледелец не продавал, а обменивал продукты своего хозяйства на ремесленные изделия, или, может быть, денежное хозяйство было характерно для боспорских земледельцев во все периоды истории Боспора? Какие именно товары приобретали земледельцы для своего хозяйства?

Основными источниками для ответа на эти вопросы служат материалы археологических раскопок: монеты, импортные вещи, изделия боспорских ремесленников.

Исследования сельских поселений показали, что роль денег, которыми в течение всей истории Боспорского царства являлись металлические монеты, не была одинаковой в хозяйстве земледельцев времени основания греческих городов, в период Археанактидов, в хозяйстве владельцев сельских усадеб эпохи Спартокидов и тем более в хозяйстве земледельцев первых веков н. э. Различны были также и удельный вес привозных товаров и их ассортимент.

Изделия греческих ремесленников появились на территории Керченского полуострова уже в VII в. до н. э., когда там еще не было греческих городов и поселений. Как уже отмечалось, период, предшествующий греческой колонизации Боспора Киммерийского, известен нам очень мало. О характере торговых связей того времени из-за скудости источников мы почти ничего не знаем. Отдельные предметы художественного ремесла, найденные на Боспоре³, говорят скорее о спорадических приездах греческих торговых кораблей, привозивших в эти отдаленные земли грече-

¹ С. А. Жебелев, 1953а, стр. 128 и сл.

² Т. Н. Книпович, 1935, стр. 104 и сл.; В. Д. Блаватский, 1950, стр. 33; И. Б. Зеест, 1951, стр. 107 и сл.; Г. А. Цветаева, 1957, стр. 182 и сл.; И. Б. Зеест, 1960, стр. 15—38; И. Б. Брашинский, 1963а.

³ Э. Р. Штерн, 1900, стр. 6 сл.; Т. Н. Книпович, 1935, стр. 107; А. А. Иессен, 1947, стр. 57; С. А. Жебелев, 1953б, стр. 48—50; В. Д. Блаватский, 1953в, стр. 15.

ские товары в обмен на продукты сельского хозяйства. При этом обмен, вероятно, был натуральным, и участвовали в нем со стороны местного населения скорее всего представители племенной аристократии, а не рядовые члены племен.

В VI в. до н. э., с появлением на берегах Боспора Киммерийского постоянных греческих городов и поселений, укрепляются и принимают постоянный характер торговые связи между местными племенами и греческими переселенцами, с одной стороны, и между этими переселенцами и греческими городами Средиземноморья — с другой. Одновременно возникает торговый обмен между городами и сельскими поселениями, находящимися на землях Боспора Киммерийского.

Нам известно сравнительно небольшое число сельских поселений, относящихся к наиболее раннему периоду истории Боспорского государства. О тех сельских поселениях, где в процессе археологических раскопок удалось вывить слои VI и V вв. до н. э., мы уже говорили. Кроме того, известны сельские поселения на территории Таманского полуострова, где слои VI—V вв. до н. э. оказались перекопанными в последующий период, но где найдена керамика VI—V вв. до н. э., свидетельствующая о том, что поселения эти были основаны уже в первый период существования боспорских городов⁴.

При раскопках всех этих поселений находили довольно однообразный набор привозной керамики. Для всех поселений характерно преобладание обломков остроносовых амфор. Всегда имеются обломки хиосских пухлогорлых амфор VI—V вв. до н. э.⁵ На некоторых поселениях, например Южно-Чурубашском, кроме того, встречены так называемые протофасосские амфоры⁶, а на горе Опук (Холм А), на поселении Андреевка Южная и на ряде других — сероглиняные лесбосские амфоры⁷. В Андреевке были также амфоры с полыми и со стаканообразными ножками и амфоры ранних типов с рюмкообразными ножками⁸. Большое количество обломков амфор среди керамики объясняется не только крупными размерами этих сосудов, разбиравшихся на множество кусков. При статистических подсчетах мы принимали во внимание только число ножек этих сосудов, но и при таком подсчете амфоры были на первом месте среди всей керамики. В амфорах привозили в деревню вино и масло. Кроме того, большие размеры амфор и их прочность способствовали тому, что в хозяйствах земледельцев их широко использовали в качестве вместилищ для воды, зерна и многого другого. Отбитые горла амфор часто употребляли как подставки для сосудов, их находили среди золы очагов. Зачастую амфоры вкапывали в землю и вмазывали в глинобитные полы. Не исключено, что какое-то количество амфор крестьяне приобретали не только вместе с их содержимым — импортным вином и маслом, но и про-

⁴ В. Д. Блаватский, 1952, стр. 71 сл.; *Он же*, 1953б, стр. 149 сл.; *Он же*, 1955б, стр. 88 сл.; *Он же*, 1957, стр. 118 сл.; *Он же*, 1959а, стр. 41 сл.

⁵ И. Б. Зеев, 1960, табл. III; IV, 10—13.

⁶ Там же, стр. 79, табл. VI, 15.

⁷ Там же, стр. 72, табл. II, 8.

⁸ Там же, стр. 71, табл. I, 4; стр. 72, табл. II, 7, 8; стр. 74, табл. III, 9; стр. 89, табл. XII, 25.

сто как пустую тару, содержимое которой уже было использовано горожанами.

Преобладание амфор в керамическом комплексе сельских поселений отражает общий характер импорта боспорских городов, а позднее и Боспорского государства. Однако, если при раскопках слоев VI—V вв. до н. э. в городах при большом количестве фрагментов амфор встречается также довольно много обломков привозной столовой тонкостенной керамики, в том числе расписной, импортной черепицы и архитектурной терракоты, то на сельских поселениях все эти виды изделий греческих ремесленников немногочисленны, а иногда и вообще отсутствуют.

Почти на всех сельских поселениях, находившихся вблизи боспорских городов, в слоях VI—V вв. до н. э., кроме фрагментов амфор, встречаются, правда в очень небольшом количестве, обломки аттических чернолаковых и расписных чернофигурных и краснофигурных сосудов: киликов, иногда кратеров, рыбных блюд и лекифов. Из других типов импортной посуды сравнительно широкое распространение получили синопские лутерии и тонкостенные сероглиняные сосуды, место производства которых неизвестно. На большинстве поселений найдены терракотовые статуэтки местного боспорского производства и привезенные из Средиземноморья⁹. Черепица на поселениях VI—V вв. до н. э. не найдена. Она попадает в слои более позднего времени на тех из поселений, где жизнь продолжалась в IV—III вв. до н. э. Также нет на поселениях VI—V вв. до н. э. и монет. Впрочем последнее обстоятельство не вызывает удивления, так как серебряные монеты того времени очень редко встречаются даже в боспорских городах¹⁰. По-видимому, эквивалентом монеты для мелких торговых операций на рынках боспорских городов в тот период был какой-то товар, а в сношениях между жителями сельских поселений и городскими купцами, вероятно, преобладал натуральный обмен.

Несколько иначе обстояло дело с ролью торговли в жизни сельского населения Боспора IV—III вв. до н. э. При раскопках деревень и сельских усадеб этого времени находят привозные товары значительно более разнообразного ассортимента. Обитатели сельских усадеб продавали продукты своего хозяйства за деньги. Средством обмена служили монеты пантикапейской чеканки.

При раскопках сельской усадьбы IV—III вв. до н. э. Андреевка Южная были найдены шесть бронзовых монет пантикапейской чеканки, относящихся к последней трети IV и к началу III в. до н. э.¹¹ В районе сельской усадьбы у с. Октябрьское найдена монета середины III в. до н. э.¹² Бронзовая монета плохой сохранности обнаружена на поселении Золотое Восточное. Монета 330—315 гг. до н. э. лежала в могиле в некрополе V—IV вв. до н. э. у хут. Рассвет¹³, недалеко от Горгиппии. Монеты III в. до н. э. найдены и в мирмекийской пригородной усадьбе у

⁹ И. Т. Кругликова, 1970 г., стр. 100 сл.

¹⁰ Д. Б. Шелов, 1965, стр. 33.

¹¹ Д. Б. Шелов, 1956, табл. V, 56 — две монеты; табл. V, 57 — две; табл. V, 61 — одна; табл. V, 63 — одна.

¹² Там же, табл. VI, 69.

¹³ В. Н. Карасев, Л. А. Лебеденкова, 1972, стр. 60.

Солдатской слободки, отличающейся особым разнообразием бытового инвентаря, среди которого было много импортных изделий.

В отличие от серебряных монет предшествующего периода, медные монеты второй половины IV и начала III в. до н. э. встречаются в очень большом количестве почти во всех городах Боспора¹⁴. Находки их и на сельских поселениях говорят о тесных торговых связях, существовавших в то время между городом и деревней.

Среди монет в сельских усадьбах как европейской, так и азиатской частей Боспора преобладают пантикапейские. Однако встречаются также монеты фанагорийской чеканки, например в мирмекийской усадьбе. Впрочем это не может служить показателем непосредственных торговых связей сельского населения данной территории с Пантикапеем или Фанагорией, а отражает общее состояние денежного хозяйства Боспорского государства в IV—III вв. до н. э.

Как уже указывалось выше, IV—III века до н. э. были временем наиболее интенсивной жизни сельской территории Боспорского государства. Для конца V и IV в. до н. э. характерен рост количества сельских поселений за счет освоения новых территорий и оседания на землю окрестных северопричерноморских племен. В течение III в. до н. э. в результате серьезных экономических и социально-политических изменений в жизни государства происходят перегруппировки сельских поселений, уменьшение их числа и в значительной мере изменение их социально-экономических функций. Это удалось проследить главным образом на территории европейской части Боспорского царства¹⁵. Не противоречит этому выводу и данные, полученные при раскопках поселений азиатской части Боспора, таких как Семибратнее городище¹⁶, Раевское городище¹⁷, поселение Водопроводное¹⁸, усадьбы вблизи Витязево¹⁹, а также материалы разведок Анапской экспедиции.

В европейской части Боспора слои IV—III вв. до н. э. хорошо изучены на поселениях Андреевка Южная, Октябрьское, Южно-Чурубашское, Героевка и ряда других, возникших еще в предшествующий период. В конце V и в IV в. до н. э. появляются сельские поселения у сел Огоньки и Костырино на берегу Тобечикского озера, на поле (Джанкой Ортель) к северу от озера, у сел Марфовка, Марьевка и Семеновка к востоку от озера. В конце IV или в начале III в. до н. э. вырастают поселения на берегу Азовского моря у с. Мысовое (у мыса Казантип). Золотое Восточное I и Золотой Рожок вблизи с. Золотое. В азиатской части Боспора в это же время возникает Раевское городище. На всех этих поселениях и в отдельных усадьбах, так же как и на поселениях предшествующего времени, встречено множество привозных амфор, в том числе синопских, гераклеийских, фасосских, пантикапейских и неизвестных центров, например амфор с колпачковыми ножками (рис. 92). Как и ра-

¹⁴ Д. Б. Шелов, 1965, стр. 34 и сл.

¹⁵ И. Т. Кругликова, 1957а, стр. 217 сл.; Она же, 1963а, стр. 72—73.

¹⁶ Н. В. Анфимов, 1944, стр. 258 сл.; Он же, 1951б, стр. 205 сл.

¹⁷ Н. А. Онайко, 1959, стр. 56.

¹⁸ Э. Я. Николаева, 1973, стр. 97. сл.

¹⁹ Е. М. Алексеева, В. Н. Карасев, Т. М. Смирнова, 1974, стр. 92.

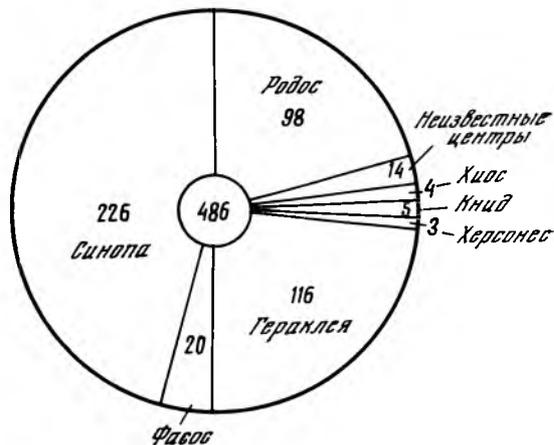
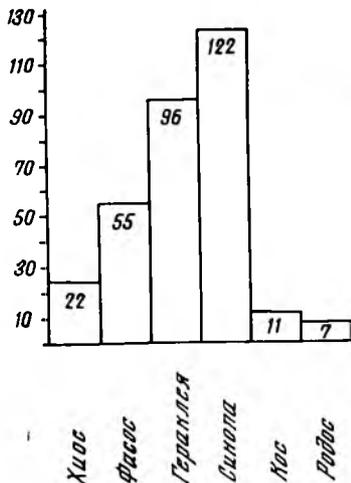

Рис. 92. Количество сельских поселений европейского Боспора, где найдены обломки импортных амфор, определяемых по центрам производства

Рис. 93. Количество амфорных клейм из сельских поселений европейской части Боспора (по центрам производства)

нее, количественно амфоры преобладают над всеми другими видами керамики.

Таблица 3 показывает распределение находок амфорных клейм по центрам и по хронологическим группам²⁰. Надо иметь в виду, что число клейм не полностью отражает действительное соотношение между группами амфор, имевшихся на поселении, так как пропорциональное соотношение между клейменными и неклеяменными экземплярами у различных типов амфор различно. Так, неклеяменные хиосские амфоры не уступают по количеству фасосским, тогда как фасосские клейма встречаются гораздо чаще, а клейма на хиосских амфорах очень редки. С другой стороны, у родосских амфор клейма ставились на обеих ручках, и неклеяменные амфоры почти совсем не встречаются. Однако амфорные клейма разных центров не только свидетельствуют о том, что в хозяйствах земледельцев были определены импортные товары, но и позволяют сравнительно точно определить время, когда завозились эти товары. Конечно, необходимо иметь в виду и то, что амфоры могли использоваться в хозяйстве земледельцев довольно долгое время и что какая-то их часть могла попасть в деревню и без содержимого. Но так или иначе, а сами амфоры были приобретены крестьянами как товар, привезенный из города. Даже при учете всех поправок подсчет количества клейм и дощев амфор, найденных при раскопках, позволяет установить, какие сорта вина

²⁰ При распределении клейм по хронологическим группам мы пользовались хронологической классификацией Б. Н. Гракова (см.: Б. Н. Граков, 1929), частично уточненной в статьях И. Б. Брашинского (см.: И. Б. Брашинский, 1961, стр. 299 сл.; Он же, 1963б, стр. 133 и сл.; Он же, 1965, стр. 10 и сл.).

Таблица 3

Распределение клейм по центрам и по хронологическим группам

№ по списку	Поселения	Фасос	Геракля *1					Синопа *2						Родос *3					
			1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4		
21	Капканы								□*4					○	+				
25	Осовины						×		□						+				
36	Партизаны												○						
55	Войково										□								
66	Октябрьское I	□	×	×				×	□	□								○	
76	Андреевка Южная	×	×	×				×	□	□		○	○						
68	Октябрьское II		×																
100	Калиновка									□									
109	Марфовка VI								□	□									
111	Марфовка II									□									
115	Марфовка I							×	□	□		○	○						
116	Тамарино IV									□									
118	Тамарино III									□									
128	Просторное									□									
129	Марьевка									□	□	○							
130	Высокое									□									
140	Стрелковое									□									
163	Оговьки									□	□								
164	Джанкой Ортель		×							□	□	○	○						
169	Героевка I	△	×	×	×	□		×	□	□	○	○	+			○	○	+	
170	Героевка II							×											
173	Южный Чурубаш	×	×	×	×		□	×	□	□									
176	Огородное									□	□								
209	Ленинское	△								□	□								
211	Сазоновка		×	×				×		□	□			+					
218	Лепино I									□	□								
220	Лепино II									□	□								
225	Красный Кут	△									□								
234	Мысовое										□								
242	Семпсотка									□									
244	Набережное	×									□								
245	Фронтное									□									
258	Тамбовка IV							×											

*1 Группа 1 — 400—370 гг. до н.э.; 2 — 370—330 гг. до н.э.; 3 — 330—300 гг. до н.э.; 4 — 300—270 гг. до н.э.; 5 — середина III в. до н.э.

*2 Группа 1 — 370—330 гг. до н.э.; 2 — 330—270 гг. до н.э.; 3 — 270—220 гг. до н.э.; 4 — 220—183 гг. до н.э.; 5 — 183—150 гг. до н.э.; 6 — вторая половина II в. до н.э.

*3 Группа 1 — конец IV — начало III в. до н.э.; 2 — 220—180 гг. до н.э.; 3 — 180—150 гг. до н.э.; 4 — вторая половина II в. до н.э.

*4 △ — конец V в. до н.э.; × — 400—300 гг. до н.э.; □ — 320—220 гг. до н.э.; ○ — 220—150 гг. до н.э.; + — вторая половина II в. до н.э.

Таблица 3 (окончание)

№ по списку	Поселения	Фигур	Гераклея *1					Синопа **						Родос **					
			1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4		
260	Тамбовка VI							×											
272	Айвазовское		×	×															
273	Абрикосовка			×						□									
230	Семеновка											○	+	□	○	○			
239	Ново-Отрадное												+		○				
188	Бухта													□					
189	Золотое Восточное	×										○	+		○				+

или масла преимущественно употребляли деревенские жители в тот или другой период.

Из таблицы 3 следует, что в середине и во второй половине IV в. до н. э. наиболее интенсивным был ввоз в деревню гераклейских и синопских вина и масла. В III в. до н. э. количество привозимого гераклейского вина, по-видимому, резко уменьшилось, однако синопский импорт продолжался, судя по большому количеству синопских амфор. Ввоз родосского и косского вина, как видно, был незначителен. Родосские и косские амфоры встречаются редко и не на всех поселениях (табл. 4).

В IV в. до н. э. Боспор завязывает торговые связи с соседними греческими городами, в частности с Херсонесом. На сельских поселениях этого времени встречаются херсонесские амфоры²¹. Это позволяет предполагать, что херсонесское вино, поступавшее на рынки боспорских городов, привозили и в сельские усадьбы (рис. 93).

Интересны находки на поселениях пифосов, привезенных из Колхиды²². Такие пифосы встречаются в боспорских городах и в слоях V и IV вв. до н. э. Возможно, что в них на Боспор привозили колхидский мед. Широкого распространения на территории хоры эти пифосы не получили. Их совсем нет в глубинной части Керченского полуострова, на поселениях, удаленных от греческих городов побережья Черного моря и Керченского пролива.

Находки на некоторых поселениях, расположенных вблизи городов, кусков кровельной черепицы позволяют предполагать, что крыши домов там были покрыты черепицей. При этом наряду с черепицей, сделанной в боспорских мастерских, встречается черепица, привезенная с южного побережья Черного моря, так называемая синопская. На поселении у с. Героевка крыши зданий общественного назначения, по-видимому, были

²¹ Два херсонесских клейма на ручках амфор найдены в Героевке; третье — в усадьбе у с. Мысовое.

²² Пифосы из глины с грубыми примесями, с поверхностью, покрытой черной краской, и с вертикальными валиками и насечками. Обломки найдены в Героевке и в Южно-Чурубашском.

Таблица 4

Амфорные клейма по центрам и хронологическим группам

№ по списку	Поселения	Число клейм	Хиос	Фасос	Гераклея *						Синопа *						Родос	Книд и Крит	Херсонес	Неизвестные центры	
					1	2	3	4	5	неопределимые	1	2	3	4	5	6					неопределимые
273	Абрикосовка	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
76	Андреевка Южная	137	2	9	13	23	18	—	—	2	14	19	16	8	1	—	2	—	—	—	5
272	Айвазовское	6	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
55	Войково	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
138	Высокое	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
169	Героевка I	133	1	4	5	5	3	1	—	—	4	13	5	6	7	11	5	55	4	2	2
170	Героевка II	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
164	Джанкой Ортель	4	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
189	Золотое Восточное	24	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4	8	—	10	—	—	—
188	Золотое Восточное (Бухта)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
100	Калиновка	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Капканы	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—
	Костырино	4	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
225	Красный Кут	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
218	Ленино I	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
220	Ленино II	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
209	Ленинское	4	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—
129	Марьевка	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	1	—	—	—	—	—	—	—
115	Марфовка I	15	—	—	—	2	—	—	—	—	3	5	2	—	2	—	—	—	—	—	1
111	Марфовка II	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
109	Марфовка VI	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1
114	Марфовка VII	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
239	Мысовое I	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
234	Мысовое II	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—

* Датировку групп см. табл. 3.

Таблица 4 (окончание)

№ по списку	Поселения	Число клейм	Хиос	Фасос	Гераклен *						Синопа *						Родос	Кит и Кит	Херсонес	Неизвестные пункты	
					1	2	3	4	5	неопределимые	1	2	3	4	5	6					неопределимые
185	Пово Отрадное	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	3	3	—	—	1	
244	Набережное	12	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	
163	Огоньки	3	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	
176	Огородное	6	—	—	—	—	—	—	—	—	2	3	—	—	—	—	—	—	—	1	
68	Октябрьское I	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
66	Октябрьское II	10	—	2	—	1	2	—	—	—	1	2	1	—	—	—	1	—	—	—	
25	Осовины	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	
36	Нартизаны	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	
184	Пресноводная	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	
121	Просторное	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
211	Сазоновка	25	—	—	6	4	1	—	6	—	1	2	1	—	1	3	—	—	—	—	
230	Семеновка	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3	1	28	—	—	—	
242	Семисотка	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
205	Слюсаревое	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	
140	Стрелковое	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	
118	Тамарино III	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	
116	Тамарино IV	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	
258	Тамбовка IV	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
260	Тамбовка VI	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
245	Фронтное	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	
223	Чапасвка	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	
173	Южно-Чурубашское	19	1	1	1	3	3	—	1	—	3	1	1	—	—	—	—	1	—	3	
Итого:		486	4	20	28	47	29	2	2	8	33	60	43	17	20	30	22	98	5	3	14

украшены даже архитектурной терракотой — антефиксами и симами, которые часты в боспорских городах, а на сельских поселениях почти не употреблялись.

Чем ближе было расположено к городу поселение, тем сильнее были развиты там товарно-денежные отношения, тем большую роль в быту деревенского населения играли изделия городских ремесленников и тем чаще встречаются там импортные товары, поступавшие на сельские поселения через рынки боспорских городов.

Характерно, что на подавляющем большинстве сельских поселений второе место среди находок занимает лепная керамика. Это значит, что для приготовления пищи жители сельских поселений пользовались главным образом лепными горшками домашнего приготовления или сделанными руками местных деревенских гончаров. Это особенно четко проявляется на глубинных поселениях, находившихся вне границ городской хоры. Что касается поселений на близлежащих к городу землях, то там наряду с лепной керамикой довольно часто в быту пользовались круговой посудой, являвшейся продукцией городских гончарных мастерских. Так, в Героевке, на Южно-Чурубашском поселении, в Андреевке и особенно на сельских поселениях Синдики часто встречаются закопченные глиняные кастрюли с крышками, изготовленные боспорскими гончарами и хорошо обожженные в гончарных печах. Были широко распространены тарелки, миски, кувшины, светильники и тонкостенные сосуды, сделанные в керамических мастерских боспорских городов. Довольно часты терракотовые статуэтки главным образом боспорского производства. В IV—III вв. до н. э. продолжают привозить в деревню и чернолаковую посуду — канфары, килики, рыбные блюда, но количество их невелико по сравнению со всей остальной керамикой, находимой на поселениях. При этом на поселениях городской хоры их больше, чем в удаленных от городов деревнях.

Вероятно, из городских ремесленных мастерских поступали в деревни железные сельскохозяйственные орудия.

На всех сельских поселениях были найдены зернотерки овальной или прямоугольной формы из твердого камня — конгломерата фиолетового или зеленоватого цвета, привезенного с Крымских гор. Расцвет сельских поселений и быстрый рост их количества в конце V и особенно в IV в. до н. э. связан с размахом интенсивной хлебной торговли в этот период и с территориальным ростом Боспорского государства.

Нам уже приходилось говорить о серьезных изменениях, происшедших в жизни сельских поселений Боспора в конце III — начале II в. до н. э. В это время возникает целый ряд новых поселений: на берегу Азовского моря у сел Семеновка, Мысовка, Ново-Отрадное, Золотое, в глубинной части Керченского полуострова — у сел Андреевка (Андреевка Северная), Михайловка и др. Продолжается жизнь на поселениях у сел Огоньки, Костырино, в укрепленных поселках Раевском и Золотом Восточном. В азиатской части Боспорского царства во II в. до н. э. возникает укрепленная сельскохозяйственная усадьба у хут. Рассвет²³. На большинстве неукрепленных поселений жизнь прекращается.

²³ Ю. С. Крушкол, 1968, стр. 219.

Для периода с конца III — начала II по I в. до н. э. отчетливо выделяются две группы сельских поселений: богатые рабовладельческие усадьбы типа усадьбы у хут. Рассвет или усадьбы Солдатская слободка под Мирмекием, укрепленные поселения типа Золотого Восточного и неукрепленные — типа Золотого Рожка. Обращает на себя внимание тот факт, что при большом распространении в городах Боспора монет конца III—II в. до н. э.²⁴ на сельских поселениях они встречаются очень редко. Лишь на Раевском городище были найдены три бронзовые монеты конца II—I в. до н. э.²⁵ Это, по-видимому, в какой-то мере отражает кризисное положение в сельском хозяйстве и изменения, происходившие в это время в организации сельскохозяйственного производства.

Отсутствие монет в усадьбе II в. до н. э.—I в. н. э. у хут. Рассвет, редкие случаи находок на сельских поселениях рельефных «мегарских» чаш, сравнительная немногочисленность родосских и косских амфор, т. е. тех находок, которые обычны для боспорских городов конца III и II в. до н. э., — все это свидетельствует о различиях сельской и городской жизни в то время. Впрочем необходимо помнить, что и тогда сохранялись существующие различия в имущественном положении и покупательной способности между владельцами пригородных рабовладельческих усадеб типа мирмекийской (III—I вв. до н. э.) и обитателями рядовых сельских поселков в отдаленных от городов районах. Так, хозяин мирмекийской усадьбы был тесно связан с городским рынком, широко пользовался боспорскими монетами и импортными товарами, и быт его сравнительно мало отличался от городского. Жители же подавляющего большинства глубинных сельских поселений и небольших усадеб во II—I вв. до н. э. почти не покупали импортных товаров, довольствуясь массовой продукцией боспорских ремесленников. Надо отметить, однако, что в то время на сельских поселениях появляются амфоры новых типов, центры производства которых неизвестны, увеличивается количество терракотовых статуэток и простой столовой посуды боспорского производства.

Но в целом, по-видимому, покупательная способность подавляющего большинства сельских жителей уменьшилась. Сложное внешнеполитическое положение Боспора, внутренние смуты и социальные изменения, происходившие в хоре Боспорского государства, усилили имущественную дифференциацию крестьянства и привели к увеличению числа крупных сельскохозяйственных усадеб, с одной стороны, и к появлению довольно больших сельских поселков типа Семеновки — с другой. Если хозяйство крупных рабовладельческих усадеб было тесно связано с рынком, то рядовое крестьянское хозяйство пользовалось рынком лишь в случае крайней необходимости, для приобретения орудий труда и одежды. Можно предполагать, что оно мало чем отличалось от хозяйства италийского землевладельца II в. до н. э., описанного Катонем.

Наиболее заметные изменения в характере торговых связей сельских поселений происходят в первые века н. э. Раскопкам подвергся целый

²⁴ Д. Б. Шелов, 1965, стр. 40.

²⁵ Н. А. Онайко, 1959, стр. 34.

ряд боспорских сельских поселений и усадеб I—III вв. н. э.: поселения у сел Семеновка, Мысовка, Золотое — на берегу Азовского моря, Андреевка (Андреевка Северная), Огоньки и др. — во внутренней части Керченского полуострова, многие поселения в азиатской части Боспора. Усадьбы этого времени обнаружены к югу от Чурубашского озера.

Для всех этих поселений характерно высокоразвитое денежное хозяйство. В большом количестве там встречаются бронзовые монеты I—III вв. н. э. На поселении у с. Семеновка найдено 173 монеты, из которых удалось определить 156²⁶. Две относятся к I в. до н. э., четыре — к I в. н. э. и четыре — к концу I и II в. н. э., все остальные — III в. н. э. Из 34 монет, найденных на поселении Ново-Отрадное²⁷, к I—II вв. н. э. относится восемь, к III в. н. э. — 26. В их числе имеется одна монета императора Адриана, чеканенная в Александрии. На поселении у дер. Огоньки была найдена монета города Амиса 70—80-х годов I в. н. э.

Среди других находок на поселениях преобладают изделия боспорских ремесленников: амфоры, простая круговая посуда, краснолаковые сосуды, терракоты, железное оружие и орудия труда, бронзовые поделки (перстни, фибулы, браслеты, колокольчики, булавки и др.), стеклянные и каменные бусы и пропизи, небольшое количество стеклянных сосудов. Бронзовая посуда была распространена мало.

Из импортных изделий встречаются светлоглиняные узкогорлые амфоры, привезенные, вероятно, из городов Южного Причерноморья, краснолаковые сосуды малоазиатского производства²⁸. Различные амулеты, бусы и пропизи из египетского фаянса и стекла, перстень с христианскими символами из Ново-Отрадного, по-видимому, привезены из Египта. По-прежнему в хозяйстве земледельцев применяли зернотерки из камня с Крымских гор.

Вся масса предметов быта из сельских поселений отражает общее состояние боспорских торговых связей. Жители деревень покупали преимущественно изделия боспорских ремесленников. Импортные товары попадали к ним через боспорские города. При этом в деревню обычно шли предметы массового производства, наиболее дорогие изделия оседали в городах. Для характеристики внутренней торговли Боспора особенно интересно, что даже в маленьких поселках появляются небольшие лавочки, в которых продавали рыбу, а возможно, и другие продукты. Так, на поселении у с. Семеновка открыто изолированное помещение, вход в которое вел прямо с улицы. На полу его была обнаружена масса рыбьей чешуи и костей, там же лежали кости собаки, светильник, глиняные и стеклянные сосуды. Известно, что подобного типа помещения с отдельными входами в помпейских домах служили лавками. Можно предполагать, что торговый обмен на поселениях первых веков н. э. получил настолько большое развитие, что там появились местные купцы, скупав-

²⁶ И. Т. Кругликова, 1963б, стр. 108.

²⁷ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 244. Кроме того, восемь античных монет найдены при раскопках 1967 г.

²⁸ Г. М. Смирнова, 1967, стр. 141, рис. 55; И. Т. Кругликова, 1966а, стр. 153, рис. 39, 2; Т. М. Арсеньева, 1970, стр. 133.

шие у односельчан продукты их труда и становившиеся таким образом посредниками между производителями и покупателями. Именно через них могли заключаться торговые сделки с городскими купцами.

Жители сельских поселений и владельцы рядовых сельскохозяйственных усадеб в I—III вв. н. э. имели тесные торговые связи с городами. Денежный обмен безусловно господствовал в деревне. При этом существенные различия в ассортименте товаров, поступавших на близлежащие поселения городской хоры и в отдаленные от городов деревни, четко не прослеживаются.

В связи с упадком внешней торговли Боспорского государства в III в. н. э. уменьшилось количество ввозимых туда товаров из Средиземноморья и Южного Причерноморья. Это получает отражение и в количестве импортных товаров, находимых на сельских поселениях. По сравнению с I—II вв. н. э. число импортных товаров на сельских поселениях III в. н. э. значительно сокращается.

Наиболее важную роль в торговом обороте Боспорского государства играли, по-видимому, хлебные злаки. О размерах хлебной торговли Боспора в IV—III вв. до н. э. мы знаем из речи Демосфена. Можно предполагать, что хлебная торговля не прекратилась и в последующее время. Правда, во II в. до н. э. этой торговле мешали какие-то серьезные потрясения или неурожай, приведшие к большим переменам в организации сельскохозяйственного производства. Это хорошо прослеживается по археологическим источникам и подтверждается сообщением Полибия (*Polyb.*, IV, 38, 4—5) о том, что иногда хлеб с Понта вывозили, а иногда, наоборот, его туда ввозили.

Не надо, однако, забывать, что, кроме внешней торговли хлебом, на Боспоре существовала и внутренняя. Большие торгово-ремесленные города Боспора постоянно нуждались в хлебе, который туда привозили из окрестных сельских поселений. Крупные землевладельцы, а может быть, и специализирующиеся на хлебной торговле купцы собирали зерно в большие ямы — зернохранилища, чтобы выбросить его на рынок в подходящий момент, когда на него будут наиболее высокие цены.

В городах и на поселениях Боспорского царства зерновые ямы встречаются очень часто. Обычно они имеют грушевидную или колоколовидную форму. Если ямы не вырублены в скале, то их стенки специально обложены камнем и обмазаны глиной. Иногда ямы имели очень большие размеры. Так, в Киммерике во дворе дома III в. н. э. были обнаружены три зерновые ямы колоколовидной формы с выложенными камнями горючинами и с отверстиями-продухами в закрывавших ямы круглых плп-

Рис. 94. Зерновая яма III в. н. э. (Киммерик)

тах. Глубина ям доходила до 6,5 м, а диаметр дна достигал 4,5 м (рис. 94). Такие большие зернохранилища, находившиеся поблизости от морского порта, были рассчитаны, по-видимому, на длительное хранение зерна, предназначенного, вероятно, для продажи. В каждой из таких ям могло храниться более 76 куб. м зерна, а в трех — почти 230 куб. м.

Комплексы ям меньших размеров были обнаружены в Пантикапее, Тиритаке, Мирмекии, Фанагории, на поселениях у сел Андреевка, Семеновка, Ново-Отрадное и в других местах. В наиболее крупных зерновых ямах Пантикапее могло храниться до 12 куб. м зерна, наибольшая из ям Тиритаки глубиной 3,25 м и диаметром дна 2,51 м могла вместить более 22 куб. м зерна. О том, что такие ямы предназначались для длительного хранения зерна на семена или на продажу, свидетельствуют раскопки поселения у с. Семеновка. Там большие зерновые ямы помещались за пределами городища, на его окраине, тогда как внутри жилищ зерно хранилось в больших амфорах, корчагах или небольших ямах, вырубленных в скале внутри помещений. Стенки зерновых ям в некоторых случаях сохранили следы глиняной обмазки, которая специально обжигалась для уничтожения насекомых.

Потрясения, пережитые Боспором во второй половине III в. н. э., повсеместные разрушения сельских поселений и городов европейской части Боспора в последней трети III в. н. э., разгром Горгиипии и Тапаиса в конце 30-х и 40-х годах III в. н. э., господство на море пиратских кораблей — все это нарушило не только внешние торговые связи Боспора, но и его внутреннюю торговлю. Поселения, возникшие вновь в конце III и в IV в. н. э. на руинах старых поселков, которые были разрушены при так называемых готских нашествиях, отличаются скромностью бытового инвентаря.

То же характерно и для поселений азиатской части Боспора, где следы «готских» погромов не отмечены и где жизнь продолжалась до гуннского нашествия. Слои III и IV вв. н. э. на Батарейке I и II, Ильичевке, Раевском, у Благовещенской и на других поселениях почти не содержат или содержат мало импортных товаров. Там преобладают амфоры с реберчатыми и гладкими стенками, происхождение которых точно не установлено, но большая часть которых, видимо, была продукцией разных боспорских мастерских. Найдена простая столовая посуда, украшения и орудия труда, сделанные боспорскими ремесленниками. Повзрослел удельный вес лепной керамики. По-видимому, в это время в хозяйствах мелких земледельцев наблюдается тенденция к развитию натурального хозяйства. Упадок торговли сопровождается падением стоимости денег. Мелкие номиналы медных монет еще в III в. н. э. исчезают из обращения. Сохраняются в обращении лишь статеры, чеканящиеся теперь из меди, но в IV в. н. э. прекращается и их чеканка. Товарно-денежные отношения в деревне сильно сокращаются.

Культура сельского населения Боспорского царства не была однородной. Мы видели, что население сельской территории азиатской и европейской частей Боспора нельзя рассматривать как нечто единое. Жители различались и по этнической принадлежности и по социально-правовому и имущественному положению. Культура хозяев рабовладельческих усадеб была иной, чем массы рядового сельского населения, обитавшего в деревнях. Культура землевладельцев, живших в городах или в непосредственной близости от городов, отличалась от культуры сельских рабов или полусвободного сельского населения типа пелатов фанагорийской надписи. Изменялся уровень культуры и в различные исторические периоды, менялся ее облик в результате взаимовлияний, которые неизбежны при постоянном близком соприкосновении и взаимопроникновении разных этнических групп населения.

Само понятие культура включает в себя две составные части — культуру материальную и духовную. Развитие их шло неравномерно, неодинаковым было и их соотношение с культурой боспорских городов.

Говоря о материальной культуре жителей сельской хоры Боспора, мы имеем в виду орудия труда, предметы, окружавшие людей в быту, их жилища и обстановку, производственные и хозяйственные постройки, бытовой инвентарь, посуду, одежду, иначе говоря, всю материальную сторону их жизни и производства. Уровень материальной культуры античной деревни находился в прямой зависимости от развития торговых связей, от близости городского рынка, от покупательных возможностей населения. Следует учитывать также и силу традиций, географические условия и сырьевую базу, которой располагали обитатели сельской территории.

Археологические и письменные источники, которыми мы располагаем, позволяют нам осветить лишь некоторые стороны духовной культуры сельского населения Боспора. Мы можем получить некоторое представление об этических взглядах, о религии, домашних культах и погребальных обрядах, о степени грамотности сельского населения, о чертах сходства и различия духовной жизни в городах, сельских усадьбах и деревнях Боспора.

Мы располагаем очень небольшим количеством материала для характеристики культуры раннего периода истории Боспорского государства — как для сельской территории, так и для городов. И все же раскопки на

горе Опук, в Героевке, Андреевке, Марьевке, на Южно-Чурубашском поселении и в других местах позволяют говорить о том, что в целом материальная культура жителей сельских поселений в ранний период истории Боспорского государства отличалась от городской значительно большей бедностью и однообразием. Дома деревенских жителей были скромнее, чем дома горожан.

Дом VI—V вв. до н. э. из трех расположенных рядом помещений на горе Опук (Холм А), дома VI—V вв. до н. э. в Героевке с точки зрения строительного искусства не отличались значительно от домов рядового городского населения того времени, открытых в Пантикапее и Тиритаке. Отличия наблюдаются главным образом в характере бытового инвентаря. Если в городах встречается много привозных чернофигурных сосудов, многообразны формы столовой посуды — импортной и местной боспорской, то на поселениях у горы Опук и в Героевке выбор бытовой керамики очень беден, расписные сосуды встречаются редко, они скромнее. Можно констатировать, что уровень развития материальной культуры у жителей городов и пригородных сельских усадеб, населенных греками-переселенцами, был одинаковым, но материальный достаток городского и сельского населения был различен, различны были потребности и возможности, обусловившие разные условия быта. Это подтверждается и словами Тита Плавта, римского драматурга III—II вв. до н. э., о различных условиях быта городских и сельских рабов. Так, в комедии «Привидение» (I, 15—70) раб, живущий в городском доме, с презрением говорит о своем собрате, обитающем в сельском поместье. Можно предполагать, что так же обстояло дело и на Боспоре.

Что касается боспорских деревень, населенных представителями окружающих племен — скифов, синдов, меотов, то положение исследователя, изучающего период VI—V вв. до н. э., очень трудно. Нам известны поселения оседлых скифов на территории Керченского полуострова в районе сел Заморское и Фронтовое, где были обнаружены комплексы зерновых ям и могильники, но не изучались жилища. По найденной там греческой керамике возникновение поселений относят к V в. до н. э.¹ Раскапывались поселения V в. до н. э. у сел Сазоновка, Андреевка, Марьевка. Основанием для датировки поселений служат найденные там обломки хиосских пухлогорлых и других греческих амфор.

Некоторые из этих поселений, по-видимому, возникли до V в. до н. э., например Сазоновка, но привозные греческие товары попали туда не ранее V в. до н. э., когда население внутренней части Керченского полуострова было втянуто в торговлю с боспорскими городами, а затем, после завоеваний Сатира и Левкона, оказалось в пределах территории боспорской хоры. Что представляли жилища местного населения Керченского и Таманского полуостровов в VI в. до н. э., мы не знаем. Известно немного углубленное в землю жилище в Сазоновке, нижние части стен которого были сложены из крупных необработанных камней². Аналогичная постройка была открыта в Андреевке, там она датируется

¹ Э. Я. Яковенко, 1967, стр. 38; В. Н. Корпусова, 1967, стр. 39.

² И. Т. Кругликова, 1957а, стр. 222, рис. 5.

V в. до н. э. Такие углубленные в землю жилища не находят аналогий на территории боспорских городов.

Обитатели этих домов, так же как и жители домов V в. до н. э., слепленных из глины с мелкими камнями, известных нам по раскопкам Марьевки и Сазоновки, в быту почти не пользовались привозной столовой посудой. Они удовлетворялись сделанными на месте лепными горшками, реже использовали лепные миски и привозные амфоры. Не было у них и terracottовых статуэток, чернолаковых и расписных сосудов. Сходство с городским бытом мы видим лишь в употреблении остродонных амфор из Хиоса и других центров, каменных зернотерок из плотного конгломерата и очень небольшого количества простой посуды, украшений и железных орудий, изготовленных преимущественно боспорскими ремесленниками. Судя по погребальному инвентарю и находкам в зерновых ямах³, скромн был и быт обитателей сельских поселений у сел Заморское и Фронтное. Можно утверждать, что материальная культура скифского населения европейской части Боспора на тех немногочисленных поселениях, которые существовали в VI—V вв. до н. э., довольно сильно отличалась от городской. Строительные приемы, характер жилищ и предметы быта скифов, осевших на землю в VI и V вв. до н. э., находят аналогии в варварском мире и чужды грекам.

Греческие предметы начинают входить в быт рядовых скифских земледельцев не ранее конца V в. до н. э. Раскопки, проводившиеся на территории Синдики экспедицией под руководством В. Д. Блаватского, показывают, что сельское население Синдики уже в VI—V вв. до н. э. имело тесные связи с греческими городами. Греческие товары уже с VI в. до н. э. и особенно в V в. до н. э. стали проникать в быт сельских жителей. Греческий импорт в VI в. до н. э. достигал нижнего течения Кубани (Семибратнее городище)⁴. К сожалению, мы не знаем жилищ сельского населения Синдики этого периода.

Несколько полнее мы можем характеризовать материальную культуру обитателей сельской территории Боспора IV—II вв. до н. э. Мы располагаем для этого периода материалом раскопанных изолированных усадеб на поселениях Андреевка Южная, Южно-Чурубашское, Октябрьское, Сокольское, Золотой Рожок, Солдатская слободка и других в европейской части Боспора, а также Раевское и Витязево — в его азиатской части. Известны нам деревни боспорских греков типа Героевки и сельские поселения скифских земледельцев у сел Марьевка, Марфовка, Сазоновка, Слюсаревое, Заморское, Фронтное. В азиатской части Боспора синдскому населению, вероятно, принадлежали могильник у хут. Рассвет, поселение Водопроводное и целая группа поселений, раскапывавшихся экспедицией В. Д. Блаватского.

Деревни боспорских греков, например Героевка, сильно отличались от поселков осевших на землю скифов типа Марфовки и Марьевки количеством найденных на них привозных товаров: керамики, терракот, черепицы и т. д.

³ О. В. Цвек, 1967, стр. 204; Э. Я. Яковенко, 1970, л. 41 сл.

⁴ Н. В. Анфилов, 1951б, стр. 243; Он же, 1953а, стр. 102.

В Героевке была найдена архитектурная терракота, украшавшая, по-видимому, какое-то здание общественного назначения. Колодец или глубокая цистерна, стенки которой были сложены из прекрасно обработанных квадров известняка, вполне могли соперничать с подобными сооружениями в городах не только Боспора и всего Северного Причерноморья, но и Средиземноморья. Большое количество чернолаковой и расписной аттической посуды, железные орудия труда и оружие, средиземноморские типы терракотовых статуэток, крыши домов, покрытые черепицей как боспорского, так и синопского происхождения, не говоря уже о простой столовой и кухонной посуде, сделанной в мастерских боспорских ремесленников, — все говорит о том, что уровень материальной культуры деревень, населенных боспорскими греками, и городов был одинаков. То же мы видим и в крупных сельских усадьбах.

План усадьбы Андреевка Южная с большим внутренним двором и жилыми помещениями, расположенными по его сторонам, находит аналогию в изолированных усадьбах на территории Греции, например в Аттике в районе Вари и в Афинской долине⁵.

Тот же принцип планировки наблюдается в некоторых херсонесских усадьбах на Гераклеяском полуострове, например в усадьбе клера 25⁶. Усадьба IV в. до н. э. с перистильным двориком, открытая Н. А. Онайко на Раевском городище⁷, повторяет типичные особенности греческих домов, известных по раскопкам в Олинфе, на Делосе⁸ и в других местах. Внутреннее убранство усадьбы у Солдатской слободки с настенными росписями, большим количеством привозной посуды, рельефными чашами, разнообразными терракотовыми статуэтками не уступало городским домам пантикапейцев, принадлежавших к зажиточным слоям городского населения.

В то же время усадьба у Солдатской слободки, ее бытовой инвентарь были значительно богаче глубинных усадеб типа виллы у Ново-Отрадного. По-видимому, быт обитателей первой из усадеб приближался к быту горожан, что объясняется ее близким расположением к Пантикапею и Мирмекию, а вторая усадьба была более скромной. Довольно скромный инвентарь характерен также для усадеб IV—III вв. до н. э. Южно-Чурубашского и Октябрьского поселений. При раскопках там находили и черепицу, которой были покрыты крыши, и привозную посуду, украшения, множество импортных средиземноморских амфор, терракотовые статуэтки и другие изделия боспорских и средиземноморских ремесленников. Но ассортимент привозных товаров был значительно менее разнообразен, чем в городах или пригородных усадьбах.

По сравнению с рабовладельческими усадьбами эпохи эллинизма поселки боспорских скифов IV—II вв. до н. э., в то время уже сильно эллинизованных, были гораздо беднее. Среди домашней утвари там больше лепных сосудов, среди привозной посуды преобладают амфоры, значи-

⁵ *J. Pečírka*, 1973, стр. 125, рис. 2, 1; стр. 129, рис. 3, 1; стр. 134—135.

⁶ *С. Ф. Стржелецкий*, 1961, рис. 65.

⁷ *Н. А. Онайко*, 1967, стр. 156, рис. 1.

⁸ *J. Pečírka*, 1973, стр. 129, рис. 3.

тельно меньше чернолаковых сосудов и почти нет расписных. Рабовладельческие усадьбы IV—II вв. до н. э., кроме того, отличались от деревень того времени не только количеством, но и качеством привозных изделий.

Деревенские дома IV—III вв. до н. э., открытые в Сазоновке, Марьевке и Марфовке, были наземными, имели каменные стены, в основании которых лежали более крупные камни, а выше — более мелкие с глиной. Крыши, как правило, не имели черепичного покрытия, а были, вероятно, земляными или соломенными. Почти совсем нет терракотовых статуэток. Мы видим, таким образом, что сельские поселения не были одинаковы. Однако в целом, исключая богатые пригородные рабовладельческие усадьбы, бросаются в глаза сравнительно скромные бытовые условия, в которых жили земледельцы боспорской хоры в IV—II вв. до н. э. Бедность архитектурного убранства домов, скудость бытового инвентаря, почти полное отсутствие художественных изделий говорят прежде всего о небольшом материальном достатке массы мелких земледельцев. Вероятно, более зажиточные землевладельцы имели еще и городские дома и обычно жили в городах, где их дома были благоустроеннее и богаче, чем в сельском имени.

Единичные находки в деревне привозной художественной керамики, терракотовых статуэток и орудий труда, аналогичных встречаемым в городских домах, свидетельствуют о том, что различия в материальной культуре не было. Различались количество, качество и стоимость вещей, что зависело от материального достатка и специфики хозяйства жителей сельских поселений и городов.

Значительно меньше различий было в облике материальной культуры города и деревни в первые века н. э. Так, бытовой инвентарь погибшей в пожаре в I в. н. э. небольшой усадьбы у хут. Рассвет немногим отличался от обычного бытового инвентаря в жилище рядового горожанина этого времени в Горгиции и даже в Пантикапее: те же типы терракот и сосудов, отсутствие дорогих привозных изделий и произведений искусства, которые встречаются в домах богатых граждан.

Почти стирается граница между городскими и сельскими домами во II—III вв. н. э. В этот период процесс рустификации городской жизни привел к унификации быта горожан и сельских жителей. Одинаковый уровень жизни землевладельцев, обитавших в III в. н. э. на сельском поселении у с. Семеновка, в усадьбе у Ново-Отрадного и в кварталах, населенных рядовыми горожанами, в Илурате, Тиритаке и в других небольших городах, отразился в тождестве бытовой обстановки, в единстве их обстановки и бытового инвентаря. Нельзя, конечно, забывать, что социальная дифференциация городского населения не допускала полного единообразия материальной культуры горожан, также и среди сельских усадеб были более богатые и крупные и более мелкие. Но в целом заметно проявляется процесс нивелировки городской и деревенской жизни.

Несколько иначе обстояло дело с уровнем духовной культуры. Здесь различия в культуре горожан и сельских жителей были более ощутимы. Это связано, по-видимому, с меньшим количеством эллинского населения

среди общей массы сельских жителей, с бедностью населения, его малой грамотностью. Показательно, что в Малой Азии на территории сельских общин находят надгробия с надписями земледельцев, иногда снабженные рельефными изображениями, свидетельствующими о занятиях умерших сельским хозяйством. Там часто встречаются и посвящения различным божествам⁹. На сельской территории Боспора, наоборот, надгробия и посвящения встречаются почти исключительно в городах и их ближайшей округе. На территории обширной хоры европейской части Боспора лапидарных надписей почти нет. Только надгробия I—II вв. н. э. из сел Капканы и Светлячки¹⁰ и из кургана у Новокарантинной слободки¹¹, фрагмент надписи III в. до н. э. со Змеиного мыса¹², строительная надпись 225 г. н. э. из Юргакова Кута¹³ и какая-то небольшая часть купленных в Керчи надписей, происхождение которых неизвестно, были найдены в хоре античных городов северо-восточной части Керченского полуострова. Все остальные надписи европейской части Боспора происходят из городов и их некрополей.

Несколько иначе обстоит дело с азиатской частью Боспорского государства. Целый ряд интересных надписей IV и III вв. до н. э. происходит из района Темрюка, с побережий Кизилташского и Цукурского лиманов, а также из Западного и Восточного Прикубанья¹⁴. Еще несколько надписей первых веков н. э. из Прикубанья относят к горгиппийским¹⁵ на основании их сходства с найденными в Горгиппии, хотя это сходство может объясняться просто тем, что их изготовил горгиппийский мастер. О некоторых надписях первых веков н. э. известно только, что они найдены на Таманском полуострове¹⁶. Вполне может быть, что они также происходят из сельских поселений.

Эпиграфические памятники IV—III вв. до н. э., происходящие с сельской территории азиатского Боспора, свидетельствуют о сильной эллинизации синдов. Это соответствует наблюдениям многих исследователей, в частности и выводам Н. И. Сокольского о наличии особой школы синдской надгробной скульптуры¹⁷. Последнее, по-видимому, было связано с распространением среди синдов обычая ставить надгробные памятники. Находки надписей первых веков н. э. вне городов, может быть, говорят о большой роли рабовладельческих усадеб и существовании зажиточных землевладельцев, имевших возможность заказывать камни с надписями и надгробиями в городах и привозить их в отдаленные поселки и усадьбы. Именно в первые века н. э. надгробия распространяются и в европейской части Боспора, что совпадает с увеличением количества сельскохозяйственных вилл.

⁹ Е. С. Голубцова, 1962, стр. 16—25; Она же, 1972, стр. 102, 152 сл.

¹⁰ КВН, 890—895, 945.

¹¹ КВН, 887.

¹² КВН, 889.

¹³ КВН, 897.

¹⁴ КВН, 1036, 1111—1113, 1233, 1234.

¹⁵ КВН, 1230—1238, 1236.

¹⁶ КВН, 1220—1229.

¹⁷ Н. И. Сокольский, 1966б, стр. 243.

Рис. 95. Граффито из поселения Андреевка Южная

Что касается граффити на сосудах или других изделиях, то они, столь обычные для боспорских городов, на сельских поселениях периода Спартокидов почти не встречаются. Только одно граффито с именем Деметры на чернолаковом кафаре IV в. до н. э. было найдено в усадьбе Андреевка Южная (рис. 95). Чернолаковая солонка IV в. до н. э. с граффито *κλειτομάχου ἱερὸν* из скифского погребения у с. Бранное Поле вряд ли может быть принята во внимание, так как Клейтомах — имя греческое, а граффито говорит о святилище или посвящении Клейтомаху¹⁸.

На поселениях первых веков н. э., наоборот, граффити встречаются довольно часто на остродонных амфорах. Обычно это имена владельцев, отдельные буквы, знаки, имеются и тамги¹⁹. На амфорах бывают также надписи красной краской. Иногда они указывают на содержимое амфор, иногда содержат имя владельца сосуда. Наличие граффити и надписей на греческом языке свидетельствует о том, что среди жителей в I—III вв. н. э. имелись грамотные люди, хотя, конечно, не обязательно все надписи были нанесены на амфоры именно в данном селении. Так, например, из Ново-Отрадного происходит амфора III в. н. э. с надписью, сделанной красной краской, *θῦον ἀπὸ Ἀλεξάνδρου*, т. е. с сообщением, что содержимое амфоры получено от человека, носящего греческое имя Александр (рис. 96). В Семеновке была найдена амфора III в. н. э. с процарапанным именем Аттиас. На одном из пирамидальных грузил на поселении первых веков н. э. у с. Мысовое (Афанасьевка) было процарапано имя Сактас²⁰. Оба последних имени иранского происхождения и, возможно, попали на Боспор с сарматскими племенами, поселившимися в этом районе. Такие имена, кроме того, показывают на этническую разношерстность населения, а это заставляет предполагать, что в культуре населения де-

¹⁸ А. А. Белецкий, Э. В. Яковенко, 1969, стр. 155—156.

¹⁹ И. Т. Кругликова, 1962б, стр. 97.

²⁰ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 254.

ревень было много черт, связанных с традициями разных народов — греков, местного автохтонного населения и вновь пришедших племен.

Наличие так называемых сарматских знаков на красполощенных сосудах и на амфорах²¹ вместе с тем показывает, что среди сельских жителей были люди, не умевшие говорить и писать по-гречески. Они ставили свои тамги, обозначающие право собственности на данный предмет.

О религиозных представлениях населения боспорских городов нам сообщают эпиграфические памятники — посвящения богам, надписи фиасов, граффити и различные другие надписи с упоминанием имен божеств. О них мы можем судить и по многочисленным изображениям божеств, находимым в городах и их некрополях, — статуям, бронзовым и терракотовым статуэткам, протомам, рельефам, росписям склепов. Значительно беднее представлены памятники, позволяющие судить о религиозных представлениях сельских жителей Боспора. Кроме очень редко встречающихся граффити с именами богов, единственным источником для выяснения этого вопроса до настоящего времени остаются терракотовые статуэтки, находимые при раскопках сельских поселений. Большая часть этих статуэток повторяет широко распространенные в Средиземноморье изображения божеств греческого пантеона, но некоторые воспроизводят образы, характерные только для Боспорского царства.

По количеству посвящений, сохранившихся в боспорских монументальных надписях и среди граффити на сосудах, а также по количеству найденных скульптурных изображений различных божеств и по изображениям на монетах можно судить о большой популярности среди боспорского городского населения женских божеств Афродиты, Артемиды, Деметры. При этом посвящения Афродите встречаются начиная с V в. до н. э. по II в. н. э., посвящения Артемиде известны с IV в. до н. э. по II в. н. э., надписи с именем Деметры — с V в. до н. э. по III в. до н. э. Из мужских божеств наиболее популярны, судя по количеству посвящений, Аполлон, преимущественно Аполлон Врач, Зевс, преимущественно Зевс Сотер (Спаситель), и безымянное синкретическое божество, которое называют Богом Высочайшим, Богом Гремящим, Внемлющим, Справедливым и т. д. При этом культы Аполлона и Зевса Сотера засвидетельствованы на Боспоре с IV в. до н. э., а существовали, вероятно, и ранее, тогда как культ безымянного бога получил распространение в первые века н. э. По-видимому, в это же время на Боспоре начинают распространяться также иудейская и христианская религии.

Кроме названных выше богов, в городах Боспора поклонялись и другим греческим божествам. Там имелись храмы, посвященные Посейдону, Аресу, Дионису, Асклепию и Фригийской Матери (Кибеле), культ которой был распространен на Боспоре уже в V в. до н. э. Среди других почитаемых на Боспоре богов можно назвать Геру, Гекату, Гермеса, восточные божества Астарту, Санерга, Сабазия, Изиду, Мена и др. Известно о существовании культа римских императоров. Возможно, имелись также и культы каких-то местных божеств, имена которых нам неизвестны.

²¹ И. Т. Кругликова, 1962б, стр. 97 сл.

*Рис. 96. Надпись на амфоре
из поселения Ново-Отрадное*

Даже из этого перечня культов и имен богов, поклонение которым в городах засвидетельствовано письменными памятниками и памятниками изобразительного искусства, мы видим, сколь разнообразны были религиозные культы и как многочислен был пантеон богов у городских жителей Боспора.

О культах, распространенных у населения сельской территории, мы можем судить только по данным, полученным при археологических раскопках сельских поселений. При раскопках сельских поселений VI—V вв. до н. э., расположенных вблизи боспорских городов Киммерика (Холм А) и Нимфея (Героевка и Южно-Чурубашское), найдены фрагментированные и целые терракотовые статуэтки, изображающие сидящую

на троне богиню²², а также обломок протомы богини²³. Все эти терракоты были привозными из Малой Азии и с островов Средиземного моря. Все они, вероятно, изображают Деметру или Кору. Эту же богиню, вероятно, воспроизводили три статуэтки, найденные на Семибратнем городище в слое VI—V вв. до н. э. Они изображали богиню сидящей на высоком троне, стоящей, держащей на плече маленькую фигурку с длинными волосами и в высоком венце, а также погрудно²⁴.

Аналогичные терракоты встречались и в боспорских городах. Можно предполагать, что владельцы сельских усадеб, открытых вблизи Киммерика и Нимфея, были греками-переселенцами, гражданами этих городов, а среди синдов, населявших Семибратнее поселение, также имелись греки. Поэтому их религиозные представления не отличались от тех, которые были у городских жителей.

Наиболее почитаемым божеством считалась богиня плодородия, покровительница земледельцев. Это верховное женское божество первоначально не имело атрибутов, различающих позднее Деметру, Афродиту, Афины и др. По-видимому, образ верховной богини в представлении древнейшего земледельческого населения объединял в себе функции, которые позднее стали свойственны различным женским божествам.

Преобладание терракот, связанных с культом верховного женского божества, характерно и для сельских поселений периода IV—III вв. до н. э. К этому времени относится основная масса сельских неукрепленных поселений. На большей части этих поселений, особенно на тех, которые расположены вдали от боспорских городов, не найдено никаких терракот. Но серия терракот была обнаружена в сельской усадьбе Андреевка Южная²⁵, на поселениях Сазоновка и Героевка в слоях IV—III вв. до н. э., а также вблизи сельской усадьбы IV—III вв. до н. э. у с. Октябрьское. На побережье Азовского моря на поселениях Золотой Рожок и Золотое Восточное тоже встречены терракотовые статуэтки и их обломки.

Почти все терракоты, найденные на этих поселениях, воспроизводят женское божество или фигурки девушек, связанные, вероятно, с мифами о Деметре и ее дочери Персефоне, похищенной Плутоном. Так, например, в Андреевке Южной в яме IV в. до н. э. найдена фигурка Кибелы, сидящей на троне с львом на коленях (рис. 97, 1), головка Кору-Персефоны (рис. 97, 2) и части протом Деметры или Персефоны. Вблизи Октябрьского найдена протома Деметры, на поселении Золотой Рожок — обломки статуэток, изображающих богиню, сидящую на троне с высокой спинкой, имеющей выступы по сторонам²⁶. В Героевке найдены обломки женских статуэток, части протом богини²⁷, на поселении Золотое Восточное — обломки статуэток Кору, играющих девушек и сидящей на троне богини, аналогичной найденной на поселении Золотой Рожок.

²² И. Т. Кругликова, 1952б, стр. 68, рис. 3; Она же, 1958б, стр. 240, рис. 15, 3; Она же, 1960, стр. 71, рис. 24, 7. Обломки аналогичных терракот, найденные в Тиритаке, см.: В. Ф. Гайдукевич, 1952б, стр. 79, рис. 95.

²³ Аналогична найденной в Тиритаке. См.: М. А. Наливкина, 1952, стр. 329, рис. 1, 3.

²⁴ Н. В. Анфилов, 1953а, стр. 106.

²⁵ И. Т. Кругликова, 1968б, стр. 206 сл.

²⁶ И. Т. Кругликова, 1958а, стр. 226, рис. 5, а.

²⁷ Аналогична найденной в Нимфее. См.: М. М. Худяк, 1945, табл. XVI, 1.

Рис. 97. Находки из поселения Андреевка Южная
1 — головка терракотовой статуэтки; 2 — статуэтка Кибелы

Все терракоты из сельских поселений IV—III вв. до н. э., так же как и из поселений VI—V вв. до н. э., связаны с культом великого женского божества. Земледелие безусловно продолжало оставаться господствующим занятием жителей этих поселений. Но мы можем видеть, что в IV—III вв. до н. э. в среде сельского населения были распространены уже культы различных богинь. В сельской усадьбе Андреевка Южная, например, было найдено граффити на стенке чернолакового канфара IV в. до н. э. с именем Деметры²⁸, но там же были обнаружены и статуэтки Кибелы и Коры-Персефоны, а может быть, и Афродиты. Возможно, что древнее верховное женское божество плодородия ассоциировалось у земледельцев с образами различных богинь — Кибелы, Деметры и Коры-Персефоны, а некоторые обломки терракот, может быть, принадлежали и статуэткам Афродиты.

Распространение культа верховного женского божества у боспорских земледельцев вполне естественно. В Греции среди земледельческих божеств главное место занимала Деметра, которую Еврипид называл Матерью Землей²⁹. Среди скифов, осевших на землю и обрабатывавших земли на плодородных равнинах европейской части Боспора, верховное женское божество греков могло ассоциироваться с их верховной богиней Табиты, которую Геродот (*Herod.*, IV, 59) отождествляет с эллинской Ге-

²⁸ И. Т. Кругликова, 1968а, стр. 220.

²⁹ Б. Л. Богаевский, 1916, стр. 107 сл.

стней. Гестия — дочь Кроноса и Реи, сестра Деметры, Геры и Зевса — была богиней семейного очага. Огонь из ее очага из пританея метрополии переселенцы переносили на новые места поселений. Ей приносили в жертву первые плоды. Позднее ее отождествляли с Деметрой и Кибелой. Из других женских божеств скифы почитали Апи и Аргимаспу, которых Геродот связывает с Землей и Афродитой Уранией. Изображений богов скифы не знали. Естественно, что скифские земледельцы, поселившиеся среди боспорских греков, ознакомились с греческими антропоморфными изображениями богов и, возможно, некоторые из них переняли у греков обычай поклонения терракотовым изображениям богинь. Они могли отождествить свою верховную богиню с главным земледельческим божеством греков — Деметрой. Изображения Деметры и Керы в представлении боспорских эллинизированных скифов-земледельцев выполняли, вероятно, роль греко-скифских синкретических божеств, соединивших в себе функции Табити, Апи, Аргимпасы, Деметры и Керы, Реи, а возможно, и Кибелы.

Если греки IV—III вв. до н. э. ясно представляли себе функции каждого из эллинизированных богов, то для скифов-земледельцев, даже более или менее эллинизированных, эти различия не всегда были понятны. Поэтому статуэтки различных греческих богинь могли иметь для них один и тот же смысл — представляли верховную богиню, функции которой были разнообразны, поэтому и образ ее мог быть различным. Именно таким многогранным восприятием верховного божества плодородия на Боспоре и объясняется тот факт, что на ранних земледельческих поселениях Боспора представлены только терракоты, изображающие женское божество. При этом преобладают изображения Деметры и Керы либо в виде сидящей на троне богини, либо в виде протомы с прижатыми к груди руками.

Со II в. до н. э. терракоты на сельских поселениях становятся значительно разнообразнее. Процесс перемещения сельского населения на новые места происходил постепенно, и параллельно ему шел процесс концентрации земельной собственности, исчезновения мелких поселений и появления крупных сельскохозяйственных усадеб. Усадьбы такого типа существовали с IV по III в. до н. э. на поселении Адреевка Южная и с III до первой половины I в. до н. э. вблизи Мирмекия³⁰. В последней из них наряду с изображением Кибелы с львенком на коленях, со статуэтками Керы-Персефоны и Афродиты найдено несколько изображений Геракла, опирающегося на палицу, воина-галата с овальным щитом кельтского типа³¹, статуэтки Эрота, головка лошади³². На азиатской стороне Боспора в сельской укрепленной усадьбе I в. до н. э. — I в. н. э. вблизи Горгиппии³³ наряду со статуэтками богини в высоком головном уборе отмечены фигурки воина и гермы.

Разнообразие тематики терракот наблюдается также на сельских поселениях европейского Боспора в период с I в. до н. э. по II в. н. э.

³⁰ В. Ф. Гайдукевич, 1954, л. 2.

³¹ В. И. Пругло, 1966, стр. 206, рис. 1, 3.

³² В. Ф. Гайдукевич, 1951, рис. 82; *Он же*, 1952г, рис. 48 и 49; *Он же*, 1953, рис. 14—17.

³³ Ю. С. Крушкoл, 1968, стр. 213, 218, рис. 3 и 4.

В слоях I—II вв. н. э. на поселении у с. Либкнехтовка наряду с изображениями Кибелы и Афродиты найдены жанровая статуэтка мальчика с сидящей собакой и головка старика в оригинальном головном уборе³⁴. На поселении у с. Михайловка наряду с изображением богини и гротесками с подвесными конечностями, связанными, вероятно, с культом великого женского божества, имеются изображения быка и бога Мена на петухе³⁵. На поселении Андреевка Северная найдены терракотовый мужской горс с плащом, перекинутым через левое плечо, и маска, а на поселении у с. Семеновка — Эрот и птичка. По-видимому, в этот период на сельских поселениях наряду с земледельческими культами появляются новые. Это объясняется ростом количества рабовладельческих усадеб, быт которых был тесно связан с городами. Может быть также, это свидетельствует об изменении состава сельского населения и повышении роли мужских божеств в верованиях боспорского населения. Именно в это время в городах увеличивается количество надписей с посвящениями Богу Высочайшему, а также Зевсу и Посейдону.

На поселениях у сел Семеновка и Ново-Отрадное были найдены лепные фигурки всадника. Распространение во II—III вв. н. э. изображений всадника или конного воина³⁶ подтверждает данные эпиграфических памятников Боспора о повышении там в это время роли верховного мужского божества. Возможно, что население далеких сельских поселков стало изображать его в виде всадника.

Изменение тематики терракот, уменьшение их разнообразия и ухудшение качества наблюдаются в III в. н. э. В это время вновь начинают преобладать изображения, связанные с культом великого женского божества, — статуэтки сидящей богини в высоком головном уборе³⁷ и так называемые гротески с подвесными ногами (рис. 98)³⁸. Среди лепных статуэток доминируют идолоподобные изображения богини.

В последний период существования античных сельских поселений, таким образом, верховное женское божество плодородия, покровительница растительного и животного мира выступает в своем чистом виде, не спрятанной под обликом греческих божеств. Такой она представлена на штампе для ритуальных лепешек из Илурата³⁹ и в лепных статуэтках из Семеновки, Мысовки, Киммерика, Тасунова. Боспорские короляты по традиции еще изготавливали во II—III вв. н. э. статуэтки, иконографии которых восходит к образу сидящей Кибелы или Деметры, но эти богини все чаще и чаще утрачивают свои атрибуты.

Сравнивая религиозные культы жителей боспорских городов и сельских поселений, отраженные в терракотах, мы видим, что культы всех божеств, которым поклонялось сельское население, были распространены также и в боспорских городах. Однако пантеон горожан был значительно богаче, в городах гораздо больше культов имели своих приверженцев.

³⁴ Т. М. Смирнова, 1967, стр. 142, рис. 57.

³⁵ Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова, 1968, стр. 224—225.

³⁶ М. М. Кобылина, 1961, стр. 168—169, табл. XXXVII, 4.

³⁷ И. Т. Кругликова, 1966в, стр. 113, рис. 3.

³⁸ Там же, рис. 4.

³⁹ В. Ф. Гайдукевич, 1958а, стр. 83, рис. 76.

Рис. 98. Головка гротескной статуэтки из поселения Андреевка Северная

На поселениях же земледельческой хоры Боспора в течение всего античного периода преобладали культы, связанные с верховным женским божеством плодородия. До III в. до н. э. они, по-видимому, были единственными. Однако после периода расцвета земледельческих поселений в IV и в начале III в. до н. э. заметно изменяется их характер. Увеличивается роль скотоводства и рыболовства и, вероятно, других промыслов. Это находит отражение в падении роли земледельческих культов и в распространении других религиозных представлений.

В идеологии сельского населения нашли свое отражение и существенные изменения, которые произошли в первые века н. э. в религиозных представлениях жителей боспорских городов.

Вновь увеличивается роль великой богини плодородия, покровительницы животного и растительного мира, и рядом с ней появляется новое синкретическое мужское божество — бог-всадник, вероятно, покровитель скотоводов и воинов. В среду сельского населения проникает и христианская религия. Известно, что к концу III в. н. э. на Боспоре уже существовала христианская община⁴⁰, а жители поселения Ново-Отрадное были знакомы с христианством уже в середине III в. н. э. При раскопках некрополя у с. Ново-Отрадное был найден перстень III в. н. э. с сердоликовой вставкой, на которой вырезаны крест и рыбы — символы христианства⁴¹. В одной из гробниц вблизи Золотого Восточного найден христианский амулет, датированный 305 г. н. э.⁴² В некрополе поселения у с. Золотое найдено надгробие с изображением раннехристианского времени⁴³.

Интересные материалы об изменении религиозных представлений дает и анализ погребальных обрядов. Во многих могилах в некрополях, относящихся к сельским поселениям⁴⁴, так же как и в скифских курганах Керченского полуострова⁴⁵, находят сосуды, в которых, вероятно, была пища, положенная родственниками умершего, веровавшими в продолжение его жизни в потустороннем мире.

В европейской части Боспора могильники сельских поселений, относящиеся к периоду от V до III вв. до н. э., исследовались вблизи по-

⁴⁰ Ю. Ю. Марти, 1913, стр. 19.

⁴¹ Т. М. Арсеньева, 1963, стр. 195, рис. 3.

⁴² В. В. Шкорпил, 1898, стр. 8.

⁴³ В. Н. Корпусова, 1971, стр. 91.

⁴⁴ В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 187—215; Т. М. Арсеньева, 1963, стр. 198; В. Н. Корпусова, 1967, стр. 38; Она же, 1968, стр. 16; Она же, 1971, стр. 87; И. Т. Кругликова, 1969б, стр. 98; В. Н. Карасев, Л. А. Лебедева, 1972, стр. 58.

⁴⁵ Э. В. Яковенко, 1974, стр. 34 сл.

селений Южно-Чурубашское⁴⁶, Михайловское⁴⁷, около сел Фронтное⁴⁸, Астанино, Ильичево и Зеленый Яр⁴⁹; в азиатской части Боспора — около хут. Рассвет⁵⁰ и вблизи Витязева (Красный Курган)⁵¹. У Южно-Чурубашского поселения найдены шесть каменных ящиков и одна грунтовая могила. Грунтовая могила и пять ящиков были ориентированы по оси с юго-востока на северо-запад; один ящик — с юго-запада на северо-восток, сохранившиеся в нем два костяка лежали черепами на юго-запад. Среди инвентаря в нем было 13 астрагалов, три сосуда и бусы. Около поселения у Михайловки найдена плитовая могила с десятью скорченными костяками, восемь из которых, лежали головами на северо-запад и два — головами на юго-восток⁵².

Вблизи Фронтного вскрыто около 50 простых грунтовых могил, ориентированных с востока на запад, и две подбойные. В могилах имелись оружие и лепные горшки⁵³. Вблизи с. Астанино в курганах найдены каменные ящики, склепы из «дикарных» камней и грунтовые ямы, перекрытые плитами. Погребенные ориентированы головами на запад. В могилы были положены оружие, лепные и греческие сосуды V—III вв. до н. э. В районе Зеленого Яра найдены склеп с 22 погребениями и грунтовая яма с 18 костяками. Около Ильичева в могиле вместе с греческими сосудами и с гераклейской амфорой обнаружены кости от напутственной пицци и нож.

В районе Казантипского мыса и к востоку по побережью Азовского моря найдены каменные ящики VI—IV вв. до н. э., ориентированные с востока на запад. Они большей частью ограблены, костяки выкинуты. В них встречались обломки протофасосских, гераклейских и синопских амфор, наконечники стрел, украшения⁵⁴. В ограбленном ящике, раскопанном А. А. Дириным у мыса Зюк, три костяка лежали головами на восток. В ящике найдены чернолаковый килик V в. до н. э., бронзовое зеркало и черпак.

В азиатской части сельскохозяйственной территории Боспора при раскопках синдских могильников V—III вв. до н. э. у хут. Рассвет и у Витязева (Красный Курган) открыты могилы в каменных ящиках, сложенных из массивных плит. В могилах много керамики, украшений. В большинстве могил была положена напутственная пицца, представленная остатками костей животных, имелись бронзовые монеты IV в. до н. э. Иногда в этих могилах встречались скорченные костяки. Большая часть ящиков содержала по несколько скелетов.

Мы видим, таким образом, что погребальные обряды у населения различных районов сельскохозяйственной территории Боспора в V—III вв. до н. э. не были одинаковы. Коллективные погребения, вернее повторные

⁴⁶ И. Т. Кругликова, 1964, л. 32.

⁴⁷ Б. Г. Петерс, 1965, стр. 119 сл.

⁴⁸ В. Н. Корпусова, 1967, стр. 39 сл.

⁴⁹ Э. В. Яковенко, 1970, л. 36 сл.

⁵⁰ В. Н. Карасев, Л. А. Лебеденкова, 1972, стр. 58.

⁵¹ Раскопки могильника начаты в 1973 г. В. Н. Карасевым.

⁵² Б. Г. Петерс, 1965, стр. 119 сл.

⁵³ В. Н. Корпусова, 1967, стр. 39.

⁵⁴ А. М. Лесков, 1961, стр. 259; И. Т. Кругликова, 1963а, стр. 70.

захоронения в одной родовой могиле, вероятно, отражали пережитки общинно-родовых культов. Одиночные погребения, возможно, свидетельствовали о более развитых религиозных представлениях, соответствовавших иной ступени социального развития. Умерших клали в вытянутом и в скорченном положении, головами на восток, юго-восток, юго-запад, северо-запад и запад. Различия сказываются также и в конструкции погребальных сооружений: имелись грунтовые могилы и склепы, каменные ящики и плитовые могилы. Погребенным часто клали напутственную пищу и ставили вино в амфорах и других сосудах. Различия в погребальных культах могут быть объяснены различной этнической принадлежностью погребенных. Часть могил принадлежала скифам, часть — таврам, а в могиле у поселения Южно-Чурубашское могли быть похоронены боспорские греки — владельцы сельской усадьбы. Именно этнической неоднородностью населения объясняют разнообразие погребальных обрядов в некрополях боспорских городов⁵⁵.

Отчетливо бросается в глаза изменение погребального обряда в некрополях сельских поселений в первые века н. э. В некрополях I—III вв. н. э. у Кыз-Аула⁵⁶, Ново-Отрадного⁵⁷, Семеновки⁵⁸, Золотого Восточного⁵⁹ и Фронтowego⁶⁰ погребенные лежали в большинстве случаев головой на восток, тогда как в предшествующий период преобладала западная ориентировка. Каменные ящики, относящиеся на Керченском полуострове к V—IV вв. до н. э., позднее исчезают. Получают распространение простые грунтовые, плитовые и подбойные могилы, а также склепы. На протяжении всего периода истории Боспорского царства в его европейской части продолжают существовать коллективные и одиночные захоронения, однако в единственном деревенском могильнике позднеантичного времени, открытом у с. Заморское, все погребения были одиночными.

Мы видим, что раскопки некрополей и поселений одинаково свидетельствуют о серьезных изменениях, происходивших на территории сельской хоры европейской части Боспорского царства за долгий период его существования. У нас пока нет достаточных материалов, чтобы сопоставить данные, полученные нами для европейской части Боспора, с аналогичными материалами из сельских поселений азиатской его части. Мы можем только предполагать, что процессы, проходившие в одной части государства, отражались и на поселениях другой его части и соответственно вызывали одинаковые изменения в религиозных представлениях обитателей всей обширной хоры Боспорского царства.

Жизнь боспорской деревни имела свои отличия от жизни городов, что было, судя по свидетельствам античных авторов, характерно и для метрополии.

Исследования сельских поселений Боспора позволили уловить эти различия для отдельных исторических периодов.

⁵⁵ Е. Г. Кастанаян, 1959а, стр. 265; Л. Ф. Силантьева, 1959, стр. 13 сл.

⁵⁶ В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 187 сл.

⁵⁷ Т. М. Арсеньева, 1970, стр. 82 сл.

⁵⁸ И. Т. Кругликова, 1969б, стр. 98 сл.

⁵⁹ А. А. Дишин, 1896, стр. 120 сл.

⁶⁰ В. Н. Корпусова, 1967, стр. 41.

Написание истории сельской территории и сельского хозяйства Боспорского государства стало возможным благодаря накоплению материалов в результате большого размаха археологических исследований, которые проводились на территории Керченского и Таманского полуостровов в течение последних десятилетий. Только на территории европейской части Боспора были открыты 274 поселения античного времени, из которых 233 существовали в период эллинизма (рис. 99).

Раскопки и разведки позволили выделить несколько типов сельских поселений, различающихся планировкой, местоположением, социальной принадлежностью их обитателей, их этническим составом и т. д. Для каждого исторического периода характерно распространение различных типов поселений. Вместе с тем поселения сельских общин сохраняются, по-видимому, в течение всей истории Боспорского государства. Перемещение населения, появление крупных усадеб на месте деревень, рост земельных владений и другие изменения сельскохозяйственных участков, прослеживаемые с помощью археологии, позволяют проследить процесс роста крупной земельной собственности на Боспоре и распространение крупных рабовладельческих хозяйств.

Развитие сельскохозяйственного производства на Боспоре находилось в тесной связи с социальным развитием племен, живших на землях, присоединенных боспорскими правителями, или бывших ближайшими соседями Боспорского государства.

К. Маркс писал: «В античном мире город с принадлежащими ему землями является экономическим целым»¹. Эти принадлежавшие городу земли мы относим, вслед за греческими авторами, к городской хоре. Но в крупных эллинистических государствах, кроме городской хоры, существовала хора государственная, частью которой являлась хора царская (ὄρα βασιλική). Все эти земли входили в единый экономический организм государства в целом. Поэтому такое большое значение имеют изучение хоры античных государств и выявление особенностей отдельных ее частей. Сельская территория, или хора, Боспорского государства, по-видимому, тоже составлялась из различных частей: хоры городов, населенной греческими колонистами и их потомками — гражданами городов, и хоры царской, или государственной, на которой находились пестрые в социаль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 471.

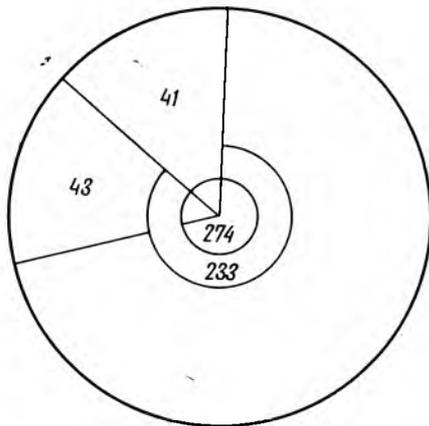

Рис. 99. Распределение сельских поселений античного времени, открытых на территории европейской части Боспора, по периодам их существования

- 274 — общее число поселений;
 233 — поселения, возникшие с VI до III в. до н. э.;
 43 — поселения, продолжавшие существовать в первые века н. э.;
 41 — поселения II в. до н. э. — III в. н. э., основанные на новых местах

ном и этническом отношениях сельскохозяйственные организмы. Боспорский царь был верховным владельцем всех земель. Имелись ли на Боспоре государственные земли, не являвшиеся личной собственностью царя, как это имело место в эллинистических государствах Малой Азии², мы не знаем. Может быть, ими являлись земли, принадлежавшие отдельным племенам, включенным в состав Боспорского государства. На царской и городской хоре размещались сельские поселения и рабовладельческие усадьбы. Часть земель хоры базилике, вероятно, была поделена между приближенными царя, представителями военно-бюрократической аристократии.

Различная удаленность от городов и различные сельскохозяйственные традиции обуславливали и особенности хозяйственной специализации поселений, расположенных на разных участках боспорских земель. Особенности исторического развития и политико-экономических связей Боспора в свою очередь диктовали определенные требования к сельскому населению и вызывали изменения в жизни сельскохозяйственной территории Боспора.

Раскопки, проведенные на сельскохозяйственной территории Боспора, показывают, что организация сельскохозяйственного производства на Боспоре была несколько более сложной, чем у соседнего с ним Херсонесского государства. В ранний период истории Херсонеса принадлежавшие ему земли на Маячном и на Гераклеюском полуостровах в основной массе были, по-видимому, поделены на клеры, которыми владели граждане херсонесского полиса. После того как к концу IV в. до н. э. Херсонес расширил свои владения и включил в них земли Северо-Западного Крыма, на его территории, как показали исследования А. Н. Щеглова, оказались сельские поселения различных типов. Почти все эти типы поселений находят аналогию в Боспорском государстве.

Там уже в V в. до н. э. мы находим неукрепленные деревни, бывшие, вероятно, поселениями родовых или сельских общин, изолированные

² Е. С. Голубцова, 1972, стр. 170.

усадеб и комплексы усадеб, а позднее появляются и укрепленные деревни, которых не было в ближайшей округе Херсонеса. Появление укрепленных поселений в Северо-Западном Крыму связано не с Херсонесом, а с позднескифским государством.

На территории хоры Боспора имелись деревни и могильники, принадлежавшие варварским племенам, что хорошо прослеживается на примере европейской части Боспора. Это, а также свидетельство надписи 151 г. н. э. о наличии храмового землевладения, где работали прикрепленные к земле пелаты, позволяет предполагать, что на территории хоры Боспора имелось зависимое и полузависимое сельское население из числа осевших на землю племен. Последнее позволяет сопоставлять Боспор с малоазийскими и южнопричерноморскими греческими государствами.

В литературе уже высказывалось предположение, что в числе участников восстания Савмака в конце II в. до н. э. была масса независимого скифского населения, обрабатывавшего земли боспорских правителей и аристократии³. Из свидетельств античных авторов и из эпиграфических источников известно о существовании зависимого туземного населения — мариандинов — в Гераклее Понтийской, илотов — в Спарте, гергитов — в Милете, лаой — в Византии и ряде других областей Средиземноморья. Вместе с тем, как мы это видим на примере Малой Азии, сельская община продолжала существовать и сохраняла свое значение на протяжении всей истории античного общества. То же показывают и исследования сельских поселений Боспора.

Отсутствие письменных свидетельств о положении сельской общины на Боспоре и о структуре сельских поселений его хоры особенно повышает роль археологических источников для решения вопроса об организации сельскохозяйственного производства в этом отдаленном районе античного мира. Изучение конкретного материала, позволяющего восстановить особенности локального развития каждой из частей, входивших в ареал греческого, а затем римского мира, дает возможность понять каждую из клеточек, которые в целом составляли организм античной рабочей земельной формации.

Боспорское государство представляло собой сложный организм, в котором тесно переплетались традиции, принесенные греческими переселенцами, с влияниями и традициями окружающего племенного населения. Однако в развитии сельского хозяйства греческое влияние с самого раннего периода возникновения греческих поселений на Боспоре Киммерийском оказалось решающим. Греческие традиции прослеживаются в технике обработки земли, в распространении сельскохозяйственных культур, в планировке сельских усадеб и в технике их возведения.

Такое сильное влияние греческой культуры в области сельского хозяйства не является показателем количественного преобладания греков среди боспорских земледельцев. Только в самый ранний период и на самой ближайшей к городам сельской территории — городской хоре — греческие земледельцы имели бесспорное количественное превосходство над местным

³ В. Ф. Гайдукевич, 1962, стр. 22 сл.

земледельческим населением. Оседание на землю кочевых и пришлых племен, а также переселение на земли Боспора земледельцев из других районов происходили постоянно в течение всей длительной истории Боспорского государства.

Негреческое население боспорской хоры, по-видимому, охотно воспринимало влияние более высокой средиземноморской цивилизации. Все, что способствовало поднятию урожайности, повышению рентабельности сельского хозяйства и не требовало значительного увеличения физической нагрузки и материальных вложений, вероятно, внедрялось довольно быстро. Но в целом прогресс в развитии сельского хозяйства и особенно его технического оснащения в течение античного периода протекал очень медленно как на Боспоре, так и в Средиземноморье. И все же в развитии средств производства боспорское сельское хозяйство не отставало от Средиземноморья, с которым Боспор в течение всей своей длительной истории имел тесные культурные и экономические связи, а в отдельные периоды — и политические.

Археологические раскопки в городах и в сельских усадьбах Боспора позднеэллинистического периода и первых веков н. э. позволяют говорить о высоком для того времени уровне технологии виноделия, о применении усовершенствованных прессов, большом искусстве сооружения цистерн и давяльных площадок. Сооружение в усадьбах специальных помещений для скота, устроенных согласно требованиям римских агрономов, применение сельскохозяйственных орудий, прямые аналогии которым мы находим в Средиземноморье и на территории римских провинций, наличие товарного производства зерна, вина и соленой рыбы — все это рисует нам сельское хозяйство Боспора в целом как передовое для античной эпохи. Вместе с тем нельзя забывать, что не все районы этого государства и не все хозяйства были одинаковыми. Наряду с крупными хозяйствами существовали мелкие, наряду с богатыми — бедные, рядом с техническими нововведениями уживались примитивные методы сельскохозяйственного производства ведения хозяйства.

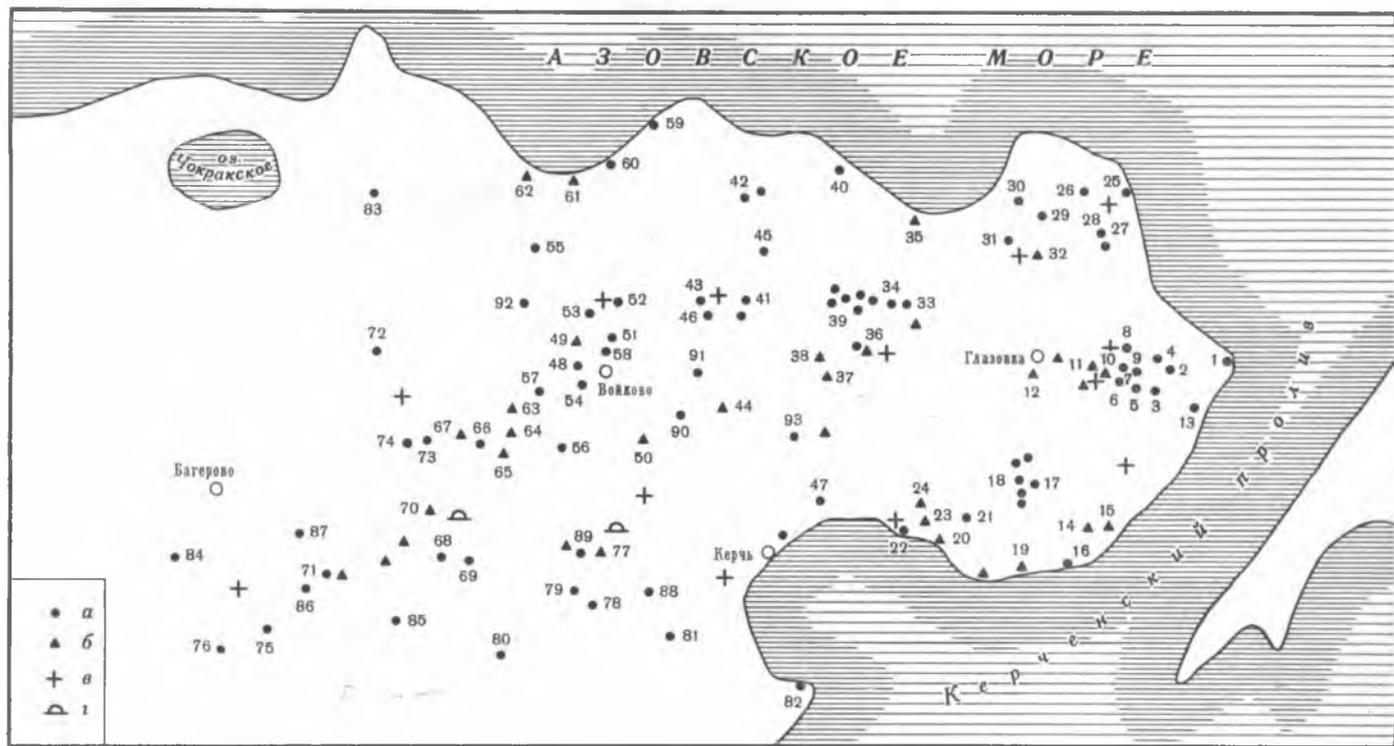

Рис. 100. Сельские поселения VI—III вв. до н. э. в северо-восточной части Керченского полуострова
 а — поселения и усадьбы; б — скопления керамики; в — некрополи; г — курганы

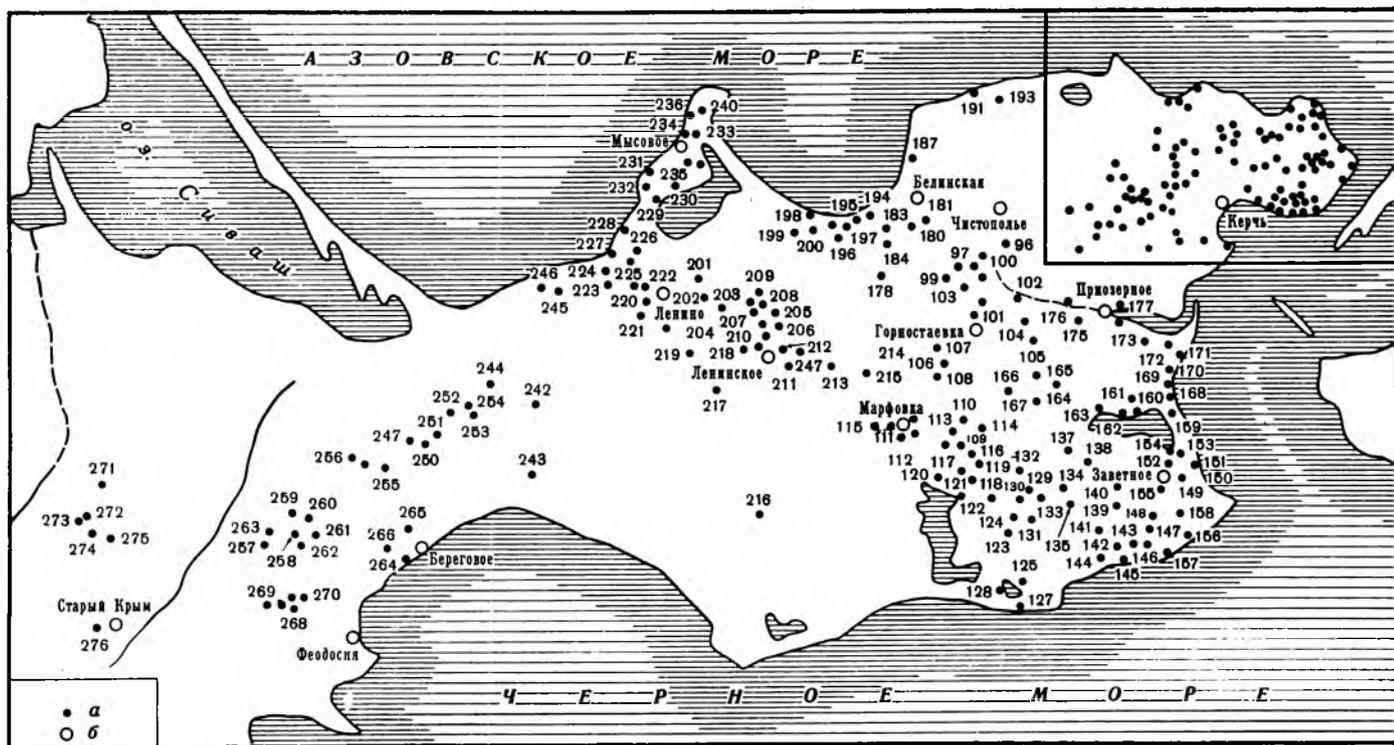

Рис. 101. Сельские поселения VI—III вв. до н. э. в европейской части Босфора
 а - античные поселения и усадьбы; б — современные города и села

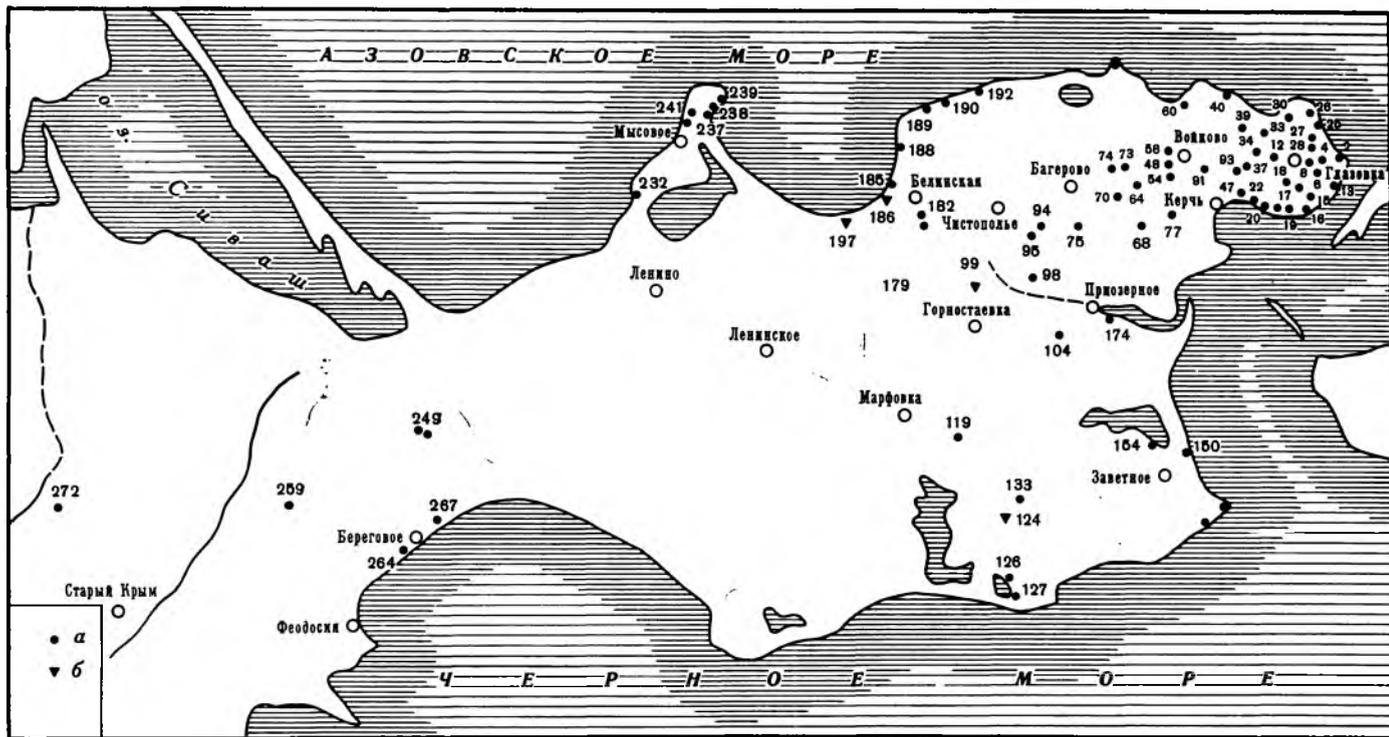

Рис. 102. Сельские поселения II в. до н. э.— III в. н. э.
 а — поселения и усадьбы; б — небольшое скопление керамики

12	Глазовка	В с. Глазовка и на его западной окраине	То же	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	Жуковка	На северной окраине пос. Жуковка	Скопление керамики на площади 0,5—0,7 га	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—
14	Опасное I	В 0,5 км к северо-западу от пос. Опасное на холме	Небольшое скопление керамики	—	+	+	—	+	—	+	+	—	—	—	—
15	Опасное II	На восточной окраине пос. Опасное	То же	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	Снягино ³	В пределах пос. Снягино		—	+	+	—	—	—	+	—	+	+	+	—
17	Каменка ⁴	На северной окраине пос. Каменка на холме	Несколько усадеб на протяжении 500 м	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	+	—
18	Каменка	Там же	То же	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	Капканы I ⁵	На восточной окраине пос. Капканы	Скопление керамики	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Капканы II	На западной окраине пос. Капканы	400 м	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Капканы III	На северо-западной окраине пос. Капканы		—	+	—	—	—	—	+	+	+	+	+	—
22	Змеиный мыс ⁶	В 1 км к западу от пос. Капканы		—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	+	—
23	Капканы IV	На западной окраине пос. Капканы		—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	Капканы V	В 0,4 км к западу от пос. Капканы		—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	Осовины I ⁷	В 1,2 км к юго-востоку от с. Осовины на скалистом мысе Варзовка	Около 5 га	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	+	—

* Разведки проводил Восточно-Крымский отряд под руководством И. Т. Кругликовой в составе Т. М. Арсеньевой (1953—1954 гг.), Т. М. Оболдуевой (1953, 1955, 1965 гг.), В. А. Могильникова (1964 г.), В. В. Веселова (1950—1964 гг.). В. В. Веселов проводил также разведки самостоятельно. В список включены и уже опубликованные поселения, дополнительно обследованные отрядом. Поселения 1—93 см. на рис. 100; 94—276—на рис. 102 (II в. до н. э.—III—IV вв. н. э.) и на рис. 101 (VI—III вв. до н. э.).

¹ В. В. Веселов, 1959, стр. 234.

² Там же, стр. 236.

³ См.: В. В. Веселов, 1959, стр. 230; *Он же*, 1952, стр. 232—233.

⁴ В. В. Веселов, 1959, стр. 231.

⁵ Там же, стр. 229.

⁶ Там же, стр. 227.

⁷ Там же, стр. 238—239.

39	Партизаны IV	В 1 км к северу от пос. Партизаны	Около 10 групп развалов камней, диаметр каждой около 30 м	+	+	+	-	-	+	-	-	-	+	-
40	Юркино I	В 3,8 км к западу от с. Юркино, на берегу	Небольшое скопление керамikki	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-
41	Бондаренково I ¹¹	В пос. Бондаренково и на его северной окраине	Поселение 80×18 м	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	-
42	Бондаренково II	В 2,5 км к северу от пос. Бондаренково	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-
43	Бондаренково III	В 1,3 км к западу от северо-западной окраины пос. Бондаренково	Поселение	+	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-
44	Бондаренково IV	В 1 км к югу от пос. Бондаренково	Небольшое скопление керамikki	-	+	-	-	+	+	+	+	-	+	-
45	Бондаренково V	В 0,6 км к северу от пос. Бондаренково	Несколько га	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+	-
46	Бондаренково VI	В 0,8 км к западу от пос. Бондаренково		-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
47	Карантинная слобода ¹² (раскопки В. Ф. Гайдукевича)	В 2,5 км к северо-востоку от горы Митридат	Усадьба	+	+	+	-	-	-	+	-	+	+	-
48	Войково I	В 0,4 км к западу от северо-западной окраины с. Войково	Около 2—2,5 га	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-
49	Войково II	В 1,1 км к северо-западу от с. Войково	Небольшое скопление керамikki	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
50	Войково III	В 0,15 км к югу от южной окраины с. Войково	То же	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-
51	Войково IV	В 1 км к северо-востоку от с. Войково	Поселение	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-

⁸ В. В. Веселов, 1959, стр. 240.⁹ В. Ф. Гайдукевич, 1941, стр. 45; В. В. Веселов, 1959, стр. 240.¹¹ В. В. Веселов, 1959, стр. 241.¹² В. Ф. Гайдукевич, 1955, стр. 113, примеч. 2; стр. 119, примеч. 3.

(Продолжение)

№ на карте	Название	Местоположение	Площадь распространения культурного слоя и тип поселения	Наличие камней	Эллинистические	I—III вв. н. э.	Обломки амфор						Черепица	Монеты
							Хиос	Фасос	Гераклея	Синопа	Кос	Родос		
52	Войково V	В 1,5 км к северо-востоку от с. Войково	Поселение	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
53	Войково VII	В 1,5 км к северу от окраины с. Войково	Небольшое поселение	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-
54	Войково VI	У северо-западной окраины с. Войково	То же	+	+	+	+	-	+	-	-	-	+	-
55	Войково VIII	Около 5 км к северо-западу от с. Войково	Около 4—5 га, несколько развалов по 12×8 м	+	+	-	-	-	+	+	-	-	+	-
56	Войково IX ¹³	В 1,8 км к юго-западу от с. Войково	Небольшое поселение	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-
57	Войково X	В 1,3 км к западу от с. Войково	То же	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-
58	Войково XI	В 0,9 км к северо-востоку от с. Войково	Около пяти развалов	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-
59	Тархан I	Около 2 км к северо-востоку от кошар	Около 2 га	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-
60	Тархан II	В 0,4 км к северо-востоку от кошар	Небольшое количество керамики	+	+	+	-	-	+	-	-	-	+	-
61	Тархан III	В 0,5 км к северу от кошар	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
62	Тархан IV	В 1,5 км к северо-западу от кошар	То же	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
63	Мичурино I	В 2,3 км к северу от пос. Мичурино	»	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-
64	Мичурино II	В 1,3—1,9 км к северу и северо-западу от пос. Мичурино	»	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+	-

65	Мичурино III	В 1,3 км к северу от пос. Мичурино		—	+	—	—	+	—	+	—	—	—	—
66	Октябрьское I (раскопки 1962 г.) ¹⁴	В 0,3 км к востоку от кургана Кара-Оба	Усадьба 4,5 га	+	+	—	—	+	+	+	—	—	—	—
67	Октябрьское VI	В 0,3—0,6 км к западу и северо-западу от поселения 66	Редкие обломки керамики	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
68	Октябрьское II	В 1,5 км к юго-востоку от с. Октябрьское	Небольшое скопление керамики	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—
69	Октябрьское III ¹⁵	В 300 м к востоку от пункта 68	Около 4,5 га	+	+	+	—	—	—	—	—	+	+	—
70	Октябрьское IV	В 0,3 км к западу от кургана Кара-Оба	Небольшое скопление керамики	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—
71	Октябрьское V	В 1,5 км к юго-западу от западной окраины с. Октябрьское	Поселение	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
72	Малый Бабчик	В 1,5 км к западу от дер. Малый Бабчик	Небольшое скопление керамики на территории около 3 га	—	+	—	—	+	+	—	—	—	+	—
73	Туркмен I	В 2,4 км севернее с. Октябрьское	Около 3—4 га	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
74	Туркмен II	Быв. хут. Туркмен	2—3 га	—	+	+	—	—	+	—	—	—	—	—
75	Андреевка Северная (раскопки 1965—1969 гг.) ¹⁶	На северной окраине дер. Андреевка на холме	Поселение	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—
76	Андреевка Южная (раскопки 1964—1970 гг.) ¹⁷	В 1,2 км к юго-западу от дер. Андреевка	Крупное поселение около 5 га	+	+	—	+	+	+	+	—	—	+	—
77	Золотой Курган	На южном склоне возвышенности	Небольшое количество керамики	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—
78	Восход I	На юго-восточной окраине с. Восход	Поселение с колодецем	+	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—

¹³ К. Э. Гриневич, 1946, стр. 160.

¹⁴ С. А. Семенов, В. Э. Купин, 1962, стр. 259, № 5.

¹⁵ Там же, стр. 258, № 4.

¹⁶ Там же, стр. 260, № 12; И. Т. Кругликова, М. А. Романовская, 1971, стр. 253.

¹⁷ И. Т. Кругликова, 1967а, стр. 220; Она же, 1968б, стр. 206 сл.

92	Войково XII ²³	В 3 км к северо-западу от с. Войково на поле	Два развала на площади 200×100 м	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
93	Партизаны V ²⁴	Около 0,7 км к юго-западу от южной окраины пос. Партизаны	Два развала, около 20×20 м	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-
94	Либкнехтовка (раскопки 1965 г.) ²⁵	В 1,5 км к северо-востоку от с. Либкнехтовка на холме (рис. 102)	Усадьба	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
95	Либкнехтовка II	В 1,4 км к северо-востоку от с. Либкнехтовка на поле		-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
96	Либкнехтовка III	На территории с. Либкнехтовка (рис. 101)	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
97	Тасуново II	В 1,5 км к северо-западу от с. Тасуново	Поселение	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
98	Тасуново I (раскопки 1951 г.) ²⁶	На восточной окраине с. Тасуново	Поселение	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
99	Тасуново III	Около 1 км к востоку от с. Тасуново на поле	Скопление керамики	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
100	Калиновка	На поле в 0,1 км к северу от пос. Калиновка	То же	+	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
101	Горностаевка I	В 0,3 км к северо-западу от с. Горностаевка	»	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
102	Горностаевка II	В 4 км к северо-востоку от с. Горностаевка, на поле		-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
103	Горностаевка III	В 1 км к северо-востоку от с. Горностаевка на поле	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-

¹⁸ С. А. Семенов, В. Э. Кулин, 1962, стр. 257, № 2.

¹⁹ Там же, № 1.

²⁰ Там же, № 18.

²¹ Там же, № 8.

²² Там же, № 9.

²³ Там же, стр. 259, № 13.

²⁴ Там же, № 20.

²⁵ Т. М. Смирнова, 1967, стр. 140 сл.

²⁶ В. Д. Власовский, Д. В. Шелов, 1955, стр. 102 сл.

(Продолжение)

№ на карте	Название	Местоположение	Площадь распространения культурного слоя и тип поселения	Наличие камней	Эллинистические	I—III вв. н. э.	Обломки амфор						Черепица	Монеты
							Хиос	Фасос	Гераклен	Синопа	Кос	Родос		
104	Михайловка (раскопки 1962–1972 гг.) ²⁷	В 1 км к западу от с. Михайловка на склоне	Поселение	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—
105	Михайловка II	В 2 км к юго-западу от с. Михайловка	Незначительные остатки построек и керамики	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
106	Новоселовка I	В 0,7 км к востоку от с. Новоселовка на холме	Небольшое скопление керамики	+	+	—	—	+	+	+	—	—	—	—
107	Новоселовка II	Между шоссе, валом и с. Новоселовка	Отдельные фрагменты сосудов	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
108	Новоселовка III	В 0,8 км к юго-западу от с. Новоселовка	То же	+	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—
109	Марфовка VI	В 2,6 км к юго-востоку от с. Марфовка	Поселение	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—
110	Марфовка V	В 2,6 км к востоку от с. Марфовка	Незначительное скопление керамики	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—
111	Марфовка II	В 0,6 км к западу от с. Марфовка	Поселение около 3,5 га	—	+	—	—	—	+	+	—	—	—	—
112	Марфовка III	В 0,5 км к югу от с. Марфовка	2 га	+	+	—	—	+	+	—	—	—	—	—
113	Марфовка IV	На северной окраине с. Марфовка	Незначительное скопление керамики	—	+	—	—	—	+	+	—	—	—	—
114	Марфовка VII	В 3,5 км к востоку от с. Марфовка	Поселение около 6 га	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—
115	Марфовка Западная (раскопки 1955 и 1961 гг.) ²⁸	В 3 км к западу от с. Марфовка	Поселение	+	+	—	—	—	+	+	—	—	+	—

116	Тамарино I	В 0,3 км к северо-востоку от с. Тамарино	Поселение около 2 га	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
117	Тамарино II	В 0,3 км к юго-западу от с. Тамарино	Развалы построек, керамика	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
118	Тамарино III	В 2 км к югу от с. Тамарино	Около 1 га	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
119	Тамарино IV	В 0,3 км к юго-востоку от с. Тамарино	Небольшое скопление	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-
120	Прудниково I	В 2,2 км к юго-востоку от с. Прудниково	Незначительное количество обломков керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
121	Просторное	В 1 км к северо-востоку от с. Просторное, по обеим сторонам речки, на склоне холма и на поле	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
122	Пташкино	В 0,7—0,8 км к юго-востоку от алебастрового карьера южнее с. Пташкино	Селище, примерно 750×200 м	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
123	Борисовка I	В 0,8 км к юго-востоку от с. Борисовка у северо-западного конца озера	Редкие обломки посуды	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
124	Борисовка II	В 1,2 км к северо-востоку от с. Борисовка	Редкие обломки посуды	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
125	Холм А ²⁹	На восточном склоне горы Опук	Поселение	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-
126	Опук ³⁰	На плато горы Опук	Крепость	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
127	Киммерик ³¹	На берегу моря, на западном склоне горы Опук	Поселение	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-

²⁷ Б. Г. Петерс, 1966, стр. 124 сл.; Б. Г. Петерс, Г. М. Ефимова, 1967, стр. 222 сл.

²⁸ И. Т. Кругликова, 1957а, стр. 224 сл.; Она же, 1963а, стр. 73.

²⁹ И. Т. Кругликова, 1958б, стр. 234 сл.

³⁰ Ю. Ю. Марти, 1928, стр. 103 сл.; И. В. Зеест, 1949а, стр. 52 сл.

³¹ И. В. Зеест, 1949, стр. 92 сл.

139	Стрелковое I ³³	В 0,4 км к западу от с. Стрелковое	Около 3 га	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
140	Стрелковое II ³⁴	В 1,5 км к северо-западу от с. Стрелковое	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	+	+	-	-	+	-
141	Голубое	В 0,3 км к северо-востоку от руин старой деревни	Скопление керамики	+	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-
142	Яковенково I	В 1 км к северу от с. Яковенково	Скопление керамики	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
143	Яковенково II	В 1—1,6 км к северо-востоку от с. Яковенково	Поселение	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
144	Яковенково III	В 3,5 км к юго-западу от с. Яковенково	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-
145	Яковенково IV	В 0,6 км к юго-востоку от с. Яковенково	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-
146	Яковенково V ³⁵	В 2,5 км к северо-востоку от с. Яковенково	Селище	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
147	Яковенково VI ³⁶	В 1,2 км к северо-востоку от пункта 146	Около 1 га	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
148	Яковенково VII ³⁷	В 1,9 км к северо-востоку от пункта 146	Около 2 га	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
149	Заветное I	В 0,3 км к востоку от с. Заветное	Около 2 га	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-
150	Заветное II	В 1,1 км к северо-востоку от с. Заветное, на берегу моря	Поселение	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-
151	Заветное III	В 1,2 км к северу от с. Заветное	Около 2 га	-	+	-	+	+	-	+	-	-	+	-
152	Заветное IV ³⁸	В 1 км к северо-западу от с. Заветное	Селище около 18 га	-	+	-	+	+	+	-	-	-	+	-

³² И. Т. Кругликова, 1960, стр. 72—73.

³³ В. Ф. Гайдужевич, 1959, стр. 214, пункт 16.

³⁴ Там же, пункт 17.

³⁵ Там же, пункт № 13.

³⁶ Там же, пункт № 14.

³⁷ Там же, пункт № 15.

³⁸ Там же, стр. 212, рис. 81, пункт № 6.

(Продолжение)

№ на карте	Название	Местоположение	Площадь распространения культурного слоя и тип поселения	Наличие камней	Эллинистические	I—III вв. н.э.	Обломки амфор						Черепица	Монеты
							Хиос	Фасос	Гераклен	Синопа	Кос	Родос		
153	Заветное V ³⁹	В 1,8 км к северу от с. Заветное	Селище, керамика на участке около 16 га	—	+	—	+	+	+	—	—	—	+	—
154	Костырино (раскопки 1956 г.) ⁴⁰	В 3 км к северо-западу от с. Заветное на мысе озера Тобечик	Поселение 150×230 м	+	+	+	—	+	+	+	—	—	+	—
155	Коренково I	В 0,8 км к северо-западу от с. Коренково	Небольшое скопление керамики	—	+	—	—	—	+	—	—	—	+	—
156	Коренково II	В 3,8 км к востоку от с. Коренково	250×300 м	+	+	—	—	—	+	+	—	—	+	—
157	Коренково III ⁴¹	В 0,5 км к северо-западу от Кызаульского маяка	150×200 м	—	+	—	—	—	+	+	—	—	+	—
158	Коренково IV	В 2 км к юго-западу от с. Коренково	Пятна на площади около 6–7 га	+	+	—	—	—	+	+	—	—	+	—
159	Челябинцево I	В 3 км к юго-востоку от с. Челябинцево	Незначительное скопление керамики	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—	—
160	Челябинцево II	В 1,8 км к югу от с. Челябинцево	Небольшое скопление керамики	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
161	Челябинцево III	В 0,8 км к юго-западу от с. Челябинцево в поле	То же	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
162	Челябинцево IV	В 2,5 км к юго-западу от с. Челябинцево, на мысе	»	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
163	Огоньки I (раскопки 1956 г.)	На западной окраине с. Огоньки	Поселение 200×150 м	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+
164	Огоньки II	В 4 км к северо-западу от с. Огоньки	Около 6,5 га	+	+	—	—	—	+	+	+	—	+	—

165	Сокольское I	В 4 км к северо-востоку от с. Сокольское	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
166	Сокольское II	В 1 км к западу от с. Сокольское	250×120 м	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
167	Сокольское III	В 1,5 к юго-востоку от с. Сокольское	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
168	Героевка V	В 5,0 км к югу от с. Героевка	Усадьба	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
169	Героевка I (раскопки 1956-1963 гг.) ⁴²	В 4,0 км к югу от с. Героевка	Поселение около 10 га	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
170	Героевка II	В 2 км к югу от с. Героевка	Поселение около 10 га	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
171	Героевка III	В 1,4 км к югу от с. Героевка	То же	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
172	Героевка IV	В 0,6 км к югу от с. Героевка	Протяженность около 300 м	-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-	
173	Южный Чурубаш (раскопки 1962- гг.) ⁴³	Около 6 км к северо-западу от Нимфея, на краю плато	Поселение около 6-7 га	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	
174	Чурубаш (раскопки 1963 г.)	Между поселением 173 и Чурубашским озером	Усадьбы на холмах	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
175	Приозерное	В 0,5 км к юго-западу от с. Приозерное	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
176	Огородное	У северо-западной окраины	Поселение около 3 га	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	
177	Васильевка	На юго-восточной окраине с. Васильевка на берегу озера	Протяженность около 150 м	+	+	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	
178	Ново-Николаевка I	В 2,4 км к северо-западу от с. Ново-Николаевка		-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
179	Ново-Николаевка II (раскопки 1962 г.)	В 4 км к юго-востоку от с. Ново-Николаевка у вала, на холме	Поселение	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	

³⁹ В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 212, рис. 81, пункт № 5; стр. 213.⁴⁰ Там же, стр. 212, пункт № 4; И. Т. Кругликова, 1956б.⁴¹ В. Ф. Гайдукевич, 1959, стр. 212, пункт № 11.⁴² И. Т. Кругликова, 1960, стр. 69 сл.⁴³ И. Т. Кругликова, 1967в, стр. 5.

190	Золотое Восточное бухта (раскопки 1955 г.)	В 4 км к востоку от с. Золотое		+	--	+	--	-	--	--	-	+	-	--
191	Золотое Восточное I (раскопки 1955 г.) ⁴⁷	В 4,5 км к северо-востоку от с. Золотое		+	+	-	-	-	+	+	-	+	+	--
192	Куль-тепе I (раскопки 1955 г.) ⁴⁸	Около 6 км к северо-востоку от поселения 188	Усадьбы	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
193	Куль-тепе II ⁴⁹	В 5 км к востоку от развалин старой деревни	Скопление керамики на поле	-	+	-	--	--	+	+	-	-	-	-
194	Верхнее Заморское	На западной окраине с. Верхнее Заморское	Скопление керамики	-	+	-	--	--	+	+	-	-	-	--
195	Зеленый Яр I	В 1,3 км к северо-востоку от с. Зеленый Яр	20—25 га, длина около 1 км	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	--
196	Зеленый Яр II	В 0,85 км к северо-востоку от с. Зеленый Яр	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	--
197	Зеленый Яр III	В 1,5 км к северу от с. Зеленый Яр	То же	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	--
198	Песочное I	На территории с. Песочное	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
199	Песочное II	В 1,1 км к юго-западу от с. Песочное	На площади около 8 га 10 развалов каменной диаметром по 10—15 м	+	+	-	--	+	+	+	-	-	-	-
200	Песочное III	На Южной окраине с. Песочное	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
201	Виноградное I	В 2 км к северу от с. Виноградное	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
202	Виноградное II	В 0,7 км к востоку от с. Виноградное	То же	+	+	-	-	+	-	+	-	--	-	-

⁴⁴ И. Т. Кругликова, 1958а, стр. 237; Она же, 1966а, стр. 78.

⁴⁵ И. Т. Кругликова, 1958а, стр. 225.

⁴⁶ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 245; В. М. Корпусова, 1974, стр. 80.

⁴⁷ А. А. Дирин, 1896, стр. 126 сл.; И. Т. Кругликова 1958а, стр. 227 сл.

⁴⁸ И. Т. Кругликова, 1957б, стр. 130 сл.

⁴⁹ И. Т. Кругликова, 1958а, стр. 230; Она же, 1966а, стр. 81.

(Продолжение)

№ на карте	Название	Местоположение	Площадь распространения культурного слоя и тип поселения	Наличие каменной	Эллинистиче- ские	I—III вв. н.э.	Обломки амфор						Черепица	Монеты
							Хиос	Фасос	Гераклен	Синопа	Кос	Родос		
203	Виноградное III	В 2 км к юго-востоку от с. Виноградное, на левом берегу балки	Поселение	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
204	Слюсареве I	В 2,2 км к юго-западу от с. Слюсареве	То же	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—
205	Слюсареве II	В 1,75 км к югу от с. Слюсареве, на поле	Незначительное скопление керамики	—	+	—	+	+	—	—	—	—	—	—
206	Слюсареве III ⁵⁰	В 1,5 км к югу от с. Слюсареве		+	+	—	+	+	+	—	—	—	—	—
207	Слюсареве IV	В 2 км к юго-западу от с. Слюсареве		—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
208	Слюсареве V	В 1,5 км к юго-западу от с. Слюсареве	То же	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—
209	Слюсареве VI	В 2 км к западу от с. Слюсареве на поле	На 5–6 га 12 развалов домов диаметром по 16–40 м	+	+	—	+	+	—	+	—	—	—	—
210	Ленинское I ⁵¹	В 1,5 км к северо-западу от с. Ленинское на левом берегу р. Самарли	2–3 га	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
211	Ленинское II	В 1,5 км к юго-востоку от с. Ленинское	10–15 пятен развалов камней	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—	—
212	Ленинское III	В 1,1 км к юго-западу от шоссе Керчь — Феодосия на 42 км	Скопление керамики	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—	—
213	Сазоновка (раскопки 1953—1955 гг.) ⁵²	В 1,5 км к северо-западу от с. Сазоновка	Поселение	+	+	—	+	+	+	+	—	—	—	—

214	Фонтан	Около 1,75 км к западу от пос. Фонтан	Скопление керамики на поле	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
215	Сазоновка II	В 2 км к северо-востоку от с. Сазоновка, на южном склоне холма	Скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
216	Карасевка	В 1 км к югу от с. Карасевка, мыс на западном берегу озера	То же	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
217	Кирово	На западной окраине с. Кироко, на склоне		-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
218	Красная Горка	В 2,5 км к северо-востоку от пос. Красная Горка	Небольшое скопление керамики	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
219	Королево	На северной окраине с. Королево	Скопление керамики	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
220	Ленино I	В 1,85 км к западу от г. Ленино	То же	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
221	Ленино II	В 3 км к юго-западу от г. Ленино	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
222	Ленино III	В 2,5 км к северо-западу от г. Ленино	Скопление керамики	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
223	Чапаевка III	В 3,5 км к юго-западу от пос. Красный Кут на возвышенности		-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
224	Чапаевка IV	В 3 км к западу от с. Чапаевка близ дороги на поле		-	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
225	Чапаевка I	В 0,6 км к северо-западу от с. Чапаевка	Небольшое скопление керамики	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
226	Чапаевка II	В 0,8 км к северу от с. Чапаевка	Поселение	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
227	Красный Кут II	В 1,5 км к юго-западу от пос. Красный Кут		-	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-

⁸⁰ И. Т. Кругликова, 1955, стр. 88; Э. В. Яковенко, 1968, стр. 12—15.

⁵¹ А. М. Лесков, В. Г. Збенович, 1962, стр. 27.

⁵² И. Т. Кругликова, 1955, стр. 88.

239	Казантип II	В 1,2 км к северо-востоку от с. Афанасьевка	Поселение	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-
240	Казантип III	В 0,53 км к востоку от с. Мысовое	Усадьба	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
241	Мысовое	В 0,15 км к востоку от с. Мысовое	Поселение	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-
242	Батальное	В 2,2—2,5 км к северу от с. Батальное	То же	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
243	Батальное II	В 4 км к юго-западу от с. Батальное	»	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
244	Семисотка	В 2 км к юго-востоку от с. Семисотка	На поле развалы площадью от 100—600 кв. м. Всего площадь 4,5 га	+	+	-	-	+	-	+	+	-	-	-
245	Набережная I	В 1,5 км к юго-западу от с. Набережная на небольшой возвышенности	Небольшое скопление керамики	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-
246	Набережная II	В 2,5 км юго-западу от с. Набережная	Около 5 га; 14 развалов площадью по 100—400 кв. м	+	+	-	-	+	-	+	-	-	+	-
247	Фронтное I ⁵⁵	В 0,5 км к востоку от с. Фронтное	Поселение около 400×200 м	+	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-
248	Фронтное II	В 0,6 км к юго-западу от с. Фронтное		-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
249	Фронтное III	В 0,7 км к югу от с. Фронтное		-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	Пв
250	Холмогорка I	В 0,1—0,3 км к юго-западу от с. Холмогорка	Развал камней	+	+	-	-	+	-	+	-	-	-	-
251	Холмогорка II	В 0,6 км к северо-востоку от с. Холмогорка		-	+	+	-	+	+	+	-	-	-	+
252	Ячменная I	В 0,6 км к западу от с. Ячменная	Незначительное скопление керамики	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-
253	Ячменная II	В 0,3 км к востоку от с. Ячменная	Поселение	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-

⁵³ И. Т. Кругликова, 1970б, стр. 4—81.

⁵⁴ И. Т. Кругликова, 1956а, стр. 253.

⁵⁵ В. Д. Блаватский, Д. Б. Шелов, 1955, стр. 102, № 13.

(Окончание)

№ на карте	Название	Местоположение	Площадь распространения культурного слоя и тип поселения	Наличие камней	Эллинистические	I—III вв. н.э.	Обломки амфор						Черепица	Монеты
							Хлос	Фасос	Гераклея	Синопа	Кос	Родос		
254	Ячменная III	В 0,5 км к северо-востоку от с. Ячменная	Поселение	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
255	Владиславовка I	В 0,4 км к северу от восточной окраины озера Ачи и в лесопосадке	То же	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
256	Владиславовка II	Вблизи ст. Владиславовка	Поселение на 4 га	—	+	—	—	+	+	+	—	—	—	—
257	Тамбовка I	В 0,7 км к западу от с. Тамбовка	Небольшое скопление керамики	—	+	—	—	+	+	+	—	—	—	—
258	Тамбовка II	В 0,9 км к северо-востоку от с. Тамбовка	То же	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
259	Тамбовка III	В 1,4 км к северо-западу от с. Тамбовка	Небольшое скопление керамики на площади 1,5 га	—	+	+	—	—	+	+	—	—	—	—
260	Тамбовка IV	В 1,2 км к северо-востоку от с. Тамбовка	Скопление керамики	—	+	—	—	—	+	+	—	—	—	—
261	Тамбовка V	В 1,2 км к юго-востоку от с. Тамбовка	Редкие обломки керамики	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
262	Тамбовка VI	В 1 км к юго-западу от с. Тамбовка	Поселение	+	+	—	—	—	+	+	—	—	—	—
263	Петровка	В 1,6 км к западу от с. Петровка	Незначительное скопление керамики	—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—
264	Береговое I	Юго-западная окраина с. Береговое, на бугре		+	+	+	—	—	+	—	—	—	+	—
265	Береговое II	В 1 км к северу от с. Береговое		—	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—

266	Береговое III	В 1 км к западу от с. Береговое, на берегу залива		-	+	-	-	-	+	+	-	-	+	-
267	Дальние Камыши	На юго-западной окраине с. Дальние Камыши, на берегу моря		-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
268	Ближнее Боевое I	В 1,1 км к западу от с. Ближнее Боевое	Поселение 2,5—3 га	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
269	Ближнее Боевое II	В 1,4 км к западу от с. Ближнее Боевое	Поселение 1,5—2 га	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
270	Ближнее Боевое III	В 0,25 км от северной окраины с. Ближнее Боевое	Около 3 га	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
271	Донская	В 0,2 км к югу от с. Донская		-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
272	Романовка	В 0,3 км от западной окраины с. Романовка	Поселение	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
273	Гоголевка	В 0,3 км от с. Каштановка	Около 5 га	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
274	Айвазовское (раскопки 1956 г.) ⁵⁶	В 0,15 км к западу от окраины с. Айвазовская		-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
275	Абрикосовка	В 0,9 км к югу от с. Абрикосовка		-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-
276	Старый Крым	В 1 км к северо-западу от г. Старый Крым		-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-

⁵⁶ И. Т. Кругликова, 1959в, стр. 64 сл.

- Агеев В.* 1890. Флора Крыма, т. I. СПб.
- Андреевский А. А.* 1834. Замечания о лесоводстве и необходимости разведения лесов в южных губерниях России.— Лесной журнал, ч. III.
- Алексеева Е. М.* 1972. Предметы из египетского фаянса VI в. до н. э.— IV в. н. э. в Северном Причерноморье.— КСИА, 130.
- Алексеева Е. М., Карасев В. Н., Смирнова Т. М.* 1974. Итоги Анапской экспедиции.— АО 1973 г. М.
- Алесковская О. Б.* 1951. Римский аграрный вопрос в русской историографии. Автореф. канд. дисс. М.
- Альтман М. С.* 1935. К технике виноделия в древней Греции.— ИГАИМК, 108.
- Анфимов Н. В.* 1941. Новые данные к истории азиатского Босфора (Семибратнее городище).— СА, VII.
- Анфимов Н. В.* 1950. Меотские поселения Восточного Приазовья.— КСИИМК, XXXIV.
- Анфимов Н. В.* 1951а. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья.— МИА, № 23.
- Анфимов Н. В.* 1951б. Раскопки Семибратнего городища.— КСИИМК, XXXVII.
- Анфимов Н. В.* 1952. Отчет о работе Восточно-Синдской экспедиции в 1952 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 730.
- Анфимов Н. В.* 1953а. Древние поселения Прикубанья. Краснодар.
- Анфимов Н. В.* 1953б. Отчет о работе Восточно-Синдской экспедиции за 1952—1953 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 817.
- Анфимов Н. В.* 1958. Племена Прикубанья в сарматское время.— СА, XXVIII.
- Арсеньева Т. М.* 1961. Раскопки у дер. Ново-Отрадное в 1959 г.— КСИА, 86.
- Арсеньева Т. М.* 1963. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное.— СА, № 1.
- Арсеньева Т. М.* 1970. Могильник у дер. Ново-Отрадное.— Сб. Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М.
- Артамонова О. А.* 1940. Древнейшее поселение на острове Березани.— КСИИМК, V.
- Арциховский А. В.* 1926. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий.— ТСС РАНИОН, I.
- Азмеров Р. Б.* 1949. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса.— ВДИ, № 4.
- Бабков И. И.* 1957. К вопросу о местонахождении Асандрова вала.— ИАДК.
- Башкиров А. С.* 1927. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г.— Труды Этнографо-археологического музея I МГУ, № 3.
- Башкиров А. С.* 1928. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г.— ТСА РАНИОН, III.
- Башкиров А. С.* 1950. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г.— Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемина, XIII, 2.
- Башкиров А. С.* 1957. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг.— Ученые записки Ярославского педагогического института, XXII (XXXII).
- Башкиров А. С.* 1961. Патрей в раскопках 1961 года. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2386.
- Белецкий А. А., Яковенко Э. В.* 1969. Эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова.— ВДИ, № 3.
- Белова Н. С.* 1961. Археологические находки в Китае.— КСИА, 83.

- Бергер А. К.* 1966. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.
- Бертье-Делагард А. Л.* 1906. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса.— ЗООИД, XXVI.
- Бертье-Делагард А. Л.* 1911. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до р. х.— Нумизматический сборник, I, М.
- Бибикова В. И.* 1970. Фауна из поселения у с. Кирово.— Сб. Древности Восточного Крыма. Киев.
- Блаватская Т. В.* 1965а. Рескрипты царя Аспурга.— СА, № 2.
- Блаватская Т. В.* 1965б. Аспург и Боспор в 15 г. н. э.— СА, № 3.
- Блаватский В. Д.* 1950. Античная культура в Северном Причерноморье.— КСИИМК, XXXV.
- Блаватский В. Д.* 1951а. Синдская археологическая экспедиция 1951 г.— Вестник АН СССР, № 10.
- Блаватский В. Д.* 1951б. Материалы по истории Пантикапея.— МИА, № 19.
- Блаватский В. Д.* 1951в. Раскопки Пантикапея.— КСИИМК, XXXVII.
- Блаватский В. Д.* 1951г. Харакс.— МИА, № 19.
- Блаватский В. Д.* 1952. Первый год работы Синдской экспедиции.— КСИИМК, XLVIII.
- Блаватский В. Д.* 1953а. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В. Д.* 1953б. Второй год работ Синдской экспедиции.— КСИИМК, 51.
- Блаватский В. Д.* 1953в. Арханчешский Боспор.— МИА, № 33.
- Блаватский В. Д.* 1953г. Новые данные о строительстве Пантикапея.— СА, XVII.
- Блаватский В. Д.* 1955а. Раскопки Пантикапея в 1952 г.— КСИИМК, 58.
- Блаватский В. Д.* 1955б. Третий год работ в Синдике.— Там же.
- Блаватский В. Д.* 1957. Четвертый год раскопок в Синдике.— КСИИМК, 70.
- Блаватский В. Д.* 1959а. Пятый год работ в Синдике.— КСИИМК, 74.
- Блаватский В. Д.* 1959б. Исследования Раевского городища в 1954 г.— КСИИМК, 77.
- Блаватский В. Д.* 1964. Пантикалей. Очерки истории столицы Боспора. М.
- Блаватский В. Д., Шелов Д. Б.* 1955. Разведки на Керченском полуострове.— КСИИМК, 58.
- Богаевский Б. Л.* 1915. Очерк земледелия Афин. Пг.
- Богаевский Б. Л.* 1916. Земледельческая религия Афин. Пг.
- Болтунова А. И.* 1966. О культе Зевса Сотера на Боспоре.— Сб. Культура античного мира. М.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* 1923. Отчет о раскопках 1923 г. Архив ЛОИА, д. 94.
- Борисов А. А.* 1956. О колебаниях климата Крыма за историческое время.— Известия Всесоюзного географического общества, 88, 6.
- Брабич В. М.* 1956. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.— КСИИМК, 66.
- Брашинский И. Б.* 1961. Успехи керамической эпиграфики.— СА, № 2.
- Брашинский И. Б.* 1963а. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М.
- Брашинский И. Б.* 1963б. Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э.— Сб. Античный город. М.
- Брашинский И. Б.* 1965. Керамические клейма Гераклеи Понтийской.— НЭ, V.
- Бригова Н. Н.* 1969. Греческая терракота. М.
- Бураков А. В.* 1970. Козырское городище ольвийской хоры. Автореф. канд. дисс. Киев.
- Бурачков П. О.* 1884. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса.
- Бурдак В. Д., Щеглов А. Н.* 1965. О промысле рыбы у берегов Тарханкута.— Рыбное хозяйство, № 3.
- Василенко Б. А.* 1971. К вопросу о датировке синопских клейм.— СА, № 3.
- Василенко Б. А.* 1972. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.). Автореф. канд. дисс. М.
- Веселов В. В.* 1959. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова.— СА, XXIX—XXX.
- Веселов В. В.* 1962. Новые формы и варианты клейм боспорских кровельных черепиц.— АИБ, II. Симферополь.
- Войцеховский С. Ф.* 1929. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени.— ЗСКОАИЭ, I (II), 5-6.
- Вязьмитина М. И.* 1962. Золотая Балка. Киев.
- Гайдужевич В. Ф.* 1940. Раскопки Мирме-

- кия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг.—ВДИ, № 3-4.
- Гайдукевич В. Ф.* 1941. Укрепленная villa rustica на Темыр-горе.—СА, VII.
- Гайдукевич В. Ф.* 1949а. Боспорское царство. М.—Л.
- Гайдукевич В. Ф.* 1949б. Боспорская экспедиция.—КСИИМК, XXVII.
- Гайдукевич В. Ф.* 1950. Боспорский город Илурат.—СА, XIII.
- Гайдукевич В. Ф.* 1951. Отчет о работах Боспорской экспедиции за 1951 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 645.
- Гайдукевич В. Ф.* 1952а. Предисловие.—Сб. Боспорские города, I (МИА, № 25).
- Гайдукевич В. Ф.* 1952б. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.—Там же.
- Гайдукевич В. Ф.* 1952в. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.—Там же.
- Гайдукевич В. Ф.* 1952г. Отчет о работах Боспорской экспедиции за 1952 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 770.
- Гайдукевич В. Ф.* 1953. Отчеты о работах Боспорской экспедиции за 1953 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 913.
- Гайдукевич В. Ф.* 1954. Отчет о работах Боспорской экспедиции в 1954 г. Архив ИА АН УССР, д. 1954/28.
- Гайдукевич В. Ф.* 1955. История античных городов Северного Причерноморья.—Сб. Античные города Северного Причерноморья. М.—Л.
- Гайдукевич В. Ф.* 1958а. Илурат.—МИА, № 85.
- Гайдукевич В. Ф.* 1958б. Виноделие на Боспоре.—Там же.
- Гайдукевич В. Ф.* 1959. Некрополи некоторых боспорских городов.—МИА, № 69.
- Гайдукевич В. Ф.* 1962а. Еще о восстании Савмака.—ВДИ, № 1.
- Гайдукевич В. Ф.* 1962б. Из истории Боспора во II в. н. э.—Сборник в честь академика А. И. Тюменева. М.
- Гайдукевич В. Ф., Михаловский К.* 1961. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956—1958 гг.—Сб. Исследования по археологии СССР. Л.
- Герц К. К.* 1898. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб.
- Голенко К. В.* 1960. Второй Патрейский клад монет.—НЭ, I.
- Голубцова Е. С.* 1962. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. М.
- Голубцова Е. С.* 1972. Сельская община Малой Азии III в. до н. э.—III в. н. э. М.
- Городцов В. А.* 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г.—Труды XIV АС, III. М.
- Городцов В. А.* 1935. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г.—СЭ, № 3.
- Граков Б. Н.* 1929. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.
- Граков Б. Н.* 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.—ВДИ, № 3.
- Граков Б. Н.* 1954. Каменское городище на Днепре.—МИА, № 36.
- Грач Н. Л.* 1973. Нимфейская экспедиция.—АО 1972 г. М.
- Гриневич К. Э.* 1927. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова.—ИТОИАЭ, I (58). Симферополь.
- Гриневич К. Л.* 1946. Оборона Боспора Киммерийского.—ВДИ, 1946, № 2.
- Дашевская О. Д.* 1951. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры.—КСИИМК, XXXIX.
- Дзенс-Литовская Н. Н.* 1950. Растительность степного Крыма.—Ученые записки ЛГУ, 125, серия географическая, 7.
- Дзенс-Литовская Н. Н.* 1956. Географические условия формирования растительности и почв степного Крыма. Л.
- Дзенс-Литовский А. И.* 1936. Геологический возраст донных осевых отложений минеральных озер.—Природа, № 12.
- Дирин А. А.* 1896. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки.—ЗООИД, XIX.
- Древности Босфора Киммерийского, I—III. СПб., 1854.
- Долгоруков В. С.* 1967. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II.—КСИА, 109.
- Долгоруков В. С.* 1972. Фанагорийская винодельня.—АО 1971 г. М.
- Долгоруков В. С., Сокольский Н. И., Сорочкина Н. П., Стручалина Р. А.* 1971. Работы Таманской экспедиции.—АО 1970 г. М.
- Доманский Я. В.* 1965. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья.—АСГЭ, № 7.
- Дюбрюкс П.* 1858. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив, близ Еникальского

- маяка, до горы Опук включительно, при Черном море.— ЗООИД, IV.
- Жебелев С. А.** 1953а. Основные линии экономического развития Боспорского государства.— Сб. Северное Причерноморье. М.— Л.
- Жебелев С. А.** 1953б. Возникновение Боспорского государства.— Там же.
- Захаров Н. А.** 1929. Вновь найденная плита со знаком из района Кубанских плавень.— ЗСКОАИЭ, I(III), 5-6.
- Зеест И. Б.** 1949. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг.— ВДИ, № 3.
- Зеест И. Б.** 1949а. Разведочные работы в Киммерике в 1949 г.— КСИИМК, XXVII.
- Зеест И. Б.** 1951. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией.— МИА, № 19.
- Зеест И. Б.** 1960. Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83.
- Зеест И. Б.** 1965. Архаические слои Гермонассы.— КСИА, 83.
- Зельин К. К.** 1960. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. М.
- Зенкевич В. П.** 1958а. Берега Черного и Азовского морей. М.
- Зенкевич В. П.** 1958б. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М.
- Зограф А. Н.** 1951. Античные монеты.— МИА, № 16.
- Иессен А. А.** 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
- Иессен А. А., Миллер А. А.** 1932. Таманская экспедиция 1931 г.— СГАИМК, 11-12.
- Капошина С. И.** Отчет о работе Кобяковской экспедиции в 1960 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2226, л. 8.
- Карасев А. Н.** 1948. Оборонительные сооружения Ольвии.— КСИИМК, XXII.
- Карасев А. Н.** 1955. Архитектура.— Сб. Античные города Северного Причерноморья. М.— Л.
- Карасев А. Н.** 1964. Монументальные памятники ольвийского теменоса.— Сб. Ольвия. Теменос и агора. М.— Л.
- Карасев В. Н., Лебедежкова Л. А.** 1972. Некрополь у хутора Рассвет.— КСИА, 130.
- Карышковский П. О.** 1961. К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н. э.— ВДИ, № 4.
- Кастанаян Е. П.** 1959а. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности.— МИА, № 69.
- Кастанаян Е. П.** 1959б.— Период позднего эллинизма в истории народов Боспора.— Сб. Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.
- Кауфман С. А.** 1960. Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии.— ВДИ, № 4.
- Кирилин Д. С.** 1964. Разведочные работы античной экспедиции Керченского музея в 1964 г. Архив ИА АН УССР, д. 1964/63.
- Кирилин Д. С.** 1968. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера.— Сб. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.
- Кирьянов А. В.** 1962. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора.— КСИА, 91.
- Книпович Т. Н.** 1935. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII—V вв. до н. э.— ИГАИМК, 104.
- Книпович Т. Н., Славин Л. М.** 1941. Раскопки юго-западной части Тиритаки.— МИА, № 4.
- Кобылина М. М.** 1956. Фанагория.— МИА, № 57.
- Кобылина М. М.** 1959. Новые данные о фанагорийских винодельнях.— КСИИМК, 74.
- Кобылина М. М.** 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.
- Кобылина М. М.** 1965. Отчет о раскопках Фанагории в 1965 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 3229.
- Кобылина М. М.** 1973. Раскопки Фанагории.— АО 1972 г. М.
- Колобова К. М.** 1951. Из истории раннегреческого общества. Л.
- Корпусова В. Н.** 1967. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное.— АИУ, I, 1965—1966. Киев.
- Корпусова В. Н.** 1968. Могильник III—IV вв. н. э. у с. Заморское.— АИУ, II, 1967. Киев.
- Корпусова В. Н.** 1971. Некрополь у с. Золотое.— КСИА, 128.
- Корпусова В. М.** 1972. Нові матеріали з археології Боспору.— АДУ, IV, 1969. Київ.
- Корпусова В. М.** 1973. Мініатюрна пластика і мозаїка з боспорського некрополя поблизу с. Золоте.— Археологія, № 9.
- Котова И. Н.** 1961. Флора и растительность Керченского полуострова.— Труды Государственного Никитского ботанического сада, XXXV.
- Крис Х. И.** 1955. Раскопки раннетаврско-

- го поселения в Иккермане.— КСИИМК, 58.
- Кругликова И. Т.* 1952а. Памятники эпохи бронзы в Киммерике.— КСИИМК, 43.
- Кругликова И. Т.* 1952б. Раскопки древнего Киммерика.— АИБ, I. Симферополь.
- Кругликова И. Т.* 1953. Раскопки Киммерика.— КСИИМК, 51.
- Кругликова И. Т.* 1955. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму.— СА, XXIV.
- Кругликова И. Т.* 1956а. Позднантичные поселения на берегу Азовского моря.— СА, XXV.
- Кругликова И. Т.* 1956б. Отчет о работах Восточно-Крымского отряда в 1956 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 1251.
- Кругликова И. Т.* 1957а. Исследование сельской территории европейского Боспора.— СА, № 1.
- Кругликова И. Т.* 1957б. Поселение Золотое Восточное.— КСИИМК, 70.
- Кругликова И. Т.* 1958а. Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря.— СА, XXVIII.
- Кругликова И. Т.* 1958б. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг.— МИА, № 85.
- Кругликова И. Т.* 1959а. Сельская территория Боспора.— Сб. Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.
- Кругликова И. Т.* 1959б. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. н. э.— СА, № 3.
- Кругликова И. Т.* 1959в. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г.— КСИИМК, 74.
- Кругликова И. Т.* 1960. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г.— КСИИМК, 78.
- Кругликова И. Т.* 1961. Поселение у дер. Семеновки.— КСИА, 83.
- Кругликова И. Т.* 1962а. Исследования сельских поселений античных государств юга СССР.— Acta Archaeologica Academiae scientiarum hungaricae, 14.
- Кругликова И. Т.* 1962б. Сарматские знаки на амфорах с поселения у дер. Семеновки.— КСИА, 89.
- Кругликова И. Т.* 1963а. Исследование сельских поселений Боспора.— ВДИ, № 2.
- Кругликова И. Т.* 1963б. Монеты из поселения у дер. Семеновки.— НЭ, IV.
- Кругликова И. Т.* 1964. Отчет о работах Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2998.
- Кругликова И. Т.* 1965. Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований.— КСИА, 103.
- Кругликова И. Т.* 1966а. Боспор в позднеантичное время. М.
- Кругликова И. Т.* 1966б. Раскопки на Керченском полуострове.— АО 1965 г. М.
- Кругликова И. Т.* 1966в. О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э.— Сб. Культура античного мира. М.
- Кругликова И. Т.* 1967а. Раскопки сельской усадьбы у дер. Андреевка.— АО 1966 г. М.
- Кругликова И. Т.* 1967б. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.— Возникновение и развитие земледелия. М.
- Кругликова И. Т.* 1967в. Роль земледелия в античных государствах Северного Причерноморья в ранний период их существования.— КСИА, 109.
- Кругликова И. Т.* 1968а. Исследование хоры Боспорского царства.— АО 1967 г. М.
- Кругликова И. Т.* 1968б. Античная сельскохозяйственная усадьба близ Керчи.— Сб. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М.— J.
- Кругликова И. Т.* 1968в. Раскопки в Анапе.— АО 1967 г. М.
- Кругликова И. Т.* 1969а. Раскопки сельских поселений Боспорского царства.— АО 1968 г. М.
- Кругликова И. Т.* 1969б. Некрополь поселения у дер. Семеновки.— СА, № 1.
- Кругликова И. Т.* 1970а. Марксистско-ленинское учение об общественно-экономической формации и проблема истории аграрных отношений Боспорского царства.— Сб. Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
- Кругликова И. Т.* 1970б. Раскопки поселения у дер. Семеновки.— Сб. Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М.
- Кругликова И. Т.* 1970в. Статуэтки из Киммерика.— В кн.: Терракоты Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1—11.
- Кругликова И. Т.* 1970г. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства.— Там же.
- Кругликова И. Т.* 1974. Работы Сухо-Чал-

- тырского отряда Нижне-Донской экспедиции.— Сб. Археологические памятники Нижнего Подонья, ч. 2. М.
- Крушликова И. Т., Виноградов Ю. Г.* 1973. Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная.— КСИА, 133.
- Крушликова И. Т., Романовская М. А.* 1971. Античные поселения у деревень Андреевка и Ново-Отрадное.— АО 1970 г. М.
- Крушкол Ю. С.* 1951. Монеты Фанагорийского городища.— СА, XXV.
- Крушкол Ю. С.* 1956. Патрейский клад 1950 г.— КСИИМК, 66.
- Крушкол Ю. С.* 1968. Античное здание в районе Горгииппи.— Сб. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.
- Крушкол Ю. С.* 1971. Древняя Синдика. М.
- Кубланов М. М.* 1959. К истории азиатского Боспора.— СА, XXIX—XXX.
- Кузицин В. И.* 1956. Крупноробладельческое хозяйство Италии в конце Республики. Автореф. канд. дисс. М.
- Кузицин В. И.* 1958а. Хозяйство италийской латифундии в I в. до н. э.— Вестник МГУ, № 4.
- Кузицин В. И.* 1958б. Земельные владения Цицерона.— Научные доклады высшей школы, № 3.
- Кузицин В. И.* 1962. Хозяйство Плиния Младшего.— ВДИ, № 2.
- Кузицин В. И.* 1966. Земледелие и землевладение в Италии во II в. до н. э.— I в. н. э. Автореф. докт. дисс. М.
- Кузицин В. И.* 1973а. Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип.— ВДИ, № 1.
- Кузицин В. И.* 1973б. О роли крестьянства в Италии во II в. до н. э.— I в. н. э.— Вестник МГУ, № 2 (история).
- Кузицин В. И.* 1973в. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э.— I в. н. э. М.
- Кулаковский Ю. А.* 1899. Новые данные для истории Старого Крыма.— ЗРАО, т. X, ч. 3.
- Лапин В. В.* 1963а. Экономическая характеристика Березанского поселения.— Сб. Античный город. М.
- Лапин В. В.* 1963б. Проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья. Автореф. канд. дисс. Л.
- Лапин В. В.* 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Лавышев В. В.* 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Лавышев В. В.* 1909. Заметки по древней географии северного и восточного побережья Черного моря.— Сб. PONTIKA. СПб.
- Лебедев В. Д., Лапин Ю. Е.* 1954. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве.— МИА, № 33.
- Леви Е. И.* 1970. Терракоты из Ольвии.— В кн.: Терракоты Северного Причерноморья. САИ, вып. Г4—11.
- Леви Е. И., Карасев А. Н.* 1955. Дома античных городов Северного Причерноморья.— АГСП. М.— Л.
- Левковская Г. М.* 1970. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа.— КСИА, 124.
- Лесков А. М.* 1961. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.— СА, № 1.
- Лесков А. М.* 1968. Керченская экспедиция в 1967 г.— АИУ, II, 1967. Киев.
- Лесков А. М.* 1970. Кировское поселение.— Сб. Древности Восточного Крыма. Киев.
- Лесков А. М., Болдин Я. И.* 1967. Разведка памятников бронзового века на Керченском полуострове.— АИУ, I, 1965—1966. Киев.
- Лесков А. М., Збенович В. Г.* 1962. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 г.— АИБ, II. Симферополь.
- Либеров П. Д.* 1952. Земледелие у скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э.— Материалы по истории земледелия СССР, I. М.
- Лурье С. Я.* 1938. Культ матери Девы в Боспорском царстве (по поводу трех надписей из Боспора).— ВДИ, № 3.
- Ляпушкин И. И.* 1950. Памятники культуры полей погребений левобережья Днепра.— КСИИМК, XXXIII.
- Максимова М. И.* 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л.
- Марти Ю. Ю.* 1913. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства.— ЗООИД, XXXI.
- Марти В. Ю.* 1941а. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия.— СА, VII.
- Марти В. Ю.* 1941б. Рыбозасолочные ванны Тиритаки.— МИА, № 4.
- Марти В. Ю.* 1941в. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн.— Там же.
- Марченко И. Д.* 1962. Новая винодельня в Пантикапее.— АИБ, II. Симферополь.
- Миллер А. А.* 1931. Таманская экспедиция ГАНМК.— СГАИМК. I.

- Миллер А. А. 1932. Таманская экспедиция ГАИМК.— СГАИМК, 11—12.
- Мушкетов И. В. 1894. Горный журнал, 3.
- Наливкина М. А. Терракоты Мирмекия и Тиритаки.— МИА, № 25.
- Незруль А. М. 1960. Археологические находки семян винограда.— СА, № 1.
- Нейхарт А. А. 1951. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореф. канд. дисс. Л.
- Нидерле Л. 1956. Славянские древности. М.
- Николаева Э. Я. 1973. Поселение Водородное на Таманском полуострове.— КСИА, 133.
- Онайко Н. А. 1955. Отчет о раскопках Раевского городища в 1955 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 1213.
- Онайко Н. А. 1956. О фанагорийских грунзлах.— МИА, № 57.
- Онайко Н. А. 1959. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг.— КСИИМК, 77.
- Онайко Н. А. 1965. О раскопках Раевского городища.— КСИА, 103.
- Онайко Н. А. 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора.— СА, № 2.
- Онайко Н. А. 1970. Раскопки поселения на Малой земле.— КСИА, 124.
- Онайко Н. А. 1973. Новые данные о поселении на Малой земле.— КСИА, 133.
- Онайко Н. А. 1974. О работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции.— АО 1973 г. М.
- Передольская А. А. 1967. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.
- Периханян А. Г. 1959. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э.— III в. н. э.). М.
- Петерс Б. Г. 1965. Раскопки городища у с. Михайловки в 1963 г.— КСИА, 103.
- Петерс Б. Г. 1966. Раскопки Михайловского городища.— АО, 1965 г. М.
- Петерс Б. Г., Ефимова Г. М. 1967. О раскопках Михайловского городища.— АО 1966 г. М.
- Петерс Б. Г., Ефимова Г. М. 1968. Раскопки у с. Михайловка.— АО 1967 г. М.
- Петерс Б. Г., Ефимова Г. М. 1969. Раскопки античного городища у с. Михайловки.— АО 1968 г. М.
- Петерс Б. Г., Ефимова Г. М. 1970. Раскопки у с. Михайловка.— АО 1969 г. М.
- Петерс Б. Г., Ефимова Г. М. 1971. Раскопки у с. Михайловка.— АО 1970 г. М.
- Пикус Н. Н. 1969. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. Автореф. докт. дисс. М.
- Покровский М. В. 1937. Городища и могильники Среднего Прикубанья.— Труды Краснодарского педагогического института, VI, 1.
- Покровский М. В., Анфимов Н. В. 1937. Карта древних городищ и могильников Прикубанья.— СА, IV.
- Пончевский М. О. 1891. Географический очерк Босфорского царства.— Кубанский сборник, II. Екатеринодар.
- Придик Е. М. 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.
- Прокудин Ю. Н. 1952. Дикорастущие злаки Крыма. Автореф. докт. дисс. Харьков.
- Пругло В. И. 1966. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов.— Сб. Культура античного мира. М.
- Пругло В. И. 1967. Синопские амфорные клейма из Мирмекия.— КСИА, 109.
- Пругло В. И. 1972. Эллинистические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекия.— КСИА, 130.
- Рабичкин Б. М. 1951. Поселение у Широкой балки.— КСИИМК, XL.
- Ременников А. М. 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М.
- Репников И. Н. 1909. Каменные ящики Байдарской долины.— ИАК, 30.
- Романовская М. А. 1974. Две терракоты из Ново-Отрадного.— СА, № 1.
- Ростовцев М. И. 1918. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.
- Рубан В. В. 1974. Античная усадьба на побережье Бугского лимана.— АО 1973 г. М.
- Свенцицкая И. С. 1960. Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии.— ВДИ, № 3.
- Свенцицкая И. С. 1961. Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э.— ВДИ, № 3.
- Свенцицкая И. С. 1971а. К вопросу о положении *Λχοί* в царстве Селевкидов.— ВДИ, № 1.
- Свенцицкая И. С. 1971б. Земельные отношения в западной Малой Азии эллинистического и римского периодов. Автореф. докт. дисс. М.
- Свенцицкая И. С. 1973. Положение земледельцев в императорских доменах Малой Азии.— ВДИ, № 3.
- Семенов А. 1899. Несколько соображений о прошлом фауны и флоры Крыма по

- поводу нахождения там горной куропатки.— Записки Академии наук, VIII.
- Семенов С. А., Кунин В. Э.* 1962. Разведки на Керченском полуострове.— АИБ, II. Симферополь.
- Сергеевко М. Е.* 1941. Пахота в древней Италии.— СА, VII.
- Сергеевко М. Е.* 1949. Помпеи. М.— Л.
- Сергеевко М. Е.* 1955. Сельское хозяйство итальянских suburbana.— ВДИ, № 1.
- Сергеевко М. Е.* 1958. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.— Л.
- Сизов В.* 1889. Восточное побережье Черного моря.— МАК, II.
- Силантьева Л. Ф.* 1959. Некрополь Нимфея.— МИА, № 69.
- Синайский В. И.* 1908. Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме (усадебный надел и общинное землевладение в представлениях писателей римской древности). Юрьев.
- Скудникова В. М.* 1954. Скифские памятники из Нимфея.— СА, XXI.
- Смирнова Т. М.* 1967. Поселение римского времени близ Керчи.— КСИА, 109.
- Соколов В. В.* 1919. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской.— ИТУАК, 56.
- Соколов Н. Н.* 1895. Известия Геологической комиссии, 14.
- Сокольский Н. И.* 1957. Валы в системе обороны европейского Боспора.— СА, XXVII.
- Сокольский Н. И.* 1959. Раскопки античного поселения около станицы Таманской.— КСИИМК, 74.
- Сокольский Н. И.* 1961. Отчет о работах Таманской экспедиции в 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2290.
- Сокольский Н. И.* Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2524.
- Сокольский Н. И.* 1963а. Крепость на городище у хутора Батарейка I.— СА, № 1.
- Сокольский Н. И.* 1963б. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху.— Acta antiqua Philippopolitana, Studia archaeologica. София.
- Сокольский Н. И.* 1963в. Отчет о работах Таманской экспедиции в 1963 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2733.
- Сокольский Н. И.* 1964а. Святилище Афродиты в Кепах.— СА, № 4.
- Сокольский Н. И.* 1964б. Отчет о работах Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2864.
- Сокольский Н. И.* 1966а. Раскопки в северо-западной части Таманского полуострова.— АО 1965 г. М.
- Сокольский Н. И.* 1966б. К вопросу о синдской скульптуре.— Сб. Культура античного мира. М.
- Сокольский Н. И.* 1966в. Ильичевское городище.— СА, № 4.
- Сокольский Н. И.* 1967а. Крепость на поселении Батарейка II.— КСИА, 109.
- Сокольский Н. И.* 1967б. Исследования северо-западной части Таманского полуострова.— АО 1966 г. М.
- Сокольский Н. И.* 1970. Виноделие в азиатской части Боспора.— СА, № 2.
- Сокольский Н. И.* 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Сокольский Н. И., Сорокина Н. П.* 1968. Работы Таманской экспедиции.— АО 1967 г. М.
- Сокольский Н. И., Беляев С. А., Десятчиков Ю. М., Николаева Э. Я., Сорокина Н. М.* 1972. Раскопки городища у пос. «За Родину».— АО 1971 г. М.
- Сорокина Н. П.* 1957. Тузлинский некрополь. М.
- Станков С. С.* 1940. 80-летние итоги изучения флоры и растительности Крыма. М.
- Стржелецкий С. Ф.* 1947. Раскопки в Инкермане в 1940 г.— СА, IX.
- Стржелецкий С. Ф.* 1951. Клер Херсонеса Таврического.— ВДИ, № 3.
- Стржелецкий С. Ф.* 1957. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э.— СА, № 3.
- Стржелецкий С. Ф.* 1958а. Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э.— СА, № 4.
- Стржелецкий С. Ф.* 1961. Клery Херсонеса Таврического.— ХС, VI. Симферополь.
- Таскаев В. Н.* 1971. Новые данные о развитии сельского хозяйства и ремесленного производства в глубинной Синдике в I в. до н. э.— I в. н. э.— Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, 288, всеобщая история. вып. 3.
- Трофимова М. К.* 1961. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.).— ВДИ, № 2.
- Тюменев А. И.* 1938. Херсонесские этюды. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса.— ВДИ, № 2.
- Устинова В. А.* 1966. К вопросу о присоединении Синдикы к Боспорскому царству.— ВДИ, № 4.
- Филленко Р. А.* 1955. Гидрологические районы Крымской области.— Ученые записки

- ски МГУ, № 199, серия географических наук, вып. 10.
- Фляксберггер К. А.** 1940. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю.— КСИИМК, VIII.
- Харко Л. П.** 1946. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском.— КСИИМК, XIII.
- Хвойко В. В.** 1902. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность и народность.— Труды XII АС, I. Харьков.
- Худяк М. М.** 1945. Работы Нимфейской экспедиции 1939 г.— ТОАМГЭ, I.
- Худяк М. М.** 1962. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. Л.
- Цалкин В. И.** 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА, № 53.
- Цвек О. В.** 1967. Могильник скифского и сарматского часу на Керченском п-овострове.— Археология, XXI.
- Цветашва Г. А.** 1957. К вопросу о торговых связях Пантикапея.— МИА, № 56.
- Целжистренко В. И.** 1960. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров.— СА, № 3.
- Черненко Е. В., Яковенко Э. В.** 1968. Исследования скифских погребений на Керченском полуострове.— АИУ, II, 1967. Киев.
- Чубова А. П., Иванова А. П.** 1966. Античная живопись. М.
- Шалый М. С., Козлов П. К.** 1939. Геоботаническое районирование Крыма.— Известия Географического общества, № 3.
- Шелов Д. Б.** 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье.— КСИИМК, XXXIV.
- Шелов Д. Б.** 1951. Городище около хутора Ильпчевки.— КСИИМК, XXXVII.
- Шелов Д. Б.** 1953. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани.— КСИИМК, 51.
- Шелов Д. Б.** 1955. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г.— КСИИМК, 58.
- Шелов Д. Б.** 1956. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М.
- Шелов Д. Б.** 1965. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н. э.— НЭ, V.
- Шелов Д. Б.** 1970. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.
- Шелов Д. Б.** 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М.
- Шилов В. П.** 1955. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г.— СА, XXIII.
- Шкорпил В. В.** 1898. Три христианские надписи, найденные в окрестностях Керчи.— ЗООИД, XXI.
- Шкорпил В. В.** 1904. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году.— ИАК, 9.
- Шмидт Р. В.** 1941. К исследованию боспорских оборонительных валов.— СА, VII.
- Шостакович В. Б.** 1935. Иловые отложения Сакского озера как летопись климата.— Сб. Саки — курорт. Симферополь.
- Штерн Э. Р.** 1900. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации.— ЗООИД, XXII.
- Штигельман Ф. М.** 1956. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, № 50.
- Штигельман Ф. М.** 1958. Поселение у Закисовой балки.— АП, VII.
- Щеглов А. Н.** 1965. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.— КСИА, 103.
- Щеглов А. Н.** 1969. Новый метод определения величины рыб по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму в I в. до н. э.— КСИА, 119.
- Щеглов А. Н.** 1971. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Автореф. канд. дисс. Л.
- Щеглов А. Н., Маликов В. М.** 1963. Новые памятники древнего виноградарства в Крыму.— Виноделие и виноградарство СССР, № 7.
- Яйленко В. П.** 1972. Греческая колонизация Средиземноморья в эпиграфических источниках VII—IV вв. до н. э. М.
- Яковенко Э. В.** 1967. Раскопки скифских курганов на Керченском полуострове в 1965—1966 гг.— АИУ, I, 1965—1966. Киев.
- Яковенко Э. В.** 1968. Разведка у с. Слюсареве Крымской области.— АИУ, II, 1967. Киев.
- Яковенко Э. В.** 1970. Скифы Восточного Крыма. Канд. дисс. Архив ИА АН СССР, P-2, д. 2046.
- Яковенко Э. В.** 1974. Скифи східного Крима в V—III ст. до н. е. Київ.
- Яковенко Э. В., Янушевич Э. В.** 1969. Определение остатков растений на лепной керамике из Восточного Крыма.— АИУ, III, 1968. Киев.
- Adamesteanu D.** 1967. Problèmes de la zone archéologique de Métaponte.— RA, № 1.
- Adamesteanu D.** 1973. Le suddivisioni di terra nel Metapontino.— Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris.

- Aitken R.* 1956. Virgil's Plough.— JHS, 46, № 1-2.
- Beloch K. I.* 1912. Griechische Geschichte. Strassburg.
- Berard J.* 1960. L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques. Paris.
- Billard R.* 1928. L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile. Paris.
- Bloch R., Cousin J.* 1960. Rome et son destin. Paris.
- Blümner H.* 1912. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, T. 1, 4. Leipzig.
- Brandt P.* 1927. Schaffende Arbeit und bildende Kunst im Altertum und Mittelalter. Leipzig.
- Broughton T.* 1938. Roman Asia. Baltimore.
- Buschor E.* 1940. Griechische Vasen. München.
- Canarache V.* 1950. Unelte agricole pe teritorul Republicii Populare Romane in epoca veche.— SCIV, t. II. București
- Carrington R.* 1931. Campanian villae rusticae.— JHS, 21.
- Carrington R.* 1934. Some ancient Italian Country Houses.— Antiquity, VIII, № 31.
- Clavel M.* 1970. Béziers et son territoire dans l'antiquité. Paris.
- Cloché P.* 1931. Les classes, les métiers, le trafic. Paris.
- Condurachi E., Dimitriu S., Radu C.* 1961. Santierul arheologic Histria. Materiale și cercetari arheologice, VII. București.
- Déchelette J.* 1927. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, IV. Paris.
- Dimitriu S.* 1966. Cartierul de locuinte din zona de vest a cetatii in epoca arhaică.— Histria, t. II. București.
- Dimitriu S., Alexandrescu P.* 1965. Corpus vasorum antiquorum Roumanie, I. București.
- Esperandien V.* 1957. De l'art animalier dans l'Afrique antique. Alger.
- Floca O.* 1953. Ferma (villa rustica) din epoca sclavagista romana.— Materiale arheologice privind istoria veche a RPR, I. București.
- Gajdukevič V. F.* 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin.
- Gentili G. V.* La villa erculia di Piazza Armerina. Mosaici figurati. Milano [B. r.].
- Glitz G.* 1920. La travail dans la Grèce ancienne. Paris.
- Gow A.* 1914. The Ancient Plough.— JHS, XXXIV.
- Grace V.* 1952. Timbres amphoriques trouvés à Délos.— BCH, LXXVI.
- Gross V.* 1887. La-Tène — un oppidum helvète. Paris.
- Guiraud P.* 1893. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. Paris.
- Hasebroeck J.* 1931. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen.
- Jardé A.* Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris.
- Jasny N.* 1944. The Wheats of Classical Antiquity. Baltimore.
- Kahrstedt U.* 1954. Das wirtschaftliche Gesicht Griechenlands in der Kaiserzeit (Kleinstadt, villa und Domäne). Berlin.
- Kinck K.* 1914. Fouilles de Vroulia. Berlin.
- Lane H.* 1948. Greek Pottery. London.
- Lambrino F.* 1938. Les vases archaïques d'Histria. București.
- Lepore E.* 1973. Problemi dell'organizzazione della chora coloniale.— Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris.
- Magie D.* 1950. Roman Rule in Asia Minor, I—II. Princeton.
- Majewski K.* 1956. Kultura materialna starożytnej Grecji. Warszawa.
- Mansuelli G. A.* 1958. Le ville del mondo romano. Milano.
- Marec E.* 1954. Hippone la Royale. Alger.
- Meyer E.* 1893. Geschichte des Altertums, 2. Stuttgart.
- Minns E.* 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Orlandini P.* 1965. Attrezzi de lavoro in ferre del periodo arhaico e classico nella Sicilia greca. Milano.
- Papasogli G.* 1942. L'agricoltura degli etruschi e del romani. Roma.
- Paul E.* 1962. Antike Welt in Ton. Leipzig.
- Pečirca J.* 1973. Homestead Farms in Classical and Hellenistic Hellas.— Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris.
- Petrie F.* 1917. Tool and Weapons. London.
- Picard Ch.* 1930. La vie privée dans la Grèce classique. Paris.
- Pippidi D. M.* 1962. Die Agrarverhältnisse in den griechischen Städten der Dobraudscha in vorrömischer Zeit.— Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. Berlin.
- Pippidi D. M.* 1973. Le problème de la main-d'oeuvre agricole dans les colonies grecques de la mer Noire.— Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris.
- Popescu D.* 1959. Les fouilles archéologi-

- ques dans la République Populaire Roumaine en 1958.— *Dacia*, NS, III.
- Richter G. M. A.* 1946. *Redfigured Vases*. New Haven.
- Robinson D. M.* 1940. Haus.— *RE*, Supplm. VII.
- Rostovtzeff M.* 1926. *The Social and Economic History of Roman Empir*. Oxford.
- Rostovtzeff M.* 1941. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, 1—3. Oxford.
- Routon M. B.* 1967. *The Woodlands of Ancient Western Asia*.— *Journal of Near Eastern Studies*, 26, № 4.
- Schmidt G., Chevallier R.* 1959. *Caulonia e Metaponto*. Firenze.
- Szilagyi J.* *Aquincum*. Budapest.
- Tchalenko G.* 1953. *Villages Antiques de la Syrie du Nord*, I. Paris.
- Thomas E. B.* 1964. *Römische Villen in Pannonien*. Budapest.
- Vallet G.* 1958. *Rhegion et Zancle*. Paris.
- Vulpe R., Vulpe E.* 1924. *Les Fouilles de Tinosul*.— *Dacia*, I.
- Weickert C.* 1929. *Typen der archaische Architektur in Griechenland und Kleinasien*. Augsburg.
- White K. D.* 1967. *Agricultural Implements of the Roman World*. Cambridge.
- Will E.* 1954. *Sur l'évolution des rapports entre colonies et métropoles en Grèce à partir du VI-e siècle*.— *La Nouvelle Clio*.
- Ziebarth E.* 1929. *Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels in alten Griechenland*. Hamburg.

Указатель

географических и этнических терминов

- Абрикосовка 125, 226
Абритус 167
Аджиели р. 113
Аджимушкой пос. 150
Азовское море, 15, 17, 18, 75, 79, 105, 139, 159, 163, 169, 184, 204, 208, 213, 217, 228, 230, 247
Айвазовское 6, 16, 58, 72—75, 163, 225, 226
Ай-Тодорский мыс 169
Ак-Манайский перешеек 14
Акра 146, 147
Акташское оз. 17, 18, 19
Алазоны 181
Александрия 230
Альбертфальвар 9
Амис 95, 230
Анапа 6, 16, 142
Анапская станция 143
Андреевка 15, 16, 76, 103, 158, 159, 198, 199, 228, 230, 232, 234
Андреевке Северная 6, 105, 107—112, 132, 135, 149, 198—200, 203, 228, 230, 245, 246
Андреевка Южная 6, 30, 31, 48, 49, 51, 52, 58, 76, 77, 80—87, 89—94, 96, 97, 109, 113, 148, 149, 153, 198, 200, 201, 203, 206, 220—224, 226, 228, 232, 235, 236, 239, 242—244
Андреевское 16
Арепцо 164
Асандров вал 137
Астанино 247
Атика 25, 53, 80, 90, 190, 236
Афанасьевка 6, 16, 105, 106, 108, 132, 239
Афины 7, 25, 26, 53, 98, 101, 154
Африка 153, 162, 198, 216
Ахья 138, 145, 147
Ахиллий 138, 145, 147
Ахтанизовский лиман 144
Багероно пос. 49
Балканский п-в 10
Бата г. 138, 145, 147
Батарейка 16, 22, 140, 141, 143, 145, 150, 164, 166, 176, 185, 186, 188, 193, 196, 208, 213, 232
Батарейный пос. 16
Байдарская долина 75
Безье 10
Беляус 12
Беотика 162
Березанское поселение 25
Березань о. 25, 44
Бетеры 10
Бетлеме 26
Благовещенская станция 6, 16, 132
Благовещенский хут. 16
Близицы кург. 16, 143
Болгария 9, 167
Бондаренково хут. 15, 16
Бораны 135
Борисфен 187
Боскореале 169
Британия 9
Бугазское 16, 28, 141
Бугский лиман 37
Варениковская станция 143
Варзовка 16
Вари 236
Вассаладжи 26
Венгрия 167
Верхне-Карабетово 28
Ветренная бухта 12
Византий 251
Витязево 16, 150, 222, 235, 247
Витязевский лиман 143, 144
Владиславовка станция 15
Водопроводное пос. 16, 150, 222, 235
Восход пос. 16
Войково пос. 16, 224, 226
Врулия 35, 44
Высокое 224, 226
Вышестеблиевское 16, 143
Гай-Кадзор пос. 16
Галлия 10, 53
Гаргаза 143
Гастогаевская станция 16, 143, 150

Геленджикская бухта 37
Геллеспонт 154
Гелоны 196
Гераклейский п-в 11, 25, 29, 54, 128,
169, 236, 251
Гераклея 29, 223, 224, 225, 251
Германские племена 152
Гермонасса 182—183, 184, 187, 215
Героевка 6, 16, 19, 27, 30, 31, 39—45, 52,
54, 58, 59, 94, 95, 103, 113, 126, 127,
148, 158, 200, 203, 222, 224—226, 228,
234, 235, 241, 242
Горгиппия 7, 133, 134, 135, 143, 159,
169—171, 173, 189, 191, 193, 197, 212,
216, 221, 232, 237, 238, 244
Готы 135
Греки 14, 155, 161—163, 168, 182, 187,
207, 214, 215, 241, 248
Греция 9, 11, 24, 35, 39, 44, 101, 154—
156, 161, 188, 199, 236, 243
Грузия 188
Градштя-Мунчелулуй 167
Гуны 137

Дакия 9, 167
Давдарри 54
Двенадцатый километр пос. 16, 137, 142
Делос о. 236
Державино пос. 16
Десятый километр пос. 16, 137, 142
Джанкой Ортель 202, 224, 226
Джемете 16, 150
Днепр р. 99, 103, 198
Дон р. 14, 103, 135, 144, 182, 184, 187
Донской залив 140, 193
Дульчесть 167

Елизаветинская станица 181
Египет 162, 165, 173, 177, 178, 180, 230

Заморское 136, 148, 184, 207, 234, 235,
248

Западно-Зеленское 16, 141
Западно-Цукурское 16, 28, 141
Западное Причерноморье 9, 29, 168
Западный Крым 12, 150, 190
Запорожская станица 139, 140, 193
Зеленый Яр станция 17, 247

Зефирий 147
Змеяный мыс 238
Золотая Балка 211
Золотое 6, 16, 22, 77, 79, 103, 105, 107,
132, 149, 152, 199, 200, 203, 204, 207,
215, 218, 222, 228, 230, 246
Золотое Восточное 6, 16, 58, 79, 98—100,
108, 113, 131—133, 149, 152, 159, 200,
203, 204, 207, 221, 222, 225, 226, 228,
229, 242, 246, 248
Золотой Рожок 6, 16, 58, 75, 77, 79, 149,
222, 229, 235, 242

Бюк мес 196, 247

Ивановка 113
Идрия 175
Ильчево 16, 247
Ильчевка 22, 138, 232
Илурат 88, 103, 109, 113, 118, 119, 152,
153, 173—176, 178, 198, 204—206, 237
Инкерман 72, 75, 188
Истрия 28, 29, 36, 43
Италия 9, 29, 153, 162, 168, 192, 205,
206, 213

Казантип мыс 18, 19, 77, 105—107, 247
Казантип п-в 76, 106, 204
Казантипский залив 17
Казека 145, 147
Калиновка 224, 226
Каллатий 53, 148
Каменная Батарейка 16, 140, 193
Каллипиды 181
Каменка-Днепровская 181
Каменское городище 62, 64, 68, 82, 99,
172, 176

Кампаня 169
Капканы пос. 16, 224, 226, 238
Капустин 16, 143
Карантинная слобода 16
Каршы 135
Катания 39
Кезы пос. 16, 98
Кефы 25, 147, 178, 179, 182, 191, 193,
196, 205
Керченский п-в 14, 17, 18, 19—23, 31, 54,
58, 59, 70, 76, 138, 145, 156, 158, 180,
189, 201, 203, 214, 217, 234
Керченский пролив 15, 54, 138, 196, 208
Керчь 20, 49, 125, 190, 206
Кизилташский лиман 144, 238
Киз-Аульский мыс 17, 248
Киммерийцы 50
Киммерик 18, 27, 31, 35, 37, 39, 58, 76,
88, 124, 145, 147, 149, 158, 161, 163,
172, 185, 199, 200, 201, 203, 204, 207,
208, 214, 231, 242, 245

Клтей 19, 103
Кпрово 201, 203, 214
Кобяково городище 211
Колхида 225
Корокондама 138, 139, 142, 145, 147
Костенки 28
Кос 223
Костырино 6, 16, 18, 19, 58, 95, 98, 222,
226, 228

Красноармейское пос. 16, 139
Красно-Батарейный хут. 142
Красногорское 75, 139
Краснодарское городище 181
Красный Курган 16, 247
Красный Кут 54, 224, 226

- Крым 17, 19, 20, 63, 72, 150, 184, 188, 190,
 197, 201, 213, 217, 228, 251
 Кубань р. 14, 142, 143, 169, 178, 181, 212,
 235
 Куль-оба 16, 215
 Куль-тепе пос. 16, 108, 131, 199, 200
 Кучугуры пос. 16, 139

 Ла-Тен 175, 177, 180
 Ленино 224, 226
 Ленинское 224, 226
 Ленинский Путь пос. 16
 Лехинца-де-Муреш 167
 Лысая гора 28
 Либкнехтовка 6, 16, 22, 113, 126, 136,
 148, 150, 245

 Магнезия 165
 Майкоп 181
 Малая Азия 6, 8, 10, 35, 80, 148, 153, 216,
 238, 241, 251
 Мангалия 167, 168
 Марфовка 6, 14, 16, 17, 21, 22, 58, 59, 63—
 69, 79, 95, 96, 98, 148, 149, 158, 222, 224,
 226, 235, 237
 Марьевка 6, 16, 17, 54, 58—62, 64, 69,
 70, 79, 95, 96, 149, 158, 200, 201, 203,
 222, 224, 226, 234, 235, 237
 Матронинское городище 181
 Маяк пос. 16
 Маячный п/в 29, 30, 54, 56, 90, 251
 Меотида р. 138, 163, 197, 208
 Меоты 31, 52, 156, 181, 187—234
 Метопонт 29
 Милет 26, 44, 251
 Мирмекий 30, 96, 145, 146—148, 158, 163,
 177, 179, 184, 187, 188, 191—193,
 196, 198, 204, 209, 211, 212, 215, 216,
 229, 232, 236, 244
 Митилена 7, 53, 154
 Михайловка пос. 16, 22, 54, 113, 125—127,
 136, 148, 150, 188, 196, 213, 215, 216,
 228, 245, 247
 Морское 190
 Мысовое пос. 6, 16, 58, 76, 79, 106, 149,
 158, 200, 201, 203, 224, 225, 226, 239.
 Мысовка 76, 106, 135, 203, 228, 230, 245

 Набережное 79, 224, 227
 Натухаевская 6, 16, 134, 150
 Неаполь скифский 198
 Нейзац 75
 Нимфей 18, 27, 28, 30, 31, 39, 40, 44, 46,
 75, 95, 96, 146, 147, 163, 187, 189, 191,
 192, 193, 195, 195, 205, 241, 242
 Новокарантинная слободка 238
 Ново-Николаевка 6, 16
 Ново-Отрадное 6, 16, 96, 98, 99, 103, 113—
 116, 119, 121, 122, 125, 126, 130, 133,
 135, 136, 148, 150, 159, 169—171, 185,
 197, 199, 200, 204, 208, 225, 227, 228,
 230, 232, 236, 237, 239, 245, 246, 248
 Новороснийск 14, 54

 Огоньки 6, 16, 18, 19, 58, 94, 158, 222, 224,
 227, 228, 230
 Огородное 224, 227
 Ойрат мыс 190
 Октябрьское 6, 16, 30, 55—58, 80, 95,
 113, 127, 128, 130, 131, 148, 149, 158,
 159, 190—192, 206, 221, 222, 224, 227,
 235, 236, 242
 Олиф 207, 236
 Ольвия 11, 12, 25, 28, 39, 43, 53, 102, 169,
 172, 189, 202
 Опук 14, 17, 27, 31, 37, 39, 44, 103, 158,
 220, 234
 Осянги 180
 Осовины 16, 79, 224, 227

 Панагия мыс 19
 Панновия 9, 167, 168
 Павское 12
 Пантыкапей 30, 37, 50, 55, 58, 72, 83, 96,
 107, 126, 159, 163, 177, 178, 179, 185,
 189, 191, 193, 195, 196, 198, 204, 207,
 209, 212, 215—217, 222, 232, 234,
 236, 237
 Парпачский хребет 14
 Парфений 145
 Партизаны 148, 191, 224, 227
 Пастырское городище 180
 Патрей 123, 138, 145, 146, 193, 195 :
 Пашковская станция 172
 Пелла 216
 Пеллопонес 26, 254
 Перекопский вал 14
 Печеноара 167
 Пирей 26
 Порфмий 147
 Подазовское городище 182
 Поднепровье 198
 Помпей 90, 91, 169, 177—180, 182, 192,
 198, 212—214
 Понтийское царство 102
 Понт 154, 218, 231
 Порфмий 101, 146, 147
 Пояна 167
 Прекрасная гавань 190
 Пресноводная 227
 Прикубанье 169, 178, 238
 Приозерное 46
 Присивашье 15
 Просторное 224, 227
 Пессы 54
 Псоя 97, 148, 157
 Пятиколодезное 16, 28, 137, 139, 141,
 195
 Пьяца Армерина 215, 216

- Разград 167
 Раевское городище 16, 142, 173, 222, 228,
 229, 232, 235, 236
 Рассвет хут. 16, 125, 133, 145, 150, 159,
 164—166, 168, 169—171, 180, 184, 197,
 200, 202, 221, 228, 229, 237, 247
 Реция 165
 Рим 11, 182, 198, 207
 Римляне 207
 Родос 7, 35, 223, 224—225
 Румыния 166, 167
 Рыбное 6

 Савроматы 181
 Сазоновка 6, 16, 21, 22, 58, 70, 79, 148,
 158, 199, 200, 201, 203, 222, 224, 227,
 234, 235, 237, 242
 Сакское оз. 20, 21
 Сарматы 99, 101, 105, 145, 160, 181, 186,
 205
 Сармизегетуса 167
 Светлячки с. 6, 32, 33, 238
 Северная Африка 64, 71, 126, 162, 198,
 216
 Северо-Зеленское пос. 16, 141
 Семеновка 6, 16, 19, 22, 23, 88, 96—99,
 103, 104, 106—109, 112, 119, 124, 127,
 132, 135—137, 140, 142, 148, 149, 151,
 152, 159, 163—166, 168, 172, 174—179,
 180, 182, 184—186, 199, 200, 202—209,
 212—215, 225, 227—230, 232, 237, 245,
 248
 Семибратнее городище 96, 98, 133, 134,
 150, 163, 172, 185, 205, 216, 217, 222,
 235, 239, 241
 Семь Колодезей 15, 17
 Семисотка 224, 227
 Сибарис 162
 Симферополь 72, 75
 Синды, Синдика 12, 31, 52, 54, 133, 134,
 156, 181, 187, 228, 234, 235, 238, 241
 Синда 138, 145, 147
 Синопта 223, 224—225
 Сивягино пос. 16
 Сирет 167
 Сирия 10, 153, 168
 Сицилия 26, 29, 162, 164
 Скифия, скифы 20, 21, 50, 52, 63, 71, 76,
 97—99, 134, 135, 145, 149, 155, 156, 158,
 159, 172, 181, 187, 198, 205, 234, 235,
 244, 248
 Слюсареве 6, 16, 58, 69, 70, 79, 149, 227,
 235
 Совхоз им. В. И. Ленина 16
 Сокольское 6, 58, 59, 149, 235
 Солдатская слободка 96, 98, 101, 113, 126,
 148, 150, 153, 158—159, 184, 191, 192,
 222, 229, 235, 236
 Солоха 50, 82
 Спарга 157, 251

 Стеблевская станция 193
 Стемсбург 177
 Страдонипы 177
 Стрелковое 224, 227
 Суворово-Черкесское 16, 143
 Су-Псех пос. 16
 Сухополье 167
 Сухо-Чалтырское городище 144, 182, 184

 Тавры 54, 72, 75, 76, 181, 248
 Такыл мыс 19
 Таманский п-в 8, 12, 14, 19, 28, 103, 137,
 138—141, 144, 145, 156, 182, 183, 189,
 212, 217, 220, 234, 238, 249
 Таманский залив 138, 212
 Таманская станция 139, 142, 143
 Тамарино 16, 224, 227
 Тамбовка 224, 225, 227
 Танагра 164
 Танаис 14, 135, 173, 176, 182, 184—186,
 202, 204, 215—217, 232
 Тарпанчи 12
 Тасуново 6, 16, 58, 103, 208, 245
 Темир-Гора 16, 96, 106, 113, 126, 127,
 136, 148, 150, 159, 193, 195
 Темрюк 238
 Тивосул 166, 168
 Тира 189
 Тиритака 30, 39, 42, 44, 124, 177, 179,
 184, 187, 192, 193, 195, 196, 198, 209—
 212, 232, 234, 237, 241
 Тобечикское оз. 17—19, 30, 40, 94, 95,
 222
 Тореты 54
 Тузла 139
 Тьелл 175

 Узунларское оз. 14, 18
 Узунларский вал 15, 113, 124
 Уругунды 135
 Усть-Лабинская 181
 Уташ пос. 16
 Уч-Баш 181, 188, 196

 Фанагория 148, 189, 191, 193, 204, 209,
 212, 215, 216, 222, 232
 Фанталовский п-в 137
 Фасос 223—225
 Феодосия 13—15, 31, 37, 39, 45, 54, 58,
 72, 80, 146, 147, 153, 155, 158, 163
 Фессалия 157
 Фланнен 9, 148
 Фонтан 70
 Франция 9
 Фронтное 16, 103, 158, 159, 207, 215, 224,
 227, 234, 235, 247, 248

 Харакс 169, 173
 Хиос 223, 235
 Херсонес 11, 29, 52—54, 70, 90, 128, 131,

150, 153, 161, 164, 186, 188—190, 196,
197, 225, 251
Холм А пос. 6, 16, 31, 32, 35—38, 44, 52,
58, 76, 149, 158, 172—174, 220, 234,
241

Царский курган 192
Цукурский лиман 141, 238

Чайка городище 150
Чапаевка 227
Челябинцево 6, 46
Чивите Кастеляне 165
Чокракское оз. 17
Чонгулекское оз. 19
Чумяной редант 181
Чурубашское пос. 6, 16, 18, 28, 46, 129,
130, 131, 136, 200
Чурубашский залив 30
Чурубашское оз. 17, 18, 54, 130, 131, 215,
230
Чушка коса 138

Широкая балка пос. 16
Широкое с. 15
Швеция 175

Щебетовка 38

Эгина о. 154
Элькенское оз. 17, 18
Эровиски 9
Этрурия 165

Югославия 167
Южная Италия 9, 162
Южно-Чурубашское 6, 16, 28, 30, 31,
44, 46, 47, 58, 88, 92, 94, 96, 97, 130,
149, 153, 158, 200, 222, 224, 225, 227,
228, 234—236, 241, 247, 248
Юргаков хут. 238
Юркино 79
Юровка 16, 144
Яхново 16, 141

- Август 162
Агасикл 53
Агаф 47, 61
Агеенко В. 21, 278
Адаместеану Д. 9, 10, 286
Адриан 230
Айткен Р. 11, 287
Александр 239
Александреску П. 45, 287
Алексеевка Е. М. 12, 150, 222, 278
Алесковская О. Б. 11, 278
Альтман М. С. 190, 278
Анахарсис 187
Андреевский А. А. 217, 278
Анфимов, Н. В. 12, 96, 98, 133, 142, 143, 169, 172, 178, 181, 186, 222, 235, 242, 278
Апи 244
Аполлон 240
Аргей 87
Аргимпаса 244
Аристион 88
Аристотель 25, 30, 155, 199
Аристофан 26, 155
Арриан 147
Арес 240
Арсеньева Т. М. 13, 113, 117, 123—125, 159, 230, 246, 248, 257, 278
Артамонова О. А. 44, 278
Артемида 240
Артемидор 139
Арциховский А. В. 165, 278
Археанактиды 30, 52, 158, 219
Архестрат 208
Асклепий 240
Асандр 14, 103, 138
Аспург 7
Астарта 240
Астидам 57
Афина 242
Афинея 208
Афродита 156, 178, 240, 242—245, 244, 245
Ахмеров Б. А. 77, 278
Бабков И. И. 14, 278
Башкиров А. С. 11, 138, 141, 144, 193, 195, 195, 278
Белецкий А. А. 239, 278
Белова Н. С. 103, 278
Белох К. И. 24, 287
Беляев С. А. 150, 285
Берар Ж. 24, 287
Бергер А. К. 155, 278
Бертье-Делагард А. Л. 101, 169, 279
Бибилова В. И. 199, 201, 214, 215, 279
Биллард Р. 11, 162, 287
Блаватская Т. В. 7, 279
Блаватский В. Д. 6—8, 11—13, 24, 26, 53, 101—103: 137, 139, 141, 142, 154, 157, 162—265, 169, 171—173, 177, 178, 185, 186, 189, 193, 195, 212, 219, 220, 235, 263, 275, 279
Блох Р. 198, 287
Блюмнер Г. 192, 287
Богаевский Б. Л. 11, 243, 279
Болдин Я. И. 13, 283
Болтунова А. И. 279
Бониш Е. 9
Борисов А. А. 20, 279
Бонч-Осмоловский Г. А. 72, 279
Бороздин И. Н. 11
Брабич В. М. 191, 279
Брадт П. 192, 287
Брашинский И. Б. 47, 98, 219, 223, 279
Бритова Н. Н. 198, 279
Броутон Т. 148, 287
Бураков А. В. 12, 203, 279
Бурачков П. О. 189, 279
Бурдак Б. Д. 213, 279
Бушор Е. 192, 287
Валле Г. 24, 288
Баррон 91, 92, 153, 162, 168, 182, 198, 205, 207
Василенко Б. А. 98, 279
Вейкерт К. 44, 288
Вергилий 163
Веселов В. В. 6, 13, 46, 55, 57, 59, 143, 257, 259, 279
Виноградов Ю. Г. 47, 86, 98, 283

Воронина Р. Ф. 59
Войцеховский С. Ф. 12, 279
Вульпе Е. 166, 288
Вульпе Р. 166, 288
Вязьмитина М. М. 211, 279

Гай Фурий Кресим 169
Газебрёк Ж. 24, 25, 287
Гайдукевич, В. Ф. 6, 13, 18, 39, 44, 46,
88, 95, 96, 98, 99, 101, 113, 118, 130—
131, 138, 157—159, 165, 174, 177—179,
184, 187—195, 205, 206, 208—212, 241,
244—246, 248, 251, 259, 267, 269, 279,
280

Геката 240
Гекатей Милетский 146
Гера 240, 244
Геракл 244
Гермес 240
Геродот 7, 20, 21, 26, 154, 155, 180, 181,
196, 199, 243, 244

Герц К. К. 12, 137, 140, 280
Гипократ 20
Гесиод 26, 155, 171
Гестия 244
Гиро П. 24, 162, 287
Глотц Г. 24, 287
Голенко К. В. 138, 280
Голубцова Е. С. 6, 8, 10, 11, 148, 238,
250, 280

Гомер 5, 161
Городцов, В. А. 12, 180, 280
Гоу А. 11, 287
Граков Б. Н. 7, 33, 53, 62, 63, 66, 68,
71, 82, 88, 96, 98, 99, 154, 223, 280
Грач Н. Л. 191, 280
Грейс В. 96, 287
Гривевич К. Э. 11, 261, 280
Гросс В. 175, 287
Гусаров С. К. 59

Даремберг М. С. 165
Дашевская О. Д. 72, 75, 280
Дексипп 88, 135
Деметра 25, 26, 58, 154, 239—245
Демосфен 7, 8, 53, 54, 146, 154—156, 231
Десятчиков Ю. М. 150, 285
Децебал 167
Дешелетт Ж. 165, 167, 175, 287
Дзенс-Литовская Н. Н. 17, 20, 280
Димитриу С. 29, 43, 45, 287
Диодор, 7, 53, 97, 148, 157
Дион Кассий 5, 6
Диофант 99
Дионис 188, 189, 240
Дирин А. А. 79, 108, 132, 163, 196, 247,
248, 271, 280
Долгоруков В. С. 12, 193, 280
Доманский Я. В. 25, 280
Дюбрюкс П. 217, 280

Евмел 7, 53, 97, 148, 157
Еврипид 243
Евстафий Фессалоникский 187
Ефимова Г. М. 13, 125, 245, 265, 294

Жарде А. 11, 53, 287
Жебелев С. А. 8, 24, 26, 53, 98, 102,
156, 157, 191, 219, 281
Жентили Г. 215, 216, 287
Журавлев О. П. 215

Захаров Н. А. 143, 281
Збенович В. Г. 13, 273, 283
Зевс 240, 244, 245
Зеест И. Б. 18, 46, 49, 50, 88, 182, 187,
188, 208, 219, 220, 265, 281
Зельин К. К. 11, 281
Зенкевич В. Н. 17, 18, 19, 281
Зограф А. Н. 83, 95, 101, 102, 107, 187—
189, 281
Зосим 135

Иванов Н. Р. 184
Иванова А. П. 198, 216, 286
Иессен А. А. 12, 24, 25, 143, 144, 219,
281
Изида 240
Исократ 7, 146, 157

Ианараке В. 167, 287
Капошина С. И. 211, 281
Карасев А. Н. 42, 44, 281, 283
Карасев В. Н. 12, 150, 221, 222, 246—247,
281
Каррингтон Р. 9, 287
Карстедт У. 11, 287
Карышковский П. О. 101, 281
Кастанаян Е. Г. 146, 207, 248, 281
Катон 89, 153, 165, 169, 182, 192, 196—
198, 207, 208, 229
Кауфман С. А. 9, 281
Кибела 51, 240, 242—245
Кильп 184
Кинх К. 35, 44, 287
Кирилин Д. С. 19, 94, 281
Кирьянов А. В. 181—186, 281
Клавдий Элиан 21, 181
Клавель М. 9, 10, 287
Клейтомах 239
Клоше П. 198, 215, 216, 287
Книпович Т. Н. 24, 211, 219, 281
Кобылина М. М. 191, 193, 209, 245, 281
Козлов П. К. 17, 286
Колобова К. М. 26, 281
Колумелла 91, 153, 162, 182, 196, 198, 205
Кондураки Е. 29, 287
Кора 26, 52, 154, 242—244
Корпусова В. Н. 13, 23, 107, 136, 207,
234, 246—248, 281
Котис 133, 135

Котова И. Н. 14, 15, 17, 19, 281
Кратистарх 61, 88
Кривокурцев Н. П. 179
Крис Х. И. 72, 75, 281
Кронос 244
Кругликова И. Т. 5, 13, 18, 20, 27, 28, 32, 34, 39, 43, 46, 49, 55, 59, 64, 67, 69, 70, 72, 76, 78, 87, 88, 94, 95, 98, 99, 104 и др.
Крушюк Ю. С. 12, 133, 134, 138, 164, 168, 169, 180, 189, 228, 244, 283
Ксенофонт 5, 155, 161—163, 183, 214—216
Ксеркс 154
Кубланов М. М. 12, 137, 139, 283
Кузен Ж. 198, 287
Кузицин В. И. 9, 11, 283
Кулаковский Ю. А. 72, 283
Кунии В. Э. 13, 55, 57, 59, 107, 261, 263, 285

Лакрит 156
Ламбрино Ф. 36, 287
Лане Х. 215, 287
Лалин В. В. 25, 208, 212, 283
Латышев В. В. 7, 25, 283
Лебедев В. Д. 208, 212, 283
Лебедекова Л. А. 221, 246, 247, 281
Левы Е. И. 39, 42, 44, 283
Левковская В. М. 20, 283
Левкон 7, 8, 31, 53, 54, 58, 102, 148, 154—155, 157, 158, 234
Лештин 7, 53, 54, 154
Лесков А. М. 13, 201, 247, 273, 283
Летодор 156
Либеров П. Д. 172, 181, 283
Ликон 52
Ликург 5
Лисин В. П. 11
Лисицына Г. Н. 21—23
Люценко А. 96, 193
Ляпушкин И. И. 167, 283

Маевский К. 198, 287
Максимова 98, 283
Маликов В. М. 12, 190, 286
Марек Е. 216, 287
Марти В. Ю. 208, 210—212, 283
Марти Ю. Ю. 246, 265, 283
Маркс К. 5, 250
Марченко И. Д. 191, 193, 195, 283
Медок 57
Мейер Э. 26, 287
Мен 240, 245
Миллер А. А. 12, 141, 143, 144, 281, 283, 284
Мильтиад 88
Миннз Е. 215, 287
Митридат 101—103, 115, 133, 154, 160
Михаловский К. 280
Могильников В. А. 46, 257

Моисеев Л. Д. 11
Мушкетов И. В. 17, 284
Маджи Д. 148, 287

Надь Т. 9
Наливкина М. А. 242, 284
Нанон 77
Негруль А. М. 188, 284
Нерон 162
Нейхарт А. А. 98, 284
Нидерле Л. 167, 172, 284
Николаева Э. Я. 12, 150, 222, 284, 285

Оболдуева Т. Г. 257
Онайко Н. А. 12, 37, 142, 173, 208, 222, 229, 236, 284
Орехова Т. А. 184
Орландини П. 26, 287

Папасогли Ж. 11, 287
Перикл 26
Перисад 54, 101
Передольская А. А. 198, 284
Перихания А. Г. 10, 284
Персефона 242—244
Петерс Б. Г. 13, 46, 76, 125, 131, 196, 213, 245, 246, 265, 284
Печонкин Н. М. 11
Печирка Ж. 9, 80, 90, 236, 287
Пикар Ш. 215, 287
Пикус Н. Н. 11, 284
Пишиди Д. М. 287
Писистрат 25
Платон 146
Плиний 10, 53, 146, 147, 162, 165, 166, 168, 169, 172, 175, 181, 182, 186, 192, 193, 196, 213
Плутарх 146
Плутон 242
Покровский М. В. 12, 172, 284
Полибий 7, 208, 218, 231
Полиен 7, 8, 53, 68, 148, 157
Поль К. 39, 198, 287
Помпоний Мела 147
Поночевный Н. О. 138, 284
Попеску Д. 9, 287
Посейдон 240, 245
Посейдоний 57
Придик Е. М. 47, 284
Приходько И. П. 46
Прокудин Ю. Н. 14, 284
Пругло В. И. 98, 244, 284
Псевдо-Арриан 138, 139, 145—147
Псевдо-Скилак 146
Псевдо-Скимн 147
Птолемей 10, 113, 138, 145, 147

Рабичкин Б. М. 284
Раду К. 29, 287
Ременников А. М. 135, 284

- Репников И. Н. 75, 294
 Рескупорид 107, 118, 135
 Рея 244
 Римиталк 8, 148
 Рихтер Ж. 198, 288
 Робинзон Д. М. 34, 288
 Романовская М. А. 13, 113, 121, 284
 Ростовцев М. И. 9, 24, 153, 284, 288
 Рубан Б. В. 37, 284
 Рябов 46, 131
- Сабазий 240
 Савромат 135
 Савмак 99, 130, 160, 249, 251
 Саглю Е. 165
 Сактас 239
 Салов А. И. 191, 193
 Саверг 240
 Сатир 7, 31, 45, 54, 58, 158, 234
 Свенцицкая И. С. 5, 10, 11, 153, 284
 Семенов А. 14, 284
 Семенов С. А. 13, 55, 57, 107, 261, 263, 285
 Сергеев М. Е. 9, 90—92, 165, 168, 169, 196, 198, 205, 207, 212, 214, 285
 Сизов В. 134, 142, 285
 Силады Ж. 178, 288
 Силантьева Л. Ф. 248, 285
 Силен 189
 Сивайский В. И. 11, 285
 Скилак 145
 Скиф 47
 Скуднова В. М. 76, 285
 Славин Л. М. 211, 281
 Смирнова Т. М. 12, 22, 46, 150, 191, 193, 222, 230, 245, 263, 285
 Соколов В. В. 139, 141, 285
 Слжолов Н. Н. 17, 141, 285
 Сокольский Н. И. 6, 12, 14, 21—23, 103, 137—141, 150—153, 164, 178, 179, 185, 188, 191, 193, 196, 217, 238, 280, 285
 Сопей 7, 157
 Сорокина Н. П. 12, 139, 150, 280, 285
 Спарток, Спартокиды 7, 31, 53, 125, 154, 157, 219, 239
 Станков С. С. 14, 285
 Стефан Византийский 139, 145—147
 Страбон 6, 7, 10, 14, 15, 21, 26, 31, 53, 72, 103, 138, 139, 145—147, 152, 154, 162, 187, 189, 198, 208
 Стржелецкий С. Ф. 12, 29, 54, 70, 72, 128, 131, 161, 164, 181, 188, 190, 197, 236, 285
 Стручалина Р. А. 12, 257, 280
 Стюфан 87
 Сычевская Е. К. 213
- Табити 243, 244
 Таскаев В. Н. 202, 285
 Тацит 152
 Теофраст 21, 53, 161, 167, 171, 185, 196, 197, 217
- Тессей 25
 Тиберий 135
 Тимост 57
 Тимофей, сын Менвья 153
 Тит Макций Плавт 155, 234
 Томас Э. 9, 167, 168, 288
 Трофимова М. К. 98, 192, 285
 Тюменев А. И. 29, 285
- Уайт К. Д. 11, 288
 Уилл Е. 24, 288
 Ульпиан 54
 Уманская А. С. 207, 218
 Устинова В. А. 54, 285
- Фабриков А. Г. 109
 Фарсанз 135
 Филенко Р. А. 14, 15, 285
 Финлей М. И. 9
 Флиндерс Петри 165, 169, 175, 177—180, 287
 Флока О. 167, 187
 Фляксбергер К. А. 181, 187, 196, 286
 Фукидид 5—7, 25, 26, 146, 147, 154
- Хариксенид 57
 Хрюсалиск 150
 Хвойко В. В. 181, 286
 Худяк М. М. 31, 242, 286
- Цалкин В. И. 198, 199, 201—204, 207, 213, 215—217, 286
 Цвек О. В. 235, 286
 Цветаева Г. А. 219, 286
 Цельз 168
 Цепкин А. А. 213
 Церера 165
 Цехмистренко В. И. 98, 286
 Цибарт Е. 24, 288
- Чаленко Е. В. 10, 288
 Черненко Е. В. 13, 158, 286
 Чубова А. П. 198, 216, 286
 Чуйстова Л. И. 59
- Шалый М. С. 17, 286
 Шевалье Р. 29, 286
 Шелов Д. Б. 12—14, 31, 83, 101—103, 135, 138, 141, 173, 181, 182, 185—187, 189, 202, 204, 221—222, 229, 263, 275, 286
 Шиллов В. П. 12, 286
 Шкорпил В. В. 190, 246, 286
 Шмидт Г. 29, 265, 288
 Шмидт Р. В. 14, 286
 Шостакович В. Б. 20, 286
 Штерн Э. Р. 24, 219, 286
 Штительман Ф. М. 12, 53, 286
- Щеглов А. Н. 12, 150, 190, 213, 249, 251, 256, 286

Эварх 52
Энгельс Ф. 5, 250
Эрот 244, 245
Эсперандье В. 216, 287
Эшлин 88, 146, 147

Яйленко В. П. 24, 286
Ясни Н. 11, 287
Яковенко Э. В. 13, 59, 69, 70, 158, 181,
184, 234—235, 239, 246, 247, 286
Янушевич Я. В. 181, 184, 286
Якубцинер М. М. 184

Adamesteanu D. см. Адаместеану Д.
Alexandrescu P. см. Александреску П.
Aitken R. см. Айткен Р.

Beloch K. см. Белох К. И.
Berard J. см. Берар Ж.
Billard R. см. Биллард Р.
Bloch R. см. Блох Р.
Blümner H. см. Блюмнер Г.
Brandt P. см. Брандт П.
Broughton T. см. Броутон Т.
Buschog E. см. Бушор Е.

Canarache V. см. Канараче В.
Carrington R. см. Каррингтон Р.
Chevallier R. см. Шевалье Р.
Clavel M. см. Клавель М.
Cloché P. см. Клоше П.
Condurachi E. см. Кондураки Е.
Cousin J. см. Кузен Ж.

Déchelette J. см. Дешелетт Ж.
Dimitrou S. см. Димитру С.

Espérandieu V. см. Есперандье В.
Floca O. см. Флока О.

Gentili G. V. см. Жентили Г.
Glötz G. см. Глотц Г.
Gow A. см. Гоу А.
Grace V. см. Грейс В.
Gross V. см. Гросс В.
Guiraud P. см. Гпро П.

Hasebroeck J. см. Гезебрёк Ж.

Jardé A. см. Жарде А.
Jasny N. см. Ясни Н.

Kahrstedt U. см. Карстедт У.
Kinch K. см. Кинх К.

Lambrino F. см. Ламбрино Ф.
Lane H. см. Лане Х.
Lepore E. см. Лепоре Е.

Magie D. см. Мэджи Д.
Majewski K. см. Маевский К.
Mansuelli G. A. 287
Marec E. см. Марек Е.
Meyer E. см. Мейер Э.
Minns E. см. Миннс Е.

Orlandini P. см. Орландини П.

Parasogli G. см. Папасогли Ж.
Paul E. см. Поль К.
Pecirca J. см. Печирка Я.
Picard Ch. см. Пикар Ш.
Pippidi D. M. см. Пиппиди Д.
Popescu D. см. Попеску Д.

Radu C. см. Раду К.
Richter G. M. A. см. Рихтер Ж.
Robinson D. M. см. Робинзон Д.
Rostovtzeff M. см. Ростовцев М. И.
Routon M. B. 288

Schmidt G. см. Шмидт Г.
Szilagyi J. см. Силадьи Ж.

Tchalenko G. см. Чаленко Ж.
Thomas E. B. см. Томас Э.

Vallet G. см. Валле Г.
Vulpe R. см. Вульпе Р.
Vulpe E. см. Вульпе Е.

Weickert C. см. Вейкерт К.
White K. D. см. Уайт К. Д.
Will E. см. Уилл Е.

Ziebarth E. см. Цибарт.

Список сокращений

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья
АДУ — Археологічні дослідження на Україні. Київ
АИБ — Археология и история Боспора
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ДБК — Древности Босфора Киммерийского
ЗРАО — Записки Российского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗСКОАИЭ — Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону
ИАДК — История и археология древнего Крыма
ИАК — Известия Археологической комиссии
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МГПИ — Московский городской педагогический институт
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ТОАМГЭ — Труды отдела античного мира Гос. Эрмитажа
ТСА — Труды секции археологии
ТСС — Труды секции социологии
BSH — Bulletin de correspondance hellénique
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
IG — Inscriptiones Graecae
JHS — Journal of Hellenic Studies
RA — Revue archéologique
SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum
SCIV — Studii și cercetari de istorie veche

Оглавление

<i>Введение</i>	5
<i>Географические условия</i>	14
<i>Хора городов, царские земли и расположенные на них поселения</i>	24
<i>Деревни и усадьбы VI—V вв. до н. э.</i>	24
<i>Расцвет сельских поселений в IV—III вв. до н. э.</i>	53
<i>Усадьбы и поселения II в. до н. э. — III в. н. э.</i>	101
<i>Позднеантичные поселения</i>	134
<i>Типы сельских поселений</i>	145
<i>Аграрные отношения</i>	154
<i>Техника сельскохозяйственного производства и основные отрасли сельского хозяйства</i>	161
<i>Удобрения и сельскохозяйственные орудия</i>	161
<i>Сельскохозяйственные культуры</i>	180
<i>Виноградарство, виноделие, садоводство и огородничество</i>	187
<i>Скотоводство и птицеводство</i>	197
<i>Рыболовство и охота</i>	208
<i>Торговля в сельских поселениях</i>	219
<i>Культура сельского населения</i>	233
<i>Заключение</i>	249
<i>Список сельских поселений античного времени</i>	256
<i>Литература</i>	278
<i>Указатель географических и этнических терминов</i>	289
<i>Указатель имен</i>	294
<i>Список сокращений</i>	299